Полное жизнеописание святых Грузинской Церкви

Сабинин Михаил Павлович**I**

(Геброн) — историк грузинской церкви, по происхождению грузин. По окончании тифлисской гимназии поступил вольнослушателем в СПб. духовную академию и получил степень кандидата за сочинение "История грузинской церкви до конца VI в." (СПб., 1877). Еще ранее, в 1871 г., он издал "Полное жизнеописание святых грузинской церкви". Оба сочинения писаны по грузинским рукописным первоисточникам, почему излагают предмет с гораздо большею подробностью, чем предшествовавшие ему исследователи, напр. Иосселиани. Главный и наиболее ценный труд С.: "Древние акты грузинской церкви", извлеченные из рукописей и на грузинском языке, с русским переводом С., изданные Академией наук.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон1890—1907

Источник электронной публикации: http://georgianweb.com

- Предисловие
- Житие и Подвиги Святой Равноапостольной Нины, Просветительницы Грузии
- Житие Преподобного Иоанна Зедазнийского Чудотворца, Начальника Сирийских Отцов
- Житие преподобного Шио Мгвимского чудотворца, покровителя Грузинского царства
- Житие преподобного Давида Гареджийского Чудотворца, Покровителя Грузинского Царства
- СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ СЛАВНОЙ МУЧЕНИЦЫ ЦАРИЦЫ РАНСКОЙ ШУШАНИКИ
- Страдание И Подвиги Святых Славных Мучеников Давида И Константина, Князей Аргветских
- Житие и Страдание Святого Славного Мученика Або Тифлисского
- Житие и Страдание Святой Славной Великомученицы Царицы Кахетинской Кетевани
- Житие и Страдание Святого Славного Мученика Благоверного Царя Карталинского Луарсаба
- Страдание Святого Священномученика Авива, Епископа Некресского, одного из Тринадцати Сирийских Отцов

- Страдание святого мученика Гоброна-Михаила и ста тридцати трех воинов его
- Страдание Святого Славного Мученика Князя Бидзина Чолокашвили и Князей-Мучеников Элизбара и Шалвы, Эриставов Ксанских
- Страдание Святого Мученика Евстафия Мцхетского
- Житие Преподобных Отцов Наших Иоанна и Евфимия
- Житие Преподобного и Богоносного Отца Нашего Георгия Святогорца
- Страдание Шестисот Преподобных Отцов, Избиенных в Давидо-Гареджийской Пустыне

Предисловие

Книга 1

Иверия[1] (Грузия) после того, как озарилась светом Евангельской проповеди от самого апостола Андрея и св. Нины, до сего времени тщательно и свято хранит данное ей Богом сокровище. Подобно небу, блистающему мириадами звезд, она просияла целым сонмом святых угодников Божиих, которые, свидетельствуя о чистоте ее веры, служат ей несомненным залогом спасения.

Церковь Иверская многократно подвергалась притеснениям и претерпевала тяжкие бедствия. На нее нападали как греки, с целью сделать Грузию своей провинцией для защиты от нападений персов, так и своекорыстное папство с запада, старавшееся всеми возможными средствами подчинить святую Церковь Иверскую своему престолу. Защитой чистоты Православия в Иверии были пастыри и учители, украшенные христианскими добродетелями, а перед врагами иноверными христиане отстаивали свои права, претерпевая все возможные мучения, страдания и, наконец, смерть. Кровожадные деспоты Востока: Тамерлан, Чингисхан и другие, потом магометанские государи, от окаянного Мурвана Глухого до шаха Аббаса, и, наконец, турки - беспощадно терзали Церковь Христову. Но благое Промышление Божие хранило и хранит святую Иверию от окончательной погибели, врагам ее не удалось исполнить свои преступные замыслы, разбившиеся в прах пред стойкостью ее героев-мучеников и героинь-мучениц.

Сведения о трудах и подвигах этих-то святых людей, положивших начало христианства в Грузии и содействовавших утверждению и процветанию Грузинской Церкви, мы предоставляем здесь вниманию наших читателей. Сведения эти заимствованы нами из рукописей, находившихся в разных монастырях и храмах Грузии, а также из рукописей преосвященнейшего Исидора, митрополита Санкт-Петербургского, Его Светлости князя Грузинского Иоанна Григорьевича и из брошюрок Иосселиани. Недоступность для большинства читателей этих рукописей по самому месту их хранения и по языку побудила нас заняться изложением указанных сведений на русском языке. Как известно, есть немало русских, которые очень хотели бы ознакомиться с житиями святых основателей и учителей благочестия Грузинской Церкви, и только вышеуказанные обстоятельства лишают этих людей возможности удовлетворить их благочестивое желание. Если эта книга устранит упомянутые препятствия и

предоставит всем желающим возможность узнать историю Грузинской Церкви, то труд мой будет вполне вознагражден.

При сем считаю нужным сделать выписку из одной грузинской летописи об основании христианской Церкви в Грузии святым апостолом Андреем. На страницах 41-46 летописи Грузии "Картлис Цховреба"[2] мы находим следующее повествование. По вознесении Господа апостолы, будучи вместе с Материю Спасителя Иисуса в Сионской Горнице, где ожидали пришествия Утешителя, бросили жребий: куда кому идти с проповедью слова Божия. Тогда Преблагословенная Богоматерь сказала апостолам: "Не хочу и Я оставаться без части, желаю принять вместе с вами жребий, чтобы иметь страну, которую изволит дать Мне Сам Бог" Апостолы со страхом и благоговением бросили жребий, и он пал на Иверию. Владычица с радостью приняла удел Свой и собралась уже идти туда для того, чтобы проповедовать там слово Божие. Однако перед самым выступлением Ее явился Ей Господь Иисус и сказал: "О Матерь Моя, не отвергну жребия Твоего и не оставлю народа Твоего без участия в небесных благах ходатайством Твоим. Но пошли вместо Себя Первозванного Андрея в удел Твой, а с ним— изображение, которое получится от приложения приготовленной на то доски к Твоему лицу. Образ тот будет заменять Тебя и послужит хранителем людей Твоих во веки".

После этого явления Пресвятая призвала к Себе апостола Андрея и сказала ему: "Чадо Мое Андрее! Очень сокрушаюсь о том, что страна, доставшаяся Мне в удел для проповеди, не просвещена еще учением Сына Моего. Но вот что: когда намеревалась Я идти в Иверию, явился Мне Сам Благий Сын Мой и Бог и велел, чтобы Я вместо Себя отправила туда с Моим образом тебя. Я буду Хранительницей жизни людей той страны и, воздевая о них руки к Сыну Моему, буду испрашивать им от Него помощи во всем". На это апостол отвечал: "Пресвятая воля Благого Сына Твоего и Твоя да будет во веки".

Тогда Пресвятая Богородица потребовала доску, умывши лицо Свое, приложила ее к нему, и на доске остался образ Владычицы с Предвечным Ее Сыном на руках[3]. Она отдала этот образ апостолу и сказала: "Благодать и милость родившегося от Меня Господа да будут помогать и сопутствовать тебе. Я же буду молиться за тебя и за народ Мой". Он пал на землю пред Владычицей и со слезами благодарил Ее.

Вскоре после этого св. Андрей отправился на проповедь слова Божия. Сначала он пошел на север от Палестины, затем повернул несколько на восток, достиг города Трапезунда, находящегося в пределах Мингрелии, после благовествования там Евангелия перешел в пределы Иверии, в землю Дид-Адчары.

Там апостол самоотверженной проповедью и творением чудес обратил множество людей ко Христу и крестил их во имя Святой Троицы. На том самом месте, на котором он поставил икону Божией Матери, открылся целебный источник, текущий даже до сего дня (как говорит составитель грузинской летописи царевич Вахушт, сын царя Вахтанга V). Апостол, поставив новообращенным христианам иереев и диаконов, построив храм в честь Божией Матери и установив порядок церковный, оставил их.

Перед уходом св. Андрея из той земли новообращенные просили его оставить икону Божией Матери в защиту им, но апостол не согласился на таковую просьбу,

а велел сделать доску, величиной, как эта икона, и принести ему. Когда доска была готова, он положил ее на икону Божией Матери, и икона полностью изобразилась на доске. Апостол отдал христианам новый образ, который они с радостью приняли и поставили в своей новой церкви. Затем, преподав им мир, св. Андрей отправился в другие земли.

Перейдя через гору, называемую горой Железного Креста[4], и ущелье дзархийское, он вступил в пределы Самцхе и остановился в селении Заден-гора. Тут апостол сокрушил идолов и благовествовал Христа. Отсюда наконец отправился он в г. Ацкур[5], называвшийся в древности Сосангети. Достигнув Ацкура, апостол выбрал один дом близ главного капища города и поселился в нем. В то время там царствовала одна вдова, имевшая единственного сына, которого любила более всего в мириеи который был единственным наследником ее царства. К несчастью, сын вдовы скончался незадолго до прихода св. апостола в г. Ацкур.

Когда умерший отрок еще лежал в доме матери, в одну из ночей было дивное знамение. Жители города, увидев с крепости ночью необыкновенный свет над тем местом, где пребывал св. апостол и где находилась икона Божией Матери, были поражены страхом и недоумевали о причине подобного чуда. На другой день граждане пришли в дом, где жил св. Андрей, желая получить объяснение виденному ими. Апостол стал учить их вере Христовой и между прочим проповедовал им о воскресении мертвых и о будущей жизни. Он показал им и икону Божией Матери. Граждане возвратились от апостола и немедленно возвестили царице о пришедших странниках и об учении их о воскресении мертвых и жизни будущей. Вдовствующая царица, услышав о таковом учении, несколько утешилась и приказала немедленно привести этих людей к ней. Отправлены были послы за апостолом, который в скором времени явился во дворец.

Когда св. Андрей представлен был царице, она спросила его: "Кто вы, возвещающие народу неслыханное доселе учение?" Апостол отвечал: "Я пришел из Иерусалима, города, земли которого касались стопы Господни. Я - раб Господа нашего Иисуса Христа, силою Которого воскрешаем мертвых. Мы проповедуем Его, и тот, кто уверует в Него и примет Крещение, чего ни попросит у Него с верою, немедленно получит".

Вдова пала на землю, обливаясь слезами, и сказала ему: "Помилуй вдовство мое, ибо меня постигло большое несчастье. Если ты раб Того, Который воскрешает мертвых, то помолись Богу твоему о умершем сыне моем, чтобы он воскрес, и я все, чего ни потребуешь от меня, с радостью исполню". На это апостол отвечал: "Если веруешь в Иисуса Христа, проповедуемого нами, то получишь просимое тобой". Вдова отвечала: "О раб Истинного Бога! Верую в Господа Иисуса Христа, помоги моему неверию!"

После сего апостол велел всем, кроме царицы и близких ей придворных, выйти из комнаты, где лежал отрок, взял икону Божией Матери, положил ее на умершего и, воздев руки к небу, начал молиться. По окончании молитвы он взял отрока за руку и, подняв со смертного одра, отдал его матери живым. Все недоумевали о таком дивном знамении. Вдова, пораженная этим чудом, пала в ноги св. Андрею, со слезами благодарила его и тут же исповедала Иисуса Христа Богом, пришедшим во плоти для спасения мира, и была крещена апостолом.

Видя, как поступает их царица, подданные, как знатные так и незнатные, последовали ее примеру: почти все находящиеся при дворе и множество граждан уверовали во Христа и приняли св. Крещение. Затем царица послала всем эриставам[6] самцхийской страны приказание немедленно явиться к ней. Приехавшие к царице эриставы и другие знатные люди сами стали свидетелями чуда, видя воскрешенного апостолом сына царицы. Они также уверовали во Христа и приняли св. Крещение, только жрецы упорно стояли за поклонение их ложным богам Аполлону и Артемиде. Они противились во всем св. Андрею, вовлекая в свое заблуждение многих неразумных, вследствие чего в народе произошла распря, но небольшая. Для уничтожения ее апостол предложил жрецам следующее: "Поставим мою икону в капище ваших богов между статуями их и запечатаем капище двумя печатями, моей и вашей, приставим стражей и станем молиться каждый своему богу, и Того, Кто превозможет и явит пред нами Свою силу, мы признаем Богом Истинным и поклонимся Ему все". Жрецы согласились на это и поступили так, как сказал апостол.

На другой день, когда отворили двери в присутствии стражей и всего народа, к величайшему удивлению жрецов, статуи богов, между которыми поставлена была икона Владычицы, валялись на полу капища, разбитые вдребезги. Посрамленные жрецы и их сторонники немедленно приняли от апостола святое Крещение, от чего была великая радость в народе в те дни. Все усердно благодарили и славословили Христа - Истинного Бога.

Затем, поставив новопросвещенным епископа, иереев и диаконов, св. Андрей хотел уже отправиться в другие страны. Но царица и ее подданные с большим усердием стали молить его не отлучаться от них или, по крайней мере, оставить у них икону Божией Матери. Последнюю просьбу апостол согласился исполнить, вручил христианам святую икону, перед тем рассказав об обещании Богородицы покровительствовать им и присовокупив, что страна Иверская досталась Матери Господа в удел. Услышав такую весть, царственная вдова и другие слушавшие св. Андрея исполнились неописанной радости, благодарили Бога и славословили Его Пречистую Матерь. Полученную же икону они поставили у себя в новом храме, воздвигнутом в честь Владычицы. Вскоре после сего апостол, благословив новых христиан, отправился в Нигли в Кларджетии[7] и в Артан-Панкола, где он после долгой проповеди обратил ко Христу жителей тех мест и крестил их. Затем он возвратился в Иерусалим на праздник Пасхи.

После Пятидесятницы св. Андрей взял с собой апостола Симона Кананита, сродника Господня по Иосифу, Матфия, избранного Святым Духом, Фаддея и других. С ними он отправился первоначально к царю Авгарю, где, проповедав слово Божие и крестив жителей, оставил апостола Фаддея для утверждения новой Церкви. Прочие же, обходя с проповедью города и села Каппадокии и Понта, достигли наконец страны Карталинской. Благовествуя Евангелие, они прошли часть земли Тиулетской до реки Чорох[8]. Затем апостолы посетили Сванетию[9] в правление вдовствующей царицы, жены убитого Понтийского царя Поламона Пифодоры, которая со многими подданными приняла благовестие и была крещена самим св. Андреем. В Сванетии при царице остался апостол Матфей с прочими учениками для утверждения новонросвещенных в вере в Святую Троицу, как свидетельствует об этом блаженный Иероним[10]. Св. Андрей вместе с Симоном Кананитом отправился в Осетию[11] и достиг города Фостафоры. Здесь апостолы, проповедуя Христа, обратили многих к истинной вере. Оставив Осетию, они пошли в Абхазию и достигли города Севасти (ныне

Сухуми), где также привели многих ко Христу. Тут св. Андрей оставил апостола Симона Кананита с другими для утверждения новообращенных, сам же отправился в землю джакетов[12], к народу дикому, варварам. Джакеты не приняли учения Христова, и, более того, сам апостол едва не был убит. Оставив их, св. Андрей отправился в землю Верхний Суадаг[13].

Жители этой страны приняли учение от апостола. Отсюда он отправился к верхним берегам Черного моря, посещая города и села, и наконец достиг города Патры в Ахаии, где и принял смерть на кресте от анфипата Эгеата в 55 году по Рождестве Христовом. Вера, проповедуемая св. Андреем и оставшимися после его ухода апостолами, стала укореняться в народе. Адеркий, или Фарсман I, воцарившийся в Иверии за три года до Рождества Христова и управлявший страной шестьдесят три года, услышал о том, что его подданные обратились от язычества к христианству, и воздвиг жестокое гонение на новых чад Церкви Христовой. Многие из них во время этого гонения приняли мучения за Христа вместе с апостолом Симоном Кананитом. Христианство, подавленное по-видимому неистовством царя, в действительности все-таки не было побеждено: оставались христиане, скрывавшиеся в горах и лесах, имевшие места общих собраний и молитв. Вскоре могила св. Симона Кананита, находящаясяв горах Абхазии близ Сухуми[14], сделалась предметом глубокого почитания. Почти полвека, со времени этого гонения, Иверия не получала более ниоткуда учителей веры Христовой и не имела руководителей, которые бы утверждали новопросвещенных в их исповедании.

Уже в сотом году по Рождестве Христовом священномученик Климент, епископ Римский, сосланный императором Траяном в безлюдные места Тавриды"[15], творением чудес и наставлениями помогал многим колхидцам остаться верными учению Христову. Вероятно, что между семьюдесятью церквями, построенными святым еще при его жизни на берегах Черного моря, была и Колхидская[16].

После священномученика Климента, оказавшего такое большое влияние на церковную жизнь Грузии, мы не видим уже более подобного руководителя Иверской Церкви. По всей вероятности, с этого времени грузинские христиане имели пастырем епископа Синопского, от которого получали наставления в вере, необходимые для спасения. Быть может, некоторые скажут, что в Колхиде христианство окончательно подавлено было неистовством царя Адеркия? Но если бы это было справедливо, то где бы мог колхидец Маркион, сын Синопского епископа Палмы, уроженца мингрельского, ставший впоследствии еретиком и наделавший столько шума во всем христианском мире, познакомиться с основами христианской веры, как не в Колхиде, между ее христианами? Это дает нам твердое основание предполагать, что в Колхиде правая вера не была полностью уничтожена, и христиане всегда там были[17].

Между тем, окончательное утверждение христианства и то, что оно стало господствующей религией, было плодом долговременной и усердной проповеди апостола всея Грузии, святой просветительницы, блаженной матери нашей Нины (начало IV века). Почти через двести лет после этого крепостью, утверждением и украшением Церкви Иверской стали тринадцать святых отцов, пришедших из глубины Сирии. Мученики же Иверии засвидетельствовали истину Православия своим исповеданием пред мучителями, кровью и смертью своей.

Иверiец Михаил Сабинин

Книга 2

Настоящая книга впервые была издана в 1873г. небольшим тиражом и почти сразу стала библиографической редкостью. В агиографической литературе на русском языке обычно приводятся краткие жития некоторых грузинских святых. Настоящее издание знакомит читателей с дошедшими до нашего времени полными жизнеописаниями почти всех угодников Божиих, просиявших в стране Иверской -древнем жребии Божией Матери. Известным церковным историком Михаилом (Гобороном) Сабининым были тщательно исследованы и переведены древние рукописные памятники, бережно собранные им в отдаленных монастырях и храмах Иверии. Книга содержит уникальные сведения по истории Церкви, поскольку большинство источников, которыми пользовался составитель, погибло в годину советского лихолетия. После трагедии 1917г. книга публикуется впервые. Текст книги печатается по изданию: **"Полное жизнеописание святых Грузинской Церкви", С-Петербургъ, 1873.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во втором томе этой книги благочестивому читателю предлагается описание жизни, подвигов и деяний иверских святых древнего и более позднего времени, угодников Божиих, послуживших Церкви и своему народу. Великую отраду доставляет сердцу чтение повествований о великих святых Церкви Иверской, кои явились в то время, когда враги святой веры, казалось, готовы были искоренить ее. В такие бедственные и ужасные времена Промысл Божий посылал верному стаду Христову этих дивных мужей и жен для укрепления и утверждения в вере, когда на христианскую Иверию со всех сторон нападали враги. К сожалению, древние богатейшие рукописи—памятники нашего прошлого—затеряны в книгохранилищах древних монастырей или находятся в руках частных лиц. Исследование истории нашего народа требует огромного труда, настойчивости и усердия: в этой книге я сделал все, что мог, людям же, более крепким духом и обладающим большими внешними средствами, принадлежит честь и даже обязанность сделать больше. Я работал над книгой в свободное от моих занятий в Духовной Академии время. Материалы были собраны мной в бытность мою в Грузии в 1871 году. Часть материалов - это выписки из одной древнейшей рукописи исторического значения, доставленной мне Иваном Григорьевичем Бердзеновым, и я благодарю его за оказанную мне помощь. Рукопись сия выполнена на пергаменте прекрасным церковным шрифтом в два столбца, она содержит жития грузинских святых, стихиры и каноны им. По всей вероятности, этот манускрипт принадлежал библиотеке Давидо-Гареджийской обители, некогда весьма богатой редкими рукописями, но в настоящее время разоренной разными людьми и разграбленной дикими варварами Кавказских гор—лезгинами. По материалам этой рукописи я успел составить почти всю вторую половину второй части[18]. При изложении житий я старался избегать повторений, которыми так богаты вообще произведения на грузинском языке, поэтических прикрас, некоторых отступлений, вставок других повествований и тому подобного. Я выбрал из этого драгоценного источника только самое нужное для полного описания жизни и деяний тех или иных святых мужей. При этом я сравнивал составленные мною жития с жизнеописаниями этих святых, помещенными г.Чубиновым во второй части его "Грузинской хрестоматии". К прискорбию, об этой хрестоматии я узнал почти перед окончанием моего труда. Я руководствовался и "Церковной историей" г. Иосселиани и грузинской летописью "Картлис Цховреба"[19], где довольно сжато и коротко сказано об этих святых. Кроме того,

я имел под руками "Патерик Афонский", где есть достаточно пространные жития некоторых из них. Первую же половину я составил из повествований "Мартирики" Святейшего Патриарха Иверского[20] Антония I, причем пользовался и рукописной Минеей (из библиотеки князя Иоанна Грузинского), где описаны страдания святых мучеников, о которых идет здесь речь. Кроме того, я располагал книгами, написанными лицами, знавшими их, их современниками и очевидцами событий тех лет. В этих книгах излагается почти то же самое, что и в "Мартирике" Святейшего Католикоса Антония I. Это были следующие книги: 1) "Моуравиада" князя Георгия Саакадзе в стихах, на грузинском языке, изданная в Тифлисе[21] в 1851 году. Эта книга имеет большое значение, поскольку Саакадзе принимал непосредственное участие в описанных им событиях и явился свидетелем бедствий, постигших Грузию по вине шаха Аббаса I. Саакадзе весьма хорошо описывает положение Грузии того времени и отчасти плен святого царя Луарсаба, который послужил причиной смерти последнего. 2) Книги царя Теймураза I, под различными названиями, в которых он довольно обстоятельно и подробно описывает бедственное время, в которое жил, несчастье, которое навлек на Грузию шах Аббас I, и плен своей матери. Книга эта также ценна тем, что написана человеком, который был очевидцем тех бедственных событий и участником многих из них. В одной из книг царь в стихах описывает плен и страдание своей матери, великомученицы Кетевани. Из сей книги я отобрал самое нужное и пополнил этими сведениями описание страдания святой, взятое мной из "Мартирики" Католикоса Антония I. Предварительно я сравнил эти сведения с грузинской летописью, где довольно подробно и обстоятельно описано время царицы Кетевани и события, происходившие при ее жизни, но нет описания ее мученичества. 3) Книга "Жизнь царя Теймураза I , написанная царем Арчилом II[22], который хорошо знал время царя Теймураза и был его преемником в управлении страной. В своей книге Арчил II весьма много говорит о страданиях обоих венценосцев, св. Кетевани и св. Луарсаба. 4) Все эти сведения я сверял с грузинской летописью "'Картлис Цховреба", располагая печатным и рукописным вариантами, и многими другими списками, упоминаемыми в жизнеописаниях святых. Всеми этими материалами я пользовался точно так же, как и при составлении житий преподобных отцов. Во всех поименованных источниках главное почти совершенно сходно, но в частностях они расходятся, в одних частные факты изложены подробнее, чем в других. Эти частные сведения из всех источников я объединил с общеисторическими фактами и привел в систематический порядок. 5) Пользовался рукописью, принадлежащей высокопреосвященнейшему Исидору, митрополиту С.-Петербургскому. 6) Пользовался еще великолепной "Грузинской хрестоматией" г. Давида Чубинова. Кроме того, я располагал всеми мелкими брошюрами г. Платона Иосселиани, принимал во внимание устные указания г. академика Броссе и г. Чубинова, народные предания, фрески наших храмов, сверялся со службами этим святым. Я искал, нет ли между разными списками одного и того же содержания каких-либо разногласий, из чего можно было бы заключить о неверности передачи события. Но таковых разногласий я не встречал. Все манускрипты почти буквально сходны между собой, потому что грузинские переписчики не только старались в точности передать самое содержание, но придерживались даже почерка книги, размещали весь текст такими же столбцами, какие были и в том творении, с которого они списывали, сохраняя даже количество строк, а нередко выбирали и тот же материал, на каком был написан подлинник. Делалось же все это для того, чтобы оставить потомству верные копии сочинений и, по возможности, оградить их от неверных дополнений. Переписчики обозначали где-нибудь в книге свое имя, звание и даты начала и окончания многотрудного своего дела. Да воздаст

Господь этим самоотверженным трудникам за то, что их стараниями дошли до нас повествования о делах великих мужей, просиявших в Церкви Иверской в древние времена.

Иберiец Михаил Сабинин.

Житие и Подвиги Святой Равноапостольной Нины, Просветительницы Грузии

Память ее 14 января[23]

Святая Нина, просветительница всей Грузии, по собственным ее словам, происходила из Каппадокийской страны, из города Коластры. После того, как принял мученический венец св. великомученик Георгий[24], в г. Коластры жил человек, происходивший из знатного рода и от благочестивых родителей, истинный раб Божий, по имени Завулон. Он, оставив родной город, отправился в Рим, чтобы службой у императора Максимиана поддержать честь своего рода. Одновременно с Завулоном в том же городе Коластры жила одна благочестивая чета, имевшая двух детей - сына и дочь. Имя сыну было Ювеналий, а дочери - Сосанна. По смерти обоих супругов брат с сестрой остались сиротами, не имевшими крова и приюта. Они решили пойти в св. град Иерусалим. Не думая долго об опасностях, они возложили упование на Бога и отправились в путь. Достигнув святого града, они нашли себе приют у храма Воскресения Христова. Ювеналий в скором времени был поставлен экономом при Гробе Господнем. Сестра же его Сосанна поступила в услужение к одной благочестивой старице по имени Ниофора-Сарра, вифлеемлянке, состоявшей диакониссой при Святом Гробе.

Упомянутый выше вельможа Завулон по прибытии своем в Рим скоро приобрел благоволение императора и был назначен им начальником войска. В то время галлы, враги Рима, восстали против империи. Перейдя Альпийские горы, они спустились в долину реки По и расположились лагерем. Завулон, по приказанию императора, выступил против галлов с огромным войском. С Божией помощью он скоро победил врага и, разбив его наголову, взял множество пленных и военные доспехи. Захвачен был и сам царь галлов со многими вельможами.

Когда Завулон связанными представил их пред лицо императора, то тут же получил от него приказание предать всех смерти. Военнопленные, узнав приговор, начали горько плакать и просить Завулона: "Научи нас прежде вере твоей, - говорили они, - введи нас в храм Бога твоего, и после этого предай нас заслуженной смерти. Мы тобою пленены, - продолжали они, - ты же и исполни над нами повеление царское, и неповинен будешь в крови нашей". Услышав это, Завулон смутился. Не желая открыто объявить себя христианином, он тайно отправился к патриарху, сообщил ему обо всем случившемся и передал ему просьбу военнопленных. Патриарх немедленно крестил их. Восприемником их от святой купели был сам Завулон. После Крещения их ввели в храм, приобщили Святых Таин Тела и Крови Христовых и показали при этом все благолепие церковное.

На другой день все военнопленные поспешно встали, оделись в приготовленные для них одежды и с радостью отправились на место казни. Воссылая сердечные молитвы и благодарения Богу, сподобившему их принять святое Крещение, они

восклицали: "Хотя нам предстоит теперь смерть, но не страшна она для нас, бессмертных, потому что чрез принятие Тела и Крови Христа вселился в нас Бессмертный Сын Господа, благословенный во веки веков. Но, - продолжали они, - горе родителям нашим, блуждавшим во тьме языческой мерзости и лишенным такого великого дара небесного". Затем они стали громко призывать палачей к совершению над ними казни.

Завулон, видевший все происходившее на месте казни и слышавший все, скорбел духом и не мог удержать обильного потока слез. Глубокое сострадание к несчастным вызвало в нем решимость немедленно отправиться к императору и ходатайствовать пред ним о помиловании осужденных. "Отдаю их тебе,—сказал ему Максимиан,—и предаю их в твою власть: делай с ними, что хочешь". Обрадованный этим, Завулон поспешил на место казни и со счастливыми слезами объявил осужденным о помиловании. От радости они долго не могли придти в себя. Успокоившись, пленный царь и все бывшие с ним стали умолять своего благодетеля и отца отправиться вместе с ними в их страну для просвещения народа верой Христовой. Благочестивый Завулон не мог отказать им в такой просьбе. Испросив у императора позволение отлучиться на некоторое время из столицы по своим делам и взяв по указанию патриарха священников, он отправился вместе с ними в путь.

Приблизившись к столице на расстояние одного дня пути, они отправили вперед посла с известием о благополучном возвращении царя и вельмож. Радость горожан, получивших это известие, была неописуема. Находившиеся в городе правители подвластных царю областей (Хозасмо, Хозай, Гахладжай, Хонебагай, Хини-джрагай, Заджай, Зардай, Замраида и Тмони), а также царедворцы и весь народ вышли к нему навстречу и дожидались его на берегу большой реки Гадамар. После взаимного приветствия царь повелел всему народу стать по обоим берегам реки, обратившись лицом к востоку. По освящении воды все были крещены, а затем иереи на каждого из крещаемых возложили руки. Новообращенные, пробыв на этом месте в молитве и посте десять дней, приобщились Св. Таин Тела и Крови Христовых. Учредив у них порядок, оставив им священников и простившись с ними, Завулон отправился обратно в Рим, напутствуемый выражениями сердечной благодарности всего народа и наделенный богатыми подарками.

Впоследствии Завулон возымел намерение отправиться в Иерусалим, чтобы послужить от богатого имения своего святым местам и нуждающимся. Прибыв в Иерусалим, он раздал множество сокровищ убогим, нищей братии. В то время прежний эконом Ювеналий, о котором было сказано выше, был уже патриархом Иерусалимским. Завулон вскоре познакомился и подружился с ним.

Однажды диаконисса Сарра-Ниофора сказала патриарху, что Завулон, столь ревностно содействовавший крещению франков, - человек, исполненный страха Божия и премудрости, и что хорошо было бы выдать за него Сосанну. Эта мысль диакониссы-старицы понравилась святейшему патриарху и через некоторое время он действительно выдал сестру замуж за Завулона. По совершении брака супруги отправились из святого града в свой родной город Колластры.

От этих-то супругов и родилась просветительница Иверии святая Нина. Она была их единственным ребенком. Благочестивая мать воспитывала дочь свою Нину в страхе Божием, стараясь развить в юном сердце ее сострадание к нищим. Когда

ей было двенадцать лет, родители распродали все имение и отправились в Иерусалим. По прибытии в святой град Завулон возжелал посвятить себя пустынной жизни. Он взял у патриарха благословение, простился со своей женой, обнял Нину и, орошая лицо ее своими слезами, сказал ей: "Ты - единородная моя дочь. Вот я оставляю тебя сиротою и предаю Отцу Небесному - всех Кормителю Богу. Он - Отец сирых и Заступник вдов. Не бойся, чадо мое, ничего, с ревностью подражай в любви ко Христу Марии Магдалине и сестрам Лазаря. Если ты также полюбишь Христа, как они, то Он не оставит тебя милостью Своей". Облобызав еще раз дочь свою, Завулон отправился за реку Иордан, где в пустынных местах укрылся от взоров человеческих: никто из людей не знал, где поселился подвижник Христов.

После его ухода патриарх Иерусалимский Ювеналий, брат Сосанны, поставил ее на служение нищим сестрам, находящимся при храме Гроба Господня. А Нина, юная дочь ее, отдана была в услужение и обучение благочестивой старице Ниофоре, армянке из города Двини. Святая Нина провела у нее два года. Она часто спрашивала у своей наставницы о страданиях Христовых, о распятии, погребении и славном воскресении Его, а также о Его полотняном хитоне и о Его погребальной плащанице, и обо всем, что занимало юное ее сердце. Ниофора, основательно изучившая весь Ветхий и Новый Завет и, кроме того, долго служившая при храме Гроба Господня, многое знала и во многом могла удовлетворить благочестивому желанию познаний своей воспитанницы.

Однажды во время обычной беседы старица сказала святой Нине: "Вижу, дитя мое, силу твою, равную силе львицы, которая страшнее всех четвероногих животных. Или же можно уподобить тебя орлице, парящей в воздухе. Для нее земля кажется маленькой жемчужиной, но лишь только заметит она с высоты свою добычу, как мгновенно, подобно молнии, устремляется на нее и нападает. Такова же точно будет и твоя жизнь". "Слушай же теперь со вниманием, - продолжала благочестивая старица, - и, что я скажу тебе, запомни твердо. Когда Господь воплотился и жил на земле, чтобы призвать язычников в Свое благодатное царство и спасти грешный род человеческий, Он много благодетельствовал иудеям: воскрешал мертвых, давал зрение слепым и исцелял больных. Старейшины иудейские, которых Он обличал в их беззакониях, сильно возненавидели Его и, посоветовавшись между собой, разослали вестников во все страны, где жили иудеи, с приказанием поспешить в Иерусалим, так как ему, говорили они, угрожает погибель. Получив такое известие, иудеи, живущие за пределами Палестины и Сирии, отправились во святый град, где они также должны были провести свой великий праздник - пасху. Иерусалим переполнен был иудеями, тут были все их ученые мужи. Они научили народ восстать против Иисуса, их благодетеля, и оклеветать Его перед правительством, добились для Него самой позорной казни—распятия на кресте. Распинавшие бросили жребий, кому из них достанется Его нешвенный хитон[25], и он достался жителю Северной страны, города Мцхета.

Хотя по смерти Иисуса предали погребению и запечатали Гроб Его, но Он в третий день воскрес, как и говорил об этом прежде своим ученикам. По воскресении Его погребальная плащаница найдена была во Гробе. Со временем она попала к евангелисту Луке, который и спрятал ее в одном тайном месте, не известном никому и до сего времени. Сударь же, которым была повязана голова Господа, по словам некоторых, находился у св. апостола Петра, но ничего определенного об этом не известно. Крест же Господа, а с ним кресты двух

разбойников, распятых с Ним, зарыты в этом городе в неизвестном месте. Когда угодно будет Богу, кто-нибудь найдет их".

Выслушав все сказанное Ниофорой, святая Нина славословила и благодарила Бога, и спросила старицу: "Где та Северная страна и город Мцхета, в котором находится хитон Господа нашего?" Старица отвечала ей, что город Мцхета находится в Карталинии, что как Карталиния, так и Армения с прилежащими к ним горными странами находятся во тьме язычества. В недавнее время ужики[26] обратили город Мцхета в столицу основанного ими царства. Слова наставницы глубоко запали в душу святой Нины. С этого времени она не переставала возносить пламенные молитвы ко Пресвятой Деве Марии о том, чтобы Матерь Божия удостоила ее видеть Карталинскую страну и облобызать хитон, сотканный Ею для возлюбленного Сына Ее, Господа нашего Иисуса, Христа. Преблагословенная Богородица вняла мольбам рабы Своей. Она явилась блаженной Нине во сне и сказала: "Иди в Иверскую страну, в Мой жребий, благовествуй там Евангелие Господа Иисуса Христа и обрящешь у Него благодать, и Я буду тебе покровительницей". На это св. Нина отвечала: "Как могу я, слабая женщина, быть исполнительницей столь великого служения Христу, и как я могу увериться в истине сего видения?" Пресвятая Дева, составив из виноградных лоз, растущих близ кельи блаженной, крест[27] и вручая его святой Нине, сказала: "Прими этот крест. Он будет тебе щитом и ограждением от всех видимых и невидимых врагов твоих. Силою его ты водрузишь там спасительное знамя веры в возлюбленного Сына Моего и Господа, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины". Святая Нина, пробудившись от сна, увидела в руках своих крест. От радости она облила его слезами и, отрезав свою косу, обвила его своими волосами, в знак глубокого благоговения. Потом в волнении она поспешила к дяде своему, патриарху Иерусалимскому, рассказала ему о чудесном явлении ей Божией Матери, показала ему самый крест и объявила о данном ей приказании идти в Иверию на богоугодный подвиг.

Скоро св. Нине представился удобный случай оставить Иерусалим. Одна придворная женщина, отправлявшаяся в Рим из Ефеса, заехала по пути в Иерусалим, чтобы помолиться Господу в храме Воскресения Христова и поклониться Его Божественному Гробу. Старица Ниофора, познакомившись с ней, спросила ее: "Все ли еще царица Елена пребывает во тьме языческого суеверия?" Та отвечала ей: "Я—раба царской семьи, и мне хорошо известны даже душевные тайны ее членов. Я могу наверное сказать тебе, что у царицы есть сильное желание принять христианскую веру и креститься". Услышав это, святая Нина, сказала своей воспитательнице: "Пошли меня к царице Елене. Явившись к ней, я открою ей истину Христову и благовествую ей Евангелие вечного спасения". Обрадовавшись намерению своей питомицы, Ниофора немедленно поспешила объявить о нем патриарху, ее дяде. Патриарх, со своей стороны, изъявил свое полное согласие на просьбу св. Нины.

Он позвал к себе племянницу, поставил ее лицом к святому алтарю, на восток, и, возложив свои руки на голову ее, произнес: "Господи Боже веков! В руки Твои предаю сию сироту, мою племянницу, посылаю ее на проповедь Божества Твоего, Христе Иисусе, и славного воскресения Твоего. Благоволи же всюду, где уста ее будут благовествовать о Тебе, быть ей Сопутником, дай словам ее мудрость и силу". Потом патриарх обратился с молитвой к Божией Матери и сказал: "Пресвятая Богородице Дево, Упование всех христиан, к Тебе притекающих! Вот та, которую Ты избрала на служение Тебе. Будь ей всегда Покровом, Защитницей

и Предстательницей пред Сыном Твоим. Благословляя ее на проповедь Евангелия, я возлагаю упование на милость Твою". Затем патриарх сказал святой Нине: "Чадо мое возлюбленное! Как мужа, облеченного силою и крепостию, посылаю тебя на проповедь. Ты достигнешь дальней страны и чужого племени "даргваль зевели" и "баркадуль", что значит по-бранджски (галльски) — "людей богоборцев и богопротивников". После сего святая простилась со своей матерью, поклонилась ей до земли. Мать, осенив блаженную Нину крестным знамением, помолившись Богу и благословив ее, отпустила на предлежащий подвиг.

Блаженная Нина вместе с приехавшей из Ефеса знатной женой, отправилась в Рим[28]. По прибытии в этот город, она остановилась в доме своей благодетельницы и встретила там одну знатную госпожу из царского рода по имени Рипсимия и наставницу ее Гайану. Обе эти девы жили в то время в женском монастыре, и их заветным желанием было принять святое Крещение в г. Иерусалиме. Хозяйка дома, с которой приехала святая Нина, представила се христолюбивой Рипсимии, которая так полюбила ее, что с радостью приняла и оставила жить у себя в монастырской келье. Святая, живя у Рипсимии, в том же году убедила ее и Гайану, а также еще пятьдесят трех их домочадцев принять Крещение. После этого два года они наслаждались миром, безвыходно пребывая в своем монастыре. Но вот наступило для них время тяжкого испытания. Диоклетиан [29], кесарь Римский, задумал сыскать для себя девицу, которая бы своей красотой затмевала всех красавиц мира и могла бы быть для него достойной женой. Он приказал послам найти такую девицу.

Когда они после долгих поисков пришли в женский монастырь, где жила Рипсимия, то, увидев ее, были поражены ее необычайной красотой. Узнав же, что она происходит из царского рода, не могли более колебаться и тут же решили, что Рипсимия и есть та девица, которую они так долго искали, и что она более всех достойна быть женой кесаря. Написав ее портрет, они послали его к Диоклитиану.

Кесарь, получив портрет, пленился необыкновенной красотой Рипсимии. Чрезвычайно обрадованный, он отдал приказание готовить все нужное для предстоящей свадьбы, которую он задумал совершить с блеском и великолепием. Всем правителям областей империи и всем почетным лицам были посланы приглашения приехать в столицу на царскую свадьбу.

Весть о предстоящем бракосочетании услышали насельницы женского монастыря. Они ясно увидели в происходящем тайную хитрость невидимого врага, сделавшего кесаря своим орудием для достижения коварной сатанинской цели. Как некогда в раю змей стал орудием хитрого обмана диавола, коварно обольстившего праматерь Еву, так и теперь враг через беззаконного императора хотел погубить святых Христовых дев. Блаженные девы, поняв всю глубину постигшего их несчастья, предались неутешной скорби. Им угрожала опасность не сохранить обет целомудрия и лишиться сладостного уединения, доставлявшего им такой душевный покой и столько неземной радости. Они укоряли себя за то, что позволили написать портрет святой Рипсимии и послать нечестивому императору.

Св. Рипсимия сказала наставнице своей, старице Гайане: "Не променяю я вечную славу на временную и скоропреходящую, и не изменю Жениху моему Небесному, и не оскверню принятого мною святого Крещения браком с беззаконным тираном, и не солгу Господу моему Иисусу Христу. Чтобы избежать ненавистного мне

супружества я удалюсь отсюда и буду странствовать". На это Гайана отмечала: "Тогда мы также отправимся с тобой". Затем, после усиленного поста, усердной молитвы к Господу и общего совета, они тайно оставили Рим. Девы бежали в Армению, в окрестности Ахалкалаки (что значит "Новый город"), к прекрасно выстроенному г. Двины - столице Армянского царя Тиридата. Прибыв туда, они поселились под навесом виноградного точила, находившегося в конце северо-восточной части города. Там они трудились для своего пропитания.

Диоклетиан узнал о побеге и, разжигаемый постыдной страстью, будучи не в силах снести своего позора, пришел в страшную ярость. Он повсюду разослал людей, приказав но что бы то ни стало отыскать св. Рипсимию со всеми ее домочадцами и привести к нему. Когда же было донесено, что они бежали во владения Армянского царя, кесарь немедленно отправил к нему послов с письмом.

Послы императора явились к Армянскому царю и вручили ему письмо следующего содержания. "Самодержавный кесарь! Приветствую любезного брата и друга, как и я облеченного царской властью! Мне известно братское твое расположение и прежнее участие в борьбе с враждебными нам христианами, от которых наша власть всюду терпит унижение. Люди эти не одобряют нашего правления, служат Какому-то Распятому и умершему на Кресте. Поклоняясь Кресту Его, они называют Распятого на нем Богом, считая смерть за Него великим для себя благом. Люди для них не страшны, и в особенности христиане презирают иудеев, а боятся только иудеями Распятого и убиенного. Эти люди поносят царей, не почитают наших богов и отвергают силу солнца, свет луны и звезд, и воображают, что все сотворено Распятым. Какое страшное заблуждение! Но как бы то ни было, они ввели в него чуть не весь мир, поселив среди людей раздоры и несогласия: мужья стали оставлять своих жен, а жены своих мужей. Хотя мы истребляем христиан тысячами и предаем всем возможным мучениям, но это нисколько не уменьшает, а, напротив, еще более увеличивает число их. Недавно меня известили о необыкновенной красоте одной христианской девицы, и я, взглянув на ее портрет, убедился, что известие справедливо. Поэтому я хотел сделать девицу своей женой. Но ее нисколько не привлекла таковая честь, сожитие со мной показалось ей ненавистным и отвратительным, и сам я оказался в ее глазах омерзительным и нечистым. Я мог бы силой принудить девицу исполнить мое желание, но она бежала, тайно, вместе со своими домочадцами, и, как мне сообщили, поселилась в пределах твоего царства.

Да будет тебе это известно, брат мой, прими все это во внимание и пошли искать беглецов. Когда же отыщешь их, предай смерти всех находящихся при этой девице: они ввели в заблуждение эту бесподобную красавицу, которая зовется Рипсимией. Ее же пришли ко мне. Впрочем, если она понравится тебе, то можешь оставить ее для себя, ибо, поверь мне, невозможно найти во всем мире подобной красавицы. Пребывай в добром здоровье и верном служении богам". Тиридат[30], прочитав письмо, немедленно приступил к делу. Он разослал людей повсюду, строго приказав тотчас отыскать святых дев и представить ему. Посланные скоро нашли их за городом возле виноградного точила и привели их к царю. При виде святой Рипсимии тиран воспылал к ней скотской страстью и, плененный ее красотой, решился взять ее себе в жены. Но он обманулся в своем расчете: св. Рипсимия с презрением отвергла его предложение, твердо и решительно сказав ему: "Я обручена Жениху Небесному, и как же ты смеешь прикасаться к невесте Христовой?.." После долгих и напрасных попыток склонить святую к супружеству,

Тиридат, прийдя в бешенство от своей неудачи, приказал мучить ее, и, под ударами бесчеловечных истязателей, она предала святую свою душу Богу. С ней замучили также и ее наставницу, св. Гайану, и некоторых других святых дев[31]. Вот повествование об их страдании, найденное в замечательных рукописях Иоанна Григорьевича, князя Грузинского.

Получив письмо Диоклитиана, Тиридат послал разыскивать святых дев. Их нашли в г. Вагаршабате, или Двини. Они жили на краю города в доме, где было виноградное точило. Посланные царя, увидев святых дев Гайану, Нину, Маний, Мариамну, Марию и других, и среди них Рипсимию, удивились необыкновенной красоте последней и, немедленно явившись к царю, рассказали ему о красоте Рипсимии.

Тиридат, обрадованный таким известием, пожелал взять святую деву себе в супруги. Он приказал своим сановникам и правителям идти к святой, взяв с собой богатые одежды, и с большими почестями, в сопровождении славных жен и семейств, привести ее в царские палаты. Они думали, что это польстит св. Рипсимии, и она согласится стать женой Тиридата. Вельможи послали пред собой вестника объявить снятой, что они идут, чтобы взять ее с почетом в палаты царские и сделать правительницей их страны.

Прийдя, вестник стал убеждать деву вселиться в царские палаты: "Взойди на престол и возложи на главу корону царскую", - говорил он ей. Эти слова опечалили святую Рипсимию, и она начала горько плакать и молиться Богу, говоря: "Соделай меня Твоею, Боже мой, Господи, и не по пусти наругаться надо мной, Господи, да не пропадут тщетно мучения и страдания мои, которые я претерпела, чтобы сохранить мое девство". Во время этой ее молитвы явились и царские вельможи и поднесли ей множество золотых тканей, серебра, золота, разных драгоценных камней и жемчуга. При этом принесены были подарки и бывшим вместе со святой. Но Рипсимия стала еще сильнее рыдать и ударять себя в голову. Она с горячими слезами воззвала ко Господу и во время молитвы услышала с неба голос, говоривший ей следующее: "Не бойся, Я твой и ты Моя, мужайся!" Это слышали и все посланные царем.

После неудачных попыток склонить святую к супружеству, вельможи возвратились и возвестили Тиридату: "Рипсимия не взяла посланные тобой одежды и в палату твою не захотела идти, гнушаясь всем предложенным нами" Царь разгневался и приказал: "Привести их насильно ко мне, если она не хочет идти по доброй воле". Посланные немедленно отправились туда, где жили святые девы, и силой увели Рипсимию. Бывшие же с ней горько плакали и ударяли себя в голову от печали. Павши ниц на землю, они со слезами просили у Господа помощи, говоря: "Господи Иисусе Христе! Избавь Рипсимию, рабу Твою, от ненавидящего имя Твое. Она, Господи, оставила страну свою и спаслась от рук сильнейшего врага - кесаря, поселилась в бесславной и бедной стране Избавь, Господи, рабу Твою". Святую привели в палаты царские и ввели в одну из комнат, сюда же вошел царь и приказал, чтобы все вышли и чтобы играла музыка. Затрубили трубы (зурну), началось пение, веселие и разного рода игралища. Царь начал ласкать Рипсимию, обнял и хотел поцеловать св. деву. Но она не подчинилась царю, стала сопротивляться, девять часов боролась с ним блаженная, укрепляемая Богом. Тиридат наконец оставил ее, и так она победила столь сильного и крепкого противника в единоборстве.

Не достигнув успеха, он вышел во двор, потребовал к себе наставницу святой, Гайану, надеясь с помощью ее советов заставить Рипсимию покориться ему. Св. Гайана была представлена Тиридату, ее ввели в комнату, где находилась ее воспитанница. Св. Гайана села у дверей и начала говорить с ней по-римски. Тиридат думал, что наставница успокаивает Рипсимию, советует покориться царской воле. Но Гайана говорила святой: "Блаженна ты, питомица моя, что обручила себя Жениху Небесному и подражаешь целомудрию Пресвятой Богородицы. Блаженна ты, чадо мое, что отвергла временное царство, и столько страданий вынесла из-за того, что не захотела быть супругой царя беззаконного. Оставила страну свою и родственников и не пожелала вкушать приятностей скоропреходящего сего мира ради Иисуса Христа. Будь мужественна и теперь. В царствии же небесном будешь увенчана и благословлена Самим Господом Иисусом—Женихом твоим". Этими и многими другими словами наставница укрепила сердце св. Рипсимии.

Царь же имел одного человека по имени Агафангелос, который умел говорить по-римски. Он слышал все, что говорила св. Гайана своей воспитаннице и подробно пересказал это Тиридату, прибавив: "Вы привели эту жену, чтобы увещевать Рипсимию, между тем как она еще более укрепила ее своими советами. Узнав об этом, царь приказал выгнать св. Гайану из комнаты и выбить камнем ей зубы. Затем, по исполнении царского повеления, к ней приставили стражу. Тиридат вошел опять к св. Рипсимии, обнял ее, желая совершить задуманное бесчеловечное варварское преступление, Но она сопротивлялась еще упорнее, оборвала на нем почти все платье, оставивши его полунагим. Эта борьба продолжалась с девяти часов дня до трех часов ночи. Св. Рипсимия, собравшись с силами, укрепляемая Святым Духом, вырвалась наконец из рук беззаконного царя. Она отворила дверь комнаты и пустилась бежать к саду, где оставались ее спутницы. Добежав до них, Рипсимия громким голосом воскликнула: "Радуйтесь, святые жены! Помощью Божией я поборола сильного и крепкого царя". Укрепив дух их своими речами, сама она удалилась на гору, где, преклонив колена, молилась Господу. Невозможно передать тех прошении, с которыми святая обращалась к Богу, изливая горькие слезы пред Ним и поручая себя Его Промыслу.

Когда она, молясь, стояла на коленях, пришли царские слуги и взяли ее с горы, много били и, связав шерстяными веревками ее нежные руки и ноги, привели к царю. Сначала вырезали у св. Рипсимии язык, разорвали на теле ее все платье, оставив нагой, потом повесили ее головой вниз, много бив. Затем воткнули в четырех местах колья и привязали к ним руки и ноги святой, она оставалась, таким образом, крестообразно простертой в горизонтальном положении в воздухе. Затем разложили вокруг нее костры, совершенно обожгли все тело ее, которое во всю ее жизнь не ударяли даже лепестки душистой розы. Во время сего мучения святая не произносила ничего, кроме слов: "Сыне Пресвятой Марии, будь мне, юной, Помощником в этих тяжких мучениях, предай душу мою Пресвятой Марии, Матери Твоей, вместо вечных страданий взыщи с меня теперь, Господи Боже мой!" Сказав это, св. Рипсимия отошла к Жениху Христу.

Незадолго до ее смерти ей порвали живот колом и выкололи глаза, которыми она теперь видит славного Царя Христа Бога, наслаждаясь лицезрением Его. По смерти блаженной девицы тело ее бросили, изрубив на куски. После этого приступили тридцать две св. девы, среди которых не было святой Нины и еще некоторых, желая собрать части изрубленного тела мученицы и предать земле.

Когда заметили это воины, то, напав, страшно избили их, затем полуживых изрубили на куски и бросили собакам. Но те начали визжать, не дотронулись до тел блаженных мучениц и со страшным воем пустились бежать из города.

На другой день вывели на мучения и св. Гайану с двумя другими девами. После долгих страданий они предали святые свои души в руки Господу. Позже их святые тела подняли и предали земле. На месте их погребения был построен Эчмиадзинский монастырь[32].

Несмотря на бдительность стражей Тиридата, некоторые из спутниц св. Рипсимии успели скрыться. В их числе была и св. Нина: в страхе она спряталась в куст еще не распустившейся дикой розы. Успокоившись, она задумалась об участи святых сестер. В глубокой печали она возвела очи свои на небо и увидела светоносного Ангела, опоясанного светлым орарем. Сопровождаемый множеством небожителей, он спускался с высоты, держа в руках кадило, от которого густым облаком поднимался дым. В то же время святая Нина увидела души своих сестер-мучениц: они, присоединившись к сонму светлых небожителей, вместе с ними восходили на высоту. Увидев это, святая громко воскликнула: "Господи, Господи! Зачем оставляешь меня посреди аспидов и ехидн?" В ответ на это она услышала голос Ангела, который говорил ей: "И ты также будешь взята на небо, в царствие Господа Славы, когда колючая и дикая роза, окружающая тебя, покроется вся пахучими цветами, подобно душистой садовой розе. А теперь встань и ступай в Северную страну, где жатвы много, а делателей нет".

Святая Нина встала и пошла туда, куда повелел ей Ангел. Достигнув города Урбниси, находящегося в пределах Армянского царства, она осталась там зимовать. В июне святая отправилась в дальнейший путь и, достигнув Джавахетских гор[33], остановилась у озера, называемого Параван (впоследствии—Топорован)[34], из которого вытекает река Кура.

Оглядевшись кругом, святая Нина увидела на северной стороне озера Джавахетские горы, которые, несмотря на жаркое летнее время, были покрыты снегом. Это удивило и смутило ее. "Господи, Господи,—сказала она,—приими душу мою от меня!" Не зная пути из окружавшей ее дикой местности, святая Нина пробыла у озера два дня. Встретив рыболовов, она выпросила у них себе пищи.

Были там также и пастухи со своими стадами. Подойдя к ним, святая услышала знакомый ей армянский язык, которому научила ее старица Ниофора. Пастухи говорили, что, в случае их благополучного возвращения в свои дома, они обещают принести жертвы богам Армазу и Задену. Выслушав их обет и воздохнув из глубины души об ослеплении этих простых душ, святая Нина подошла к одному из них и кротко спросила его на армянском языке, из какого они села. Пастух отвечал: "Мы из сел Эларбини, Сапурцли, Киндзари, Рабати и из великого города Мцхета[35], где боги господствуют и цари царствуют". Святая Нина спросила: "А где этот город Мцхета, и далеко ли он отсюда?" "Да,— отвечал пастух,—не близко. Вот видишь эту реку, выходящую из озера? На берегах ее стоит город Мцхета, но, чтобы дойти до него, нужно пройти эти горы, да и от гор еще довольно большой путь". Так как предстояла дальняя дорога через дикие и высокие горы, то положение св. Нины было очень тяжелым. Ей даже показалось, что оно

безвыходно. Истомленная душевно и телесно, она легла на землю и, положив камень под голову, крепко заснула.

И во сне святая увидела, что к ней подошел дивный муж средних лет со спускающимися на плечи волосами. Вручив святой Нине запечатанную книгу, он сказал: "Иди в город Мцхета и подай немедленно эту книгу тамошнему царю-язычнику". Она начала горько плакать и с мольбой отвечала ему: "Господи, я странница в здешней земле и не умею говорить на языке этого народа. Как же я приду в чужую страну и к людям другого племени?" Тогда муж открыл книгу, написанную по-гречески, на которой была печать с именем Иисуса Христа, и приказал ей читать. Святая Нина прочитала десять изречений, написанных наподобие заповедей на каменных скрижалях Моисеевых. Проснувшись, она увидела в руках своих книгу и в ней десять изречений. Изречения были следующие: *1) Где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала. (Мф. 26; 13). 2) Нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе. (Гал. 3; 28). 3) Идите, научите все народи, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа. (Мф. 28; 19). 4) Свет к просвещению язычников, и славу народа Твоего Израиля. (Лк. 2, 32). 5) Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. (Мк. 16; 15). 6) Кто принимает вас, принимает Меня; а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня. (Мф. 10; 40). 7) Ибо Мария была так возлюблена Господом, что Он всегда внимал истинным словам Ее. 8) Не боитесь убивающих тело, души же не могущих убить. (Мф. 10; 28). 9) Иисус говорит Марии Магдалине: "...иди к братьям моим и скажи им". (Ин. 20; 17). 10) Проповедуйте всегда во имя Отца и Сына и Святого Духа.*

Когда святая Нина прочитала эти изречения, то, преклонив колена, устремив взоры и руки к небу и орошая место видения горячими слезами, долго молилась ко Пресвятой Владычице: "Преславная Владычице Богородице,—говорила она,—нетленно родившая Слово Безначального Отца, пославшего Сына Своего для спасения рода человеческого! Приими моление недостойной рабы Твоей и помоги мне победить искушения коварного врага. По повелению Сына Твоего я иду в Твой удел на благовестие святого Его имени, сопутствуй мне и укрепи меня, немощную, к прославлению имени Сына Твоего. Призри милосердием на народ, к которому я иду и за который пролил на Кресте Пречистую Свою Кровь Христос, Сын Твой и Бог наш".

Укрепив свой дух молитвой, святая Нина отправилась дальше, по течению реки Куры, следуя по левому берегу ее. Дорога, по которой шла блаженная Нина, была очень тяжела и опасна: святая испытала величайшие бедствия от трудности пути и страх нападения диких зверей. Но благодать Божия укрепляла немощное ее тело и сохраняла ее от всех опасностей. Там, где Кура течет на запад из озера Параван, была самая тяжелая часть пути. Пройдя ее, святая Нина вздохнула свободнее, повернув вместе с руслом реки на восток. Оттуда она шла уже не одна, встретив спутников, с которыми и дошла благополучно до окрестностей Урбнисы, города, находящегося в пределах Карталинского царства. Там она увидела народ, поклоняющийся, вместо Истинного Бога, огню, камню и дереву. Возмутившись духом при виде такого дикого суеверия, святая поспешила удалиться в еврейский квартал. Там она пробыла целый месяц, расспрашивая подробно о нравах и обычаях жителей страны Карталинской и проповедуя в то же время слово Божие иудеям.

Святая Нина, живя в г. Урбнисы, увидела однажды огромную толпу народа. Узнав, что собравшиеся намереваются идти в столицу Мцхета на предстоящий праздник в честь бога Армаза, святая пошла вместе с ними. Достигнув столицы, толпа остановилась вне города, около так называемого Помпеевского моста[36]. Эти люди хотели на другой день присоединиться к жителям столицы и вместе с ними взойти на гору для поклонения своему богу. Вечером все пришедшие стали совершать обычное поклонение огню. При виде такого унижения разумного создания Божия святая Нина глубоко скорбела душой. Скорбь эта тем более сжимала ее сердце, что не было человека, с которым святая могла бы поделиться своим горем.

На следующий день в столице раздались звуки труб. Ожидавшая за городом толпа заволновалась. Услышав трубы, жители столицы вышли из своих домов, и огромное множество горожан стало ожидать выхода царской семьи. Вскоре появилась царица Нана, за ней вышел сам царь Мириан, и вслед за ним двинулась вся громадная толпа народа. Дорогу и площадь устилали разными тканями и листьями деревьев и громко восхваляли царя и царицу. Голоса огромной толпы, смешавшись со звуками множества труб, производили потрясающее впечатление. Святая Нина, пораженная этим зрелищем, спросила у еврейки, стоявшей рядом: "Что это такое?" Та отвечала, что народ карталинский имеет обыкновение ежегодно совершать празднование в честь своего бога Армаза, стоящего на вершине горы, и указала на гору, где был идол. "Нет у них, - добавила еврейка, - бога выше Армаза, во всем царстве Карталинском он самый высший бог".

Выслушав это, святая Нина присоединилась к толпе и вместе со всеми взошла на гору, которая на этот раз была украшена подобно полевому цветку. Найдя удобное место, святая смогла увидеть оттуда главного идола - Армаза. Он был сделан из золота в виде человека в золотых латах, голова была покрыта золотым шлемом, оплечья и глаза были из изумруда и яхонта, в руках он держал сияющую, блестящую шапку, повернутую верхом вниз, как бы падающую из его рук. По правую сторону главного идола Армаза стоял другой идол, называемый Каци, также золотой, в виде человека, с левой же стороны стоял еще идол, серебряный, по имени Гаим.

Народ во главе с самим царем в благоговении и страхе стал перед своими богами. Жрецы руководили совершением обрядов идолослужения, и без их воли никто не смел прикоснуться к идолам. Святая Нина, к величайшему ее изумлению, увидела, что, по данному жрецами знаку, великий царь и все люди с трепетом пали ниц на землю пред бездушными истуканами. Послышались вопли и стенания. Язычники призывали гнев бога своего на голову того, кто бы осмелился умалить славу великого Армаза, как это делают иудеи и те, которые проповедуют Какого-то Великого Бога и Сына Божия на небесах. "Если в ком-либо из нас,— кричали они, - найдется что-либо подобное, то да поразит того своим оружием великий бог Армаз, которого боится и трепещет вся вселенная". После такого проклятия каждый, подходя к идолу, кланялся перед ним до земли.

При виде такого безумия блаженная Нина, глубоко опечаленная, начала горько плакать. Она сожалела о заблуждении карталинского народа, лишенного света Евангельской проповеди и подпавшего под власть князя тьмы. Взглянув на Мириана, святая с ужасом отвернулась от него: ей показался гнусен царь,

кланяющийся бездушным истуканам. Жалки показались и все его вельможи, и весь народ, как бы с радостью стремящийся к вечной погибели.

Ревностью пророка Илии возгорелось сердце святой Нины. Воздохнув из глубины души, вся став молитвенным воплем к Богу, воздев руки и возведя очи к небу, она произнесла: "Господи Всесильный! Множеством долготерпения Твоего приведи народ сей в познание Тебя, Истинного Бога, развей сих бездушных истуканов, как ветер развевает пепел и прах от земли, призри на людей сих, созданных Твоею всемогущею десницею и почтенных Твоим Божественным образом. О, Владыко Господи! Для спасения их не пощадивший возлюбленного Сына Твоего, призри и ныне милостивно на рабов Твоих сих и Твоей великой благодатью измени души их от всегубительной власти князя тьмы, ослепившего очи их тьмою языческого идолослужения. Благоволи убо, Господи, да увидят очи мои сокрушение и истребление бездушных истуканов сих! Господи Боже отцов моих! Соделай, чтобы видели все концы земли спасение Твое, да возрадуется север вместе с югом, и да поклонятся все народы Тебе, Единому Богу, чрез возлюбленного Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа, Которому подобает благодарение и слава во веки".

Когда святая Нина окончила свою пламенную молитву, вдруг показались грозные тучи с запада, и зловещая молния с глухим перекатом грома предвозвестила о приближающейся беде. Поднявшийся западный ветер принес удушливое зловоние. Видя приближение опасности и не надеясь на помощь своих богов, вся толпа, покрывавшая гору,в беспорядке бросилась бежать куда глаза глядят. Святая же укрылась в расселине горы. Лишь только народ успел разбежаться, как весь небосклон покрылся страшной темной тучей, и ужасающая гроза тотчас разразилась над местом идольского служения. На землю падал град такой величины, что поднять одну градину можно было только обеими руками и с великим трудом. Идолы, стоявшие гордо незадолго до того, были разбиты вдребезги, стены капища обрушились. Сильным ветром все было снесено в пропасть. Так что не осталось и следа от идольского капища. Святая же Нина, хранимая Богом, стояла невредимой в расселине скалы.

На другой день Мириан вышел со множеством народа, желая найти своих богов, но все поиски были напрасны. После долгих трудов, видя, что идолов нет, царь и все его люди устрашились и затрепетали. Затем в народе начались толки о том, кто бы мог так посрамить их великого бога Армаза. Одни приписывали это злобе халдейского бога Итруждана. Он, как говорили, уже с давнего времени находился в непримиримой вражде с богом Армазом из-за того, что Армаз навел однажды на Итруждана морское наводнение. "За это-то,—с грустью говорили они, — Итруждан и отомстил теперь нашему великому богу Армазу". Другие же объясняли дело иначе, утверждая, что Армаз посрамлен той Божественной силой, которой Армянский царь Тиридат обращен был к вере во Христа. Много было и других толков и споров, которые в конце концов привели более здравомыслящих к сознанию того, что их великий бог Армаз оказался ничтожным и слабым. Когда прошла гроза и ветер утих, вышла из своего надежного убежища и святая Нина. Захватив с собой найденный яхонтовый глаз идола, она направилась на восток по рубежу горы, туда, где в древности были крепость и город[37]. На этом месте теперь стояло одно прекрасное, высокое и ветвистое дерево, называемое Бриндж. В его тени некогда отдыхал царь Бартом. Подойдя к этому дереву, св. Нина осенила его крестным знамением. Она пробыла под ним шесть дней, проводя все время в благодарственной молитве ко Господу Богу за то, что Он

услышал моление рабы Своей и истребил идольское капище. Это сокрушение идолов произошло 6 августа, в день славного Преображения Господня. Когда святая Нина пребывала в молитве под деревом Бриндж, туда пришла одна женщина из царского дворца по имени Шрошана. Увидев святую, она удивилась и спросила ее через переводчицу по-гречески, кто она и что тут делает. Святая Нина, хотя и многое рассказала ей о своей жизни, однако же скрыла от нее имена и знатность своих родителей, назвав себя пленницей. Шрошана, сочувствуя ее положению, с любовью стала приглашать святую идти с ней и поселиться в царском доме. Но та, поблагодарив Шрошану за ее любовь, не согласилась.

Спустя три дня после ухода Шрошаны, святая Нина оставила свое прибежище под деревом. Перейдя реку Куру, она подошла к царскому саду, туда, где впоследствии и воздвиг Господь мироточивый столп и где был возведен патриарший храм. Увидев там небольшой домик сторожа царского сада, святая пошла к домику, навстречу ей вышла жена сторожа по имени Анастасия. Поклонившись по обыкновению, Анастасия милостиво приняла блаженную Нину, как будто знакомую и подругу, умыла ей ноги, помазала, по обычаю, голову маслом, постлала на полу скатерть и предложила хлеб и вино. После того, как святая подкрепила себя пищей, Анастасия и ее муж стали усердно упрашивать гостью остаться у них жить. Святая, видя их любовь и радушие, согласилась исполнить их просьбу и тем несказанно обрадовала обоих супругов, не имевших детей и потому тяготившихся одиночеством.

Живя в домике сторожа царского сада, св. Нина увидела однажды во сне светоносного мужа, который сказал ей: "Войди в этот сад. Ты увидишь там высокий кедр, стоящий посреди. Под этим кедром ты найдешь небольшой росток, готовый распуститься, из-под этого ростка возьми землю и дай ее съесть твоим хозяевам, и будет у них дитя". Святая в точности исполнила приказание явившегося ей светоносного мужа, и в свое время у ее добрых хозяев родился сын, а позже - несколько дочерей. Обрадованные родители, видя на себе благоволение Божие, явленное им по молитвам святой Нины, уверовали во Христа и сделались тайными учениками и последователями святой. После этого св. Нина пожелала уединиться и потому оставила домик своих покровителей. За стеной города она нашла что-то вроде естественного шалаша или кущи из листьев и ветвей ежевики, которая была устроена по особенному смотрению Божию, и поселилась в ней[38]. Поставив там данный ей Богоматерью крест, святая проводила пред ним дни и ночи без сна в непрестанной молитве Богу и пела псалмы, по древнему обычаю, в третьем, шестом и девятом часах. Благодарные родители новорожденного сына, дарованного им по молитвам св. Нины, доставляли ей пропитание. Из своей уединенной кущи святая часто ходила в город, в еврейский квартал, чтобы разузнать, у кого именно находится хитон Господень, о котором слышала она от своей воспитательницы. В городе обратился к св. Нине еврейский первосвященник по имени Авиафар, потомок первосвященника Элиоза, и высказал желание слышать от нее слово о Христе. Она поспешила раскрыть пред ним тайны царствия Божия, и вскоре первосвященник и его дочь Сидония уверовали во Христа и сделались ревностными учениками и последователями св. Нины. К ним присоединились еще шесть еврейских женщин. Так святая положила во Мцхете твердое основание христианской вере, хотя обращенные ею ко Христу не могли принять св. Крещение, так как не было иерея. И Господь творил руками св. Нины дивные чудеса и исцелял множество больных. Святая прожила в городе Мцхете три года, проповедуя Евангелие. В это время Мириан[39] с племянником своим, шахом

великой Персии, пошел войной на Греческое царство. Но греческий император Константин силой Креста Христова, который несли перед войском, победил и прогнал врагов.

Свидетельство Авиафара-первосвященника об обращении его к вере во Христа святой и блаженной Ниной.

Вот что говорит Авиафар. Первосвященство досталось мне по жребию в том году, когда святая и блаженная Нина пришла во Мцхета. В то самое время я получил от священников еврейских из Антиохии письмо следующего содержания. "Так как Господь разделил царство Израилево на три части, и исчезли у нас пророки, и те, в коих еще обитал Дух Божий, говорили, что уже все исполнилось по речению древних пророков, и вот рассеялись мы по всем странам, и римляне покорили страну нашу, и гнев Божий видимо тяготеет над нами, то ты рассмотри теперь Книгу (Библию) и познай в ней написанное".

В этом же письме, продолжает Авиафар, написано было и о смерти Того, Который на земле называл Себя Сыном Божиим, и о том, что в убиении Его были виновны отцы наши. Речь шла и о том, как часто отцы наши и прежде согрешали пред Богом и забывали Его, за что Господь попускал им скорби и бедственный плен. В скорбях же своих они обращались и взывали к Богу, и Господь немедленно отвращал от них постигавшее их бедствие. Как мы знаем по Писанию, таких обращений и спасений их было семь.

"Но теперь, - писали они, - так как некоторые из отцов наших наложили руки на Сына Безмужной Матери и убили Его, то отнял Господь милость Свою от нас. Он разрушил и уничтожил царство наше, удалил нас от храма святого Своего, совершенно пренебрег род наш. Вот уже прошло триста лет и более с того времени, как Он не стал слушать молений наших и не веселит уже сердца наши радостью, какую давал прежде нашим отцам. Поэтому теперь мы думаем, что Человек Тот был с небес". И многое другое написали нам антиохийские иудеи.

Когда я узнал обо всем этом, то начал расспрашивать у женщины Нины о Христе: Кто Он был и для чего Сын Божий приходил на землю. Тогда святая Нина отверзла уста свои, и полилась речь ее подобно текущей из ключа воде, и по нашим книгам она рассказала мне все, от начала творения мира. Она Пробуждала меня от сна неведения, вразумляла меня, неразумного, отвращала меня от ложных преданий и обычаев наших отцов и убеждала меня оставить веру иудейскую. Наконец она убедила меня. Я уверовал в Господа Иисуса Христа, Сына Божия, страдавшего, умершего, воскресшего, Который снова приидет со славой па землю, ибо воистину Он есть Чаяние языков и Слава Израиля. Я удостоился с дочерью моей Сидонией принять очищающее от грехов Крещение водой и Духом и сподобился приобщиться истинных Тела и Крови Христа Иисуса, Сына Божия, Агнца, за грехи всего мира закланного в жертву, вкушение Которого воистину сладостно. В твердом исповедании этой святой веры удостой, Господи, меня и дочь мою разрешиться от уз плоти. Я видел собственными моими глазами много знамений и чудес, совершенных в мои дни во Мцхете святой Ниной".

Свидетельство того же Авиафара-первосвященника о хитоне Господнем.

Вот что говорит он. Я, Авиафар, расскажу вам то, что узнал я от родителей моих, а те, в свою очередь, слышали от родителей и дедов своих, и о чем я знаю также

из писем, присланных к нам из Иерусалима. Когда там царствовал Ирод, пришло сюда известие, что персы захватили святой град. Поэтому среди карталинских евреев, живущих во Мцхете, а также среди бодбийских священников, книжников кодис-харойских и хобийских, ханаанских переводчиков книг закона Моисеева, начались скорбь и плач. Услышав о таком потрясающем событии в их отечестве, все они собрались идти на помощь Иерусалиму. Но через некоторое время пришла другая весть, о том, что персы на самом деле пришли не для того, чтобы покорить святой град оружием. Они принесли золото царское, целительную смирну и благовонный ладан и искали отрока мужеского пола, рожденного в роду Давидове от Безмужной Матери, Которого они называли Царем Иудейским. Нашли Его в городе Вифлееме, в одном убогом доме, и принесли Ему упомянутые дары, а после этого также мирно отправились назад. Это известие очень обрадовало евреев карталинских.

По прошествии тридцати лет прадед мой Элиоз получил от иерусалимского первосвященника Анны письмо следующего содержания: "Тот, для Которого персидские цари пришли с дарами, вырос, достиг в меру совершенного возраста и именует Себя Сыном Божиим. Поэтому приходите теперь видеть смерть Его, которую Он заслужил по закону Моисееву". Мать уже довольно старого прадеда моего, которая происходила из рода первосвященника Илии, была еще жива. Когда Элиоз собрался ехать, она сказала ему: "Иди, чадо мое, для исполнения законного порядка. Но только, умоляю тебя, не присоединяйся к замыслу врагов Того, Которого вознамерились убить, ибо Он есть Исполнение пророчеств, Притча премудрых, Таинство, сокрытое от начала веков, Свет язычников и Жизнь вечная".

Получив такое наставление, Элиоз отправился в Иерусалим, сопровождаемый Лонгином Карснийским и множеством других людей. По прибытии в Иерусалим все они присутствовали при распятии Господа. В то самое время, когда исполнитель казни ударами железного молота прибивал Господа гвоздями ко Кресту, мать Элиоза, оставшаяся во Мцхете, вдруг услышала удар этого молотка. Содрогнувшись от страха, она закричала громким голосом: "Прощай, царство Израилево, ибо предали смерти Спасителя и Избавителя людей твоих, отныне народ твой будет повинен в Крови Создателя и Господа своего. Горе мне, что я не умерла прежде этого времени: смерть избавила бы меня от этого страшного известия, итак, я не увижу на земле Света язычников и Славу Израиля". Сказав это, она тотчас же скончалась. Хитон же Господень, о котором распинавшие метнули жребий, достался Мцхетским евреям, и мой прадед привез его с собой во Мцхета.

Со слезами встретила Элиоза сестра его Сидония, обнимая брата, она поздравила его с благополучным возвращением и сообщила ему о смерти матери. При этом Элиоз отдал хитон Господень сестре, и Сидония, приняв его в свои руки, тут же скончалась. И без того удрученная смертью матери, она с ужасом услышала о распятии Христа Бога и о том, что брат ее был причастен к пролитию неповинной Крови Иисуса вместе с Его врагами. И вот, жизнь мгновенно оставила ее. Жители Мцхета были поражены этим необычайным явлением, удивлен был и сам великий царь Адеркий[40], и все его вельможи. Адеркий пожелал видеть умершую святую Сидонию и приросший к телу ее Божественный хитон. Удивленный, объятый страхом царь хотел было взять его из рук умершей, но после тщетных усилий вынужден был оставить свое намерение: девица очень

крепко прижимала хитон к себе. Некоторые думают, что Элиоз похоронил сестру у кедра, растущего в середине царского сада, но, насколько это верно, я не знаю.

Кроме того, отец мой сообщил мне, что в городе Мцхете будто бы находится облеченная Божественной силой милоть пророка Илии. "Мы положили ее своими руками, — говорил отец мой, - под камнями, в тайном месте, где она и должна оставаться до времени, определенного Самим Богом". Часто просила меня святая Нина, чтобы я подробно узнал от отца моего о месте, где хранится Божественный хитон Господень. На мои расспросы об этом он отвечал то же, что говорили и другие, именно, что хитон хранится под кедром, где народ так часто воссылает свои хвалы Господу. Место то - воистину подножие виденной Иаковом лестницы, достигающей до небес".

Таково свидетельство первосвященника Авиафара о хитоне Господнем. В 88г. по Р.Х. правнук Адеркия, царь Амзаэль[41] приложил много стараний, чтобы разыскать хитон Господень у евреев, но все усилия его не достигли желаемой цели: на все расспросы ему отвечали то же, что сказано было выше. Но возвратимся к повествованию о святой Нине.

Святая продолжала жить в своей куще и прославлять Господа подвигами поста и молитвы. Однажды после обычной молитвы, задремав, она увидела сон, который повторялся после этого не один раз. Ей снилось, что откуда-то появилось множество черных птиц, летящих к реке Арагве. Долетев до реки, они опустились на ее берега и стали купаться в воде. Через некоторое время они снова поднялись на воздух, но уже убеленные, как снег, и полетели в царский сад. Здесь, сев на ветви деревьев, они оглашали окрестности райским пением.

Святая Нина рассказала этот сон ученице своей Сидонии, дочери Авиафара. Сидония отвечала ей: "Странница и пришелица в стране нашей и избавившая нас от вечного плена греховного проповедью твоей! Ты слышала и знаешь всю печальную историю о том, как действовали наши отцы против Небесного Того Человека, как несправедливо возненавидели Его, как напрасно и беззаконно пролили кровь Его, как они через это были посрамлены и рассеяны по всему миру; знаешь, как уничтожилось царство их, и отнято от рук их святилище Божие и дано народу чуждому, и как этот то чуждый народ наследовал призвание Божие и восприял славу евреев. Иерусалиме, Иерусалиме, - в восторге продолжала Сидония,—ты широко раскидываешь крылья свои и собираешь к себе все народы со всех концов вселенной. Вот и сюда пришедшая от тебя жена сия изменит обычай и чакон этой страны". Затем, глядя на святую Нину, Сидония заключила: "Твой сон знаменует то, что место это будет обращено тобой в духовный сад, который будет приносить божественные плоды вовеки".

Воодушевленная словами Сидонии, и зная, что царь Мириан втайне сочувствует христианской вере, святая Нина решились открыто проповедовать Евангелие царствия Божия, утверждая истину благовестил многими чудесами и знамениями. Вместе с ней в проповедании слова Божия приняли самое деятельное участие ее тайные ученики: Авиафар, бывший первосвященник, дочь его Сидония, шесть еврейских женщин и сторож царского сада с супругой. Авиафар-первоевященник по ревности своей был подобен св. ап. Павлу. Хорошо знакомый с Ветхим Заветом по самому положению своему, а Новому наученный святой Ниной, он с особенным успехом спорил о вере со своими единоплеменниками. Ревность Авиафара о Христе и о Его учении была так велика и горяча, что евреи не могли

спокойно смотреть на него и хотели побить камнями. Авиафар уже был схвачен своими врагами, но царь Мириан, узнав об этом, послал своих слуг и избавил его от рук убийц. Так поступал царь потому, что имел желание сам принять веру истинную, так как он много слышал о дивных чудесах, совершенных именем Христовым в Греции и Армении, поэтому-то он и не препятствовал проповедям святой Нины и учеников ее.

Но если царь земной благосклонно смотрел на распространение веры Христовой среди своих подданных, то диавол не мог вынести торжества Евангельской проповеди в покорных ему прежде народах. Он старался возжечь в людях ненависть к ученикам Христовым, и первой среди противников христианства была царица Нана[42]. Жестокая сердцем, она не могла примириться с высоким христианским учением о всеобъемлющей любви, и небесное учение казалось ей отвратительным. Святая Нина возносила теплые молитвы ко Господу Богу, чтобы Он Сам, ими же весть судьбами, смягчил жестокое сердце царицы и направил ее на путь покаяния и вечного спасения. Святая усилила свои подвиги поста и молитвы, и благодать Божия и свет деяний равноапостольной Нины мало-помалу приготовляли добрую почву для сеяния слова Божия.

Язычники города, видя дневные и ночные бдения святой Нины, удивлялись им. Внимание их невольно обращалось на святую подвижницу, и они часто расспрашивали ее, кто она, откуда пришла, во что верует и чему учит. Пользуясь таким вниманием к себе, св. Нина незаметно сеяла в сердцах грубых язычников семена спасительной веры, и число ее учеников постепенно увеличивалось. Сила ее проповеди была велика, тем более, что Господь творил руками св. Нины многие чудеса.

Так, в городе была одна жестокосердная вдова, которая не только сама отвращала слух свой от истины и поносила веру Христову, но и в других старалась возбудить ту же ненависть, останавливая и не допуская до св. Нины многих желающих послушать ее проповеди. У вдовы этой был единственный сын, который был одержим тяжким недугом. Мать приложила много стараний и потратила немало средств для излечения его, она ходила от одного врача к другому, обращалась ко многим знахарям, но отроку нисколько не становилось легче. Врачи наконец решительно объявили матери, что болезнь ее сына неизлечима. Лишенная врачами надежды и убитая горем, мать пришла наконец к св. Нине и принесла с собой больного отрока: она пала в ноги святой и со слезами молила облегчить невыносимые страдания сына.

Св. Нина отвечала ей: "Искусству лечения я не училась, и никаких лекарств я не имею. Господь же наш Иисус Христос, Которому я служу, может подать сему отроку здравие." Затем она велела вдове положить отрока на войлок, который служил блаженной подножием во время молитвы и вместе с тем постелью, и начала молиться Богу. Во время ее молитвы Господь даровал исцеление болящему. Вдова, видя такое знамение Божие, тотчас же прославила Бога и всем сердцем исповедала Христа, воскликнув в радости: "Нет другого Бога, кроме Христа, Которого проповедует Нина" После сего вдова сделалась верной и усердной ученицей св. Нины и славословила Господа Иисуса.

Между тем занемогла царица Нана. Болезнь ее, сначала легкая, постепенно усиливаясь, наконец сделалась мучительной. Лечившие царицу врачи только ухудшили ее состояние до того, что страждущей стала угрожать почти

неминуемая смерть. Приближенные, видя крайне опасное положение царицы, поспешили убедить ее обратиться к св. Нине, называющей себя пленницей, молитвами которой, говорили, исцеляются от множества самых опасных и даже неизлечимых болезней. Царица согласилась и приказала привести к себе святую, за которой были посланы слуги.

Прийдя в кущу, где жила святая Нина, они застали ее поющей, по обычаю своему, шестой час. Когда посланные объявили ей приказание царицы, св. Нина ответила: "Мне не велено выходить из стана нашего, но, если царица хочет быть здоровой, то пусть сама придет сюда ко мне, и я верую, что она получит исцеление силой Христа, Бога моего". Посланные передали царице сказанные святой Ниной слова. Она с охотой согласилась, немедленно приказала приготовить постель на носилках и отнести себя в кущу св. Нины; за ней последовал сын ее Рев и большая толпа народа.

Принесенная царица по приказанию святой была положена на войлоке. После теплой молитвы к Богу блаженная Нина взяла в руки святой крест и возложила его сначала на голову болящей, потом на ноги и наконец на оба плеча, т.е. перекрестила ее святым крестом своим. Лишь только угодница Божия совершила крестное знамение, царица немедленно исцелилась, встала на ноги, от всей души возблагодарила Господа и тут же исповедала Христа Богом. С тех пор царица сделала св. Нину своей домашней собеседницей и подругой, питая душу свою ее святыми наставлениями. Царица также приблизила к себе мудрого Авиафара и дочь его Сидонию и много поучалась от них вере и доброй жизни. Мириан, отчаявшийся в том, что супруга его останется жива, увидев ее совершенно здоровой и веселой, крайне изумился. "Каким образом ты вдруг выздоровела?"— спросил ее изумленный царь. Та рассказала ему все случившееся с ней и объяснила, что исцелилась не искусством врачей или какими-либо лекарствами, а одной силой молитв св. Нины и прикосновением св. креста. Народ, видевший собственными глазами исцеление царицы, подтвердил истину слов ее. После этого удивленный царь еще внимательнее стал прислушиваться к проповеди о вере Христовой. Он часто и подолгу стал беседовать с мудрым Авиафаром. Последний старался раскрыть пред царем дивный Промысл Божий о спасении рода человеческого через крестную смерть Богочеловека, обращая при этом внимание на многие пророчества древних книг, с такой ясностью исполнившиеся на Божественном Лице Иисуса Христа, Основателя христианской веры. Мириан задумывался, он стал чаще и внимательнее прочитывать имеющуюся у него древнюю книгу "О Нимвроде". Читая эту книгу, царь нашел в ней однажды место, в котором между прочим говорилось, что "в последнее время придет на землю Царь неба , Который призрит на болезни людей, и пред Его высоким учением потеряют прелесть все блага этого мира, цари оставят царства и будут искать себе славы в нищете и уничижении".

Мириан, слыша о великих чудесах, совершаемых именем Иисуса Христа и орудием Его распятия, и то, как многие принявшие Его учение налагают на себя великие подвиги самоотвержения, презирая все блага мира и его наслаждения, близок был к принятию веры Христовой, но невидимый дух злобы, враг вечного спасения, неутомимо следил за Мирианом и старался спутать все его здравые мысли. Так, в глубоком раздумье о св. Нине, об исцелении своей супруги, царь нередко спрашивал самого себя, какой силой Нина совершает такие чудеса. Правда ли, что силой Иисуса Христа? Пленница не дочь ли великого бога Армаза? Не сила ли этого бога действует в ней? Как бы повернее разузнать обо

всем этом? Посевая в душе Мириана такие сомнения, диавол в то же время старался возбудить в сердце царя его прежнюю приверженность идолам и благоговение пред огнем. И успех его был так велик, что Мириан решился было однажды воздвигнуть гонение на христиан и с корнем вырвать ростки веры Христовой, с такой любовью и самоотвержением возлелянные св. Ниной. Но Промысл Божий не допустил Мириана обагрить свои руки в неповинной крови учеников Христовых. Десница Божия медленно, но неуклонно направляла царя Мириана на путь спасения. После обращения ко Христу своей супруги Наны царь целый год колебался в выборе между истинной верой и поклонением идолам.

Однажды к Мириану приехал из великой Персии знатный нельможа, его родственник, по имени Хвараснели, муж ученый и усердный почитатель зороастрийского учения. Злой дух, желая показать свою силу пред царем и унизить св. Нину, овладел приехавшим гостем и подверг его жестоким мучениям. В испуге царь и царица послали за св. Ниной и пригласили ее в свой дом, прося помочь их общему горю. Когда св. Нина пришла в царский дом, Мириан не мог удержаться, чтобы не высказать ей давно уже волновавших его сомнений, стараясь тем вызвать св. Нину на откровенное объяснение. "Скажи, - так начал он свою речь, обратись к св. Нине,— какой божественной силой исцеляешь ты всякие недуги? Не дочь ли ты богов наших Армаза или Задена, прославленных во всем мире? Не они ли дали тебе эту целящую силу, которой спасаешься ты в чужой для тебя стране? Оставайся у нас как одна из кормилиц детей наших, и будешь чтима всеми в этом городе. Не говори уже тогда, что ты странница, и не проповедуй более веры заблудившихся греков, оставь ее совсем. Вот боги— миродержители и распространители света солнечного, посылающие дожди, прозябающие на земле всякую растительность, кормители всей Карталинии, Армаз и Заден, исследующие все тайны человеческие, древние боги отцов наших Каци и Гаим, да будут свидетелями пред людьми, что, если ты исцелишь вельможу сего, обогащу тебя и сделаю гражданкой города Мцхета, и будешь служительницей бога Армаза".

На это св. Нина отвечала: "Ради имени Христа, молитвами Его Матери и всех святых, по неизмеримому Своему милосердию Бог, Творец неба и земли и Создатель всякого творения, послал тебе, царь, искру благодати, как от печи горящей, дабы ты познал и уразумел высоту неба и свет солнечный, основание и глубину морей, широту вселенной и основание ее. Да будет известно тебе, о царь, что Тот, Кто одевает небо облаками, производящими в воздухе потрясающий гром, и молниями Которого воспламеняются и разрушаются горы, потрясается земля и распадаются скалы, страшен во гневе Своем; берегись, чтобы не постиг тебя гнев Божий. Есть у Него Сын,—продолжала св. Нина,—Который сходил на землю, родился от Пречистой Девы Марии, без мужа, наитием Святого Духа, и был Истинный Богочеловек, исполнив все для нашего спасения, вознесся на небеса. Царь! — добавила св. Нина, с сочувствием глядя на Мириана. — Близко твое обращение к Богу, и я верую и надеюсь, что Господь скоро посетит тебя Своей милостью. Вот и здесь, в этом городе, есть знаки милости Божией к тебе— это одежда Сына Божия и милоть великого пророка Илии. Этого вельможу,— заключила св. Нина, — родственника твоего, я исцелю именем Господа моего Иисуса Христа и крестом страданий Его, как исцелила супругу твою, царицу Нану, Хвараснели будет просветителем народа своего и обратит его к Богу Истинному".

Затем св. Нина приказала принести вельможу к кедру, стоявшему в саду царском, что и было немедленно исполнено; туда же пришла и царица. Св. Нина, поставив

вельможу лицом к востоку и воздев руки свои к небу, велела ему произнести троекратно следующие слова: "Отрицаюсь от тебя, сатана, и предаю себя Христу, Сыну Божию". Лишь только вельможа произнес троекратное отречение от сатаны, как злой дух стряс его и поверг на землю. Видя это, все бывшие там в испуге разбежались, и осталась одна св. Нина со своими ученицами, они пробыли на этом месте в теплой молитве ко Господу день и две ночи. Злой дух не мог больше выдерживать силы святых молитв верных учениц Христовых и оставил вельможу. По исцелении своем Хвараснели уверовал во Христа Бога со всем своим домом и обратил народ свой к истинной вере, славословя Единого Бога —— Отца и Сына, и Святого духа.

Свидетельство Сидонии, ученицы святой Нины, видевшей и описавшей чудесное обращение царя Мириана. Об устроении св. крестов, о построении храма и о бывших в нем чудесах.

В один летний месяц, повествует Сидония, а именно 20 июля, в день субботний, царь Мириан охотился на Мухранской стороне[43]. Сердцем его овладел невидимый дух злобы и воспламенил в нем любовь к идолам и приверженность огнепоклонству. Вспомнив о том, как он и весь его народ были усердны в почитании богов, царь, обратившись к четырем своим собеседникам и глубоко вздохнув, сказал им: "Мы достойны всякой казни от богов наших, потому что сделались ленивыми в исполнении своих обязанностей по отношению к ним. Мы навлекаем на себя страшный гнев великих богов наших за то, что допустили чародеев - христиан проповедовать в земле нашей их веру. Теперь я намерен истребить мечом всех христиан, кланяющихся Кресту, и затем мы усерднее примемся служить богам нашим карталинским. Я заставлю отречься от веры во Христа и супругу мою Нану, а если она этого не сделает, если не захочет оставить веры в Распятого на Кресте, то она сделается мне ненавистна, и я погублю ее вместе с прочими христианами".

Собеседники царя похвалили его намерение, так как оно было согласно с их желаниями. В сердцах их давно уже кипела злоба против христианства, но, замечая в царе благосклонность к нему, они принуждены были до времени молчать. Вот почему теперь с такой поспешностью собеседники царя похвалили намерение его. Затем царь, объехав все Мухранские места, поднялся наконец на гору Тхоти[44], чтобы оттуда осмотреть местности Каспи и Уплис-Цихе[45]. Когда он вместе с другими достиг вершины горы, то светлый день внезапно превратился в темную ночь. Объятые страхом, не видя друг друга, охотники разбрелись в разные стороны. Долго блуждал царь один по дубраве на горе, дрожа от ужаса и тщетно призывая своих богов на помощь. Чувствуя, что всякая надежда на спасение потеряна, он наконец остановился на одном месте и глубоко задумался.

"Вот, - думал он, - сколько я ни призывал богов своих на помощь, они остаются глухи к моим воплям, и вот я, несчастный, погибаю. От чего же боги мои не слышат вопли растерзанного моего сердца? Я сейчас клялся служить им со всем усердием и преданностью, как же они не хотят слушать преданного им раба? Ради их я хочу обнажить меч свой на христиан..." Сказав это, царь снова задумался. Тут он вспомнил о многих дивных знамениях, совершенных силой имени Христа, как пред очами его св. Нина силой того же имени много исцелила

болезней, и многое другое вспомнил он, и, как бы пробужденный от глубокого сна, царь громким голосом воскликнул: "Боже Нины, рассей мрак от очей моих, и я исповедую имя Твое, воздвигну древо креста и поклонюсь ему, построю Тебе дом молитвы и буду послушным рабом Тебе и Твоей верной ученице Нине, пришедшей из Рима!"

Лишь только царь произнес эти слова, как немедленно темная ночь превратилась в ясный день. Обрадованный царь поспешно слез с коня, стал лицом к востоку и, воздев руки к небу, сказал: "Ты - Бог надвсеми богами и Господь всех господей! Боже, Которого проповедует Нина! Славословится имя Твое всеми тварями поднебесными и всеми живущими на земле. Ты избавил меня от смерти и рассеял мрак от очей моих, я узнал теперь, как Ты благ и милостив ко мне, и сердце мое чувствует отраду, утешение и Твое приближение ко мне, Боже благословенный! На этом месте для прославления святого Твоего имени я поставлю древо креста, и да будет воспоминаться настоящее знамение Твое во веки".

Царь обозначил место, на котором дал обет Богу, и отправился в столицу вместе с возвратившейся к нему святой. Въезжая в город, царь громогласно взывал: "Воздайте все люди славу Богу Нины, ибо Он - Богвеков, и Тому одному подобает слава во веки". Царица Нана, узнав, что царь благополучно возвращается с охоты после постигшего его бедствия, вышла со множеством народа встретить его в Киндзари и Гарта[46]. Когда царь въезжал в город, святая Нина стояла на обычной своей вечерней молитве в куще, с ней были и мы, говорит Сидония, всего пятьдесят человек. Во время царского въезда город Мцхета пришел в смятение, царь громогласно взывал: "Где та женщина-странница, наша мать? Бог ее - Избавитель мой". Когда же царю доложили, что она в своей куще и совершает вечернюю молитву, то он со всей свитой отправился к ней. Подъехав, царь слез с коня, вошел в кушу и, припав к ногам святой, умоляющим голосом говорил: "Удостой меня, о матерь моя, призывать имя Бога твоего и Спасителя моего". Святая Нина, поучив его довольно истинам веры, не могла от переполнявшей ее высокой радости удержать слез, полившихся ручьями из глаз ее. Видя это, заплакал и царь, а за ним - царица, а, глядя на них, громко плакал и рыдал весь народ. Когда я вспомню, говорит Сидония, эти священные минуты, то и теперь слезы радости невольно выступают на глазах моих.

Вскоре после того Мириан отправил послов в Грецию к св. императору Константину с просьбой прислать к нему священников. Св. Нина вручила посланным письмо императрице Елене[47]. По приезде в столицу Греческого царства, послы рассказали императору и другим о всех знамениях и чудесах, какие совершились во Мцхете силой Христовой, и просили послать как можно скорее иереев для увещания народа. Святая же Нина и ученики ее до прихода иереев неусыпно поучали народ день и ночь, указывая ему истинный путь, приводящий в царство небесное, и приготовляли его к св. Крещению.

Отправив послов в Грецию, Мириан высказал желание немедленно начать построение храма и сказал святой Нине: "Желаю я построить дом Божий до прибытия иереев, но, скажи мне, на каком месте возвести его?" Святая Нина отвечала ему: "Где угодно будет, по благочестивому желанию царскому". На это царь сказал: "Если ты предоставляешь выбрать место мне, то скажу тебе, что я люблю эту кущу твою, но люблю и свой сад, полный прекрасными виноградными лозами и душистыми цветами, осеняемыми величественным кедром. Последнее место, - добавил царь, - как раз будет соответствовать твоим видениям. Воистину,

этот видимый и скоропреходящий сад, - восторженно заключил Мириан, - изменится в сад духовный, возвращающий плоды в жизнь вечную, в нем мне желательно было бы прежде всего выстроить дом Божий для наших молитв".

Св. Нина с радостью согласилась, и немедленно приступили к возведению храма. Сам царь отводил места и руководил плотниками. Началась работа по очистке места, а так как избрано было пространство вокруг кедра, то он и был срублен прежде всего. Из шести огромных боковых ветвей его, окружающих главный ствол, сделано было шесть столпов, необходимых для поддержки нового деревянного здания, а из главного ствола - седьмой столп, он был больше других и удивлял всех своей величиной, и был назначен на середину - для поддержания купола храма. Кода установлены были шесть столпов на определенных им местах, и приступили к постановке седьмого, громадного столпа, то, к удивлению всех, оказалось, что никакая сила человеческая не могла сдвинуть его с места.

Извещенный об этом царь немедленно пришел со множеством народа, использовали машины громадной силы, однако же, не смотря на это, при всех стараниях людей, столп все-таки оставался неподвижен. Видя такое необычайное явление, царь и народ были удивлены и в недоумении спрашивали друг друга, что бы оно значило. Между тем, день близился к концу, опечаленный царь удалился к себе, затем разошелся и весь народ, в саду оставались только св. Нина и двенадцать ее учениц. Блаженная обливала горячими слезами пень срубленного кедра. Наступила глубокая полночь. И вот, ученицы святой видят, будто обе стоящие друг против друга горы, на которых тогда были капища идолов Армаза[48] и Задена, обрушились, и каждая из них падала в текущие у их подножия реки: гора Армаз - в Куру, а Заден - в Арагву. И будто бы упавшие горы запрудили собой обе реки так, что Кура, выступая из высоких и крутых берегов своих, заливала собой город Мцхета, Арагва же заливала крепость Белтскую у самого Гартис-Карского прохода, или теснины, при этом были слышны ужасные, дикие вопли и страшные удары.

Испуганные этим, и не предполагая, что видят бесовское мечтание, ученицы св. Нины в страхе пустились бежать Блаженная же Нина громким голосом остановила их, говоря: "Не бойтесь, сестры мои, напрасно вы страшитесь там где нет никакого страха: горы стоят на своих местах, и реки текут покойно по своим руслам, и весь народ спит. Вот что я скажу вам. Вы видите, что разрушаются горы, - это правда, но только разрушаются не горы естественные, а горы неверия Карталинии, воздвигнутые диаволом, остановка же тех рек значит, что перестала течь невинная кровь детей, приносимая идолам в жертву и изливаемая пред ними, дикие голоса, слышанные вами, - это вопли диаволов: они жалобно воют, изгоняемые с этого покойного для них места крестной силой нашего Спасителя. Помолимся же, - заключила св. Нина, - все вместе Господу Богу нашему".

По молитве голоса умолкли, и водворилась глубокая тишина. Святая же Нина продолжала стоять на молитве и с воздетыми к небу руками просила Бога об успешном окончании предпринятого царем святого дела. Но не успела еще пройти ночь, и не пропели еще первые петухи, как ученицы св. Нины снова были приведены в страх. Им послышалось, будто в трех частях города громкий звук военной трубы возвестил народу о нашествии персов, им капалось, будто бы персы уже разломали городские ворота и наполнили город; им представилось ужасное зрелище: будто бы озлобленные воины с криком убивали людей, и кров, потекла рекой, весь город был залит ей. Мы, говорит Сидония, от страха едва

переводили дыхание и горько плакали о погибели города. За сим вдруг, как будто к ушах наших, раздался громкий голос, возвещавший, что персидский царь Хуасро и царь царей Хуарань Хуасро приказали истребить мечем всех иудеев. Услышав это, продолжает Сидония, все мы пришли в ужас, и слышно было, будто бы воины приближались уже к нам, грабя и убивая всех попадавшихся им навстречу. Затем раздался громкий голос, возвещавший, что царь Мириан взят в плен. Во все это время, говорит Сидония, св. Нина тихо молилась и была совершенно спокойна. Осмотревшись кругом, она сказала: "Знаю того, кто кричит. Пришел и ему конец, благодарите Бога, сестры мои, потому что этот крик есть знак погибели духов злобы и спасения всей Карталинии и сего святого места". Воистину, замечает Сидония, блаженная и равноапостольная наставница наша утешала нас подобно искусному врачу.

Потом св. Нина обратилась к разрушителям и сказала: "Где цари персидские Хуасро и Хуарань Хуасро? Вчера только вышли вы из Сабастины, как же так скоро успели дойти до этого места? Для чего, спрашиваю вас, вы как будто разрушаете этот город и как будто усиливаетесь развеять его?.. Я говорю вам: вот приблизился Тот, от Которого вы бежите и Который пошлет вас в Северную страну, в мрачные горы и скалы". Затем святая рукой изобразила знамение св. креста в воздухе, и тотчас же все исчезло и стало тихо.

Утомленные ночными видениями, некоторые из учениц св. Нины на заре задремали, я же, говорит Сидония, бодрствовала. Святая же Нина все время стояла на молитве с воздетыми к небу руками. Тут предстал ей отрок, облеченный лучезарным светом, опоясанный огненным плащом. Подойдя к ней, он сказал тайно, на ухо, какие-то три слова, услышав которые, святая Нина пала на землю и поклонилась отроку. Потом он приблизился к столпу и, обняв его руками, поднял в воздухе на значительную высоту. Удивленная этим дивным знамением, говорит Сидония, приблизилась я к св. Нине и спросила ее: "Госпоже моя, что это такое?" Св. Нина отвечала: "Приклони голову твою к земле". Я повиновалась. Через некоторое время св. Нина встала с земли, подняла также и меня, и мы отошли несколько от того места. Стоя тут с некоторыми другими женщинами, мы видели, как этот столп в огненном виде опустился вниз, приблизился к своему прежнему основанию и стал над пнем на высоте двенадцати локтей, потом он то немного поднимался, то опускался к своему основанию, из которого, как мы увидели, стало истекать благоухающее миро.

Утром царь встал чем-то озабоченный на вид. Поднявшись с постели, он поспешно подошел к окну, взглянул на свой сад, где вчера он так деятельно распределял места для построения храма, и, увидев необыкновенный свет наподобие молнии, достигающей от его сада до небес, с поспешностью отправился к месту, где происходило чудесное явление. За ним последовало множество придворных, а также и почти все жители города, тоже увидевшие знамение. Тогда все увидели, как сей чудный, светом блистающий столп то спускался, то поднимался над своим прежним основанием на высоту двенадцать локтей, при чем из пня истекало благовонное миро. Весь город Мцхета исполнен был страха и необыкновенной радости, от которой жители города плакали, царь, вельможи и весь народ от всего сердца славословили Бога и ублажали св. Нину. В то же время явное присутствие благодати Божией подтвердилось многими чудесами. Так, один слепорожденный еврей, едва прикоснулся к блистающему светом столпу, тут же получил зрение и прославил Бога.

Потом некоторый отрок из царского рода, по имени Амзаспани, лежавший в продолжение восьми лет в постели, был принесен своей матерью и положен с постелью пред светоносным столпом, при этом мать молила св. Нину об исцелении его, говоря: "Призри, госпоже моя, на сына моего, приблизившегося уже к смерти; знаю, что Бог твой, Которому ты служишь и Которого проповедуешь нам, есть единый Истинный Бог". Тогда св. Нина приложила руку свою к столпу, а потом возложила ее на отрока и сказала матери: "Если веруешь во Иисуса Христа, Сына Божия, принявшего плоть для спасения мира, то ныне сила Его исцелит сына твоего". Когда же мать сказала: "Верую во Иисуса Христа, Сына Божия", - отрок встал с постели совершенно здоровым. Приходило также множество других страждущих разными болезнями, и все получали исцеление. Огромное стечение народа к столпу вынудило царя обнести это место оградой и закрыть от глаз приходящих людей основание столпа. Наконец царь велел немедленно приступить к возведению храма, и внешняя постройка его скоро была окончена.

Между тем, когда послы царя Мириана, явившись к Константину Великому, рассказали ему о всем случившемся, император и мать его Елена исполнились неописуемой радости. Они радовались, что благодать Божия просветила и соседние страны, что вся Грузия принимает от них св. Крешение, и что в царе Грузинском Мириане они находят верного союзника в защите от частых нападений персов на границы империи. Союз духовный скреплялся взаимной любовью и помошью.

Св. равноапостольный царь послал в Иверию епископа Иоанна, мужа духовно опытного, в сопровождении двух иереев и трех диаконов. С ними император Константин передал царю Мириану письмо, в котором, после молитвенных призываний благословения Божия на царя, его семейство и весь народ, благодарил Господа за ниспосланные Им благодеяния. Кроме того, послал св. крест, икону Спасителя и Божией Матери и богатые дары. Св. Елена написала также похвальное и утешительное письмо святой Нине.

Прибывшего в столицу епископа с иереями и диаконами царь и весь народ, сильно желавшие принять св. Крещение, встретили с великим почетом и сердечной радостью. Царь немедленно разослал всем эриставам (воеводам или представителям областей), военачальникам и всем царским особам, числящимся заочно на службе при его дворе, приказания, чтоб они как можно скорее предстали пред ним. Получив это приказание, все помянутые должностные лица немедленно явились в столицу.

Началось совершение Таинства. Прежде всех принял св. Крещение царь, а за ним царица с детьми. После этого, приготовив крещальню у моста на реке Куре, там, где стоял дом первосвященника Элиоза, епископ совершил водоосвящение и крестил всю знать, место это до сего времени носит название "купели вельмож". А несколько ниже "купели вельмож" два иерея и диаконы крестили в то же время весь народ, который принимал святое Крещение так усердно и стремился к нему с такой поспешностью, что при совершении Таинства было немало замешательств. Такое усердие явилось от того, что народ хорошо помнил наставление святой Нины, говорившей им, что тот, кто не примет Крещения, не может найти Вечного Света.

Почти вся Карталиния приняла св. Крещение, за исключением кавказских горцев, оставшихся во тьме язычества, Не приняли также св. Крещение и евреи мцхетские, кроме первосвященника Авиафара со всем его домом и нескольких других еврейских семейств, числом пятьдесят, которым царь, в знак особенного к ним благоволения, пожаловал в вечное владение местечко Цихе-Диди[49]. Не принял св. Крещение зять царя Мириана Фероз, владетельный князь кавказских местностей от Рани до Бардавани[50] с подвластным ему народом, хотя эти провинции он получил в управление от царя Мириана, был зависим от него и служил ему, исполняя все государственные повинности.

Спустя немного времени после крещения, царь Мириан послал епископа Иоанна с одним вельможей к Константину Великому с просьбой прислать ему в дар частицу Животворящего Креста Господня, который только что был обретен, благодаря благочестивому усердию матери императора царицы Елены. Царь просил также прислать ему для проповеди слова Божия побольше священников, "чтоб,— говорил он, никто в государстве моем не был лишен сего святого утешения, и для всех открыт был бы вход в вечное царство Спасителя Иисуса". Также просил прислать архитекторов для возведения каменных храмов.

Прибывших в Константинополь послов приняли с радостью, и переданная ими просьба царя с готовностью была исполнена. Послам вручили часть[51] Животворящего Креста, служившую опорой стопам Господа, и гвозди, коими были прибиты пречистые руки Искупителя. Вместе с послами отправилось в Грузию много священников и архитекторов. При прощании император вручил епископу богатые дары и отдал в его распоряжение большую сумму денег для построения церквей. При этом император пожелал, чтобы на врученные им деньги первый храм был устроен на месте вступления послов в пределы Карталинии. Епископ и посланные с ним, сопровождаемые добрыми пожеланиями всех жителей столицы, отправились обратно. Достигнув первого местечка в пределах Иверии, именуемого Эрушешети[52],епископ оставил тут каменщиков, а также гвозди от Честного Креста Спасителя для храма, который собирались строить там. Оттуда послы отправились в Манглис, положили и там основание храму и оставили при нем полученную в дар часть Животворящего Креста Господня.

Услышав об этом, царь Мириан опечалился тем, что послы его не явились прежде всего к нему в столицу, но сами руководят построением храмов и оставляют при них драгоценные святыни, которые он просил для своей столицы. Св. Нина, узнав о скорби царя, пришла к нему и утешала его, говоря: "Не печалься царь, так этому и должно быть, ибо этим спасительная наша вера Христова крепче утвердится в пределах твоего царства и больше распространится, для тебя же и для столицы довольно и того, что здесь находится славный хитон Господень".

Царь и прежде слышал о хитоне Господнем, но теперь, сделавшись христианином, он пожелал как можно больше узнать о нем и потому, призвав Авиафара и других евреев, подробно расспрашивал у них об этой святыне, и они рассказали ему все, что знали, как это было изложено выше Утешенный их рассказом, Мириан, воздев руки свои к небу, сказал: "Благословен еси, Господи Иисусе Христе, Сыне Бога Живаго! Ты изначала восхотел избавления нашего от диавола и преисподней, изволив Твоим смотрением послать сюда хитон Твой святой из града Иерусалима чрез иноплеменных нам евреев, которые отверглись Божества Твоего"

Затем царь высказал св. Нине свое желание непременно устроить храм на месте ее кущи. Святая с радостью согласилась, и немедленно началось возведение храма. При этом Св. Нина, вознося теплую молитву к Богу, говорила: "Благословен Господь Иисус Христос и Отец Господа нашего, пославший на землю с вышних небес, с державного престола Своего, Слово Свое Святое, Единородного Сына Своего, Который сошел на землю, родился воистину от семени Давидова, воплотился от единой Девы Чистой, Непорочной и Святой, послужившей орудием спасения нашего, просветил всех поднебесных, спас верных, родился по подобию человека, Свет всяческих и Образ Божий, принял Крещение водой и Духом Святым, как Человек изволил принять распятие, погребение и, наконец, в третий день воскрес, потом вознесся на небеса в горнюю обитель Отца, и Который приидет опять во славе, и Которому подобает всякая честь и слава со Отцем и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Повествование об установлении святых крестов при царе Мириане.

Близ города Мцхета, на вершине высокой горы, с незапамятных времен стояло одно дерево. Своей необыкновенной, огромной величиной, чрезвычайной красотой и чудным ароматом оно удивляло и привлекало всех видевших его. Листья и семена этого дерева имели целебную силу. Люди и все дикие звери давно знали о таком его свойстве и с большим успехом пользовались им, в особенности для лечения ран и струпьев. Грузины, принявшие св. Крещение, рассказали однажды епископу Иоанну о необычайной красоте и целительном свойстве этого дерева. Святитель Божий, выслушав их, отвечал, что, так как дерево это насаждено Богом, Им же выращено и сохранено, и так как Карталиния благостью Христа просвещена св. Крещением, он желал бы в честь и славу Распятого на Кресте Господа соорудить из этого дерева честные кресты. Народ похвалил святое намерение епископа, и вскоре за тем приступили к делу.

Сам епископ, в сопровождении сына царского по имени Рев и множества народа, отправился на место, где росло то дерево. С благословения святителя его срубили и целиком, не трогая ни одной ветки, ни листка, с благоговением и торжеством внесли в город и поставили с южной стороны храма у дверей. Величественность и красота дерева, свежая зелень его листьев в то время, когда все другие деревья еще стояли обнаженными, благоухание, которое доносил от него тихий ветерок - все это производило глубокое впечатление на сердце каждого, приходящего осмотреть на дерево, а таких было великое множество. Срубленное 25 марта, в пятницу, оно простояло тридцать семь дней, совершенно сохранив свежесть, как если бы оно продолжало расти на своем прежнем месте.

1 мая, когда все деревья покрылись листьями, а плодовые расцвели, из необыкновенного дерева сделали четыре креста, а седьмого числа при стечении людей со всего города, в присутствии царя и всего его семейства, кресты были освящены и с великим благоговением и радостью поставлены в новой церкви. Господь милостивно приял жертвы верных рабов Своих и видимо явил благодать Свою над святыми крестами: после того, как они были внесены в храм, жители столицы несколько суток сряду видели дивное знамение.

Лишь только наступала ночь, с неба спускался огненный крест, верх которого окружали звезды наподобие венца, и стоял над храмом до рассвета; когда же начиналась заря, выделялись из звездного венца три звезды, одна из них уходила к востоку, другая - к западу, а третья, самая яркая из них, уходила за реку Арагву

и, немного постояв над той горной пещерой, где св. Нина слезами испросила себе у Бога источник воды, поднималась к небу. Удивленный таким чудом, царь со всем народом с благоговейным трепетом приступил к угоднице Божией св. Нине и стал расспрашивать: "О чем говорят эти знамения Божий? Почему из венца, окружающего верх креста, исходят блистающие звезды и направляются всегда в определенные стороны?" "Вера Христова, - отвечала царю св. Нина, - осияла твое царство великим духовным светом, и слава Распятого на Кресте пребудет в нем до скончания века, а тем, что звезды уходят всегда в определенные стороны, Господь указывает на места, где должны быть поставлены св. кресты. Так как эти места, кроме одного, неизвестны, пошли, царь, людей на восток, на какую-нибудь из высочайших гор, находящихся между Карталинией и Кахетией, а также и на запад, на одну из высоких гор в окрестностях этого города. Пусть посланные тобой люди хорошо заметят, против каких именно мест останавливаются звезды".

Царь избрал на востоке и на западе по одной высокой горе и отправил туда людей. Это произошло в пятницу. На другой день, после совершившегося на рассвете знамения, посланные на запад и стоявшие на горе Квабтахевской[53] возвратились и рассказали царю, что виденная ими звезда, достигнув горы Тхоти, остановилась над переходом с Тхоти на Касти и затем через несколько времени сделалась невидимой. Возвратились также и посланные на восток, стоявшие на горах Кахетинских. Виденная ими звезда остановилась над Кахетинским селением Буди[54] и вскоре сделалась невидимой.

Когда, царь передал св. Нине все слышанное им от посланных, блаженная велела взять два из сделанных крестов и один из них установить на горе Тхоти, на том самом месте, где явилось действие благодати Божией на царе[55], а другой крест[56], вместо селения Буди, велела отдать невестке царской Саломии, рабе Христовой, с тем, чтобы она поставила оный в городе Уджарме[57], "так как, - сказала св. Нина, - Буди - селение Кахетинское и не должно иметь преимущества перед царским городом с большим населением, а само Буди чрез то не лишено будет благословения Божия,"—предсказывая последними словами о том, что будет погребена там.

Повеление св. Нины было исполнено в точности. Затем жители Мцхета после происшедшего снова чуда взяли третий крест[58] из храма. Царь с семейством, сопровождаемые самой св. Ниной, епископ со всем клиром и все вельможи, и народ вышли из города, перешли реку Арагву, поднялись до середины горы и остановились в пещере[59], где св. Нина слезами испросила у Бога источник. Они провели тут всю ночь в молитве, причем радостные слезы блаженной Нины сливались с водой Богом дарованного источника, и ее руками Господь совершил тут множество чудес и исцелений. На другой день утром торжественная процессия взошла на вершину горы. Тут блаженная пала на колени, и потоки молитвенных слез полились из глаз ее, а затем и вся гора огласилась слезными рыданиями.

Епископ возложил руку на один из лежащих тут камней и, обратясь к св. Нине, сказал: "Прииди, о матерь наша, и благослови место сие, ибо тебе первой надлежит знаменовать его св. крестом". Св. Нина, повинуясь словам святителя, приблизилась и осенила то место святым крестом. Затем крест водрузили, и совершили пред ним поклонение[60]. По прошествии нескольких дней после Пятидесятницы, в среду, совершилось чудное знамение над крестом, поставленным на горе: виден был светлый столп, верх которого окружен был

двенадцатью звездами в виде венца, и вся гора, на которой стоял крест, курилась благовонным фимиамом. Все жители города Мцхета были свидетелями этого чуда Божия. При виде его множество язычников обратилось к Христу и приняло св. Крещение, а для новообращенных христиан это знамение послужило к большему утверждению их в вере, и все славили Бога.

Вскоре совершилось над тем же крестом другое, еще более дивное знамение. Над ним стояло огромное пламя разделенное на семь частей, светлее солнечных лучей, и Ангелы Божий сходили ко кресту, окружая его подобно искрам, во множестве исходящим из горящей печи, при этом гора под крестом тряслась все время, пока знамение продолжалось. Такое страшное и дивное чудо долго потом повторялось каждый год, и слава о святости того места и присутствии на нем силы божией далеко разносилась по вселенной, и благодать Божия обильно подавалась приходящим с верой поклониться честному и животворящему кресту. Вот некоторые благодатные исцеления. У Рева, сына царя Мириана, единственный сын, почти со дня рождения своего болезненный, приближался к смерти. Благочестивый отец с верой принес сына своего и положил его пред честным крестом, со слезами прося у Распятого на Кресте Господа исцеления. Он говорил: "Кресте Честный и Животворящий! Исцели мне этого младенца, и я устрою киот для поставления тебя в нем". Немедленно после этих слов младенец исцелился, и отецвзял его с собой совершенно здоровым. Обрадованный, он исполнил свое обещание. После этого благочестивый Рев ежегодно приходил на поклонение честному кресту, принося с собой разные пожертвования.

Один отрок, слепой на оба глаза, пришел с верой к св. кресту и, неотходно пробыв у места того семь дней, получил зрение, славословя Честный Крест. Была одна женщина, которую часто мучил нечистый дух и у которой восемь лет отняты были силы и рассудок. Во время беснования она рвала на себе платье и не оставляла на себе даже рубища. Наконец привели ее к св. кресту и заставили приложиться к нему; пробыв здесь двенадцать дней, она избавилась от мучителя своего - беса и получила крепость и силу.

Один отрок нечаянно упал и убился насмерть. Утром мать принесла его и положила пред св. крестом, и до вечера со слезами там молилась. Видевшие ее говорили: "Женщина, возьми и похорони отрока, видишь, он уже умер и скоро подвергнется тлению". Но женщина та не отчаялась в своей надежде, а только еще больше плакала и молилась Богу о ниспослании ей милости. Наконец к вечеру отрок ожил и открыл глаза, мать, пробыв с ним семь дней у креста, взяла его живого и совершенно здорового и славословила Бога за великую Его милость к ней.

Видя бесчисленные знамения и чудеса от святого креста, приходили с верой многие бездетные жены, испрашивая себе чадородия, и получали оное, соделываясь матерями многих детей. В знак благодарения Богу, они оставляли дары и приношения. Приходившие из отдаленных мест, испрашивавшие Божией милости у честного креста Мцхетского, немедленно получали просимое. Многие неверные, впавшие в различные болезни, дав обещание прийти к св. кресту и поклониться ему, немедленно получали исцеления, и по исполнении своего обещания многие тут же принимали святое Крещение. И доныне многие приходящие с верой к Мцхетскому кресту получают от Господа нашего Иисуса Христа благодатные исцеления, славословя Его со Отцом и Святым Духом.

Св. Нина, живя во Мцхете, была утешена письмом святейшего папы Римского св. Сильвестра, в котором святитель Божий, похваляя подвиги св. Нины, подъятые ею для проповеди слова Божия в дальних странах, прославляет Бога за Его великие милости, явленные Им рукой св. Нины в стране Карталинской, испрашивает себе святых молитв блаженной и в конце письма передает свое святительское благословение царю Мириану и всему народу Карталинскому.

Письмо это было передано св. Нине через франкского диакона, вручившего ей при этом и другое письмо, посланное царем франков. Последний извещал св. Нину, что, как она просветила всю Иверию, так и отец ее просветил все его владения, так что начиная от него, царя, и до последнего его подданного, все приняли св. Крещение. При этом царь писал, что слава о чудных делах Божиих, явленных в Карталинии, пронеслась по всем странам, и что он, пораженный многочисленностью чудес, происходивших в Грузии, не мог удержаться, чтобы хоть через бумагу и чернила не восхвалить великую угодницу Божию св. Нину и не послать ей своего приветствия.

Передав письма, франкский диакон начал подробно расспрашивать обо всем происшедшем, со вниманием слушал рассказы очевидцев и был сам свидетелем дивных чудес и знамений, происходивших во Мцхете во время его пребывания там. Исполненный высокими молитвенными чувствами, благодарностью Богу за все слышанное и виденное, диакон, взяв от св. Нины и царя Мириана письма, отправился в обратный путь.

После отъезда диакона царь, возгоревшись ревностью о славе имени Божия, сказал св. Нине и епископу Иоанну: "Желаю принудить оружием горцев и зятя моего Фероза принять св. Крещение и покорить их Сыну Божию, и силой заставить их поклониться Честному Кресту Господню". Св. Нина отвечала царю: "Не велено Господом прибегать к оружию, но Евангелием и Честным Крестом следует показать истинный путь, приводящий в вечную жизнь. Я верую и надеюсь, что благодать Божия со временем просветит тьму сердец их."

Вскоре после того св. Нина, царь и епископ Иоанн, взяв с собой одного эристава (правителя области), отправились на проповедь слова Божия между горцами. Прибыв в Цорбан, они благовествовали св. Евангелие чартийцам, пховельцам и гуда-макрийцам[61], но эти дикие горцы и слышать не хотели о вере Христовой и упорно отказывались от принятия св. Крещения. Тогда помянутый эристав царский, считая подобное упорство неразумным, испросил у царя позволения принудить их к тому оружием, и, получив просимое, одним ударом победил этих немногочисленных язычников, разрушил у них идолов и утвердил христианство. Оттуда проповедники прибыли в Чалети[62] и проповедали св. Евангелие эрцо-тианетцам[63], которые, с радостью приняв благовестие, просвещены были св. Крещением.

Пховельцы же, не желая принять христианство, оставили те места, где они жили, и переселились в Тушетию[64]. Этому примеру последовали и другие горские народы, особенно когда царь Мириан, желая понудить их к принятию христианства, увеличил подать с них. Впоследствии многие из горцев обращены были ко Христу священномучеником Авивом, епископом Некресским, некоторые же из них, впрочем, и до сего дня остаются в язычестве. Затем св. Нина, взяв с собой священника Иакова с диаконом и некоторых других, отправилась проповедовать Евангелие Христово в Кахетию, в другую часть Иверии. Там

царствовала тогда царица Сонджа, или София. Святая Нина остановилась сначала в Коцахете и своей проповедью смогла привести всех к вере Христовой, поскольку там слышали уже о принятии святого Крещения Карталинским царем Мирианом, а с ним и всем народом карталинским. Жители Коцахета с радостью приняли благовестие от св. Нины, и были крещены иереем Иаковом.

Затем святая Нина наконец отправилась туда, где Бог положил предел ее земному странствованию—в Бодби, где временно проживала царица София. Устроив себе кущу на полугоре, святая Нина немедленно стала проповедовать учение Христово и творила разные чудеса и знамения. Царица София вскоре после благовествования ей святого Евангелия святой Ниной последовала примеру Карталинской царицы Наны: уверовала во Христа, как и все ее сановники, и приняла вместе с ними св. Крещение. Совершив последнее дело своего апостольского служения, св. Нина извещена была Святым Духом о приближающейся ее кончине. Она сообщила об этом царю Мириану письмом, посланным чрез царицу Софию. Письмо это было следующего содержания.

"Усердному слуге Христову, верующему во Святую Троицу, царю Мириану. Господь Бог да пошлет тебе и всему народу твоему росу милости Своей, и да будут защитой вам Крест Его Животворящий и предстательство Пресвятой Девы Марии. Я, немощная жена, проходя новые страны, с успехом проповедала слово Божие, новые народы приняли учение мое о Христе и соделались чадами святой купели. Ты, как христианин, конечно, порадуешься тому, что Господь Бог благоволил царствование твое призреть на создания Свои и, послав им свет истины, преподал через меня истинную христианскую веру, и ввел их в наследие вечного Своего небесного царства. Теперь же, окончив все, я как пришелица отхожу от мира сего и пойду по пути отцов моих. Прошу тебя, царь, отправить ко мне епископа Иоанна, чтобы он приготовил меня к пути в жизнь вечную, ибо время моей смерти уже приблизилось".

Царица София, получив это письмо из рук блаженной, чтобы передать царю Мириану, с поспешностью и радостью отправилась в путь. Она уже подъехала к левому берегу реки Арагвы против Мцхета, но переезд через реку, из-за сильного разлива, был невозможен. Стоя на берегу реки и увидев на другой стороне ее храм, воздвигнутый в царском саду, София воспламенилась желанием поскорее поклониться в нем Истинному Богу и лобызать там мироточивый столп. Забыв о явной опасности, призвав с крестным знамением имя Господа Иисуса Христа, она пустилась одна в реку. Сохраняемая Богом, София благополучно достигла другого берега, где ее ожидали епископ и огромное множество народа. Сам царь Мириан с царицей вышел ей навстречу.

Царица София сначала вошла в храм и, приложившись к мироточивому столпу, тут же пожертвовала город, называемый Баратиани, и местечко Буди на украшение храма. Затем, после долгой и усердной молитвы, она обратилась к царю Мириану, приветствовала его и вручила ему письмо от блаженной и святой Нины. Прочитав его, царь пролил слезы и чрез несколько дней с супругой своей, с епископом и со всем его клиром, взяв также с собой сына своего Рева с супругой его Саломией, со всеми вельможами и множеством народа отправился к св. Нине, намереваясь упросить ее переехать в город Мцхета. Но, несмотря на все слезные просьбы царя Мириана и прибывших с ним, св. Нина не согласилась оставить новую, только что основанную Церковь Кахетинскую.

Сидящие вокруг св. Нины царицы Нана, Саломия и София и множество других людей просили ее рассказать им подробно о своей жизни: 'Расскажи нам,—говорили они,—госпожа наша, кто ты, какого рода, как пришла для спасения нашего и нашей страны? Где ты воспитывалась? Освободительница пленных, поведай нам, по какой причине называешь себя пленницей?" Тогда св. Нина начала свой рассказ следующими словами: "Дщери веры Христовой, близкие сердцу моему царицы! Видя любовь мою ко Христу и веру в Него, вы желаете знать жизненный путь бедной рабыни? Я расскажу его вам, и вы узнаете обо всем. Жизнь моя приблизилась уже к концу, и душа моя скоро отрешится от тела моего, желаю почить сном моей матери на веки[65]. Но принесите чернила и письменные принадлежности и напишите бедное и ленивое мое житие, дабы оно было известно детям вашим, также как и вера ваша, и то, как вы меня приняли, и знамения Божий, которые вы видели, и все, чему вы были свидетелями".

Тогда немедленно принесли чернила и письменные принадлежности, Саломия Уджармская и Леродж Аврийский приготовились писать. Св. Нина начала рассказывать житие свое, а они записывали все, что говорила блаженная, и великая богопроповедница рассказала в сущности все то, что изложено было выше нами о ней. При этом св. Нина просила царя, чтоб священника Иакова поставили епископом после смерти Иоанна. Также, не желая оставить новую Церковь Кахетинскую сиротой, блаженная Нина просила царя предать ее земле в ее куще. Затем епископ Иоанн принес Бескровную Жертву и приобщил равноангельную Св. Тайн Тела и Крови Христовых, после чего она мирно предала святую свою душу Богу Небесному. Это произошло 14 января, на двадцать пятом году от пришествия блаженной в Карталинию, в 335 г. от Р.Х., на шестьдесят седьмом году от рождения св. Нины. Оба города, Мцхета и Уджарма, вся Карталиния и Кахетия были глубоко опечалены ее успением. Все обращенные ею народы пришли поклониться нетленному и многострадальному ее телу.

Царь Мириан, вопреки завещанию св. Нины, хотел перенести ее святые мощи в г. Мцхет и там предать погребению, но никакие усилия человеческие не могли сдвинуть с места иссохшего от поста и молитвы тела св. Нины. Видя это, царь оставил свое намерение, и тело св. Нины было предано земле на месте, завещанном ею. Именно близ селения Буди, в куше, ею самой устроенной[66]. Вскоре после того царь Мириан создал около места погребения св. Нины соборный храм в честь двоюродного ее брата великомученика Георгия, а на самом месте погребения построил придел храму. После блаженной кончины св. Нины недолго жил и благочестивый царь Мириан, так много потрудившийся в распространении и утверждении веры Христовой в пределах своего царства. Но еще до кончины своей он утешен был возвращением сына своего Бакара, бывшего заложником к Константинополе. По этому случаю Константин Великий писал к нему следующее письмо:

"Пишу тебе, Богом просвещенный и наравне со мною новоутвержденный в вере царь Мириан, Да будет с тобой мир и радость. С того времени, как ты познал Троицу Единосущную, Бога Безначального, Творца всех, не желаю более иметь от тебя заложников. Теперь довольно, нужно положить всему конец, посредниками нам—Христос Сын Божий, прежде всех рожденный, Который вочеловечился для нашего спасения, и Крест Его Честный, который дан помощником нам, надеющимся на него всем сердцем, и да будет между нами посредником Бог и Творец всех. Будем пребывать между собой в братской любви. Сына твоего Бакара посылаю к тебе обратно, посмотри на него и возрадуйся, от Бога

ниспосланный Ангел мира да будет с тобой неотлучно, и да отженет Господь Творец диавола-искусителя от пределов царства твоего". Царь Мириан и царица Пана исполнились неописанной радости и, увидев сына своего, благодарили Бога за Его великую к ним милость. Тогда царь Мириан окончил храм Самтаврский (Епископский) и освятил его с большой торжественностью. На тридцать пятом году от обращения Мириана умер сын его Рев, зять Тиридата, царя Армянского. Его похоронили в склепе, устроенном самим же Ревом. В том же году занемог и сам св. царь Мириан и вскоре скончался. Перед смертью Мириан призвал сына своего Бакара и сказал: "Сын мой, вот видишь, отхожу я туда, откуда и пришел, и благодарю Многомилостивого Бога, Творца неба и земли, что избавил меня от сетей вражеских и из пасти ада и удостоил меня стоять одесную Своей славы".

"Ты же, царица Нана,—обратился умирающий царь к супруге своей,—если будет время и успеешь, то раздели после моего отшествия сокровища царские на две части и одну из них отдай для поддержания благолепия на месте погребения св. Нины, просветительницы нашей". Затем царь просил также и епископов, стоящих тут же, чтобы чтили место погребения св. Нины, ибо "оно,—говорил Мириан, - достойно чести и великого внимания".

Сыну же своему умирающий сказал: "Чадо мое, тьма наша преобразилась в свет, и смерть—в жизнь вечную. Передаю тебе венец царства моего. Бог, Творец неба и земли, да утвердит тебя в вере, соблюдай всегда заповеди Сына Божия и руководствуйся во всем ими. Смерть за имя Христово да будет тебе дороже жизни твоей, такой смертью обретешь нескончаемую жизнь. Где только найдешь огнепоклонство - уничтожь его, а идолов предавай огню и золу их, смешав с водой, дай испить поклоняющимся им.

То же самое передай и детям твоим. Я надеюсь, что кавказские горцы перестанут противиться вере нашей; ты же с усердием следуй во всем сказанному мной всем сердцем твоим, и предай себя Сыну Божию, рожденному прежде век, вочеловечившемуся в последние дни для нашего искупления. Силой Честного Креста ты победишь врагов твоих. С великой честью храни мироточивый столп, да будет всегда и во всем надежда твоя на Господа, и во время отшествия твоего в вечный покой да пребудешь непоколебимо в исповедании Святой Троицы". Затем царь Мириан велел принести к нему крест св. Нины, полученный им из рук блаженной, надел на него корону царскую и велел приблизиться к себе сыну своему Бакару, перекрестил его, снял с креста корону и возложил ее на голову сына своего. Потом, приобщившись Св. Тайн, св. царь Мириан мирно отошел в вечный покой ко Христу Богу. Бакар похоронил его в верхней церкви Самтаврской, с южной стороны от главной колонны храма, у стены, под частицей св. мироточивого столпа, которую царь Мириан заложил в стене во время освящения храма. Через два года скончалась и блаженная царица Нана, ее похоронили там же, вместе с ее супругом, по левую сторону его гроба[67]. Спустя много времени умер также царь Бакар, и его похоронили близ его матери - святой Наны, с левой стороны.

МОЛИТВА СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ НИНЕ, ПРОСВЕТИТЕЛЬНИЦЕ ГРУЗИИ

О всехвальная и предивная равноапостольная Нино, воистину велие украшение Церкве Православный и изрядное похвало народу иверискому, просветившая всю страну Грузинскую Божественным учением и подвиги апостольства

победившая врага нашего спасения, трудом и молитвами насадившая зде вертоград Христов и возращшая его в плод мног! Празднующе святую память твою, притекаем к честному лику твоему и благоговейно лобызаем всехвальный дар тебе от Божия Матере, чудотворный крест, егоже ты обвила есй драгами власы твоими, и умильно просим, яко присную предстательницу нашу: огради нас от всяких зол и скорбей, вразуми врагов святыя Церкве Христовы и противников благочестия, охраняй твое стадо, упасенное тобою, и моли Всеблагаго Бога, Спасителя нашего, Емуже ты ныне предстойши, да дарует благочестивеишему Императору нашему мир, дол годенствие и во всяком добром начинании поспешение, да приведет Господь нас в небесное Свое царствие, идеже вси святии славословят всесвятое Его имя ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Житие Преподобного Иоанна Зедазнийского Чудотворца, Начальника Сирийских Отцов

Память его 7 мая[68], с его двенадцатью учениками.

Этот достойный памяти и удивления и всеми восхваляемый муж[69] был родом из Сирии, где и получил первоначальное образование Как о месте рождения его, так и о родителях его ничего неизвестно. Известно только, что он родился в селе близ города Антиохии. В Антиохии он учился, совершенствовался в познании веры и достиг зрелого возраста.

Дивный Иоанн, венец и украшение подвижников, глубоко изучил Священное Писание и, как бы в сокровищнице, собрал все хорошее и душеполезное в своем сердце. По достижении зрелого возраста он был украшен всеми христианскими добродетелями. Совершенствуясь в духовных подвигах, он приобрел богатство разнообразного знания. Еще в молодых летах он, по обычаю того времени, принял монашество и, повинуясь внутреннему голосу, предался уединению, чтобы быть вдали от всех мирских забот.

Преподобный всеми силами стремился посвящать дни свои служению Богу и шел по стезям Его спасительных заповедей, а для этого он с каждым днем больше и больше предавался посту и молитве. Кротость и смирение были так велики в этом святом отце, что он считал себя "червем, а не человеком", смирение сохраняло всегда невозмущенным его дух. Он был сильным противником зла, а в особенности виновника его - диавола, и боролся с ним всеми силами, пока не побеждал. Неиссякаемые источники слез проливались из очей святого, день и ночь он молил Господа даровать ему силу бороться с плотскими страстями, так сильно нарушающими покой души. Бог услышал раба Своего и дал ему власть над страстями и дар чудотворения.

Св. Иоанн превзошел подвигами других братии в обители, творением чудес он привлекал к себе жителей Антиохийской страны, просвещал их светом Богопознания и поучал их исполнению евангельских заповедей. Благодаря своим высоким добродетелям он сделался светилом той страны, больные разными недугами получали от него исцеления: слепые прозревали, хромые ходили, бесноватые освобождались от нечистых духов. Чем более Бог прославлял святого чудесами, тем больше народа стекалось к нему, желая видеть его и принять от него благословение. Слава о нем пошла по всей Сирии, везде восхваляли святого Иоанна за великие чудеса и знамения, которые Господь творил его руками. Так, с умножением у него духовных даров, возрастало и число

приходивших к нему людей. Они нарушали беспрестанно его уединение, поэтому преподобный счел нужным выйти из Антиохийской области. Взяв с собой некоторых учеников, он оставил первоначальное место своего жительства и поселился в глубокой пустыне: там он беспрепятственно предался посту, молитве и бдению и ревностно стремился к исполнению заповедей Господних. Оставшись без своего благодетеля, жители Антиохии пытались найти великого Иоанна, однако, несмотря на все их усилия, место, где пребывал святой муж, в продолжение долгого времени оставалось неизвестным. Ученики его пробирались тайком в город, продавали свое рукоделие, на вырученные деньги покупали себе необходимое для жизни и потом тайком же возвращались к отцу своему. Следуя примеру жизни святого Иоанна, ученики его подражали ему в подвигах поста и молитвы, никогда не оставались в праздности. Сообразно словам великого апостола, который сказал: Нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии (Деян. 20; 34), из рук не выпускали они рукоделия, в устах имели постоянно молитву, ум возводили к небу.

Но не угодно было Богу оставить в неизвестности верного раба Своего, ибо зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме (Мф. 15; 5), и Бог явил святого сего мужа всем желавшим найти его и поучиться от него, - клад открылся искавшим обогащения. Великое множество народа стало стекаться отовсюду слушать святого и поучаться от него закону Господню, Больные, приносимые на одре, получали совершенное здравие, расслабленные исцелялись, страждущие успокаивались душой и телом, словом, совершалось руками старца столько чудес, что подробно описать их нет никакой возможности.

Святой Иоанн убегал славы человеческой, а более—мирской суетной жизни, поэтому-то и задумал уйти куда-нибудь, где бы никто не знал его. В скором времени открылось и благоволение Божие на это. Матерь Божия, явившись ему, велела избрать из числа его учеников двенадцать достойных мужей и идти с ними в Иверию, чтобы утвердить в вере недавно основанную Церковь Иверскую. Об этом видении св. Иоанн сообщил своим ученикам и велел им в продолжение десяти дней поститься и молиться.

Когда прошло это время, святой собрал учеников и сказал им: "Дети и возлюбленные мои братья! Я вижу, что вы исполнены благодати Божией и совершенны во всех делах Божиих! Слушайте: я видел Преблагословенную Матерь Господа нашего Иисуса Христа, Которая повелела мне избрать из среды вашей двенадцать и вместе с ними отправиться в дальнюю Иверскую страну, чтобы потрудиться в новой Церкви Христовой. Поэтому я для удобства напишу имена всех вас на отдельных хартиях и положу их на престол, и проведем всю ночь в молитве, чтобы Господь Сам избрал предавшихся Божественной воле Его", Ученики отвечали ему на это: "Отче святый! Как повелел тебе Господь, так и делай, но мы все-таки не оставим тебя и не разлучимся с тобою". Всю ночь провели они, стоя на молитве, В третьем часу утра святой Иоанн велел всем иереям принести Бескровную Жертву, по окончании же Литургии, приобщившись Святых Тайн, велел всем воздеть руки к небу и произносить: "Кириэ элейсон"[70]. Пение это продолжалось около часа, в это самое время Ангел Господень взял с престола на виду всех двенадцать хартий и вложил их в руки св. Иоанну. На этих хартиях были написаны имена отцов Шио, Давида, Антония, Фаддея, Стефана, Исидора, Михаила, Пирра, Зенона, Исе, Иосифа и Авива.

Блаженный Иоанн поступил так для того, чтобы ученики не подозревали его в лицеприятии, и чтобы не скорбели те, коим придется разлучиться с любимым учителем. Тех, которые должны были остаться на месте, св. Иоанн собрал пред собой, горько плачущих и сетующих о предстоящей разлуке с их наставником, и, утешая их, сказал: "Дети, не должно вам противиться воле Божией, поверьте, что с самого начала, как вы избрали меня учителем своим, я никому из вас не льстил, всех любил одинаково, от всего сердца. Свидетель Бог, воля Которого такова, чтоб вы оставались здесь и были верны Ему. Об отшествии собратьев ваших не скорбите, но с радостью покоритесь повелению и избранию Господа, чтобы не сделаться Ему противными, просим (говоря от лица двенадцати) умерить рыдания свои". За сим избрал из числа их некоего Евфимия настоятелем и учителем вместо себя, потом, подняв руки свои к небу, долго молился о них Богу. По окончании молитвы благословил каждого из них, возлагая руки на главу, затем отправился в путь с избранными учениками.

В это время Симеон чудотворец, сын св. Марфы, взошел на столп. Блаженный Иоанн вместе со своими учениками посетил его по дороге и, получив от него благословение, отправился прямо в Грузию (Иверию)[71]. Дорога была многотрудная и далекая. Наконец после долгого и утомительного путешествия святые (отцы приблизились к столице Иверии - Мцхета.

Ангел Божий явился тогдашнему католикосу (патриарху) Евлавию и сказал: "'Вот идет Иоанн, раб Господень, с учениками своими. Он будет утверждать страну сию просвещенную святой Ниной. Встань и встреть их радушно, ибо они посланы Богом, не препятствуй намерению их: они украшены всеми добродетелями и внутренний их человек просвещен". Встал достойный Евлавий и со всем клиром и множеством народа пощел к первой из близлежащих деревень, сам шел впереди, облаченный в ризы, желая узнать, кто эти рабы Господни. После долгого ожидания, наконец показались св. отцы, босые, в рубищах, бедные на вид, в клобуках, по обычаю сирийских иноков. Преподобный католикос, едва завидел их, тут же понял, что это те, о которых он имел откровение чрез Ангела, подошел к ним, обнял св. Иоанна и сказал ему: "На благо ты пришел к нам, святый отче!" Св. Иоанн упал ему в ноги и сказал: "Владыко святый! Благословен Бог удостоивший меня поклониться святыне твоей". Ему последовали и ученики его, и все приняли от католикоса благословение.

Здесь нельзя не обратить внимания на совершившееся чудо! Каким образом преподобный католикос и блаженный Иоанн узнали имена друг друга, и каким образом блаженный Иоанн свободно объяснялся с католикосом по-грузински? Чудо это подобно сошествию Святого Духа на св. апостолов. Воистину, дивны дела Господа Иисуса давшего рабу Своему Иоанну дар понимать язык, которого он никогда не знал и не слыхал. Все видевшие это чудо дивились и прославляли Бога, Творца чудес.

Во всеуслышание католикос сказал Иоанну: "Отче Иоанне! Господь чрез Ангела Своего открыл мне о приходе твоем к нам. Благодарю Его, что Он прислал святыню твою руководить души многих к мудрости Божественной и к жизни вечной". Св. Иоанн Поклонился католикосу и отвечал: "Владыко святый! Ты подражаешь Христу в смирении твоем, которому ты научился от Него Самого. Мы, рабы твои, благодарим Бога, что нашли в тебе такого достойного пастыря, которому все тайное открыто Богом. Слава величию Его, удостоившего нас видеть лицо твое, да руководишь нас, бедных, ко спасению, ибо вижу я, недостойный,

тебя исполненным благодати Божией, и притом, когда я принял от тебя благословение, то разрешились уста наши и язык мой для разговора с тобой, также и слух для слышания святых велений твоих".

После этого католикос отправился вместе со святыми отцами в город и повел их прямо в церковь живоносного и мироточивого столпа. Св. Иоанн и его ученики пали пред этой святыней, пораженные величием знамения - воздвижения Богом мироточивого столпа. Они славили и благодарили Господа за то, что их так хорошо приняли. После сего католикос просил их остаться при нем, и святые отцы согласились.

Царь и весь народ смотрели на них, как на Ангелов небесных, из уст иноков истекали благодатные струи Божественного учения, они являли пример высокого благочестия. Открылись благодатные целебные источники, со всех мест стало собираться к ним множество людей, приносивших больных и желавших приэтом получить какое-либо наставление и поучиться Божественному закону. Слушая поучения святых отцов, иверцы утверждались в вере в Святую Троицу. Проповедью иноков просветилась почти вся Карталиния, сам царь Парсман VI и вельможи его приходили часто получить благословение и послушать их.

Святые отцы обходили все места, где блаженная Нина учила вере Христовой, поклонялись тем местам, где происходили какие-либо события ее жизни, и, желая как бы увидеть ее, расспрашивали о всех ее деяниях и проповедях, и благодарили подвигоположника Христа, даровавшего немощной жене столь великую благодать апостольскую. Наконец иноки стали молить Бога о том, чтобы Он указал им место постоянного пребывания. Вскоре блаженный Иоанн увидел на северо-востоке, на горе Заден, подобное черной густой туче множество бесов, исполненных гордости Святой стал дивиться и говорить ученикам своим: "Смотрите, дети, что эти лукавые делают на горе той! Я думал поселиться там, наверное, это для того делают они, чтоб устрашить нас, но с нами имя Христово". Потом, обращаясь к бесам тем, сказал: "Именем Христа повелеваю вам удалиться оттуда, да не будет вам места там, где поселится бедный Иоанн и братия его". После этого св. Иоанн пришел к католикосу и просил позволить ему жить с братией на той высокой и неприступной горе, пока Бог не укажет им другое место. Католикос сказал им: "Святые отцы! Гора та мрачна, высока и неприступна, и притом она была местом мерзкого идола Задена, которого разрушила святая и блаженная Нина, матерь наша. Гора та и теперь, как говорят, полна злых духов". Иноки возразили ему на это: "Да будет благоволение Божие и твои молитвы с нами, благослови и отпусти нас". Католикос, будучи не в силах более удерживать их, исполнил их просьбу. Св. отцы сначала пришли к столпу, Богом воздвигнутому, преклонили колена и долго молились. Св. Иоанн со слезами молился Богу пред мироточивым столпом, говоря: "Настави мя, Господи, каким путем идти мне, и веди меня во истине Твоей туда, где бы, благоугождая Тебе, мог я в тишине окончить дни моей жизни, исполняя служение Тебе, Господи! Оставил я страну, в которой родился и рос, и Промышлением Твоим шел по пути этой краткой жизни". Окончив молитву, они вышли из города Мцхета.

Это было в мае, когда река Арагвы была в разливе, и переход чрез нее был невозможен, но путников ничто не могло удержать. Они в сопровождении католикоса и всего народа пришли к берегу реки. Блаженный Иоанн обратился к возлюбленному ученику своему Шио и сказал: "Помолись, отче, Богу, да проведет Он нас на тот берег безопасным путем".

Св. Шио, всегда покорный своему учителю, без возражений обратился лицом к востоку, положил три поклона, осенил воду крестным знамением, взял жезл у св. Иоанна, ударил концом его по воде, произнося следующие слова: "Вода! Отец наш повелевает тебе остановиться в течении твоем, пока перейдем на тот берег". О чудо! Река дала им дорогу, и святые прошли чрез нее, как посуху. Все множество людей, увидев это, прославило Бога, даровавшего рабам Своим такую благодатную и крепкую веру.

Проходя с великим трудом через колючие кустарники у подножия горы и дремучий лес на горе, святые отцы взошли наконец на самый верх. Иоанн обошел всю вершину, на которой стоял некогда мерзкий идол Заден. Очистив несколько гору, он нашел там небольшую пещеру. Обратившись к ученикам своим, преподобный сказал: "Братие мои! Поселюсь я здесь, и на этой горе нам будет удобно пребывать в безмолвии, и наша жизнь благоугодна будет Богу". Ученики на это отвечали ему; "Честнейший отец, как угодно тебе, так пусть и будет по твоим словам". Найденную пещеру св. Иоанн немедленно сделал церковью, а потом святые отцы устроили себе несколько бедных шалашей из листьев деревьев и поселились в них. Там пребывали они в подвигах благочестия, претерпевая холод и голод, пищей им служили разные травы и коренья, растущие на горе.

Итак, этот пустыннолюбивый голубь, подобно пустынножителю Крестителю Иоанну, водворился на горе Заден. Постом, молитвами и умерщвлением плоти он достиг самого высокого духовного совершенства и поборол все козни сатанинские. Когда плоть ослаблена постом и молитвами, силен дух; тело же, изнеженное пресыщением и праздностью, ослабляет дух и делает его рабом нечистых плотских помышлений. Посему Боголюбивый этот муж умершвлением плоти поработил ее вполне духу. Сего светильника, красу Церкви и народа грузинского. Господь вселил на горе той, дабы разливалось вокруг сияние его молитв, силой которых очистилась та гора от множества некогда водворившихся там злых духов. Едва разнесся слух о поселении святых мужей на горе, как народ нашел к ним дорогу, со всех сторон спешили к ним больные, бесноватые, слепые, глухие, увечные, которые получали исцеление. Возвращаясь домой совершенно здоровыми. они славословили и благодарили Бога за подаяние им милости чрез святых отцов.

Однажды католикос собрал своих епископов и пожелал взойти с ними на гору к преп. Иоанну и его ученикам. Когда архиереи приближались к жилищу св. отцов, те, заметив идущего к ним первосвятителя, исполнились необыкновенной радости, немедленно вышли навстречу, бросились в ноги католикосу и епископам и просили благословения, пришедшие же просили молиться о них Богу. Католикос, сотворив молитву, сел возле пещеры, служившей церковью. Св. Иоанн обратился к гостям со следующими словами: "Почему, господа мои, вы изволили принять на себя столь великий труд посетить нас, людей недостойных? Бог, Щедрый в милостях, да воздаст вам за это". Затем католикос стал просить св. Иоанна сказать им что-нибудь в назидание, но блаженный долго отказывался, говоря, что это более прилично как раз Евлавию как первосвятителю, но наконец, после долгих просьб католикоса, святой Иоанн согласился и начал говорить о жизни вечной и о будущем воздаянии. Из уст его лились как бы сладкие струи неисчерпаемого источника, католикос и епископы со вниманием слушали поучение его, исполняясь необыкновенной радости.

В это время, по причине смерти двух епископов, остались без архипастырей две епархии: Цилканская и Некресская. Католикос Евлавий, посоветовавшись с епископами, пожелал назначить на пустующие кафедры кого-либо из числа тринадцати святых отцов и положил избрать тех, которые в день его прихода на гору будут совершать Божественную Литургию. Когда первосвятитель с другими пришел, служили иеромонах Авив и иеродиакон Исе. По окончании Литургии, католикос в присутствии св. Иоанна и других взял одной рукой Авива, а другой— Исе и, поцеловав первого, сказал: "Радуйся, Авиве, епископ города Некреси"; потом поцеловал другого, сказав: "Радуйся, Исе, епископ города Цилкани". Такая неожиданность удивила избранных: они были опечалены налагаемым на них тяжким бременем святительства. Со слезами отказывались они и просили католикоса не отлучать их от старца, любимого ими. Но католикос ответил: "Жив Господь наш Иисус Христос, что не возьму назад слов, возвещенных вам по повелению Божию". Обратился к ним и святой Иоанн, сказав: "Дети, не противьтесь повелению Божию и желанию сего святого Владыки. Для того пришли мы в эту страну, чтобы трудиться в ней и сеять слово Божие".

Избранные святые мужи более не возражали, и католикос, взяв их с собой, возвратился в город Мцхета и посвятив их в скором времени во епископы. Авива первосвятитель послал в Некреси, где святой после долгих трудов среди язычников принял от огнепоклонников мученическую кончину; а чудный Исе был поставлен в Цилкани, ему была вручена паства Цилканская, и он получил в управление Цилканский соборный храм, где находилась чудотворная икона Божией Матери, написанная на доске из яслей Господних.

По уходе св. Авива и св. Исе с горы, посетители св. Иоанна со временем умножались, и многие из них оставляли мир, вступали в число братии его, и непроходимая из-за лесов гора та сделалась уже удобной для жительства поселившихся там и прославляющих имя Господа Иисуса иноков.

Однажды ночью блаженному Иоанну явилась Пресвятая Богородица с равноапостольной Ниной, и повелела ему Владычица разослать его учеников по разным местам Иверии для проповеди слова Божия и поучения народа. Восстав от сна, святой Иоанн собрал учеников, передал им свое видение и повеление Владычицы Богородицы и приказал готовиться в путь, куда каждому укажет Сам Господь.

Больно было ученикам расставаться с возлюбленным отцом своим, но они не смели противиться ему, будучи уверены в том, что такова воля Божия. Прежде всего св. Иоанн привел учеников своих к католикосу Евлавию, объявил ему повеление Господа и просил благословить уходящих и молиться о них. Католикос, благословляя святых отцов, просил каждого взять с собой по одному монаху в помощь себе. Согласились все, кроме ев. Шио: как любитель отшельнической жизни, он просил, чтоб ему позволили остаться в совершенном одиночестве. После этого св. Иоанн заповедал ученикам, как им жить в разлуке с ним, и преподал следующее наставление.

"Любезные дети мои! Для блага этой страны Господь послал нас сюда и, как видите, добрая почва страны сей новопросвещенной требует орошения учением слова Божия, дабы проповедью и наставлением укрепились в ней твердо корни православной веры. Поэтому каждый из вас, подобно апостолам, должен отправиться возвещать истины веры, совершать святое Крещение во имя Отца. и

Сына, и Святого Духа, и поучать пребывающих в невежестве поклоняться одному Господу нашему Иисусу Христу. Да не предпочтете, дети мои, чего бы то ни было любви Господней, как и наш праотец Адам лишился райского блаженства и все потомство свое обрек на заботы, труды, лишения и, наконец, смерть, вкусив запрещенного плода, за что и был изгнан из рая. Но Христос, по благодати Своей, не только не предал забвению творение рук Своих, искушенное диаволом, но даже вочеловечился ради него и, претерпев страдания, избавил его из рук смерти, соделав снова причастником блаженства.

Знайте же вы, дети мои любезные, что если будете пребывать в посте, бдении и сохранять тела ваши в чистоте, прилепится к Богу дух ваш, очищенный от скверны. Избегайте всячески вина, ибо неприлично пить его монашествующим: оно сковывает крепкими цепями употребляющих его и уподобляет человека купленному рабу, подчиняя его греховным побуждениям. Святой Павел справедливо называет вино началом зла, говоря: "Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство" (Ефес. 5; 18).

Братья мои! Помните всегда смерть и имейте пред очами вашими постоянно страшный день Суда, когда мы все со стыдом и ужасом предстанем пред Господом Иисусом Христом. Будем подвизаться в этой жизни в добродетели и не станем щадить себя ни в чем, избегнем страстей плотских, претерпим болезни временные, ибо все земное обречено быть горьким, а лишь в вечности наше успокоение. Победим здесь мужественной борьбой врага нашего, дабы в будущем заслужить венцы бессмертия, приготовимся благоговейно к тому страшному часу. когда от вещественного облечения своего освободится душа. О, как страшен час тот. когда Ангелы сопровождают душу к месту, ей уготованному, где ожидает ее воздаяние по делам, добрым или злым!" Напутствовав учеников своих таким наставлением, блаженный Иоанн послал их проповедовать о приближении царствия небесного, и, ведомые Духом Святым, они направылись в путь по указанию пастыря своего, будучи наделены от него властью попирать стопами змей, гадов и всякую силу вражию. Чтобы иноки достойнее следовали по избранному пути, воодушевлялись воспоминанием святых мучеников и следовали примеру их, св. Иоанн дал имевшиеся у него мощи святых мучеников ученикам, посылая их на проповедь слова Божия.

Одни из св. отцов, именно: блистающий жемчугом святости и постничества Давид, многосветлое солнце столпничества Антоний, цвет чистоты и целомудрия авва Иосиф. увенчанный силой и ведением Стефан, столп сладкого послушания Зенон—отправились в Кахетию, в северо-восточную часть Иверии, там же, в г. Некреси, был и святитель Авив, в будущем священномученик. А святые отцы: Шио, образец духовных слез и крепость царства Грузинского, Пирр, божественный пример плача, Михаил, образ чистой правды и жизни по ней, Фаддей, столп святой веры, Исидор, вертоград добродетели - отправились в Карталинию, в северо-западную часть Иверии, орган всесвятой любви и непорочности Исе находился также в Карталинском городе Цилкани.

Каждый из преподобных отцов страдал за веру и истину; как на апостолах и мучениках, на них исполнялись слова богоглаголивого Павла: Те, которых весь мир не бил достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли, терпели недостатки, скорби, озлобления (Евр. 11; 38, 37). Ибо отреклись они от всех забот мирских, и многие из них осудили себя на такие лишения, что не хотели употреблять даже одежд, завернувшись в кожи, шли они на проповедь

слова Божия, несмотря ни на холод ночи, ни на зной дневной, и, подобно живущим в раю прародителям нашим, были наги из любви к пустынножительству, и пренебрегали всяким рукоделием человеческим. Ученики эти не корыстью, но своей преданностью Иоанну побуждаемы были к благому труду, они научены были наставником своим, как возделывать ниву спасения верующих и очищать пшеницу от плевел, которые посеял завистник и враг рода человеческого, влагая в души людей порочные желания. К этим блаженным отцам приходили люди боголюбивые и верующие во Христа и поучались у них делам душеспасительным, слабые же телом и духом получали и просвещение. Господь внимал молитвам отцов, совершая чрез них множество исцелений и чудес. Так сердца верующих укреплялись в Православии, духи нечистые в страхе оставляли места, в которых жили, и убегали в пустыни, капища идольские разрушались, и вместо них воздвигались храмы во славу Божию.

Разослав учеников своих по всей Грузии, св. Иоанн оставил при себе одного только диакона Илию, который был ему утешением и опорой в немощи его, и предался непрестанным трудам и подвигам духовным, посту и молитве, и совершенно умертвил плоть свою. Видя таковые подвиги блаженного мужа. нечистые духи разрывались на части от зависти и бессильной злобы. Они не могли переносить присутствия святого на горе Заден. Однажды, вооружившись на Иоанна, с дерзостью и бесстыдством приступив к нему, со страшными криками, бранью и угрозами, старались навести на него страх и изгнать его оттуда: "Зачем пришел ты сюда,—говорили они.—этим местом владеем мы с древности, какое равенство между нами и тобой? Какой властью отнимаешь у нас достояние наше? Монах, если ты не оставишь горы по доброй воле, то мы нашлем на тебя такое множество искушений, что ты вынужден будешь уйти и поймешь, что значит вторгаться в чужие пределы".

Святой Иоанн осенил себя крестным знамением и сказал про себя; "Именем Господа поражу их! Господь со мной, кого же я убоюсь? Если Бог со мной, то что сделает мне враг?" Затем, обратившись к демонам, произнес: "Если дана вам от Господа власть над телом моим, как это некогда было с Иовом, то делайте, что хотите, что должно делать вам, ибо я раб Господа моего Иисуса Христа и не боюсь угроз ваших". Главнейший из демонов с яростью обратился к святому и сказал: "Иоанн, Иоанн! Для чего ты пришел к нам, оставив свое прежнее место? Иди отсюда немедленно, потому что гора эта наша, и тебе не подобает жить с нами. Если же не послушаешь нас, навлечешь на себя гибель, ибо ты не сможешь противостоять нашей власти. Не обрекай же себя на бедствие, уходи отсюда скорее".

Тогда Иоанн отвечал им: "О злочестивые! Никогда не желаете добра нашему роду. Вы коварны и лживы, и, вместо блага человеку, всегда добиваетесь низвержения его во ад. Как вы говорите мне, что место это ваше? Не Господу ли принадлежит этот мир и все пространство, равно и земля, и все на ней не дано ли Богом роду человеческому? Для вас же предназначена Им одна только преисподняя и несгараемый огонь, в котором должны понести наказание вы и все исполнители воли вашей. О, как хитро советуешь мне удалиться отсюда, коварный! Коварством вашим лишились прародители наши райского блаженства, которое возвратил нам Господь наш Иисус Христос, и вот вас всюду преследует потомство Адама. Удалитесь именем Христа и уходите далеко отсюда, ибо Господь наш Иисус предоставил мне место это".

Как только святой произнес эти слова, демоны завопили страшным голосом: "О, горе нам! Ты пришел сюда во имя Иисуса, изгоняющего нас отовсюду, именем Которого торжествуют над нами даже непоследовавшие Ему, ибо Он и им даровал над нами силу победную. Бежим же отсюда к язычникам внутренних стран в горах и водворимся среди них". И мгновенно исчезли бесы, висевшие подобно туче над пещерой блаженного, и пустились прямо к северу, внутрь Кавказских гор.

Когда разнеслась молва об этом чуде, жители окрестностей, знавшие, что гора эта была наполнена нечистыми духами, воздали славу Богу и, удивленные таким великим чудом святого отца Иоанна, единодушно говорили: "Воистину, дивен Бог во святых Своих, и благословенно имя Его во веки". Такой благодатью сиял достойный отец наш. обогащенный всеми добродетелями и смиренный духом. Св. Иоанн навещал учеников своих, дабы не ослабевали они духом в подвигах душеспасительных и всегда были готовы к тому неведомому дню. когда Грядущий Жених призовет чистые души, украшенные христианскими добродетелями, и введет их в брачный чертог святых.

Замечательно посещение св. Иоанном его возлюбленного ученика св. Шио. Чтоб достоверно узнать, какой степени совершенства духовного достиг преподобный, св. Иоанн, взяв с собой ученика и служителя своего Илию-диакона, пошел в обитель св. Шио.

Когда братья обители услышали о приближении великого отца и учителя, вышли ему навстречу во главе с преп. Шио. Облобызавшись со св. Иоанном и приняв от него благословение, повели святого прямо в церковь Божией Матери. Св. Шио, узнав о намерении наставника остаться у него на некоторое время, послал монаха к святителю Исе, епископу Цилканскому, с известием о приходе учителя и отца их Иоанна и просил святителя придти к ним, чему св. Исе был очень рад. Он немедленно собрался в дорогу и отправился в обитель преп. Шио. Пришедши, св. Исе принял благословение от отца своего Иоанна, прежде облобызавшись с ним.

Проведя некоторое время в обители св. Шио, блаженный Иоанн однажды во время трапезы потребовал чашу вина, диакон Илия подал ему ее. Тогда блаженный осенил чашу крестным знамением, поднял вверх, помолился Богу и выпустил ее из рук. Она стала, как бы поставленная на чем-нибудь, в воздухе. Чудотворец обратился к ученикам своим, св. Шио и св. Исе. и сказал: "Дети, снимите чашу эту, полную вина, и благословите". Но никто не дерзал на таковое дело. Все окружавшие святого дивились этому чуду. Наконец сам Иоанн взял чашу и дал пить из нее всем, прежде благословив. Потом св. Иоанн обратился к преп. Шио, говоря: "Отче, нужно возблагодарить Бога за чудо, которое явил ныне Господь между нами". Св. Шио повиновался старцу, встал с места, положил на голую ладонь левой руки горячие угли и на них—фимиам, и начал кадить сидящих святых отцов, и воздух наполнился благоуханием фимиама. Все видевшие чудо это славили и благодарили Бога, и удивлялись столь дивным Его делам.

Св. Иоанн сказал присутствующим: "Не дивитесь, братия! Знаите, что действие огня безопасно для истинно верующих. Огонь, возжженный в Вавилоне для трех отроков, устыдился невинных, когда халдеи бросили их в горящую печь. Сошел к юношам Ангел и сохранил их неврежденными от пламени, так что и волосы их остались неопаленными но пострадали одни лишь возжигатели огня". Потом св.

Иоанн посмотрел на святителя Исе и сказал: "Отче и пастырю словесных овец, просим твоего благословения в память о тебе".

Св. Исе, исполненный Святого Духа, встал с места, поднял руки свои к небу, долго молился безмолвно, потом пал на землю, оросил ее теплыми слезами и, обратившись к св. Иоанну, просил его молитв. Затем, пригласив Иоанна и других следовать за ним, пошел к реке Ксани. Прийдя к реке, св. Исе снова стал на молитву. "Святая и Преблагословенная Царица, - говорил он, - Твоею благодатью да покорится мне вода эта, и да последует она мне". Окончив молитву, святитель протянул жезл свой к реке и сказал: "Именем Господа нашего Иисуса Христа говорю тебе, река Ксань, последуй за жезлом моим". О чудо! Отделилась часть реки и потекла вслед за святым Исе, она как бы тянулась за жезлом. Земля же углублялась там, где блаженный влачил жезл свой и показывал воде дорогу. Таким образом святые приблизились к церкви Божией Матери в Цилкани, а святитель все еще вел за собой воду. Дойдя до упомянутой церкви, св. Исе оставил воду, и она нашла себе дорогу дальше, вода эта и доныне течет у самой крепостной стены церкви Божией Матери во славу Господа Иисуса Христа и в свидетельство о святости Исе. Очевидцами этого чуда были святые отцы Иоанн, Шио, Илия-диакон, Евагрий и другие братья обители св. Шио, а также и жители великого города Мцхета и ближайших селений, жители Цилкани, которые славили и благодарили Бога, подавшего святым Своим столь великую силу чудотворения.

Увидев духовное совершенство своих учеников, св. Иоанн с диаконом Илией возвратился назад в свою пещеру на гору Зедазен. За ним последовали и остальные ученики его—Шио, Исе и другие. Проведя у св. Иоанна три дня в духовной радости, каждый из них возвратился к себе.

Гора, на которой жил св. Иоанн, была вначале совершенно безводна. В поте лица трудился ученик преподобного св. Илия. Он носил воду из реки Арагвы, текущей у подножия высочайшей горы Зедазен. Сжалился над ним св. Иоанн, видя столь великие труды его, стал со слезами просить Бога подать им на той высочайшей горе источник воды, которая и ло сего времени течет там во славу Бога и раба его Иоанна.

Народ, узнав об этом новом чуде, стал стекаться с разных мест, принося с собой больных разными недугами, одержимых духами нечистыми. Святой, благословляя их, подавал им пить воду из источника, дарованного Богом по его молитве и слезам, и больные немедленно получали душевное и телесное исцеление. И теперь всякий, принимающий с верой воду эту, обретает сугубую пользу молитвами святого отца нашего Иоанна. Однажды ученик святого, диакон Илия, пошел к источнику за водой. Черпая воду, он взглянул и увидел против себя медведя необыкновенной величины, идущего на источник. Илия очень сильно испугался, оставил водонос и в ужасе пустился бежать к святому схимнику, великому Иоанну, сообщил ему о виденном звере и сказал: "Пойдем, отче, я укажу тебе этого медведя у самого источника". Св. Иоанн последовал за учеником своим и увидел медведя, пьющего воду. Иоанн с кротостью сказал: "Пей, если жаждешь, и иди отсюда, но, говорю тебе, чтоб ты и твой род отныне на этой горе не смели никому и никогда причинять какого-либо вреда".

Услышав слова святого, медведь, опустив голову, как раб покорный, немедленно удалился от источника. Так давал заповедь даже и бессловесным зверям благой наставник этот, св. Иоанн. И с тех пор все дикие звери, которых на эгой горе

огромное множество, так твердо сохраняют эту заповедь святого, что при всякой встрече с людьми немедленно бегут в обратную сторону, исполняя веление св. Иоанна. и не причиняют никому никакого вреда.

Принесли однажды к чудотворцу одного больного, расслабленного всеми членами и совершенно уже разрушающегося, на которого нельзя было смотреть без глубочайшей жалости, положили его вместе с носилками перед св. Иоанном и просили блаженного, говоря: "Помилуй расслабленного этого, о святый отче! Ибо веруем, что молитвами твоими можешь сделать все, как исполнитель воли Господа и верный раб Владыки нашего Иисуса Христа". Обратился к нему и сам расслабленный тихим голосом, так что едва можно было слышать его: "Помилуй меня, раб Милосердного Владыки и Бога, и моли Его за меня. почти мертвого и обреченного быть в могиле, да уврачует меня Господь молитвами твоими".

Блаженному Иоанну тяжело показалось испытание это, но, сострадая больному, помолился он с верой Господу и просил Его об исцелении этого человека. Потом, обратившись к страдальцу, как некогда Спаситель к расслабленному у купели Силоамской (Проватикийской), святой сказал ему: "Встань, возьми постель твою и иди, ибо исцеляет тебя Господь наш Иисус Христос". О чудо великое! Полумертвый, безнадежно больной, встал тотчас же на ноги, с исцеленными всеми членами своими. Великое это дело видели все присутствующие и, удивленные, славили Бога, столь чудесно действующего чрез раба Своего, св. Иоанна.

В другое время привели человека, в которого вселился дух немоты. Больной сильно страдал от того, что не мог произнести ни одного слова. Св. Иоанн сжалился над ним, обратился к нечистому духу, как бы к человеку, и сказал: "Дух злой и нечистый, зачем терзаешь ты творение Божие? Говорю тебе именем Господа нашего Иисуса Христа, изыди из него и ступай в места пустынные и непроходимые для людей". Злой дух по повелению святого немедленно оставил человека, и получил страждущий освобождение от мучившего его диавола.

За это чудо славили и благодарили Христа Бога, и говорили пришедшие с тем человеком: "Кто это такой, который одним словом изгоняет диавола и дарует больным исцеление?" Иоанн же говорил им: "Не дивитесь, люди, столь великому чуду Божию, ибо не я врачую, а имя Господа нашего Иисуса Христа, Который изгоняет нечистых духов и уничтожает силу их, и освобождает людей от немощи и недугов. Ибо сказал Господь: "Верующий в Меня дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит" (Ин. 14; 12). Бог есть Творящий чудеса". Такими благодатными дарами сиял блаженный Иоанн. О множестве чудес, совершенных им еще в Сирии мы умалчиваем, чтобы избежать многословия, упомянули же лишь о некоторых из тех, которые творил он в Иверии, показывал, какую обрел он милость у Всевидящего Владыки Иисуса Христа.

Надлежало наконец святому, после долговременной жизни, успокоиться от трудов своих и получить мзду их. Св. Иоанн, удостоившись откровения о своей смерти, пригласил некоторых из учеников своих, которые были еще живы. Между прочими—диакона Илию и св. Фаддея Степанцминдского, основавшего по повелению св. Иоанна у подошвы горы Заден монастырь для приходящих ради спасения души к Иоанну. Как любитель уединения и отшельнической жизни, святой не принимал к себе никого жить на горе, оставался только со св. Илией, а всех приходящих посылал в упомянутый нижний монастырь Фаддея.

"Дети мои! - говорил он ученикам. - Близок последний час мой. Страшусь, чтобы злые враги не повлекли меня в бездну ада. Во время смертного часа остерегайтесь и вы, братья мои, сетей диавольских, дабы враг человека не подставил вам камня преткновения, ибо он постоянно стережет нашу душу, желая как-нибудь уловить ее, и никому не избежать рук его иначе, как только постом и чистотой телесной, ибо эти подвиги привлекают к нам помощь Божию. Посему прошу, дети мои, бодрствовать каждый час и свято служить Господу, поминая и меня в молитвах ваших". Кротостью и смирением души св. Иоанн был устрашением диавола, которого отгонял от себя словом и делом. Но и теперь, освобождаясь от уз плоти, уже как бы стоя пред Господом чистой душой, он все-таки еще опасался горьких мытарств. Он научен был великим учителем язычников апостолом Павлом, который сказал: 'Что надлежало мне сделать, то я сделал, а все-таки остаюсь неключимым рабом Господа"[72].

За тем св. Иоанн заповедал ученикам своим положить его тело в тесной его пещере на горе, на месте его подвигов, потом причастился Св. Тайн Телам Крови Христа Спасителя, По принятии их преподобный вдруг пришел в духовный восторг, видя пред собой воинство бесплотных. Сил Небесных со множеством святых, сошедших принять его святую и праведную душу и принести к престолу Всевышнего, и предал ее св. Иоанн в руки небесных граждан[73].

Ученики святого обливали его ноги горячими слезами, рыдали о сиротстве своем, оплакивая потерю такого отца. "Честнейший отец и путеводитель душ наших, - говорили они, - где же теперь нам видеть ангельское твое лицо? Кто будет врачевать сугубое бессилие наше, кто же подобно тебе будет орошать землю святыми слезами?" После долгих рыданий приготовили тело св. Иоанна к погребению. Позабыли, однако же, исполнить заповедь старца, или, лучше сказать, не хотели и считали, что неприлично похоронить святое тело его в убогой пещере на горе, а поэтому собрали иереев, диаконов и в сопровождении духовенства и светской знати с честью унесли святого с горы и, прийдя в нижний монастырь, после обычного правила, положили в нарочно приготовленном для него склепе. Но, между тем, великому подвижнику и праведнику не угодно было такое ослушание учеников его. Он желал, чтобы тело его предали земле в месте, им самим назначенном. Земля вокруг монастыря стала страшно колебаться, и ученики его поняли, что святому неугодно лежать телом в монастыре св. Фаддея. Помня повеление преподобного, они пошли к католикосу и ко всему соборному клиру и объявили им заповедь св. Иоанна.

Католикос, услышав о таком событии, отправился в монастырь, сопровождаемый иереями и диаконами и множеством народа, вынес святые мощи из склепа, и с возжженными свечами и фимиамом и со славословием все пошли на гору в упомянутую пещеру святого, где и положили его тело. Тогда же прекратилось землетрясение вокруг нижнего монастыря. По погребении святого стали истекать бесчисленные чудеса от его святого гроба: одно прикосновение ко гробу исцеляет от душевных и телесных недугов до нынешнего дня.

По прошествии многих лет святой Климент, католикос Мцхетский, построил на южной стороне пещеры, где лежало тело святого, церковь в честь Иоанна Крестителя, в приделе которой у самого жертвенника и покоятся святые мощи Иоанна. Таковыми благодатными деяниями просветил и украсил страну Иверскую всехвальный Иоанн. Он научил народ служению Господу не только собственным примером, но и через учеников своих, поэтому святая Церковь Иверская

празднует память преподобного вместе с двенадцатью учениками его седьмого мая. Кончина святого последовала между 557 и 560 годами при католикосе Макарии.

МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОМУ ИОАННУ Зедазнийскому чудотворцу

О отче отцев и величие монахов Иоанне, явивыйся ради украшения рода Грузинскаго! О преблаженне причастниче небеснаго царствия! Предстоя престолу Пресвятыя Троицы, призри с высоты небес на ны, недостойныя рабы твоя. Отжени от нас врагов душ наших, умоли свободитися нам от всех душевных и телесных страстей, да от многотревожных греховных вожделений очищеннии, обретем и мы упокоение и да сподобимся славословити в веце будушем Безначальнаго Отца и Единороднаго Его Сына, Всесвятаго Благаго и Животворящаго Его Духа, ныне и присно, и во веки веков! Аминь.

Житие преподобного Шио Мгвимского чудотворца, покровителя Грузинского царства

Память его 7 мая[74], с его двенадцатью учениками.

Святой и богоносный отец наш Шио[75] происходил из Сирийской страны, из города Антиохии, который был некогда славен многими великими и святыми мужами. Преподобный родился от благочестивых и богатых родителей, имена которых остались для нас неизвестны. Других детей, кроме сего святого Шио, они не имели. Он был единственным утешением их старости и наследником их огромного имения. Счастливые родители воспитывали этот плод своей благочестивой супружеской жизни с великим старанием: сами руководили его в изучении слова Божия и тщательно наблюдали, чтобы он хорошо понимал изучаемое.

Святой Шио охотно внимал благочестивым советам родителей и, как землю, удобрял душу свою наставлениями их, постоянно упражнялся в чтении Священного Писания и старался заучивать его на память. Он всегда носил с собой Евангелие, послания апостола Павла и Псалтирь. Достигнув шестнадцатилетнего возраста, блаженный Шио так хорошо понимал и толковал слово Божие, что многие удивлялись его необыкновенному разуму. Успехи эти, однако же, не особенно радовали любящих его родителей. Они опасались, что сильное умственное напряжение может иметь худые последствия, и часто просили сына дать себе отдых. Они даже решились однажды отобрать у него книги, что сильно опечалило блаженного отрока. Тогда Шио сказал родителям своим: "Почему прервали вы мои Божественные размышления? Кто не поучается постоянно закону Божию, тот весьма далек от царства небесного и делается рабом диавола. Вот видите, к чему ведете вы меня, добрые родители мои, отдайте мне мои сокровища". Многое другое говорил он им, прося отдать ему Божественные книги. После этого случая родители блаженного Шио не стесняли уже свободы своего сына, и он преуспевал с возрастом в страхе Божием и в изучении Священного Писания, и соделался полным благодати, как масличное дерево в дому Господнем.

Когда преподобному Шио было двадцать лет, явился великий Иоанн, подобно светлой звезде просвещающий всех антиохийцев. Он жил близ Антиохии в пустыне со многими учениками. К этому-то великому пастырю пришел св. Шио

тайно от своих родителей. Он пал ему в ноги, обнимал и целовал их. Святой Иоанн, познав духом благоразумие юноши, его смирение, силу и высоту ума, сказал ему. "Чадо мое, Шио!" Юноша смутился, услышав свое имя, которое скрывал, и был рад, что нашел того, кого хотел найти, - своего будущего учителя и наставника. Святой Иоанн снова сказал ему: "Сын мой Шио, отчего ты смутился? Оттого ли, что имя твое открыл мне Господь? Если веришь в святое Евангелие, которое ты таю любишь, то не сомневайся, что для веры все возможно". Затем св. Иоанн поднял его с земли, поцеловал и благословил его.

Потом обратился к ученикам своим и тихо сказал: "Вот, Господь избрал Себе отрока сего, исполнил его благодати Святого Духа, и будет он отцом многих, руководствуя их своими добродетелями. Он будет светильник, стоящий на свешнице, чтобы светить многим". Потом преп. Иоанн обратился к святому Шио и сказал: "Сын мой, блажен ты, ибо будешь велик пред Богом, блажен буду и я потому, что назовусь отцом такого отца отцов". Эти слова долго занимали преподобного Шио. Он радовался им и размышлял: "Что должно значить сказанное святым старцем?" На другой день святой Иоанн говорит преподобному Шио: "Сын мой, иди теперь домой, возьми у родителей своих благословение, а потом возвратись ко мне. Благодать Божия да сохранит и укрепит тебя". Блаженный Шио сильно опечалился, опасаясь, что его родители не дадут ему благословения, когда узнают о намерении его принять монашество. Но святой Иоанн утешал его, говоря: "Поверь мне, Шио, что родители твои еще прежде тебя примут ангельский образ. Ступай. Бог да будет тебе Сопутником и Утверждением". Святой Шио, получив благословение у святого Иоанна и братии, отправился в дом родительский. Приближаясь к дому, он думал о том, как бы оправдаться перед родителями, что без их ведома отлучался так надолго, а между тем радовался духом своему намерению.

В один воскресный день родители святого Шио пошли в церковь слушать Божественную Литургию. Преподобный также пошел за ними и, по своему обыкновению, встал рядом с отцом. Когда диакон на Литургии начал читать Евангелие, блаженный Шио говорит своему отцу: "Господин мой, станем под святым Евангелием, ибо я слышал от духовных людей, что если кто-либо станет под читаемым Евангелием, тот бывает свободен от разных болезней и немощей". Отец согласился, пошел с преподобным и стал под Евангелием, наклонив голову. Диакон читал следующие слова: Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником (Лк. 14; 26). Кончилась по чину Литургия, и святой Шио с родителями пошел домой. Когда они сели за стол, во время обеда преподобный стал спрашивать отца: "Господин мой, что означают слова прочитанного сегодня Евангелия? И что препятствует нам быть учениками Господа Иисуса Христа, чтобы получить от Него сторицей в будущем веке за малое? И какая польза от этого мира, если приобретем и земные царства?" Слова блаженного подействовали на сердце отца, и он ответил; "Сын мой, ты видишь, что я и мать твоя уже стары, ты же - единственный наследник наш. Если хочешь, мы изберем монашескую жизнь, а ты женись и унаследуй все имение наше, - вот, оно все перед тобою, прими власть над ним".

Обрадовался этим словам блаженный Шио, сказав себе: "Когда родители мои примут иночество, я буду свободен и волен делать все, что хочу". Вспомнив предсказание святого Иоанна, преподобный отвечал добрым своим родителям: "Господа мои, добрую мысль внушил вам Бог. Немедля принесите Ему эту

благоприятную жертву, изберите себе монастырь, а в будущем году, если угодно будет Богу, я возьму себе жену". Убедив в этом своих родителей, блаженный Шио отвел сначала мать свою в девичий монастырь, где она приняла иночество. Святой дал ей следующее наставление: '"Мать моя, поучайся закону Господню и оставайся верной твоему обету, данному Иисусу Христу пред святым алтарем Господним. Меня более видеть ты не можешь, равно как и отца. Будь покорна игумении и всем твоим сестрам, не печалься о мне, не забывай только меня и отца моего в молитвах своих", - и т.п. Затем святой Шио со слезами простился со своей матерью, в последний раз поцеловал ее и ушел из девичьей обители.

Потом проводил и отца в монастырь, где тот облекся в святую схиму. Получив от отца благословение и в последний раз поцеловав его, и много сказав ему о терпении и подвигах духовных, св. Шио простился с ним. После этого преподобный сделал много пожертвований от своих имений в оба монастыря, в которые вступили его родители. Так, св. Шио, едва получил свободу, раздал все имение, оставшееся от родителей его: часть раздал нищим, часть пожертвовал монастырям, освободил рабов. Сам же взял только святое Евангелие и Псалтырь, оставил все свои дела, отрекся от всего Христа ради и поспешил к давно желаемой цели. Наконец преподобный пришел к св. Иоанну и, поклонившись, принял его благословение. Св. Иоанн, видя юношу, возрадовался и сказал: "Сын мой Шио, блажен ты, что возложил руку твою на плуг и не оглядываешься назад[76]. Истинно говорю тебе и уверяю тебя, что ты без труда освободишься от нападений вражеских, потому что пламенно возлюбил ты Христа и твердой верой исполнил заповедь Его". Затем св. Шио умолил св. Иоанна, чтобы тот постриг его в монашество и причислил к своим ученикам-инокам. Св. Иоанн, видя большую любовь юноши к монашеству, не медля более, возложил на него руки, надел на него святую схиму и, во время облачения блаженного в схиму, увидел, что лицо его сделалось светлым, подобно лицу Ангела небесного. Новопостриженный преподобный Шио постепенно восходил от совершенства к совершенству. Он, как финиковое дерево, насажденное при потоках вод Божественного разума, обременен был сладкими и благоухающими плодами благодати. Слушая учение св. Иоанна, он узнал весь путь монашеской жизни и возшел на степень великих Отцов. Сам наставник его, св. Иоанн, дивился блаженному Шио и столь сильно действующей в нем благодати Господней. Св. Шио все козни диавольские раздирал, как паутину, он получил от Господа благодать исцелений больных всякого рода недугами и одержимых духами нечистыми. Но при высоте подвигов и полноте в нем благодати Господней, св. Шио был кроток, и в сердце его не было никакого следа высокомерия и гордости. Смирение сделало его таким, что он называл себя червем, а не человеком.

Когда прошло уже двадцать лет, после того, как св. Шио вступил в иночество, св. Иоанн имел откровение свыше избрать из числа учеников своих двенадцать и с ними отправиться в страну Иверскую (Грузинскую), чтобы утвердить там в вере обращенных святой равноапостольной Ниной ко Христу грузин. 0б этом видении св. Иоанн рассказал всем своим ученикам. После продолжительных молений он избрал двенадцать исполненных благодати Божией иноков, в числе которых был и блаженный Шио - крепость и утверждение Грузинского царства[77].

Св. Иоанн отправился в далекий путь со своими богоизбранными учениками. Они достигли города Мцхета и были радушно приняты тогдашним католикосом Евлавием. Преподобный наставник иноков провел в городе Мцхета три года со своими учениками и с ними же затем взошел на гору Зедазен. После их

двухлетнего пребывания на горе, в одну ночь явилась св. Иоанну Царица неба и земли, Владычица Богородица Мария с равноапостольной Ниной и повелела ему, чтобы он разослал своих учеников по разным местам страны для проповеди. Проснувшись, он собрал учеников, объявил им приказание Богородицы и св. Нины и затем повелел приготовиться исполнить волю Божию - отправиться туда, куда каждому из ник укажет сам Святой Дух. Тяжко было расставаться чадам со своим возлюбленным отцом, но никто не смел противиться ему, зная, что приказание его есть воля Господня. Прежде всего св. Иоанн представил учеников своих католикосу,. испрашивая у него благословения на предлежащий им подвиг. Католикос, благословив их и сотворив о них молитву, повелел каждому взять себе в помощь по одному иноку. Только один св. Шио, любивший пустыню и уединённую жизнь, просил своего учителя благословить его на отшельничество. Св. Иоанн позволил ему это, сказав: "Чадо мое! Ступай, куда поведет тебя Сам Господь. Мне явил Владыка наш Господь Иисус Христос, что ты должен вести уединенную жизнь, а между тем будешь аввой великой лавры. Но прежде явись католикосу, получи его благословение, и да будет Господь с тобой всегда. Он нигде не оставлял меня, смиренного, в борьбе с духом лукавым, Он будет твоим Покровителем и Утешителем и разрушит за тебя всякое коварство и ухищрение дьявольское".

Святой Шио, получив благословение от возлюбленного своего учителя, затем от католикоса Евлавия на пустынножительство, отправился на запад от города Мцхета, в места непроходимые для людей из-за дремучих лесов. Он прибирался ужасными и дикими скалами и вошел наконец в глубокое, безотрадное, глухое, безводное ущелье, полное диких зверей и ядовитых гадов. Когда св. Шио осмотрелся кругом, ему понравилась эта совершенно уединенная пустыня, как бы нарочно защищенная отвесными и необыкновенно крутыми стенами песчаной горы от людских, взоров и от мятежа мирского. Он возвел очи и руки к небу и сказал: "Господи Иисусе Христе, Боже мой! На месте этом да обретет покой смиренный раб Твой. укрепи меня благодатию Твоею молитвами отца моего Иоанна!" На северной стороне, над отвесной скалой крутого берега реки Куры св. Шио нашел тесную пещеру, достаточную, чтобы укрыть тело его. Там поселился он, предав себя воле Божией, не беспокоясь ни о пище, ни о питье, ни о каком либо утешении человеческом. Он провел тут сорок дней в посте и молитве, не вкушая ни куска хлеба, ел только некоторые травы, и то самую малость их, и пил немного воды. Так начал св. Шио свою отшельническую жизнь. Совершенно отрекшись от мира, он предал тело свое изнурению и болезням и, поработив его духу высокими подвигами, ожидая от одного Бога помощи и укрепления в борьбе с диавольскими кознями.

Трудно описать все нападения диавола на святого: враг спасения использовал все возможные способы уязвить отшельника. Видя же безуспешность своих попыток, диавол начал устрашать подвижника, принимая вид то какого-нибудь страшного зверя, то отвратительного гада. Однажды во время молитвы святого и преподобного Шио собралось к нему множество бесов. С ужасным шумом и криком готовились они смертельно поразить его, но блаженный, нисколько не смутившись, окончил свою пламенную молитву. Затем он вышел из пещеры, обратился к злым духам и сказал им; "Окаянные, разве не знаете, что там, где присутствует благодать Господня, вы совершенно бессильны? Много дней вы всячески пытаетесь уловить меня хитростью и лукавством, но что же вы могли сделать мне? Это потому, что Господь Бог - моя жизнь, крепость и пение мое. Я не страшусь вас и говорю вам именем Господа нашего Иисуса Христа; отойдите и

удалитесь от меня все делающие беззаконие". Бесы, оставляя его, сказали: "Гордый монах, вот, князь наш, который занят теперь убийством Иоанна, завтра придет сюда и погубит тебя". Всю ночь после этого блаженный Шио провел в молитве снаружи пещеры. С воздетыми к небу руками молился он Богу, чтобы Господь свыше ниспослал ему помощь и даровал крепость на видимых и невидимых его врагов.

Под утро блаженный Шио увидел в своей пещере необыкновенный свет. Обоняя невыразимое благоухание и почувствовав необыкновенную радость в своей душе, он услышал из пещеры голос, говоривший: "Шио, верный раб Сына Моего!" И св. Шио увидел у входа в пещеру Бесславную Деву Богородицу. С Ней был величественный муж, имевший вид подвижника, а также множество святых небожителей. Над пещерой же видно было бесчисленное множество Небесных Сил, которые пели Трисвятую песнь сладчайшими голосами. Все святые Ангелы были украшены знаками святого креста. От страха и трепета, и от ослепительного света, исходящего от Богоматери, св. Шио пал лицом на землю. Пресвятая Дева подошла к нему и, коснувшись его концом жезла, который Она держала в руках, сказала: "Встань". Св. Шио по приказанию Владычицы мира встал, Пресвятая Богородица подала блаженному Шио часть чего - то белизной подобного снегу, и сказала: "Я - Родительница Христа Бога, Которого ты так возлюбил, стоящий же здесь со Мной - Иоанн Креститель. Мы видели любовь твою к Сыну Моему Иисусу и пришли утешить тебя. Вкуси то, что в руке твоей, и от этого времени питайся тем, что будет тебе подаваться с неба, и более не опасайся борьбы с диаволом, ибо ты получил благодать от Бога. Пустыня эта наполнится богоносными мужами, и будут они подражать твоей жизни и ублажать тебя вовеки". Затем небесное явление кончилось.

Когда после такого дивного явления св. Шио пришел в себя, то ясно увидел, что он под покровительством Божиим и Пречистой Богородицы. Затем, когда он съел полученное из рук Божией Матери, уста его исполнились необыкновенной сладости, и он в восторге сказал: "О Иисусе, Благий и Человеколюбивый, родившийся от Святой Девы! Ты, спасший введенных в соблазн диаволом, и ныне избавляешь от сетей вражиих надеющихся на Тебя и исповедающих воплощение Твое. О, Владыко Господи! Подай мне, рабу Твоему недостойному, силу с терпением пребыть на этом месте и провести остаток дней моих в добродетели христианской. Удостой и меня с прочини помилованными Тобой видеть в блаженной вечности неизреченный свет лица Твоего, молитвами Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, святых славных апостолов и молитвами святого отца нашего Иоанна". Молясь так, св. Шио стоял на коленях, орошая землю горячими слезами. После этого он предался еще более строгому посту. После нескольких дней поста святой подвижник утешен был видимым явлением Промышления Божия о нем. Тот, Кто через ворона питал Илию в пустыне, ежедневно с голубем посылал св. Шио белый и чистый хлеб для подкрепления тела его и повелел скале источать достаточно воды для утоления его жажды. Преподобный, видя явную милость Божию к себе, от полноты благодарного сердца возносил ко Господу пламенные молитвы и говорил; "О Господи, Боже Славный, Утешение всех! Буди имя Твое благословенно во пеки' Велика милость Твоя на всех нас! Ты по великой Своей благости промышляешь о всех и на меня, недостойного и непотребного раба Твоего, излил великую Свою благость и печешься о мне".

Имея Бога Покровителем, блаженный Шио восходил от силы в силу, Он все более прилагал к подвигам подвиги и в борьбе с невидимыми врагами был силен и непобедим. Он неустрашимо попирал все их коварства и отражал их. Непрестанной молитвой его были слова св. Псалмопевца: Господь Просвещение мое и Спаситель мои, кого убоюся? Господь Защититель живота моего, от кого устрашуся? (Пс. 26; 1) и пр. Чрез некоторое время Всевышнему угодно было открыть людям этот сияющий светильник, чтобы они, видя его добрые дела, прославили Отца Небесного.Однажды царедворец и начальник сильной крепости Насдаки по имени Евагрий[78], человек, рожденный от христиан и воспитанный в благочестии, вышел на охоту со своими детьми и рабами. Перейдя реку Куру, он направился в ту сторону, где жил св. Шио. Приближаясь к месту пребывания святого, он остановился, а сопутников своих послал выгонять дичь. Следя за тем, что делали охотники, он, к удивлению своему, заметил голубя, несущего пищу во рту и влетающего в пещеру, Евагрий запомнил это место и, поохотившись довольно, возвратился домой.

На другой день он снова пошел на охоту с теми же людьми и по той же дороге и стал опять на замеченном им месте. Наблюдая за охотниками, он снова увидел того же самого голубя, несущего во рту пищу, который, как и прежде, влетел в пещеру. Евагрий удивился этому и пожелал узнать, что бы это значило. Приблизившись к пещере, он увидел человека, молящегося на коленях с воздетыми к небу руками. Евагрий был поражен и подумал про себя: "Что этот человек делает здесь?" Затем спросил: "Кто ты и откуда. человек Божий?" Святой отшельник ответил ему; "Я странник, хвалю Бога в этой тесной пещере вдали от мирской тревоги. В уединении хочу окончить дни своей жизни, чтоб быть приятным Богу". Евагрий воспламенился любовью к Господу и с восторгом воскликнул: "Жив Бог, и жива душа твоя, с этого времени я не оставлю тебя и не ворочусь к себе домой!" "Сын мой, - сказал ему святой Шио, - ты не можешь перенести суровости и скудости этой пустыни. Лицо твое показывает, в какой неге воспитан ты, возвратись лучше в дом свой и имей всегда в душе страх Божий, который сохранит тебя от всех бед и скорбей". Евагрий на это ответил ему: "Я готов умереть здесь с тобой, не оставлю тебя, богоносный отец, предпочитаю скудость и суровость этой пустыни суетному, исполненному наслаждений миру".

"Если так, - сказал святой Шио, - то исполни то. что я скажу тебе". "Готов с радостью исполнить все повеления твои" - отвечал Евагрий. Преподобный дал ему жезл свой и сказал: "Ступай, сын мой. домой и, когда дойдешь до реки Куры. то ударь этим жезлом по водам реки, и силою Господа нашего Иисуса Христа вода расступится, и ты пройдешь по дну, как посуху. Когда придешь домой, раздай имение твое, а потом возвратись ко мне сюда. На обратном пути, когда опять подойдешь к реке, то поступи, как прежде. Если увидишь, что вода даст тебе дорогу, то скорее спеши ко мне, - значит, ты избран Богом. Если же жезл мой не будет иметь прежней силы, то возвратись домой и знай, что намерение твое не угодно Богу".

Евагрий, несмотря на все свое нежелание разлучиться с богоносным отцом, покорился повелению его и обещал непременно возвратиться к нему. Но в то же время он думал про себя: "Как бы святой не переменил место жительства и не ушел бы куда-нибудь дальше". Святой Шио, видя послушание и вместе недоверие Евагрия, с клятвой уверил его, что останется на своем месте до возвращения его из дома. Евагрий, получив такое уверение, отправился домой. Дойдя до названной реки, он сделал то, что велел ему святой: ударил жезлом по водам, и, к

изумлению его. эта большая река открыла ему дно свое. и он перешел через нее, как по суше. Прийдя к себе в дом, Енагрий по наставлению святого отца раздал имение свое бедным и с радостью бежал от мира и от родных, как Лот в Сигор, к рабу Божию Шио, не оглядываясь назад ни глазами, ни умом, опасаясь потерять небесное царство вдали от угодника Божия. Евагрий пришел снова к реке, ударил жезлом по ней, река дала ему дорогу, и он снова без труда перешел ее.

Прийдя к святому Шио, Евагрий поклонился ему в ноги и сказал; "Я исполнил повеление твое, и вот я пред тобой, готовый исполнить волю твою". Преподобный ответил ему: "За послушание твое да укрепит тебя Господь наш Иисус Христос. Да даст Он тебе мужество повергнуть под ноги сильного и лукавого врага нашего спасения. Спасайся, Евагрий, будь бодр, ибо искуситель неутомимо старается сбить нас с путей Господних. Враг расставляет нам повсюду свои сети, берегись, чтоб он не посеял в пшеницу ума твоего вредные плевелы и не возвратил бы тебя снова в мир". И еще многому другому учил святой Шио Евагрия, наставляя его, как бороться с диаволом для своего спасения.

Затем Евагрий пал святому Шио в ноги и просил постричь его в монашество. Отшельник не отказал ему, возложил на его голову руки и сказал: "Вот, сын мой, я возлагаю мои руки на твою голову. Господь же Бог наш невидимо да прострет Свою всесильную десницу на тебя и да благословит тебя". Потом св. Шио надел на него схиму и начал учить и наставлять, как нужно в ангельском образе отречься от себя и последовать Господу Иисусу. Потом преподобный учил Евагрия, когда должно молиться, когда стоять, когда трудиться и когда отдыхать. После долгих наставлений блаженным указал Евагрию особую пещеру близ своей и повелел ему поселиться там и начать свой подвиг борьбы с диаволом. С этого времени имя святого Шио сделалось известным во всей окрестности. Многие приходили к нему и вступали в его обитель, принимая ангельский образ. Всякий, принимавший монашество, высекал себе особую, отдельную от других пещеру близ пещеры преподобного Евагрия. Святой Шио выходил из своей пещеры к братии только по воскресеньям, и то для наставления их, все же прочее время проводил в уединении в пещере. Однажды святой Шио увидел одного монаха, который нес воду в кувшине и, упав на землю, разбил кувшин и пролил воду. Потеря эта сильно опечалила монаха: ноша стоила ему больших трудов, ибо он нес воду из далекого места. Глубоко огорченный, он стоял над разбитым сосудом и горько плакал. Святой Шио не мог не сочувствовать скорби брата и, к утешению своему, увидел Ангела, стоящего у скалы и копьем как будто копающего землю для изведения из скалы воды, которая и потекла тотчас[79]. Святой Шио, обратившись к печальному брату, сказал: "Бог за твои слезы и благочестие на этом месте через Ангела источил воду. Ее достаточно будет для всей братии". Иноков же было тогда двадцать пять, и теперь они уже без труда могли доставать себе воду.

С течением времени братия все более и более умножалась, а между тем иноки не имели церкви для общественного богослужения. Однажды все братья собрались к святому Шио и просили у него позволения построить у себя церковь. Блаженный Шио, услышав просьбу всей братии, встал со своего места, вышел из пещеры и отправился с ними на восток, и взошел на вершину близлежащей горы[80]. Здесь он встал на колени со всеми своими учениками и со слезами молился Богу, прося Его, да укажет Он Сам место постройки храма для славословия святого Его имени.

Долго стоял святой на молитве, по окончании которой наконец встал и попросил горячих углей. Угли были принесены. Тогда святой Шио положил их на ладонь левой руки, ознаменовал угли крестным знамением, потом велел всем стоящим инокам поднять к небу руки и петь: "Кириэ элейсон". Пение это продолжалось около часа. Дым от курящегося ладана подобно столпу поднялся высоко вверх. Потом столп дыма переменил свое направление, пошел с востока на запад, к ущелью, где были пещеры иноков, и опять поднялся в вышину. Видя это, святой Шио поспешил с братией на то место, над которым дым курящегося фимиама поднялся на высоту. Сам, идя впереди, нес в левой руке горячие угли с ладаном, а за ним следовала вся братия. Когда пришли на то место, где дым подобно столпу стоял в воздухе, то поняли, что место это избрал Сам Господь для построения храма во славу имени Своего. У святого Шио два часа курился ладан на руке, затем, покадив братию, он сложил с руки горячие угли. Потом святой Шио взял кирку и три раза ударил по земле под самым столпом фимиама и сказал: "Слава Тебе, Боже. прославляемый в трех Лицах и в едином существе. Боже Великий! Соверши на этом месте храм славы Твоей". Затем он отошел немного южнее, ударил опять три раза по земле киркой, сказав: "Всесвятая Богородице Марие, рождшая Божие Слово плотию, на этом месте утверди дом величия Твоего". Отойдя также от этого места на юг, ударив киркой над одной пещерой, сказал: "На этом месте да построится храм в честь Иоанна Крестителя". После этого к святому Шио подошел преподобный Евагрий и сказал: "Да будет воля Господня и твоя, отче! Ибо Дух Святой движет устами твоими, и желание твое исполнит Бог". Столп фимиама стоял три дня неподвижно в воздухе и издавал приятнейшее благоухание, после же трех дней исчез. Теперь перейдем к повествованию о преподобном Евагрии.

Когда царь Парсман VI и вельможи Карталинские узнали, что Евагрии вступил в иночество, стали скорбеть, так как он был первый после царя и непобедим на войне. Слава о его храбрости гремела далеко за пределами Грузинского царства, и враги не смели при нем нападать на Иверию. Когда император Юстиниан вел войну в стране Осетии, на границах авазгов, с непокорным народом таскуп, то послал щедрые дары царю Парсману с просьбой помочь ему в усмирении непокорных. Царь, поручив на время управление своим царством Евагрию, сам отправился с огромным войском на войну против таскуп. Победив их и пленив вождей, он представил последних императору. Когда царь вернулся с войны и узнал о перемене в жизни Евагрия, то, расспросив где он живет, поспешил к нему. Приехав, царь увидел преподобного Евагрия уже в одежде инока. Он стал высказывать свое о нем сожаление, со слезами просил святого возвратиться домой, вернуться снова в мир и не оставлять сирым его отечество. Но преподобный Евагрий сказал на это: "Царь, зачем тревожишь возрожденного Богом? Или ты хочешь, чтобы я, как пес, снова возвратился на свою блевотину? Умоляю тебя, не говори более того, что ты мне сказал".

Затем, взяв царя за руку, Евагрий повел его к св. Шио. Подойдя к пещере святого, Евагрий оставил царя снаружи, а сам вошел и сообщил преподобному о посещении царском. "Чадо, - говорил святой Шио, - я недостоин посещения царя, я прах и пепел, сам выйду навстречу помазаннику Божию". Встав с места, он вышел из пещеры. Увидев ев. Шио, лицо которого было светлым, как лицо Ангела, царь снял с себя корону и, отвязав пояс свой, подошел к святому Шио и пал ему в ноги. Святой сказал:

"Прости меня, царь! Ты оказываешь неслыханную честь человеку грешному и тем наводишь на меня наказание Божие". Но царь не переставал кланяться и со слезами просил у него благословения. Святой Шио, благословляя царя, сказал: "Бог Авраама, Исаака и Иакова, избравший Давида, раба Своего, и помазавший его на царство избранному народу Своему, исполнивший Соломона великой мудростью, вооруживший раба Своего Константина знамением святого креста, сделавший его победителем врага его Максентия. Он же да благословит и сохранит твое царство невредимо. Да благословит Он руки твои на брань, умножит семя твое, да избавит душу и тело тпос от поругания, да очистит их от всякой скверны, да избавит тебя от всякого искушения и мести вражеской, да покажет Он тебя страшным для врагов и противников твоих и сохранит тебя в твердой вере и любви к Нему. Помни, царь, что Он есть Царь царей и Судия живых и мертвых. Благословенный во веки веков. Аминь". Святой Шио после благословения поднял корону его и возложил ему на голову.

За царем получили также благословение все сопровождавшие его, между которыми был один вельможа, глаз которого был поврежден стрелой. Этот, подходя под благословение, подумал про себя: "С твердой верой коснусь ног святого этого мужа, и глаз мой исцелится". Не медля долго, он так и сделал: коснулся ног святого и стал видеть больным глазом, как здоровым. После этого чуда все прославили Бога.

Войдя в пещеру и осмотрев ее, царь и вельможи дивились необыкновенной жизни преподобного, внимая его поучению о спасении души. Выслушав наставления святого, царь сказал ему: "Отче, скажи, какую услугу могу оказать монастырю твоему?" Святой Шио на это ответил: "Царь, сердце царя в руках Божиих, делай, что хочешь". После этого Парсман подарил монастырю четыре деревни» собственноручно написав тут же грамоту, а Евагрию дал тридцать литр золота на постройку церквей. Затем подарил золотую чашу, дискос и прочую богослужебную утварь, золотой крест, Евангелие, богато украшенное царем Вахтангов Гург Асланом (Горгасали – Б.С.). Он обещал в скором времени прислать художников и велел немедленно приступить к возведению храмов. Затем, приняв напутственное благословение святого Шио, отправился в город Мцхет. Там царь сообщил обо всем, что видел и слышал от святого Шио, католикосу Макарию. Царь радовался тому, что имел в своем царстве таких святых отцов - учителей народа.

Когда было окончено построение храмов, Евагрий уведомил о том царя и просил об освящении их. Царь, обрадовавшись, сообщил об этом католикосу Макарию и просил его с епископами в день Пятидесятницы собраться в обители святого Шио и преподобного Евагрия, чтобы освятить новые храмы[81]. Наступил желаемый день. Сам царь отправился с вельможами в обитель. Пришел также святой Иоанн Зедазнийский, пришли также и другие святые отцы. Католикос с епископами в течение недели освятил возведенные храмы. Затем царь и все собрание просили святого Шио, чтобы он принял на себя сан пресвитера (а диаконом святой Шио был еще в Антиохийской пустыне). Он прямо и решительно отклонил эту просьбу, опасаясь, чтобы не наложили на него трудное бремя епископства. Окончив все, пришедшие зошлись по своим домам.

Блаженный Шио продолжал подвизаться в благочестии, восходя от совершенства к совершенству. У него износил уже одежда, но он не искал и не желал себе новой. Число учеников святого в скором времени возросло до двух тысяч, и слава

о его подвигах благочестия разнеслась по всей Карталинии. Со всех сторон стало стекаться к нему огромное множество желающих подвизаться с ним. Святой, видя, что нет более свободных мест в ущелий, советовал селиться приходящим за ущельем как на восток от Саркинети (где Александр Великий обратил в бегство чужое племя), так и на запад, за Курой, где через некоторое время образовалась обширная Квабтахевская (Кватахевы - Б.С.) лавра. Больных различными недугами приносили к святому, и они получали совершенное исцеление. Не достанет сил для описания чудес, сотворенных святым отцом Шио. Скажем только о некоторых. По причине большого стечения народа к святому, пустыня наполнилась разными хищными зверями. Они пожирали коней, лошаков и ослов, принадлежащих приходящим к святому и даже самим подвижникам, которые держали у себя нескольких ослов для перевозки тяжестей.

Однажды иноки пришли к святому и сказали ему, что дикие звери причиняют большой вред. Святой, услышав это, сильно опечалился, ибо имел жалость как к людям, так и к животным, стал молиться и просить Бога, чтобы все звери той пустыни собрались к нему. Окончив молитву, святой вышел из пещеры, и что же? Перед ним было множество зверей со всеми их детенышами.

Звери эти стояли с поникшими головами, как будто ожидали от святого Шио какого-то суда. Блаженный стал с кротостью увещевать их, как людей, говоря: "Видите смирение мое и послушайте меня. Я говорю вам, и знает Христос, что у меня болит сердце о вас, хотя вы и дикие звери. Богу угодно, чтобы эта пустыня наполнилась людьми, славословящими Его, и потому, говорю вам, идите отсюда выберите себе другое место для вашего успокоения и. отходя, не делайте вреда никому. Один же из вас пусть останется здесь, чтобы пясти ослов моей братии и тем заплатить за убытки, нанесенные вами.

Когда святой кончил говорить, все звери пустились бежать от него. и остался перед ним один только волк, которому святой сказал: "Именем Господа нашего Иисуса Христа тебе повелеваю; с этого времени паси ослов братии моей. За убытки же, которые понесли иноки, ты будешь питаться той же пищей, которую вкушаем мы. Выгоняй ослов утром, - продолжал святой, - а пригоняй вечером, береги их; я назначаю тебя пастухом их". Волк повиновался словам святого, каждый раз с холма он воем давал знать, что настало время выходить ослам на пастбище, днем волк пас их на горах, а к вечеру пригонял к обители. Все дивились такому чуду и славили Бога, даровавшего рабу Своему силу повелевать даже дикими зверями. Но вот что еще особенно удивляло всех: волк в продолжение всей своей службы не ел мяса. Он довольствовался только тем, что давал ему преподобный Евагрий, а святой обыкновенно утром и вечером бросал ему по куску хлеба, намоченного в воде. Вечером, приняв обычную пищу из рук Евагрия, волк уходил в свою берлогу, выкопанную для него в горе самим святым Шио близ его пещеры[82] Шесть лет служил волк всей братии. По прошествии этого времени он получил от святого свободу, и вот по какому случаю.

Однажды, во время обычного возвращения ослов с пастбища, между ними не оказалось одного осла, принадлежащего иноку Конону. Впоследствии обнаружилось, что осел инока провалился в пропасть и совершенно разбился. Волк раньше обыкновенного пригнал ослов в монастырь и начал громко выть. Слыша вой, инок Конон вышел из келий и, осмотрев стадо, не нашел в нем своего осла. Полагая, что его съел сам пастух - волк, инок с гневом явился к святому Шио и сказал ему: "Не слыхано от века, чтобы волк пас ослов, ты виновен в потере

моего осла". Вслед за иноком пришел к святому и волк, стараясь хвостом и глазами показать, что он невиновен. Заметив же, что его не понимают, волк ухватился зубами за посох Конона и стал тащить его за собой, давая тем знать, что хочет, чтобы инок последовал за ним. Святой Шио, увидев это, велел монаху следовать за волком, но инок отвечал ему на это: "Горе мне, грешному! Ты, отче, хочешь погубить душу мою. что, скажи мне, причиной твоего презрения ко мне? Ты погубил осла моего и хочешь, чтобы еще и я был растерзан этим волком?" Так монах, постепенно возвышая голос, упрекал святого. Но святой Шио кротко и тихо вышел из пещеры и велел еще двоим из братьев следовать за волком. Иноки пошли, и волк привел их к пропасти, где лежал разбившийся насмерть осел. Возвратясь, они объяснили все святому Шио. Конон, видя свой грех, раскаялся, пал преподобному в ноги и просил прощения. Святой же, призвав к себе волка, сказал ему: 'Ты умсе довольно времени служишь нам, благодарю тебя за это, будь свободен, иди к своим и не делай вреда братии моей. Пусть они сами найдут пастуха для своих ослов, чтобы более не винили меня в чем-нибудь". Волк, получив свободу, удалился от святого в горы.

Таковы чудеса святого Шио! Он имел твердую веру в Того. Который сказал: "Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: "перейди отсюда туда", и она перейдет" (Мф. 17; 20). Однажды св. Иоанну пришло на мысль посетить своих учеников, чтобы самому достоверно узнать, какой степени совершенства духовного достиг каждый из них. Взяв с собою ученика своего преподобного Илию-диакона, он пошел с ним в обитель св. Шио. Братия, узнав о приближении общего их учителя, вышли ему навстречу и, приняв от него благословение, ввели его в храм Пресвятой Богородицы. Тут св. Иоанн имел утешение видеть особенную благодать Божию, преизобилующую в преподобном Шио. Св. Иоанн, пробыв у них три дня и удостоверившись в высокой степени их духовного совершенства, возвратился на свою гору Зедазен. Шио, прийдя также на гору, припал к ногам святого старца и умолял своего учителя позволить ему в прежней его обители довершить начатый подвиг безмолвия затворничеством в пещере. Св. Иоанн, зная, что он из глубины пещеры еще более воссияет миру, благословил его на такой подвиг, сказав: "Чадо, да исполнит Господь прошение твое и да даст тебе терпение в подвиге твоем. Вместо этой бедной жизни найдешь в будущей нескончаемый покой, пребывая с праведными и вечно радуясь с ними. Иди и объясни желание твое католикосу (патриарху), и, если он благословит тебя на это, значит выбор твой угоден Богу. Иначе не приступай к этому делу, ибо апостол Павел учит: "Повинуйтесь наставникам вашим. и будете покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших" (Евр. 13;17). Получив такое наставление, св. Шио со слезами поцеловал ноги св. Иоанна в последний раз и простился со всеми, не надеясь более видеть их и испрашивая их молитв. Подойдя опять к св. Иоанну и взяв последнее благословение на затворническую жизнь, он ушел.

Святой Шио, прийдя в столицу Мцхета, вошел в патриарший соборный храм. В слезной молитве испросив здесь у Господа благословения на. предстоящий тяжкий подвиг, преподобный вошел к патриарху, который с радостью принял его. Блаженный немедленно объяснил ему о своем желании, прибавив, что он, по совету св. Иоанна, просит его согласия и благословения. Патриарх воздохнул из глубины сердца и прослезился, видя готовность св. Шио принести такую жертву по любви к Господу своему.

Благословляя св. Шио, патриарх сказал ему: "Иди, святой отец, по тому тесному пути, ведущему к вечной жизни, по которому не многие идут. Избранная тобою пещера да будет тебе лествицей, ведущей на небо от страстной и тленной этой плоти. Темнота той пещеры будет тебе водителем к незаходимому свету, временные болезни - путем к вечному покою и нескончаемой радости, как наследию живущих в добродетели". Получив благословение на предлежащий новый подвиг, св. Шио с радостью и веселием поспешил в свою пустыню. Пришедши в обитель и приветствовав братию, он с любовью в последний раз преподал им всем следующее наставление. "Я, по заповеди отцов, отныне буду вести затворническую жизнь и оставляю вас навсегда. Берегитесь сетей вражеских, приобретайте смирение и покорность, укрощающие всякий гнев, стяжите любовь, которою приобретается Бог. Наслаждайтесь очистительным постом, подавляющим всякую скверну, в молитвах имейте чистоту ума, непоколебимость в борьбе с худыми помыслами. Да будет с вами всегда плач, за которым следует вечная радость, ибо сказано в Писании: блаженны плачущий, ибо они утешатся (Мф, 5; 4). Любите нищету, чтобы наследовать вечное богатство. Презирайте попечение и суету этого мира, чтобы не соблазниться им. Воспитывайте себя в изучении Священного Писания, просвещающего ум и сердце. Не помышляйте о чем-нибудь худом.

Будьте чисты телом, по словам пророка: омыйтесь и очиститесь; удалите всякое лукавство от душ ваших. Сохранив чистоту тела, с радостью войдете на вечерю Господню со светильником возженным, встречая Бессмертного Жениха. Бдите умом, ожидая всегда неизвестного дня и часа пришествия Христова, ибо не знаете времени прихода Его, чтоб не застал Он вас расточающими богатство и скрывшими талант в землю. Не лишитесь мзды трудов ваших, и если (от чего да сохранит вас Господь) кто из вас не исполнит заповедей Господних, тот пусть помнит, что будет стоять по левую Его руку в день Страшного Суда. Он будет поражен мечем вечной смерти и низвергнется во тьму кромешную, где будет плач и скрежет зубов. Имейте в памяти смерть и Страшный Суд Христов, не бойтесь смерти, с благодушием и терпением переносите кратковременные болезни, ибо без болезни невозможно наследовать вечную жизнь: терпением вашим спасайте души ваши (Лк. 21; 19), говорит Спаситель. Многими скорбями надлежит нам войти в царствие Божие.

Знайте, братия мои, что все здесь непостоянно и скоропреходяще, вечность же нескончаема: в ней одни наследуют вечный покой, а другие - вечное мучение за дела их. Скажите, братия мои, если бы кто-нибудь из людей, имея большие богатства, расточил бы их для своего удовольствия в один день, так что на другой день нуждался бы даже в насущном хлебе и стал бы умирать от голода, то не худшим ли вы назвали бы этот один счастливый день, в сравнении с прочими черными днями его жизни? Так, если эту кратковременную жизнь проведем в удовольствии, то не наследуем вечных сокровищ на небесах, которых лишимся служением маммоне и этому миру. Мы умрем с голоду, ибо не помогут нам телесные наши удовольствия в спасении, но более умножат мучения наши". Окончив поучение, св. Шио сказал: "Братия, выберите из среды вашей одного брата и вверьте ему попечение о вас. Я же сойду в пещеру, которую выбрал себе жилищем и гробом".

Сильно опечалился преподобный Евагрий и стал горько плакать, а за ним все, узнав, что святой Шио удаляется на подвиг, неслыханный до того времени. Они сказали ему с рыданием; "Отец наш! Кто слыхал, чтобы живой сходил во ад, и

притом теперь, когда на старости лет твоих нужно иметь о себе попечение? Неужели не достаточно для спасения твоих подвигов, превышающих человеческие силы? Едва ли новый подвиг твой угоден будет Богу: до сего времени никто его не избирал. Вспомни, что через тебя спасается много душ: они, не видя тебя и не слыша сладких речей твоих, разойдутся, как овцы, не имеющие пастыря".

Долго ученики умоляли святого не сходить в пещеру и не оставлять их сирыми. Но святой Шио, утешая их, говорил: "Братия, да вознаградит вас Бог за любовь , которую имеете ко мне. Знайте, что я человек грешный, если в Писании сказано, что и праведник едва спасается (1 Пет, 4; 18), то тем более мне грешному нужно потрудиться, чтобы не остаться вне царствия Христова. - Отец подвижников - великий Антоний, постоянно преуспевая в подвигах, вселился с Ангелами. Макарий при всех великих подвигах своих как спасался? Когда разлучался с телом, то злые духи говорили ему: "Макарий, ты ушел от нас". Но преблаженный отец Макарий, смирением тела сохранил смирение души: пока не озарил его Божественный свет, он ничего не отвечал своим преследователям - духам нечистым и не сказал, что свободен от них. Да и все святые отцы подвигами удалялись от соблазнов диавола, а мне, грешному, тем более нужно подвизаться, чтобы избегнуть вечных мучений. Известно нам: в чем застанут, в том и судить будут. Ныне молитесь, братия, да подаст мне Бог терпение и силу, и пещера эта да сделается местом успокоения окаянного тела моего. Вы же изберите себе руководителя на пути к жизни вечной".

Все слушающие его иноки со слезами отвечали ему; "Мы собраны тобою в этой пустыне, нас поддерживают и укрепляют твои молитвы и наставления. Мы через тебя ожидаем спасения душ наших, и нам тяжко исполнить волю твою. Ты сам избери нам наставника". Тогда святой Шио обратился к преподобному Евагрию и сказал ему: "Прими братию под свое руководство и учи их пути спасения". "Не могу достойно служить братии, - смиренно отвечал преподобный Евагрий, - и молю тебя: не поручай мне дело, превышающее мои силы, я неопытен и немощен для попечения о стольких братьях". Святой Шио сказал на это: "Если же пребудешь непокорен, то знай, что дашь ответ Богу за непослушание. Согласись на служение братии, оно прославит тебя, только всегда помни слова Спасителя. Который говорит: "Кто хочет быть большим, тот пусть будет всем слугою". Умилился преподобный Евагрий, и, поклонившись святому Шио, сказал: "Честный отец, все, что ни повелишь мне, я готов исполнить, твоими святыми молитвами". Затем святой Шио вручил Евагрию жезл настоятельский и всю братию и дал ему наставление, как беречь иноков от разных искушений.

После того один брат просил святого дать им свое письменное поучение, чтобы они могли читать оное по воскресным дням. Блаженный Шио написал сто шестьдесят поучений, которыми услаждались души многих христиан, и от которых, как от райского источника, истекали сладкие струи Божественного учения. Затем, воздев руки к небу, святый Шио помолился за всех братьев, потом, поцеловав каждого из них, сел над избранной пещерой и стал учить, говоря: "Дети мои, возлюбленные о Христе братья, или, лучше, господа мои! Благословен Христос Бог, собравший вас в этой пустыне для славословия всесвятого Его имени! Послушайте меня еще раз, отца вашего. Вы вступили на путь иноческий не по принуждению, а по своему желанию, из любви к Богу отреклись от мира и всех дел его, чтобы пребывать в святости и повиноваться Евангелию Его от всего

сердца. Взяли крест на рамена свои, оставили отцов, матерей, жен, детей, братьев, сестер и последовали Христу.

Спасайтесь, братия, от врага, который всеми силами ищет нас погубить, не покоряйтесь змию - человекоубийце искони, чтобы не отречься от обета своего. Он бдит день и ночь, стремясь уловить нас, как говорит первоверховный апостол Петр; Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш, диавол, ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить (1 Пет. 5; 8). Внимайте словам евангельским, которые говорят, что за всякое праздное слово воздадите ответ Богу. Страшно повеление Владыки нашего! Ибо оно сказано не пророком, не апостолом, не Ангелом, но Самим Богом, Судиею живых и мертвых. Молитесь нелицеприятному Тому Судии, чтобы Он не осудил нас по нашим же словам, как написано: "от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься" (Мф.12; 37). Знайте, братья, что смерть стоит при дверях, и потому бодрствуйте, ибо не знаете, когда невидимый тать придет и подкопает дом души вашей и похитит душу. Трезвитесь, ибо не знаете ни дня, ни часа, когда Сын Человеческий приидет, берегитесь от праздности, губящей душу. Почитайте себя уже умершими и совершенно презренными миром: смирение есть первый шаг на пути к Богу, вы, возлюбив смирение, не будете оставлены Господом. Смотрите, что говорит Писание: На кого воззрю, только на кроткого и молчаливого (Ис. 66; 2). Живите в мире и согласии, имея как бы одну душу и одно сердце, не отчаивайтесь, не собирайте себе богатства, возлюбите нестяжание, приближающее к Богу…"

Сказав еще многое на пользу душевную, в назидание и утешение своим ученикам, св. Шио наконец спустился в мрачную и глубокую пещеру (или же просто яму, наподобие колодца), чтобы там, распяв плоть свою со страстьми и похотьми (Гал. 5; 24), возрастить душу, как добрый колос. Ибо, как сказано в Писании, если пшеничное зерно, упав в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода. И святой Шио также, предав себя земле, постоянно возносился очами ума к небу и оттуда ожидал живительных каплей благодати, как дождя, которым утучняется земля.

Язык человеческий не может описать всех подвигов бодрствования и терпения, подъятых св. Шио в пещере. Он постился выше сил человеческих. Пав на землю, он орошал ее горячими слезами, как из источника, лившимися из глаз его, и из глубины души взывал ко Господу. Слез моих не премолчи: яко пресельник есмь у Тебе. Господи, и пришлец; ослаби ми, да почию, прежде даже пе отыду. Восставая с земли, он возводил ум, сердце и руки к небу, говоря: Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою, воздеяние руку моею - жертва вечерняя"[83].

Отдохнув несколько, он говорил: "Положиша мя волею в рове преисподнем и темнем. Милостиве! Не отврати лица Твоего от мене, и уподоблюся нисходящим в ров адский, но изведи из темницы злых душу мою, чтобы исповедать имя Твое, и терпением потерпел Тя, Боже, доколе обратишься и услышишь молитву мою, да извсдешь меня из глубины плотских страстей и брения тины[84] и пр." Это правило исполнял св. Шио каждый час. После обычного правила один монах, приставленный служить св. Шио, опускал ему на веревке немного воды и кусок хлеба. После вкушения пищи блаженный снова принимался за свое обычное правило и между прочим говорил: "Не дам сна очам моим и дремания веждам моим, покоя телу моему, дондеже обряшу место селения Господа Бога[85].

Так молился святой затворник и пещерник Шио в мрачной своей яме. Этим затворничеством в темной и глухой пещере св. Шио надеялся Божией милостью улучить незаходимый и нескончаемый, и вечный свет, за краткое и скоропреходящее терпение в подвигах. Преподобный говорил, умилившись духом: "Просвети светильник мой. Господи, Свете Непостижимый, и осияй мрак души моей ради любви Твоей, Сладчайший, чтобы видимый мрак этот не помрачился еще тьмою ада, и ночь эта да просветится мне, как день"[86]. И многое другое говорил блаженный, прося от Господа помилования. Св. Шио достиг затворничеством совершенства великих подвижиков. Изнурялось тело его от великих пощений, трудов, бдений, и от страшной сырости пещерной лицо его совершенно почернело, и от всего тела остались только кожа да кости. Несказанные подвиги сего святого и великого мужа, красы Православной Церкви, привлекли в его обитель бесчисленных христиан, украшенных добродетелями, которые принимали иночество, и число их умножилось чрезвычайно. Между тем блаженный Шио оканчивал путь земной жизни, сохранив веру и душу свою, очистившись потоками слез, имея перед глазами всегда смерть. Забыв совершенно о немощах природы человеческой, он взирал к небу и мысленно уже стоял у престола славы Христа Бога.

Наконец Богу угодно было призвать великого подвижника в вечный покой. Господь возвестил преподобному чрез Ангела Своего о времени освобождения его от тела и соединения с небожителями. Святой преподобный Шио, узнав о дне смерти, попросил к себе иерея со Святыми Дарами, которого спустили в яму на веревке. Отец отцов, св. Иоанн, узнав о приближении к смерти своего возлюбленного ученика Шио, поспешил придти к нему, дабы проводить ангельскую его душу в путь к райским селениям. И до последней минуты находился при нем. 9 мая, приобщившись Пречистого Тела и Животворящей Крови Христа Бога и воздев руки к небу, блаженный Шио сказал: "В руце Твои. Господи, предаю дух мой, приими душу мою, созданную Тобой", С этими словами блаженный испустил святую и чистейшую свою душу.

Преподобный Шио завещал, чтобы тело его было оставлено в той же пещере, где он окончил последние дни своей святой жизни. Он хотел, чтобы по смерти его пещера эта сделалась местом упокоения и гробом подвижнических его останков. Братья, исполняя волю святого, опустили в яму нескольких благоговейных старцев святой жизни, украшенных добродетелями, во главе которых находились св. Иоанн и св. Евагрий - учение св. Шио. Они обвили великого Шио в его же одежды и со слезами и молитвами предали земле святое тело великого Аввы - преподобного Шио. Остальные братья, собравшиеся со всех дальних и ближних пещер на погребение великого угодника Божия и учителя своего, окружали сверху отверстие ямы, вознося теплые молитвы к Богу о упокоении души его. Они проливали горячие слезы, плача о том, что лишились такого великого учителя и наставника, но, в тоже время, до слез радовались тому, что приобрели себе у престола славы теплого заступника и молитвенника.

Св. Шио был оплотом и славою как своей обители, так и других, по его же наставлениям основанных монастырей, а также и всего Грузинского царства. Он был хранителем от видимых и невидимых врагов. Чтущим его и поклоняющимся святому его гробу он сильный помощник и покровитель в бедах и скорбях. Так жил на земле этот преблаженный отец наш Шио. такие подвиги совершил он, находясь в немощном своем теле. Он презирал голод, жажду, не тревожился суровостью пустыни, но более радовался уединению, почитал себя недостойным смотреть на

солнце, чтобы видеть Солнце Правды. Христа Бога нашего. Будучи еще живым, почитал себя уже мертвым, сошедши в пещеру, как Даниил, он сделался удивлением Ангелов и человеков. В борьбе с невидимыми врагами был крепок и прогонял их от себя посрамленными. Приняв венец победы, он взирает теперь на Неприступный Свет и молится об оставлении грехов наших, славя Святую Троицу, Которой подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков, аминь[87].

МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОМУ ШИО, МГВИМСКОМУ ЧУДОТВОРЦУ

О, великий отче Шио, Церкве Иверския крепосте и утверждение, подаждь юным силу побеждать страсти, яко ты сам тех время неуязвимо прешел еси. Помози нам твердо в вере преуспевати, да утвержденнии престолу славы Христа явимся, якоже и ты, преблаженне отче, время сие забот и трудов велиих, не вкушь горьких житейских сластей, прешёл еси. Даждь и нам добрый разум и крепость на враги невидимыя, да не заботою и попеченьми житейскими, имиже враг ны связати тщится, наше искание вечнаго блага подавлено будет. Испроси нам у Бога память смертную, да ей последующе, Света Незаходимаго достигнем; поддержи старость нашу, да в покаянии и очищении душ и телес пребудем, яко ты, славне, стар убо телом, тверд же душею был еси, еяже покой паче плоти покоя возлюбил еси; тако и путь твой в небесное жительство струями слезными, якоже кринами благоуханными, украсил еси. Такожде даждь, о великий подвижниче, старости нашей силу и опору в кратком сем житий, да пред сердечныма очима нашима покой души попечёньми о покое плоти не затмится.

Даждь поблекшим очесем нашим капли слез чистительных, имиже да украсится путь велий в вечный живот, имже тещи имамы. Даждь нам в старости в воздержании, молитве и посте пребыти, да теми облагоухаеми мир весь Своим учением облагоухавшему Христу Богу явимся и Тому благоугбдни будем. Буди нам в час разлучения души от тела крепкий вождь и заступник на горьких воздушных мытарствах; изглади рукописание грех наших благоприятными твоими к Богу молитвами; подаждь нам, о великий ходатаю о душах наших, безбоязненно и непостыдно страшнаго и неприступнаго престола славы достигнути; буди защититель душ наших, яко да сподобимся молитвами твоими одесную престола Христа Бога стати и славословити державную и великолепую силу Его, Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь[88].

Житие преподобного Давида Гареджийского Чудотворца, Покровителя Грузинского Царства

(Память его в первый четверток после Вознесенияе)

Где и при каких обстоятельствах родился преподобный Давид Гареджийский[89], неизвестно. Он пришел из Сирии, страны прекрасной и плодоносной, из которой вышло множество преподобных и святых, помазанных Св. Духом делателей нивы Господней. Где и как первоначально воспитывался св. Давид, также неизвестно. Причина неизвестности происхождения его и его родителей в том, что святой, оставив славу мирскую и величие земное, приобрел высшую, небесную славу. Потому он, покинув отца, мать, братьев и родственников, последовал Христу для исполнения Его заповедей. Духовным же отцом и воспитателем святого явился

дивный и преподобный Иоанн Зедазнийский, давший ему как сыну твердую и крепкую пищу-учение и наставления Божественные. Он был соотечественником преподобного Давида, воспитывался в благочестивой семье, был просвещен Божественным учением и укреплен небесным хлебом-словом Божиим. Итак, св. Давид, пленившись сладостью иноческой жизни, с юных лет возложил на себя крест Христов и поспешно последовал за благочестивым своим наставником и учителем Иоанном.

Дивный Иоанн, по повелению Божией Матери, отправился со своими блаженными учениками в Иверию, прибыл в столичный город Мцхета и поклонился животворящему столпу. Чрез некоторое время он взошел на гору, что с северной стороны Мцхета, и там водворился. Святой преподал ученикам благие наставления и предложил им отправиться в другие места для служения Богу иноческими подвигами и проповедью Евангелия и покаяния во оставление грехов. И они с радостью пошли в разные места Грузинского царства.

Одни из иноков направились в Кахетинские области, а другие - в Карталинию, к западным областям Иверии. А блаженный Давид по повелению своего аввы избрал поприщем евангельской проповеди город Тифлис и поселился в убогой пещере на горе, называемой Мтацминдской, или Святой горой. Оттуда раз в неделю сходил он в город для проповеди слова Божия. Святой жизнью и пламенной проповедью обратил он многие души ко Христу Спасителю. Но, оклеветанный одной нечестивой женой[90], св. Давид с верным и никогда не разлучавшимся с ним учеником Лукианом удалился от шума мирского в пустыню Гареджийскую[91]. Оба божественных мужа, приближаясь к месту, которое впоследствии стало их пустынью, почувствовали мучительную жажду и невыносимый жар, так как то место очень знойное, и потому там бывает сильный недостаток воды. Но, подойдя к одной расселине каменной горы, они нашли немного скопившейся в ней дождевой воды и утолили свою жажду. Там же, в тени одной горной расселины, они, утомленные, усталые, расположились для отдохновения.

Блаженный Давид, сидя рядом со своим учеником Лукианом, сказал ему: "Брат Лукиан, видишь это прекрасное тихое место? Останемся здесь и будем подвизаться, пребывая всегда в молитве, посте, бодрствовании и терпении временных болезней, чтобы сподобиться прощения грехов. А Бог, Сладчайший и Всемилостивейший, наградит нас и за понесенные нами труды подаст нам силу благодатную, укрепит нас в немощах наших и поможет переносить тесноту, скорбь и все наши слабости. Ибо и преподобные подвижники временно подвергались разным бедствиям и за то получили мзду вечную". Блаженный Лукиан, выслушав наставление учителя своего, отвечал: "Богоносный отец! Слово твое справедливо и истинно, ибо, читая Св. Писание, я доподлинно узнал, что каждому воздается по делам его, добрым или злым, содеянным в сей суетной жизни. Но в этой пустыне мы будем терпеть недостаток в пище и особенно в воде, от чего человек теряет силы. А поскольку мы, как все люди, немощны, то боюсь, как бы нам, не вытерпев бедствия, не оставить сего места". Преподобный Давид сказал ему: "Брат мой! Не заботься об этом. Всемогущий Бог, питавший Израиля в пустыне, ниспослал с неба манну и извел воду из камня. Господь питал пророка Илию небесным хлебом, который приносил ему ворон. Он же даст и нам по Своей милости пищу Нам не нужно заботиться об этом, ибо в Св. Писании сказано: Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы (Мф. 6; 34). Между тем. Тот же Господь щедрой

десницей Своей насыщает всякое животное. Он же и нам, слугам Своим, даст пищу для подкрепления немощного тела. Теперь же, брат, ободрись и укрепись, так как для подвижников уготованы венцы, которых никто не получает без трудов и без борьбы и победы".

Лукиан, ободренный и укрепленный наставлениями своего учителя Давида, отвечал: "Честный отче! Как сказал ты, так и сделаем. Бог же, на Которого мы надеемся, да печется о нашей жизни". Они остались в пустыне и, возложив всю свою надежду на Бога, прилагали труды к трудам, презирая похоть плотскую и гордость житейскую. Подвижники употребляли в пищу корни некоторых растений и траву и воссылали Богу молитвы и благодарения за Его о них попечение. Но по истечении нескольких дней растения засохли вместе с корнями от сильного жара, так как летом в том месте бывает несносный зной, а зимой - мороз. И Лукиан, лишившись зелени, начал скорбеть, говоря преподобному "Отче святый Давиде! Чем же мы теперь будем подкреплять немощные силы наши? Все растения, которыми мы до сих пор поддерживали свою жизнь, засохли".

Преподобный Давид сказал Лукиану: "Отец Лукиан! Что ты так сильно скорбишь и зачем надеешься на растения? Разве не знаешь, что все они подвержены переменам и преходящи, и что, прозябшие и возросшие, со временем они погибают? А душа бессмертна и приобретается терпением, по Писанию: Терпением вашим спасайте души ваши (Лк. 21, 19). Отчего ты так скоро стал малодушным? Разве ты не знаешь, что, если мы умрем ради заповедей Господних, или от голода или от жажды, то живы будем во Христе? Почему же ты скорбишь и так много заботишься о временных и маловажных вещах, особенно о полевых растениях, которыми Бог питает бессловесных животных? Неужели же нас Он оставит без пищи?" В это время при словах Давида - о, Промысл Твой, Христе Боже! - вдруг прибежали три оленихи с молодыми оленятами и остановились перед иноками тихо и кротко. Тогда Давид велел Лукиану взять сосуд и подоить посланных Богом животных. Лукиан, удивленный этим необыкновенным зрелищем, встал и исполнил повеление святого, и поставил перед Давидом наполненный молоком сосуд. Преподобный же, изобразив на нем знамение креста Господия, обратил молоко в свежий сыр. Вкусив немного с благодарностью, святые мужи встали и произнесли следующий псалом: Ядят убозии и насытятся, и восхвалят Господа взыскающии Его, жива будут сердца их в век века (Пс. 21 27).

После сего Лукиан сказал св. Давиду: "Честный отче! Воистину, дивен Бог во святых Своих, по Писанию, и благословенно имя Его святое. По молитве твоей Он укрепил мое сердце, которое не будет больше колебаться житейскими невзгодами. Господь извел душу и помышления мои от плена земных забот, как из тьмы в свет. Теперь, какие бы беды ни постигли меня, если бы и умирал я от жажды, никогда не буду заботиться о бренном теле моем и о суетной преходящей жизни. Никогда не буду роптать на недостаток пиши, как некогда роптал непокорный и неверный Израиль, воспоминающий о египетских мясах. С этого времени я совершенно буду покорен тебе, как предводителю моему, новому Иисусу Навину, наследнику Моисееву, чтобы достигнуть обетованной земли - небесного Иерусалима. Посему душевно радуюсь, надеясь не лишиться твоих молитв".

Св. Давид, веселясь духом о ученике своем, сказал ему: "Брат Лукиан! Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа. Благодарю Его, что Он

укрепил душу и помышления твои Своей силой". Посему, духовно радуясь и утешаясь милостью Божией, святые мужи воссылали Богу непрерывные молитвы и пребывали в бодрствовании и благоговении. Оленье молоке было их постоянной пищей, за исключением среды и пятка, в эти дни, не вкушая ничего, они стояли на молитве с простертыми к небу руками и возведя ум горе. Ниже той пещеры, в которой жили подвижники, была другая пещера.Там обитал огромный, страшный дракон, змей, с глазами большими и светлыми, как у животного, на голове у него был большой рог, а на шее - щетина[92]. В один день олени святых мужей подошли ко входу в пещеру, где обитал дракон. И чудовище неожиданно напало на них и похитило одного из молодых оленей. Испуганные животные прибежали в пещеру святых. Лукиан, увидя их, сказал Давиду; "Отче снятый! Олени эти по обыкновению пришли, чтобы послужить нам, но они беспокойны и смущены, и среди них нет одного из молодых оленей". Преподобный тотчас взял свой посох с изображенным на нем крестом Христовым и пошел по следам, оставленным животными, оглядываясь по сторонам, чтобы увидеть обидевшего их. Приблизившись к пещере дракона, св. Давид вдруг увидел страшное и удивительное по величине чудовище и, не устрашившись, сказал ему: "Злодей! Зачем ты обидел оленей моих и похитил у них детеныша? Теперь же уходи отсюда в места необитаемые, чтобы с этого времени пустыня эта была обителью отшельников". Поднимая вверх посох, святой с гневом сказал: "Если не уйдешь отсюда, то этим посохом и крестом Христовым рассеку чрево твое и отдам на снедение червям, чтобы отомстить тебе, так как ты обидел оленей моих, данных Богом на подкрепление немощных моих сил". Диавол, поселившийся во чреве дракона, человеческим голосом ответил: "Не гневайся на меня, раб Бога Живого. Если тебе угодно, чтобы я удалился отсюда, взойди на вершину этой горы и не отводи глаз твоих от меня, пока не войду в реку. Ибо я боюсь погибнуть от гнева твоего".

Дракон вышел из своего жилища, и от его движения стали трескаться большие камни. Лукиан, увидев это, в ужасе и трепете упал на землю, как мертвый. А когда Давид взошел на высокую гору, чудовище поспешно спустилось вниз на равнину. Когда оно приблизилось к реке Куре, преподобный услышал позади себя голос Ангела, который звал его: "Давид! Давид! Давид!" Оглянувшись на голос Ангела, он увидел спадающий с неба огонь, который мгновенно сжег дракона, как сено. (На том месте, где сожжен был дракон небесным огнем, не растет трава, что служит доказательством подлинности рассказа об этом событии).

Давид же, увидя это, весьма огорчился и воззвал к Богу: "Боже, Боже мой! Что сотворил Ты! Тот дракон положился на меня с упованием, а Ты огнем истребил его". На эти горестные слова святого Ангел Божий отвечал: "Что ты так беспокоишься, отче, об одном червяке? Разве ты не знаешь, что, если бы он вошел и реку, то отсюда пошел бы в море и там истребил бы множество кораблей. Не скорби о погибели его, ибо так изволил Бог. Иди и спою пещеру, где твой ученик лежит подобно мертвому, укрепи и утешь его. Лучше тебе заботиться о духовных детях твоих". Давид, сойдя с горы, нашел Лукиана, лежащего в обмороке, и, поднимая его, сказал: "Что же ты так испугался из-за какого-то червяка, который по повелению Божию был мгновенно сожжен небесным огнем! Теперь ободрись и не бойся, ибо сила Христова споспешествует нам во всем. она сохранила нас ныне от страшной брани". Лукиан, ободрившись и утешившись этими словами, благодарил Бога, творящего великие чудеса и знамения, давшего рабу Своему Давиду власть над зверями.

Через некоторое время несколько человек пришли в эту пустыню на охоту, так как там водилось много оленей, диких коз и других животных. Испуганные охотниками олени преподобных по обыкновению побежали в пещеру святых, вслед за ними пошли и охотники, рассчитывая, что в тесном скалистом месте охотиться будет удобнее. Но, подойдя к пещере, они увидели преследуемых ими животных кротко стоящими, как если бы они были домашними, перед Лукианом, который» по обыкновению, доил их. Объятые ужасом, они припали к ногам св. Давида и сказали ему: "Угодниче Божий! Какое дивное чудо! Эти дикие олени стоят смирно и кротко, как будто на скотном дворе, словно выкормленные человеком". Св. Давид отвечал им: "Что вы, братья, удивляетесь? То, что вы видите, происходит по воле Божией. Творец всех, пекущийся и о птицах, по Своей великой благости, питает и нас, немощных, через этих животных. Всякий ожидает от Бога в свое время даяния пищи[93]. Прошу вас, братья мои, идите охотиться в другое место: эти олени даны нам Богом для подкрепления немощных сил наших".

Охотники, удивившись, воскликнули: "Велик, воистину, Господь, ради Которого ты решился терпеливо понести труды в этой пустыне, где часто недостает самого необходимого для подкрепления телесных сил. Поскольку мы единоверцы твои. то сделай и нас, богоносный отец, учениками твоей святости, чтобы и нам поучаться у тебя исполнению воли Божией. С этой минуты мы не оставим тебя, как отца и пастыря, и будем служить тебе как наставнику и руководителю ко спасению душ наших". Преподобный скачал: "Нет! Братья и дети мои! Не делайте сего, так как место это, как вы сами видите, нестерпимо жаркое и неудобное для человека. Лучше возвратитесь в свои дома и там служите Богу, удаляясь от всякого зла и раздавая бедным и немощным милостыню, ибо творящий милостыню взаим дает Богу". Охотники, выслушав святого, разошлись по своим селениям и возвестили всем о том, что видели и что слышали от св. Давида. Люди, пораженные их рассказом, стали посещать пещеру, чтобы увидеть подвижника и принять от него благословение. Многие просили оставить их в пустыне. Святой говорил им: "Братья! Жизнь здесь невыносима для вас, так как место это безотрадно, и пищи, необходимой для человека, здесь не обретается. Поэтому боюсь, как бы вы не потеряли терпение". Они отвечали: "Хотя бы мы должны были умереть с тобой от голода или от жажды, - мы ни во что не ставим это, и все бедствия и тесноты охотно вытерпим ради любви Христовой, поручая себя твоим святым молитвам". Давид, видя в них пламенное желание принять на себя иго Христово и следовать за Господом, сказал: "Братья, вы возложили надежду свою на одного Бога, желаете оставить мир со всеми его благами, решились принять иго Христово и следовать заповедям Божиим. Теперь же идите и принесите с собой молотки, чтобы выдолбить колодцы[94] для воды и высечь себе пещеры". Все это было Исполнено ими, и водворилось там множество отшельников, число которых с каждым днем все более и более увеличивалось. В это время преподобный и блаженный Додо, монах, сиявший подвигами благочестия, узнав о строгом жительство св. Давида, пришел к нему в пустыню и поселился с: ним, чему оба святых были рады.

Преподобный Давид чрез некоторое время, видя в св. Додо крепость духа и силу ума, сказал ему: "Отец Додо! Так как Господу, хотящему всем человекам спасения, угодно созидание пустыни, в которой будут жить многочисленные отшельники, и так как эти братья наши, оставившие мир и родных своих, желают устроить себе обитель, то не будем ленивы, заботясь о пользе их душ. Поэтому взойди с никоторыми братьями на ту высокую каменную гору, которая возвышается напротив нас, и устрой там обитель нашим братьям для

прославления имени Господа нашего Иисуса Христа и для восхваления Пресвятой Богородицы Девы Марии". Св. Додо, по приказанию преп. Давида, устроил в назначенной горе, в высеченных пещерах, обитель, где и поселилось множество пустынников. Давид, выходя каждый день из пещеры, которая была высочена в каменной скале, во двор, в уединении непрестанно воссылал Богу молитвы, оставив все земные и мирские заботы и омывая лицо свое теплыми слезами.

Однажды святой взошел на ту гору, в которой жили его братья, и, по обыкновению, начал молиться с простертыми к небу руками под одной скалой. В это время прилетела и села у ног его куропатка[95], испуганная ястребом, которого напустил на нее охотник из варваров по имени Бубакар[96]. Варвар, подойдя ближе к тому месту, где стоял святой, увидел его молящимся с простертыми руками и у ног его куропатку, а ястреба - сидящим вблизи куропатки. Удивленный этим зрелищем варвар сказал св. Давиду: "Кто ты такой, человече, и откуда ты, и как здесь поселился?" Преподобный ответил: "Я раб Господа нашего Иисуса Христа, Милосердного, Которому я приношу моление о том, чтоб Он простил множество грехов моих и удостоил меня спокойного переселения из этого суетного земного мира в небесный". Варвар снова спросил: "А кто здесь питает тебя и утешает?" Снятой ответил: "Тот на Которого я уповаю и Которому поклоняюсь. Он заботится обо мне и о всех тварях Своих". И добавил: "Прошу тебя, оставь жить эту птицу, прилетевшую ко мне, грешному чтоб избавиться от рук убийцы".

Гордый варвар, сидящий на копе, нагло сказал блаженному Давиду: "Бедный монах, я хочу убить тебя, а ты велишь мне оставить живой птицу. Следовало бы тебе прежде просить о себе, а не об этой птице" Но смиренный инок кротко отвечал; "Ты не имеешь никакой власти убить меня, не только меня, но и эту слабую птицу, ибо Бог- Помощник мне, Он несомненно избавит меня от того, чем ты грозишь" Варвар, разгневанный этими словами, размахнулся мечем, чтобы ударить отшельника, но сила Христова мгновенно удержала поднятую правую руку его. Тогда гордый варвар, прийдя в сознаниесвоей вины, смирился. Одержимый трепетом, он слез с лошади, как раб, припал к ногам святого и, обливая ихслезами, просил прощения, с плачем взывая: "О раб Бога Живого, Благого! Будь ко мне милостив, исцели мою душу и тело и прости преступление, которое я сделал по неразумию моему".

Угодник Божий, милостивый Давид, услышав от него такие жалобные слова, умилившись душою, начал молиться Богу, воздев к небу руки: "Господи Иисусе Христе, Преблагий и Человеколюбивый Боже! Владыко, Который помиловал молящегося Тебе раба Твоего и окаменил руку врага его! Умилостивись и ныне, исцели руку этого бедного варвара, гордо поднятую им на меня, недостойного раба Твоего, дабы он исповедал Тебя, единого Истинного Бога, творящего чудеса, и прославил бы имя Твое святое во веки" По окончании этой молитвы отшельник прикоснулся к неподвижной руке, и та мгновенно стала здоровой.

Варвар, удивленный таким чудом Божиим, благодаря Господа, опять припал к ногам св. Давида и со слезами просил: "Раб Бога Живого!-говорил он,-У меня есть сын, хромой и расслабленный всеми членами, который лежит в моем доме. Прошу тебя, умоли твоего Бога об исцелении немощного сына моего, ибо я уверен, что Он услышит тебя, как верного раба Своего. Если Господь исцелит его, то прославится имя Его святое, я же буду готов исполнить всякое приказание

твое. Я и все родные мои примем Крещение и поклонимся Богу твоему, прославим и восхвалим преславное имя Его во веки, и я буду услужливым рабом твоим". Давид сказал ему: "Иди в дом твой, и, как уверовал, так и да будет по слову твоему, ты найдешь сына твоего совершенно здоровым, исцелившимся в третий час пополудни". Варвар Бубакар, исполненный великой радости, славя Бога, пошел в дом свой, и - о чудо непостижимое! - на дворе его встретил сын, совершенно здоровый. Возблагодарив Бога и святого Его угодника, Бубакар вошел в дом свой и спросил жену и домашних: "Когда Бог исцелил сына моего?" Они отвечали: "В третьем часу пополудни". Услышав это, он исполнился необычайной радости и благоговения пред Богом, дивным во святых Своих, и начал рассказывать обо всем случившемся с ним и слышанном им от пустынника.

На следующий день утром Бубакар велел рабам своим нагрузить ослов разнообразной и самой лучшей пищей и отправился к св. Давиду с тремя сыновьями своими, один из которых получил исцеление по молитвам блаженного. Достигнув пещеры отшельника, пришедший не застал его там, отчего и начал сильно скорбеть. Посланные Бубакаром слуги отыскали святого между братьями и известили его о прибытии их господина. Бубакар пришел к преподобному и, припав к ногам его, со слезами сказал: "Раб Божий! Поистине мы познали, что ты целитель душ и телес, так как сын мой избавился от своего недуга. Вот, он стоит пред тобою совершенно здоровый и ожидает, как и другие домашние мои, твоего благословения". Св. Давид возлагая правую руку свою на головы их, сказал: "Бог, благословивший Авраама, Исаака и Иакова, да благословит и вас".

Затем пришедшие сели, и слуги по приказанию Бубакара приготовили ужин. Окончив трапезу, все встали и возблагодарили Бога. Подвижник спросил Бубакара, какую просьбу тот имеет к нему. Бубакар ответил, что хотел бы принять от него св. Крещение. Тогда Давид послал его с учеником своим Лукианом к преподобному Додо, чтобы тот отправил одного иерея с Бубакаром для просвещения его и его родных св. Крещением. Св. Додо, радуясь этому духом, благословил Бубакара с сыновьями и слугами и отпустил с ними в дом их одного из священников, который и крестил Бубакара с его родными.

После этого Бубакар пришел с работниками к блаженному Давиду и высек в скале церковь для братии. Впоследствии преподобный и богоносный отец наш Илларион[97] расширил, украсил ее и устроил в ней с южной стороны раку для мощей св. Давида. Возле этой раки, на возвышенности, был погребен и преподобный Лукиан. Эти святые угодники Божии и чудотворцы исцеляют многих страждущих, с верою прибегающих к ним. Блаженный Давид, пламенно желая видеть великий и святой град Иерусалим, призвал своего ученика Лукиана и сказал: "Брат Лукиан! Я намереваюсь отправиться в Иерусалим, чтобы поклониться Животворящему Гробу Господню и прочим святым местам. Ты же оставайся здесь среди братии, чтобы укреплять их в подвигах благочестия и оберегать от злого и лукавого нашего врага. Ибо он каждый день смотрит на наши пяты и многоразличными соблазнами и обольщеньямихочет лишить нас царствия Божия и победных венцов". Лукиан, огорченный этими словами, сказал св. Давиду: "Никогда не оставлю тебя, честный отче, до смерти моей, и, куда ты пойдешь, туда и я за тобой". Давид отвечал ему: " Зачем ты, брат, говоришь это? Если так сделаем и пойдем вместе, то труды наши останутся тщетными, ибо братья наши, приобретенные нами здесь для прославления имени Бога нашего, опять разойдутся по своим странам и селениям. Они, как овцы, не имеющие пастыря, заблудившись, похищены будут волками, а Бог за это изыщет с пас. Посему ты

оставайся здесь, брат мой Лукиан, а я отправлюсь туда и, как за себя, так и за тебя и за всех здесь остающихся буду молиться Богу Не удерживай меня от сего, так как душа моя сильно жаждет поклониться святым местам, где Царь Небесный, Богочеловек, Господь наш Иисус Христос жил с людьми".

Убедив сими словами Лукиана, чтобы он остался среди братий, сам Давид с некоторыми иноками, последовавшими за ним, отправился в святой град. Когда они дошли до места, называемого "вершина благодати", откуда виден Иерусалим, то, воздев к небу руки, возблагодарили Бога. Здесь Давид, увидев издали св. град, пал на землю и со слезами в восторге произнес "Господи Иисусе Христе, Боже наш? Ты, Которой пришел на землю для спасения рода человеческого, благоволил вочеловечиться, родиться без греха от Пресвятой Девы Марии, по Своей воле пострадал за грехи наши в этих местах, которые я ныне вижу, перенес Крест и смерть, как смертный человек, положился во гробе и Божественною силою воскрес, воскресив Адама со всем родом его! Ты сподобил и меня, недостойного раба Твоего, видеть эти места, где Ты ступал пречистыми Своими ногами. Я не осмеливаюсь продолжать свой путь, дабы землю, освященную святыми стопами Твоими; не попрать моими нечистыми ногами, И того довольно мне, что я, грешный, удостоился видеть эти святые места" Все это говорил он, пав ниц на землю и обливаясь теплыми слезами.

После сего братья просили продолжать путь, но святой, подобно великому пророку и царю Давиду, кротко говорил им: "Не могу отсюда идти далее, поскольку считаю себя недостойным приблизиться к святым местам. Посему идите туда вы одни и принесите и за меня, грешного, молитвы у Святого Гроба Господня" Они, облобызав святого Давида, против своей воли оставили его и ушли со слезами. Давид асе взял на том месте камень, как будто он был взят им от Гроба Господня, положил его в корзину свою и пошел обратно в Гареджи, в Иверию. Всеблагий Бог, видя такое его смиренномудрие, благоволил явить людям его святость и веру. Когда преподобный возвратился в пустынь и положил там камень, от него стали являться чудеса: с верой лобызая его, многие немощные и страждущие исцелялись. Вскоре после сего пришли и братья св. Давида, поклонники святых мест, и возвестили инокам обо всем виденном и слышанном в Иерусалиме. Известие о подвигах благочестия преподобного Давида и о чудесном камне, принесенном им, привлекло в Гареджи великое множество отшельников, так что вся пустыня наполнилась ими. Некоторые из них жили уединенно в расселинах каменной горы, Давид же, как пастырь, радуясь об умножении своего стада, давал монахам разные душеспасительные наставления.

Св. Давид однажды пришел к одному подвижнику из братии своей, жившему в некоторой расселине каменной горы, и спросил его; "Как ты живешь здесь, отче?" Он ответил ему: "Благодарение Богу, честный отче. Только вода, бьющая из этой скалы, а равно и эта зелень горьки, как желчь. Когда вкушаю их, чувствую большое отвращение и негодование, но сам себе говорю: "Мучения ада несравненно горше, не лучше ли тебе вкушать горечь временную, дабы не подвергнуться мучениям вечным?" Давид, услышав от него такие слова, весьма обрадовался и сказал ему ласково: "Не скорби, брат мой, умолим Бога нашего Иисуса Христа, Который в пустыне Мерра горькую воду сделал сладкою. Он же, подобно той, усладит и эту воду". И действительно; монах по приказанию св. Давида наполнил сосуд той водой и поставил перед ним, а святой, изобразив знамение креста Господня, отдал сосуд подвижнику и сказал: 'Пей, брат, это хорошая вода". Он выпил и нашел, что она приятна на вкус[98]. Удивленный сим

чудом инок стал прославлять и благодарить Бога и раба Его Давида. Наконец св. Давид получил через Ангела известие о близкой своей кончине. Призвав всю свою братию, он дал инокам разные душеспасительные наставления. Затем, когда была отслужена Литургия, приобщился Св. Тайн Христовых и с простертыми к небу руками, возводя ум свой горе и благодаря Бога, предал Ему святую свою душу с миром[99]. О потере такого доброго и кроткого пастыря и целителя душ и телес братья долго скорбели и плакали. Сего святого мужа Бог прославил и по смерти. Один монах, слепой от рождения, прикоснувшись к телу св. Давида, мгновенно прозрел и стал видеть. И если кто с верой помазуется прахом из гроба его, откуда исходит дивное благоухание, тот получает исцеление от немощей душевных и телесных.

МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОМУ ДАВИДУ ГАРЕДЖИЙСКОМУ ЧУДОТВОРЦУ

О преблаженне отче, славне Давиде! Покрый нас кровом святых твоих молитв от всяких напастей, душевных же и телесных. Призри, о украсителю Иверии, благосердием твоим на ны, к святей и честней раце мощей твоих притекающия! Яко предобрый отец принеси наша молитвы ко престолу Царя Христа, яко да твоим ходатайством улучим у Него прощение содеянных нами прегрешений, вольных и невольных, и от тех очищеннии да сподобимся славословити вседержавную силу Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ СЛАВНОЙ МУЧЕНИЦЫ ЦАРИЦЫ РАНСКОЙ ШУШАНИКИ

Память ее 28 августа[100]

Богобоязненная и благочестивая Шушаника, дочь грузинского царя, непоименованного в истории, имела несчастье вступить в брак с нечестивым Васкеном Питахши[101], вассальным князем царя Грузинского. Видя нечестие своего мужа, Шушаника скорбела о погибели души его, однако, покоряясь воле Промысла, терпеливо переносила свое несчастье и имела от мужа своего трех сыновей и одну дочь. Наконец Васкен (Варскен – Б.С.), более и более увлекаясь в бездну нечестия, дошел до того, что, даже без какой-либо причины, не испытав ни ран, ни уз темничных, ни страха смерти, отрекся от Христа. Он отправился к персидскому шаху Ферузу, ибо в то время Грузия находилась в зависимости от царей персидских, и, представ пред лицом его, объявил, что из преданности шаху отрекается от Христа и принимает религию персов, т.е. делается огнепоклонником. Изъявление такой преданности шах принял весьма благосклонно, наградил Васкена и отпустил его обратно в Грузию. Подходя к пределам своих владений, Васкен послал одного из рабов предупредить подданных о своем приближении, чтобы они могли устроить ему почетную встречу.

Посланный раб прибыл в Цуртаг и, войдя к царице Шушанике, приветствовал ее и объявил ей о благополучном возвращении царя Васкена. Царица отвечала: "Если жива душа его, то да будете здравы телом как он, так и ты, если же нет, то я не желала бы ни видеть его, ни слышать о нем, и пусть тогда приветствие твое возвратится к тебе назад". Она уже предчувствовала нечто недоброе. Затем

Шушаника убедительно просила раба открыть ей всю правду. Когда тот сказал, что муж ее отрекся от Христа, царица со слезами бросилась на землю, говоря: "Достоин сожаления несчастный Васкен, поскольку отрекся от Истинного Бога Христа и соединился с беззаконными". Затем она встала и поспешила в храм Божий, взяв с собою детей своих. Поставив их пред алтарем, она молилась так: "Господи Боже мой, Тобою даны мне дети мои, Ты же и сохрани их во святой вере и не лиши их благодати Святого Духа, да не будут они исхищены из стада доброго Пастыря, Господа нашего Иисуса Христа".

Из храма Шушаника отослала своих детей во дворец, сама же вошла в один небольшой домик близ церкви, где предалась глубокой скорби. Придворного епископа Васкена-Фотия не было в то время здесь. Он пошел по делу в дом некоторого человека, и духовник царицы, священник Иаков, был также с ним. Неожиданно кто-то вбежал к ним в комнату с вестью, что едет Васкен и что царица оставила дворец. Это поразило нас, говорит описавший житие и страдания св. Шушаники священник Иаков, и мы заплакали от горя. Оставив епископа, говорит о себе повествователь, я пошел в тот дом, где была царица. Нашедши ее весьма печальной, я со слезами сказал ей: "Тебе предстоит великий подвиг, потому будь мужественна, терпелива и великодушна. Нужно иметь большую силу, чтобы противостать козням врага и сохранить веру во Христа". Св. Шушаника отвечала: "Я готова на все, я знаю, что меня ожидают великие скорби и мучения".

Сказав ей, что ее скорби суть наши скорби, равно как и радость ее есть наша радость, я спросил ее, что она думает о принятии страданий, думает ли она на них решиться. Это я сказал потому, что имел намерение описать ее подвиг. Св. Шушаника отвечала, что не понимает меня. Тогда я продолжал: "Имеешь ли ты твердость духа?" - "Надеюсь на помощь Божию. О себе же знаю, что я немощна и грешна". Я сказал: "Ужасные мучения ожидают тебя". "Но я предпочту смерть от руки Васкена сожительству с ним, потому что боюсь осквернить душу мою, если буду жить с богоотступником", - отвечала святая. В это время вошел к царице один персиянин и с притворными слезами начал говорить, что дом ее мужа теперь исполнен печали, и радость в нем теперь сменилась скорбью. Этот персиянин был подослан Васкеном со злым намерением вынудить ее сказать какое-либо неосторожное слово, которое могло бы послужить к ее обвинению. Ибо Васкен, узнав о том, что супруга его оставила дворец и приютилась в домике близ церкви, весьма разгневался и положил на сердце своем погубить Шушанику. Блаженная, уразумев лукавство мужа и сомкнув уста свои, не промолвила ни одного слова при персиянине. Из этого персиянин заключил, что она совершенно отказывается от своего мужа, и свое предположение сообщил царю, уговаривая его, однако, не поступать с нею жестоко, ибо знал зверский нрав Васкена. На другой день по своем прибытии в Цуртаг Васкен потребовал к себе нас, священников, принял ласково и сказал: "Не бойтесь меня и не презирайте". На это мы отвечали: "Ты посрамил свою голову и постыдил нас". Он продолжал: "Зачем жена моя оставила меня? Пойдите скажите ей, что она обесчестила меня, оставив свой дом и уйдя в чужой, и засыпала ложе мое пеплом".

Когда передали слова Васкена св. Шушанике, она сказала: "Не я его обесчестила, напротив, он посрамил и уничижил дом отца своего. Отец его был в общении со святыми, а он окружил себя демонами; отец его веровал в Бога, Творца неба и земли, а он отвергся Истинного Бога и поклонился огню. Как он презрел Бога, так и я презираю его, и если даже он станет мучить меня, я не соглашусь

возвратиться к нему". Взбешенный ответом царицы, Васкен послал к ней брата своего Джоджика с женою и своего придворного епископа Фотия. Он велел сказать ей, чтобы она непременно вернулась во дворец, иначе будет приведена силой. Посланные пришли и долго убеждали Шушанику покориться мужу. Она отвечала: "Не думайте, чтобы я когда-нибудь вновь стала его женой. Я полагала, что вы обратите его на путь спасения, что убедите его исповедовать Истинного Бога, а между тем вы поступили противным образом. Джоджик! Ты уже не деверь мне, и я не жена брату твоему Жена твоя не сестра мне; вы причастны нечестию царя" Джоджик сказал: "Васкен пришлет рабов, и тебя повлекут насильно" Святая отвечала: "Пусть меня свяжут и поведут во дворец-это будет знак, что я раба, а не царица" Все присутствующие рыдали, заплакал и сам Джоджик и сказал св. Шушанике: "Сестра моя! Не срами царский дом!" Святая отвечала. "Правда, мы даже росли вместе, но я не пойду к такому мужу, если бы это даже и стоило мне жизни".

Наконец, после долгих увещаний, царица решилась идти во дворец. Взяв св. Евангелие и мощи св. мучеников, которые всегда, имела при себе, она со слезами пошла во дворец, произнося следующие слова; "Господи Боже, Ты ведаешь, что я охотно иду на смерть" Во дворце она, однако, не захотела занять прежнего своего помещения и удалилась в особую небольшую комнату. Здесь святая молилась так: "Господи Боже мой! Все оставили меня, но я верую, что Ты не оставишь меня никогда". Спустя два дня Васкен пригласил к себе обедать брата своего Джоджика с его женой, и, когда стол был готов, гости отправились за Шушаникой просить ее к столу. Она уже несколько дней не принимала никакой пищи Царицу привели насильно, но она ни до чего не дотронулась. Жена Джоджика подала ей в азарпеше (чашка с длинной ручкой) вино. Святая царица заметила ей, что это неслыханно, чтобы женщины когда-нибудь вкушали вместе с мужчинами, взяла чашу и бросила.

Васкен от такого поступка блаженной пришел в ярость, стал поносить ее бранными словами, топать ногами, таскать ее за волосы и бить по голове кулаками и железом. Как бешеный, он кричал и ревел, и побоями повредил святой один глаз. Джоджик, видя неистовство брата, сорвавшего даже покрывало с головы царицы, что считалось крайне бесчестным поступком, вступился за нее. Он отнял ее силой, как агницу из рук хищного волка, говоря брату: "Долго ли ты будешь бить Шушанику?" Святая упала без чувств. Царь не переставал поносить ее, называя разорительницей царского дома, наконец приказал связать ее и заковать ее ноги в кандалы. Когда Васкен немного успокоился, явился к нему один персиянин и убедительно просил его избавить царицу от уз. Он убедил Васкена снять со святой оковы и поместить ее в одной из комнат дворца, царь приказал строго смотреть за ней и никого не допускать в ее комнату, ни мужчин, ни женщин. Утром царь спросил приставленного к ней служителя, в каком состоянии находится царица после нанесенных ей побоев, и слуга ответил ему, что раны, нанесенные побоями, неисцелимы. Тогда Васкен вошел к ней, желая удостовериться в справедливости слов слуги, и увидел, что царица действительно находится в тяжелом положении. Повторив приказание никого не допускать к Шушанике, царь отправился на охоту.

Я вслед за тем, говорит повествователь священник Иаков, просил служителя позволить мне видеть больную, но он возразил мне: "Боюсь за нарушение приказания подвергнуться смертной казни". "Окаянный, - сказал я ему, - не облагодетельствован ли ты ею? Пусть даже и убили бы тебя после этого, тебе

следовало бы впустить меня к ней". Служитель впустил меня. Я нашел святую крайне изможденной, с лицом опухшим от побоев. Увидев ее в таком состоянии, я стал плакать. Страдалица сказала мне: "Не плачь, отче. Это начало торжества моего". Я просил ее позволить мне смыть кровь с лица ее и прах, попавший ей в глаза во время побоев, и положить на раны пластырь. Царица отвечала: "Отче! Не проси меня об этом. Кровь эта омоет грехи мои. Я с трудом вкусила пищи, присланной мне католикосом Самуилом и епископом Иоанном, которые тайно утешают меня, ибо челюсти и зубы мои повреждены". Я подал св. Шушанике кусок хлеба, омоченный в вине, она приняла это, и я поспешил удалиться. Пред моим уходом она спросила меня: "Отче, не послать ли к вам мои украшения: они мне теперь не нужны". Я посоветовал ей оставить их при себе.

Вскоре потребовал меня к себе Васкен. Я был поражен, но, конечно, не смел не явиться к нему. Царь обратился ко мне с такими словами: "Я иду войной против греков и не хочу, чтобы украшения царские оставались у Шушаники, ибо она уже не жена мне, иди и принеси их сюда". Я отправился к святой и объявил ей волю царя. Она с благодушием вручила мне все свои драгоценности, и я доставил их Васкену. Тот нашел все в целости и сказал: "Пусть ими украшается другая". Между тем наступал Великий пост. Шушаника снова оставила дворец и поселилась в домике близ церкви, закрыла окно в занимаемой ею комнате и пребывала в посте и молитве. Васкену, который уже возвратился с войны, советовали не трогать царицу в продолжение поста, и он согласился на это. Но с наступлением Страстной Седмицы, диавол снова овладел его сердцем: он сделался непокоен и гневлив.

В таком расположении духа он пришел в церковь и обратился к епископу Фотию со словами; "Отдай мне жену мою. зачем ты разлучил нас?" Потом начал ужасно ругать и поносить святителя. Один из священников спросил царя, для чего он "напрасно поносит епископа и св. Шушанику". Васкен ударом палки заставил его молчать. Затем, увидев бывшую в то время в церкви царицу, вытащил ее из храма и велел влачить по земле до самого дворца. Блаженную влачили по дороге, усеянной колючими растениями, и поэтому вся одежда ее разодралась, и тело было бесчеловечно истерзано. Перед дворцом Васкен приказал бить святую палками. Ей дано было триста ударов, причем неистовый мучитель приговаривал: "Какую пользу получила ты от церкви, от христиан и от религии их?" Страдалица во время мучений не стонала, не жаловалась. Когда же ее перестали бить, она сказала мучителю своему: "Окаянный, если ты не жалеешь меня, то пожалей хотя самого себя и обратись ко Христу, от Которого ты отрекся". Васкен, несмотря на то. что из ран мученицы сильно текла кровь, велел связать ее, наложить ей на шею цепь и отвести в крепость, строго наказав, чтобы ей не оказывали никакой помощи. Шушанику повели в крепость, как преступницу, босую и с растрепанными волосами. Никто не смел покрыть главу ее, потому что сам царь следовал за ней и не переставал осыпать ее ругательствами. Великое множество народа сопровождало страдалицу, все плакали и рыдали, били себя в грудь, сожалея о снятой. Она же, заметив оказываемое ей сочувствие, воскликнула: "Братья, матери, сестры и дети, не плачьте, но молитесь обо мне, чтобы я не вышла из темницы, но умерла в страданиях за веру Христову". Разъяренный Васкен бросился на народ с угрозами и разогнал толпу. Когда приблизились к месту заключения, царь сказал св. Шушанике: "Довольно ты пожила на свободе, теперь ты уже не выйдешь живой, а разве только вынесут тебя оттуда четверо".

В крепости поместили мученицу на северной стороне в темной и тесной комнате. Васкен собственной печатью запечатал цепь, которая была на шее святой. Шушаника сказала ему: "Я рада страдать здесь и умереть, чтобы там, за гробом, успокоиться". Царь с презрением ответил; "Я тебя успокою". Приставив к темнице стражей, он приказал морить святую голодом и никого не пускать к ней, нарушившим же приказание угрожала смертная казнь. Чрез две недели Васкен призвал к себе одного из стражей и спросил его, жива ли Шушаника. Страж отвечал, что "близка к смерти, поскольку не вкушает пищи".

В этот вечер я убедил стражей впустить меня в темницу и нашел агницу Божию удивительно изменившейся. Заметив слезы на глазах моих, она сказала: "Отче! Почему ты плачешь, когда я в такой великой радости?" После кратковременного свидания я поспешил оставить ее. Во время этих событий брат царя Джоджик, отсутствовал. Возвратясь из своего путешествия и узнав о бедственном положении св. Шушаники, он умолил Васкена разрешить снять с нее узы. Затем он поспешил явиться к мученице и облегчить ее страдания, снял нашейную цепь, но снять цепи с ног святая не согласилась. В таком положении она провела в крепости шесть лет.

Царица постом, бдением и молитвами постепенно восходила на высокую степень духовного совершенства. Святостью своею, она стала известна во всей Грузии. К ней отовсюду приходили за помощью, молитвами ее бездетные делались многочадными. больные исцелялись, слепые прозирали. Одна персиянка-волшебница была одержима неизлечимой болезнью. Придя к мученице Христовой, она просила ее помощи. Щушаника, наставляя ее, предложила ей бросить волшебство и сделаться христианкой, а по принятии св. Крещения отправиться в Иерусалим на поклонение Св. Гробу Спасителя. Персиянка, последовав советам царицы, получила совершенное исцеление от своей болезни. Св. Шушаника изучила все псалмы и денно и нощно славословила Всевышнего. В это время сказали ей, что дети ее отвращены от Христовой веры. Известие это глубоко опечалило святую, она начала плакать и терзаться и молилась Богу, говоря: "Господи Боже мой! Ты мне дал детей моих, но теперь они не мои, буди воля Твоя святая; избави же меня от сетей вражиих".

Однажды я зашел навестить царицу, говорит повествователь, и увидел ее изнуренной, с лицом опухшим от слез. Пришли также и дети ее. Она давно не видела их, и с тех пор, как они отреклись от Христа, гнушалась ими, не хотела даже слышать о них. Их прислал к ней Васкен сказать, чтобы она возвратилась во дворец, иначе отдана будет на поругание, Святая отвечала: 'Пусть делает, что хочет, может быть, меня ожидает лучшая участь", Этого ответа царь не понял, он думал, что этим Шушаника хотела сказать, что выйдет замуж за какого-нибудь вельможу. Она же говорила о мучениях, на которые всегда была готова из любви к Богу, от Которого ожидала себе награды на небесах. Васкен послал к ней совоспитанника с тем, чтобы он убедил ее возвратиться во дворец. Святая, выслушав сего нового посланника, сказала; "Иди и объяви твоему безбожнику, что он лишил уже меня жизни, ведь он же сам сказал, что я не выйду живой из крепости. Если он может воскрешать мертвых, то пусть прежде воскресит свою мать, которая похоронена в Урде. Если он этого не сделает, то значит он не может и меня отсюда вывести, разве только употребив насилие". На другой день приходит некто к Шушанике и говорит: "Хорошо ты отвечала Васкену, ибо он имел злое намерение". На это святая отвечала "Разве тебе не известны слова Енангелия: Не заботьтесь, как и что отвечать, или что говорить; ибо Святой Дух

научит вас в тот час, что должно говорить" (Лк. 12; 11-12). Под конец шестилетнего подвижничества царица сделалась очень больна и слаба, она постепенно таяла, как воск. В продолжение шести лет она каждый Великий пост ни днем, ни ночью не садилась, не спала и не вкушала пищи, кроме воскресных дней, в которые приобщалась Св. Тайн Тела и Крови Христовой. Питием служил ей сок травы; и то в малом количестве. В другое время она отдыхала на старой постели, в изголовье которой лежал камень, делая поклоны она пользовалась войлоком.

В крепости, где держали ев Шушанику, летом была страшная жара, особенно когда дули удушливые ветры. Питьевая вода была чрезвычайно вредной, поэтому жители той местности были всегда опухшими и бледными, они не долго жили, старости здесь никто не достигал. В таком ужасном месте мученица Христова славила Господа шесть лет. С наступлением седьмого года на теле святой открылись раны от непрестанных поклонов и стояния, у нее опухли ноги, и местами сочился гной, С течением времени раны умножились, в них завелись черви, которых она, говорит вышеупомянутый повествователь, показывала мне говоря: "Отче! Черви страшнее в аду, ибо там они не умирают" Я, видя ужасное ее положение, скорбел и плакал. Заметив это, святая сказала мне с упреком: "Отче! Что тревожишься? Пусть лучше пожирают меня здесь смертные черви, нежели там червь неумирающий". Я возразил: "Разве мало того, что ты носишь власяницу как кающаяся? Почему тебя так радуют эти черви?" Святая просила меня никому не говорить о власянице, прибавив; "Мне давно следовало бы оставить это тленное тело".

Сверх власяницы, о которой знал только я, свитая носила антиохийскую монастырскую мантию. Джоджик, услышав, что Шушаника приближается к смерти, пришел к ней со всем своим семейством. Войдя в темницу, он сперва поклонился честному кресту св. Нины, который имела при себе страдалица, потом приветствовал ее ласковыми словами. Она отвечала: "Теперь, если Богу будет угодно, я с радостью могу идти по неизбежному для всех пути". Джоджик со слезами раскаяния говорил ей так; "Невеста и раба Христова! Моли Бога, да простит Он множество прегрешений моих". "Бог да простит тебе прегрешения твои и умножит дни твоей жизни", - сказала ему св. царица. Джоджик, видя, что мученический конец ее жизни близок, продолжал говорить: "Благослови нас, Шушаника, и, если мы согрешили пред тобою, прости нас". Она благословила Джоджика и все его семейство и дала им такое наставление: "Жизнь наша подобна полевому цветку, который утром расцветает, а к вечеру того же дня увядает, Кто здесь расточает свое имение для нищих, тот получит воздаяние в будущем веке. Кто погубит душу свою здесь, тот в жизни нескончаемой и нестареющейся обрящет ее". Получив благословение и выслушав наставление святой, Джоджик ушел. По его уходе пришли католикос Самуил и епископ Иоанн, ее родственники. Они всегда сочувствовали ей, утешали ее в скорбях и укрепляли в вере. Теперь же они напутствовали ее к тихому и доброму пристанищу.

Равным образом навестили ее многие как из простого народа, так и из знатных людей. Все просили ее быть ходатаицей о них пред Господом Иисусом Христом, все умоляли мученицу дозволить снять с ног ее цепи и просили взять их себе на благословение, на память. Святая отвечала им, что она не считает себя достойной такой чести, но наконец согласилась, и один из священников исполнил желание просящих. Св. Шушаника говорила посетителям своим: "Бог да обогатит всеми благами сочувствующих мне в скорбях и страданиях моих. Я иду в вечность

и надеюсь, что даст мне Господь за скорби радость, за поношение и уничижение - славу и честь на небесах".

Таким образом народ простился с царицей. Между тем, приспел и желанный для св. Шушаники час. Она пригласила к себе епископа Фотия, приобщившись Св. Тайн, благодарила его. как отца и покровителя, просила его молиться за нее, грешную, и заповедала кости свои предать погребению в церкви. Потом сказала: "Слава Тебе, Господи Боже наш, что даровал мне упокоение в Тебе", - и с миром уснула навеки, предав святую спою душу в руце Божии. Епископ Иоанн тотчас же омыл святые мощи ее, обвил их саваном и затем с помощью других христиан, с пением и возжженными свечами, с курением фимиама перенес из темницы в назначенную мученицей церковь. Там тело святой с честью предано было земле. Народ, провожавший святые мощи мученицы, прсг.гл нею ночь в бдении, воспевая и хваля Триипостасного Бога, Который дает силу и крепость тем, кто искренно прославляет Его неисповедимое величие.

Кончина св. мученицы благоверной царицы Шушаники последовала 17 октября. Царь Иверский, благочестивый Вахтанг Гург-Аслан двинулся с войском против убийцы христолюбивой Шушаники и, сразившись с ним, взял его в плен и повесил. Так злою смертью погиб ненавидевший Христа царь Васкен. Тело же мучении"! царь Иверский с великим торжеством перевез в Цортаг и предал земле в храме, нарочно выстроенном для ее св. мощей. В 586г., через сто двадцать лет после смерти святой, армяне отделились от Православной Церкви, и Цортагский храм перешел в руки Армянского епископа. В это время католикос Симеон, или Кирион, из боязни, чтобы армяне не завладели сокровищем Иверской Церкви, перенес мощи мученицы в г. Тифлис и положил их в приделе Метехской церкви, с южной стороны алтаря. Празднование памяти св. Шушаники по неизвестной причине перенесено с 17 октября на 28 августа[102]. Вероятно, в этот день были перенесены ее св. мощи. Слава Богу Отцу и Сыну и Святому Духу во веки веков.

Смотрите также другую книгу Якоба Цултавели - "Мученичество Святой Царицы Шушаник"

МОЛИТВА СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЕ ЦАРИЦЕ ШУШАНИКЕ

О, нерушимая стено Иверския Церкве, мученице Христова непобедимая, Шушанико! Сохрани ны, ко святей раце мощей твоих притекающия, прося нам от всех недугов, душевных и телесных, избавления. Припадаем к тебе, о царственная страстотерпице славная, призри на нас, яко мати предобрая, буди нам крепкая защитница в день испытания, егда предстанем пред Судиею живых и мертвых. И приими от бренных устен наших, яко кадило благовонное, малое сие похваление: Радуйся, Христом избранная царственная дево, радуйся, яко от вражиих козней и коварства свыше ограждена была еси. Радуйся, веры стено твёрдая и несокрушимая; радуйся, от Господа Христа венец мученический приявшая. Радуйся, сожительнице Ангелов; радуйся, скорая ходатаице у престола Божия за Церкве Иверския чада. Радуйся, жемчуже небесный, град Тифлис украшающий; радуйся, цвете приятный вертограда Христова, Духа Святаго благодатию чад твоих облагоухающий; радуйся, двора Христова украшение светлое; радуйся, души моея отчаянныя утешение. Радуйся, Шушанико, скорая помощнице и великая заступнице!

Страдание И Подвиги Святых Славных Мучеников Давида И Константина, Князей Аргветских

Память их 2 октября[103]

По смерти великого царя Иверского Вахтанга Горгаслана, в 610 году по Рождестве Христовом, в царствование благочестивого царя Греческого Ираклия, персидский шах Хозрой пошел войной на Греческую империю. Он завоевал Сирию и Палестину и овладел городом Иерусалимом, в главном храме которого находилось Древо Честного, Славного и Животворящего Креста. Вместе с другими сокровищами разоренного храма завоеватель взял и Божественный Крест Христов. Святой город был тогда совершенно опустошен, большая часть его жителей погибла от меча неприятелей. Священники, диаконы и монахи были замучены, остальные подверглись унизительному пленению, в том числе и святейший патриарх Захария. По возвращении в Персию, Животворящее Древо шах приказал поставить в царскую сокровищницу. От Креста Христова совершались бесчисленные чудеса и знамения, и персы говорили о нем, что они пленили Бога, Которого чтут христиане. Тяжело было благочестивому греческому императору Ираклию лишиться Животворящего Древа. Посему он, собрав огромное войско, пошел войной на персов в 622 г., сначала вступил в Албанию в 623 г., где и перезимовал со своим войском. Потом, заключив союз с ханом Кипчакским, просил у него помощи. Хан дал ему огромное войско, с которым император и потел против персов в 624г.[104]. Он взял в плен Хозроя и умертвил его, подчинил своей власти всю землю персидскую и возвратил Животворящее Древо назад в Иерусалим в 629 г. Часть Креста отвезена была в г, Константинополь. Сам патриарх возвращен был из плена и возведен опять на иерусалимский патриарший престол. Когда император возвращался из Персии, вышел ему навстречу Магомет и поднес множество даров, потому что в это время был богат и уже владел аравитянами, Он просил у Ираклия позволения кочевать в пределах его царства, смежного с владениями Магомета, ему было позволено кочевать в Аравии, близ Синайской горы. Император возвратился в Константинополь, и в царстве настала совершенная тишина; враги империи были усмирены. Через некоторое время, когда Ираклий был убит, еретики начали вступать на императорский и патриарший престолы, будучи недостойны их. Иконоборцы терзали Церковь Христову, как говорит об этом святой Максим Исповедник. Внутренние раздоры, ослаблявшие империю, способствовали усилению Магомета, который завладел уже всей Аравией и покорил Египет и Палестину. Почти в это же время святой Иоанн Милостивый возвратился на свою родину, Кипр, и там преставился. По смерти Магомета, в 623 г., управление его владениями перешло к племяннику его, беззаконному Мурвану Глухому[105]. Собрав огромное войско, Мурван пошел воиной на христиан, сделался бичом Божиим, разорял области как Греческого, так и Армянского царства. Он дошел до Черного моря, грабя и покоряя все государства, расположенные на его пути. Как темная туча, его войско покрыло Северные страны, т.е. земли Кавказские. Прибыв в Самцхе, он остановился в стране Одзархийской, где в древности был замечательный город, название которого осталось неизвестным. Но не довольствуясь покорением Самцхе, Мурван прошел через область Сачхейдзо, покорил ее и напал на область Аргветскую, Здесь в это время управляли делами страны два родных брата Давид и Константин, о которых теперь будет идти речь. Святые Давид н Константин, грузины княжеского рода, были наследственными управителями Аргветской страны, Просвещенные св. Крещением, они всю жизнь свою строго держались православного учения Апостольской Церкви и, по обычаю

того благочестивого времени, от юности прилежали к изучению Св. Писания. Девственные душой и телом братья были искусными и неустрашимыми военачальниками на поле брани. Давид был старше Константина, мужественен и красив, у него были русые волосы, довольно густая борода. У Константина было также красивое лицо и русые волосы, но бороды еще не было, потому что он был молод. Оба брата были исполнены благодати Св. Духа. Услышав, что беззаконный Мурван из Самцхе пришел в их владения, святые собрали все свое войско и убеждали его безбоязненно встретить врагов христианства. Сами же они проводили целые ночи в молитве, возлагая свое упование на помощь Божию. Воспевая псалмы Давида и молитвенно взывая ко Господу Иисусу, христиане храбро встретили устремившееся на них с дикой яростью передовое войско Мурвана и разбили его. Пристыженные магометане возвратились к своему повелителю и доложили ему, что были побеждены поклонниками Животворящего Древа. Мурван весьма разгневался. От неслыханной дотоле для него вести он ударил себя в щеку, воскликнув: "Что это за люди, которые осмелились противиться воле великого Магомета, дяди моего, и дерзнули воевать со мною?!" Вслед за этим он с яростным криком отдал повеление своим воинам немедленно снова напасть на страну, из которой они были изгнаны, и во что бы то ни стало покорить ее. Исполняя приказание халифа, войско ворвалось в страну Аргветскую. Жители, не ожидавшие столь скорого нападения неприятелей, принуждены были спасаться бегством, но многие не успели скрыться и были захвачены в плен. В числе пленных представлены были Мурвану и святые князья. Увидев царственных пленников, беззаконник воздал хвалу дяде своему, богопротивному Магомету, и, воссев на своем престоле, с усмешкой обратился к ним. и сказал: "Кто вы такие, поклонники камня и дерева? Как вы смели стать против меня?! Разве вы не знали, что я племянник великого пророка Магомета, закону которого следует вся Аравия и Персия? Я собственной силой подчинил себе все страны от западного моря до востока!" Св. мученики на это кротко отвечали: "Смех твой над нами и твоя гордость кажутся нам тщетными и суетными. Жизнь твоя временна и слава твоя скоротечна, они будут рассеяны ветром. Не потому тебе давались победы, что ты достоин этого, но поскольку Бог захотел покарать нас за наши грехи. Ибо мы преступили заповеди Его, и Им определено было, чтобы ты владел нами и мы были наказаны твоей беззаконной и нечестивой рукой. Твой же дядя, которым ты хвалишься (напрасны надежды твои на него!), как нам известно, был лжец и обманщик, губитель всего твоего племени". Когда халиф услышал этот ответ, то пришел в необычайную ярость и повелел бить братьев по лицу и беспощадно побивать их палками. Воины, исполняя приказание тирана, секли святых палками без всякой пощады. Давид же и Константин, терпя мучения, призывали на помощь Господа и благодарили Его за то, что Он дал им силу вынести ужасные страдания. Во время истязаний тиран упрекал их, говоря: "Безумные! Сначала вы разбили мое передовое войско, а теперь осмеливаетесь без стыда порицать славного и великоименитого Магомета; дядю моего, пред которым преклоняется вся Аравия и Персия!" После этого пришло ему на мысль обратить их в мусульманство, и он начал лестью склонять их к этому: "Слышал я от моих военачальников, - говорил он Давиду, - что ты разумный правитель сей страны и искусный полководец. Теперь послушай совета моего: оставь напрасное и бессмысленное твое мудрствование и последуй закону Магомета, дяди моего. За это я тебя поставлю начальником Персии. А тебе, Константин,- сказал он, обращаясь к младшему брату, - окажу большую честь, ты будешь всегда находиться при мне во время восседания моего на престоле. Ты будешь жить в моем дворце, ликовать и наслаждаться многочисленными благами вместе с моими вельможами". Когда Мурван кончил говорить, си. Давид, осенив

себя крестным знамением, отвечал: "Не будет этого вовек, злой тиран, чтобы мы оставили свет истины и последовали адскому и льстивому совету твоему! Бог призвал нас к Своему свету, Он Соприсносущного Сына Своего послал на землю для спасения нашего. Сын, приняв плоть и оставшись вместе с тем неизменен Божеством, исполнил все. что было от века предсказано о Нем, т.е. умер на Кресте, был погребен и в третий день воскрес, вознесся спять к Отцу Своему и приидет снова с великой славой судить живых и мертвых. Он послал Своих учеников по всей вселенной проповедовать Божественное учение, дабы спасти людей от работы вражией. К нам были присланы двое из ближайших учеников Его, великий Андрей и славный Симон Кананит. Они проповедовали в нашем отечестве пришествие Христово, и все, вняв их благовествованию, перестали поклоняться идолам и сделались верными Христу Богу. Мы, просвещенные св. Крещением, всегда будем следовать закону Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, а не какому-нибудь новоизмышленному закону. Мы готовы за имя Его принять все: избиения, всякого рода мучения, огонь, воду, меч, и, наконец, самую смерть! Это наша истинная христианская вера, которую мы исповедуем и от которой не отречемся вовеки". На это тиран сказал им: "Пусть услышат стоящие здесь персы и аравитяне, как я вам давал совет и научал доброму, а ты, - сказал он, обращаясь к св. Давиду, - смеешь так грубо отвечать мне! За это ты достоин казни, потому что слова твои исполнены безумия и непокорности. В Коране нашем написано, что Исо, Который и есть Христос, был пророком и праведным сыном некоей Марии, но назвал Себя Сыном Божиим, почему и убили Его иудеи, распяв на Древе. Вы же осмеливаетесь произносить хульные слова на великого Магомета, который выше Исо (Иисуса), и порицаете его по безумию вашему. Он нею Персик» и Аравию обратил от поклонения огню и привел к единобожию". На это св. Давид отвечал: "В вашем же Коране, которого вы держитесь, сказано, что, когда совратитесь, тогда будете научены Евангелием Христовым, книгою Иисуса, которую Он дал Своим апостолам. Но Али, ревностный ученик Магомета, написал вам совсем другое, потому что не знаете вы ни Писания, ни силы Божией. Хотя Магомет и отвратил вас от служения огню, но не привел к истинному богопознанию, и поэтому не мог дать вам спасения. Он подобен кораблю, который хотя и не потонул в средине моря, однако вблизи берега погрузился в волны морские. Какая польза в корабле, который не смог достичь берега? Что случилось с ним, то сделалось и с вами. Вы не знаете и не хотите знать Истинного Сына Божия, о Котором предвозвещали пророки еще до пришествия Его, о Котором получили обетования патриархи. Его-то вы и не познали. Магомет как себя, так и всех вас ввел в страшное, погибельное заблуждение". Тиран спросил его: "Кто научил тебя, недостойный жизни, нашим книгам?" Св. Давид отвечал ему "Книги ваши совершенно бесполезны для нас, но я сказал это. желая обличить тебя!" Потом Мурван обратился к св. Константину и сказал ему; "А ты что скажешь о себе, юноша? Послушаешься ли моего приказания или нет?" Св. Константин своими словами посрамил тирана; "Не будет никогда того, чтобы я исполнил твое беззаконное повеление, - сказал он, - но, как старший брат мой Давид свидетельствовал тебе обо всем, так и я исповедую Ибо мы одному закону и одной вере научены - вере в Истинного Бога, Отца и Сына и Святого Духа, и за нее я готов умереть". Тогда разгневанный Мурван, призвав своих злых палачей ("палочников"), поручил им св. мучеников. Он приказал в продолжение десяти дней не давать им ничего ни есть, ни пить и во все это время мучить их без всякой пощады, чтобы, ослабев от многих страданий, они решились принять закон Магометов. Палачи, исполняя повеление властителя, отвели братьев в темницу. Там святые, вооружившись молитвою и терпением, доблестно переносили голод, жажду и всякого рода мучения. Рука Всесильного подкрепляла страдальцев за

имя Его. Когда миновал назначенный срок, Мурван Глухой созвал своих законников, волхвов и чародеев персидских и послал их к святым, чтобы лестью и лукавством обратить Давида и Константина в магометанскую веру. Когда посланные пришли в темницу, то нашли св. князей истощенными от голода и мук, перенесенных ими во время заключения. Посланные, притворяясь, что сострадают узникам, начали бранить мучителей, говоря: "Бесчеловечные люди! Как вы осмеливаетесь наносить такие раны этим невинным страдальцам? Разве вы не знаете, что мужи эти - славные, знаменитые и храбрые военачальники? Разве вам не известно, что великий государь Мурван хочет помиловать их и вознаградить?" Потом, обратясь к святым, они лукаво сказали им: "Обладатель всей Персии и Аравии Мурван послал нас к вам, и мы думаем, что вы. по благоразумию вашему, после таких мучений изберете лучшее вместо худшего. И потому теперь скажите надлежащие слова и не раздражайте государя, не губите вашей цветущей юности ради одного осужденного на тяжкие мучения и убиенного Человека. Послушайтесь доброго совета нашего, покоритесь закону великого пророка Магомета, и вы всегда с нами будете наслаждаться счастьем. Жалеем мы юность вашу и уважаем доблесть вашу. и потому советуем вам исполнить желание государя, Который дал вам довольно времени для размышления. Примите княжескую одежду и драгоценные подарки, которыми царь награждает нас в уверенности, что вы согласитесь принять закон Магометов". Такой лестью старались они отвратить святых братьев от христианской веры. Выслушав их, непобедимые мученики сказали: "Неразумные посланники лукавого Мурвана! Не прельстят нас безумные слова ваши. Передайте хитрому нечестивцу, что мы остаемся в истинном исповедании нашем, что ни слава человеческая, ни болезнь, ни муки, ни даже горькая смерть не могут отлучить нас от любви и веры Христовой. Мы готовы на все. слава и честь, вами обещанные, ненавистны и гнусны нам, упование наше - Господь Иисус Христос, за Него мы умрем". Посрамленные отказом святых, посланники передали их слова Мурвану, присовокупив, что нет никакой надежды отвратить этих людей от христианства, что они не боятся ни мучений, ни смерти и тверды в своей вере. Услышав это, беззаконный Мурван исполнился великой ярости и приказал палачам, повесив братьев головой вниз, немилосердно бить их палками и после таких ужасных истязаний привесить на шею святым большие камни, связать им руки и ноги и бросить в реку. Все это было в точности исполнено. Давида и Константина отпели на берег роки, на то место, где находился храм святых мучеников Космы и Дамиана. Их раздели и, повесив головами вниз, беспощадно били палками. Потом сняли их, завязали им руки и ноги, притащили огромные камни и повесили им на шею. Мученики попросили палачей дать им немного времени для молитвы. Однако от тяжести привязанных камней они не могли ни возвести очей на небо. ни приклонить колен и только взывали к Богу с сокрушенным сердцем и умиленной душой, произнося; "Господи, Иисусе Христе, Сыне и Слове Божий! Как Ты внимал прежде молениям нашим и удостоил нас пострадать за великое и святое имя Твое, так и ныне услыши молитвы рабов Твоих. Ты ведаешь, что мы сохранили нашу плоть в чистоте и целомудрии. Сохрани же тела наши и по смерти нетленными, чтобы через них прославилось Твое всесвятое имя, чтобы они исцеляли от всяких болезней и немощей. Даруй, Боже. тем, которые будут призывать нас в своих молитвах, милость Твою и отпущение грехов". Потом, осенив себя крестным знамением, сказали: "Господи, Иисусе Христе, Боже наш, в руце Твои предаем души наши. Аминь". Когда братья кончили говорить, раздался голос с неба, возвестивший им, что их прошения будут исполнены. Услышав это, мучители ужаснулись и, бросив святых мучеников в глубину реки, обратились в бегство. Так приняли смерть за веру Христову непобедимые мученики. В ту ночь,

когда преданы были казни Давид и Константин, произошло великое и преславное чудо: над рекой появились три светлых столпа, освещавших окрестности. Связанные руки и ноги мучеников разрешились, и камни, привязанные к их шеям, спали. Поэтому тела святых всплыли на поверхность воды и сияли, как утренняя звезда. По Промыслу Божию двоим из числа людей, взятых в плен вместе с князьями, удалось бежать на темницы. Чтобы не попасть снова в руки магометан, они переоделись в аравитянские одежды и скрывались в лесах и горных ущельях. Им известно было о страданиях мучеников и о их кончине. Когда они увидели знамение Божие над рекой, т.е. три светлых столпа, воссиявших среди темной ночи, то сразу поняли причину этого чудесного явления и возрадовались духом. Подойдя к реке, они увидели тела мучеников, плывущие по поверхности воды, и весьма удивились этому. В то же время двое других княжеских слуг, которые также скрывались в лесах, заметив светлые столпы, захотели посмотреть на них вблизи. Подходя к реке, они увидели своих соотечественников в агарянской одежде, которые пришли раньше, и, думая, что это действительно аравитяне, испугались и пустились бежать. Мнимые аравитяне закричали им: "Мы не враги, а соплеменники ваши! Подойдите ближе и посмотрите на господ наших Давида и Константина, которые пострадали за Христа Бога, и мы расскажем вам обо всем происшедшем". Услыхав родную речь. бежавшие возвратились и безбоязненно подошли к реке. Соотечественники узнали друг друга и поцеловались по-братски. Переодетые в агарянскую одежду рассказали обо всем случившемся с мучениками. Когда же все четверо стали советоваться между собой о том, что им делать с телами святых братьев, то услышали голос, исходивший из светлых столпов. Голос этот повелевал им поднять тела святых, нести на восточную сторону, через лес, и, где настигнет их утро, там и оставить мощи. Пока звучал этот голос, тела, как бы кем-то несомые, подплывали к берегу и наконец оказались совсем рядом с ним. Увидев это, мучениколюбцы прославили Бога, благоговейно подошли к святым мощам и, вынув их из воды, со слезами и страхом облобызали. Потом понесли их в ту сторону, которая была указана свыше. При появлении утренней зари несущие оказались на вершине горы, именуемой Цхал-Цители, на которой была расположена часть города Кутаиса, разрушенного и сожженного окаянным Мурваном. В этом городе при одной разрушенной церкви нашлась катакомба (или погребальная пещера), где никто еще не был похоронен. В этой пещере и положили святые мощи. Там они оставались неоткрытыми и никому не явленными до великого царя Баграта IV Багратиона (1027 - 1072г.г.)[106]. Этот царь, найдя такое бесценное сокровище, возобновил храм и устроил при нем обитель. Когда он привел все в порядок, тогда с великой честью перенес в новую церковь мощи святых мучеников и положил их в сделанной для них раке. Мощи святых Давида и Константина, как братья просили того у Господа, остались нетленными и подают исцеления прибегающим к ним с верой и любовью. Страдание сих угодников Божиих последовало в лето от сотворения мира 6249, от Рождества же Христова в 741, в последнем году царствования греческого императора Льва Исаврянина, при правителях Иверских Иоанне и Джваншере.

МОЛИТВА СВЯТЫМ КНЯЗЯМ МУЧЕНИКАМ ДАВИДУ И КОНСТАНТИНУ

О непобедимии царственнии страстотерпцы, славнии Давиде и Константине, граждане горняго Иерусалима! Будите ходатаи у престола Царя Славы Христа за ны, недостойная чада царствия Христова, в тине греховней погружаемая, яко дана вам благодать за ны молитися! Укрепите нас, немощных, угасите пламень страстей наших, губящих .души, и приимите от нас благодарственное малое сие

пение. Радуйтеся, доблественнии и избраннии воини Царя Христа, верными Ему даже до смерти пребывшии; радуйтеся, именем Господним полчища злобных агарян победившии. Радуйтеся, за имя Христово в темнице заключеннии, и тамо, яко же во цветнице, ликующии; радуйтеся, душею же и телом целомудреннии. Радуйтеся, девственником и девственницам скории помощницы и заступницы; радуйтеся, смертию своею воды рионския освятивший. Радуйтеся, священными и явленными мощами вашими благоухание Христову царству источающии; радуйтеся, светлыя звезды и вернии стражи Церкве Иверския. Радуйтеся, Грузинскаго царства украшение и похвало; радуйтеся, града Кутаиса величие и красото. Радуйтеся, добропобеднии мученицы Давиде и Константине, священная прибежища к вам притекающих!

Житие и Страдание Святого Славного Мученика Або Тифлисского

Память его 8 января[107]

В то время, когда поклонники Магомета простерли свое владычество до пределов Персии, и когда вся Грузия стенала под тяжким игом мусульман, эристав (правитель) Карталинии по имени Нерсес, сын Адарнаса Куратпалата, По доносу злых людей бил вытребован в землю Вавилонскую владетелем этой страны, эмиром Абдалом Муллы, и явился в город Багдад, где в то время пребывал халиф. В Багдаде Нерсес по ненависти злых людей был оклеветан, заключен в темницу и содержался в ней в продолжение трех лет. По смерти эмира Абдала Муллы сыну его Лагде, вступившему в управление халифатом, Премилосердый Бог внушил мысль освободить из заключения невинного Нерсеса и отпустить в Карталинию. В то время жил в Багдаде восемнадцатилетний юноша Або, происходивший из рода Измаила, сына Авраамова от Агари, и принадлежавший к свободному сословию, столь почетному у аравитян. Он исповедовал мусульманскую веру и был отличным знатоком магометанских книг.

Познакомившись с освобожденным Нерсесом, Або просил эристава взять его с собой, обещая служить у него. Юноша был хорошим составителем благовонных мастей. Оставив отца, мать и всех родных, он отправился с Нерсесом в Карталинию. Здесь своими добродетелями Або заслужил любовь и уважение всего народа. Не любя проводить время в праздности, он изучал грузинский язык, и, когда достаточно преуспел в этом, принялся за изучение Священных книг Ветхого и Нового Заветов.

Чтение слова Божия привлекло его ко Христу. Он стал посещать храм Божий и, присутствуя при христианском богослужении, внимал чтению Евангелия, Апостола и других церковных книг, расспрашивал у знающих христиан о правилах Православной Кафолической Церкви. Наконец, презрев закон Магомета, он всем сердцем возлюбил Сладчайшего Иисуса и прилепился к Нему, повторяя слова Священного Писания: поведаша мне законопреступницы глумления, но не яко закон Твой, Господи (Пс. 118, 85).

Впрочем, Або до времени не объявлял себя христианином, но, пребывая в посте и молитве, искал удобного места, где бы он мог принять св. Крещение, потому что боялся магометан, которые снова восстали на Нерсеса и принудили его удалиться из Карталинии. Господь, однако, сохранил эристава от руки врагов. Он благополучно прошел врата Осетии, называемые Дарьели (Дариали - Б.С.), с тремястами человек, в числе которых был и блаженный раб Христов Або. Но,

боясь преследования, Нерсес не остался в земле осетинской, а направился в страну Северную, где жили хозары, народ дикий и свирепый, употреблявший в пищу кровь и не имевший никакой религии, хотя они признавали бытие одного Бога. Царь хозарский принял эристава как странника и преследуемого врагами: накормил его вместе с его спутниками и снабдил их одеждой. Блаженный Або, увидев, что он в безопасности от преследований магометан, поспешил соединиться со Христом и принял Крещение во имя Пресвятой Троицы от благочестивого иерея. В этой стране были города, в которых не преследовалось служение Христу, потому и св. Або мог безбоязненно исповедовать веру Христову, и благодать Святого Духа осеняла его.

По прошествии некоторого времени Нерсес просил хозарского царя отпустить его в Абхазию, куда он уже отправил мать, жену и детей своих, равно как и все свое имущество, так как там его близкие могли не опасаться магометан. По благоизволению Божию царь отпустил его с богатыми дарами. Эристав со спутниками своими отправился в путь с радостью о Господе, беспрепятственно совершил оный, проходя языческие страны без всякого вреда, и через три месяца вступил во владения абхазского правителя, который благосклонно принял его со всей находящейся при нем свитой. Увидев мать свою, жену и детей, Нерсес исполнился неописуемой радости, славословя Господа за то, что сохранил их в здравии, и за мирное свидание с ними.

Все время путешествия блаженный Або провел в посте и молитве. О его благочестии и строгой подвижнической жизни доложили властителю Абхазии, который был очень рад иметь у себя столь великого подвижника, так же как и весь народ. Благочестивый правитель Абхазии и епископ той страны часто призывали к себе святого и беседовали с ним о спасении верой во Христа Иисуса. На предлагаемые вопросы Або смиренно ответствовал словами, исполненными веры и мудрости. Собеседники удивлялись его уму и ответам и славили Бога, даровавшего ему такую благодать. Святой же пламенно благодарил Бога за то, что свет спасительной веры во Христа ярко сиял во всей стране Абхазской. Абхазия простиралась от Халдеи до Трапезунда, где была пристань для кораблей, и находилась в некоторой зависимости от византийского императора; в пределах ее не было неверных.

Благочестие жителей этой страны и их ревностное служение Богу возбудили в сердце Або желание подражать им, и вот он, по слову апостола Павла подражайте мне, как я Христу (1 Кор. 4;16), решился со дня св. Антония Великого, т.е. с 17 января[108], предаться строгим подвигам воздержания и трудам молитвенным в самом городе, как бы в пустыне, воинствуя против невидимого врага христиан. Молчанием и постом утомлял он юношескую плоть свою, чтобы тем тверже стать против стрел лукавого, подражая примеру Спасителя, Который по крещении Своем, перед тем, как выйти на служение роду человеческому, победил искусителя постом и молитвою.

Блаженный Або провел три месяца в молитве, безмолвии и посте и, по истечении этого срока, в день Светлого Христова Воскресения, прекратив строгий пост, разрешил уста для славословия Бога. По удалении Нерсеса из Карталинии, в 786 г., халиф Лагда пожаловал фирман[109] на управление этой страной племяннику Нерсеса Стефану, сыну эристава Гургена. Нерсес радовался, что Господь не лишил его дом владения Грузией. Стефан через своих послов усердно просил халифа дозволить дяде его возвратиться в Иверию и, получив просимое,

уведомил Нерсеса о дарованной ему свободе. Тот, услышав такое утешительное известие, немедленно собрался в путь. Перед отправлением Нерсеса из Абхазии владетель этой страны призвал к себе блаженного Або и просил его остаться при нем и не ездить в Грузию, которая была занята магометанами. Правитель говорил ему: "Ты был мусульманином, и потому тебя не оставят в покое. Я опасаюсь, как бы тебя волею или неволею не отвратили от христианской веры и не погубили столько трудов твоих" Або отвечал; "Если Господь принял меня, отгнав от меня тьму прежнего неведения моего и удостоив света Своего, то я никогда не отрекусь от славного Его имени, хотя бы давали мне множество золота и серебра, хотя бы осудили меня на биение и всякого рода мучения, ничто не отлучит меня от Сладчайшего Господа моего". "Не оставляй меня здесь, - продолжал св. Або, - ибо что за радость мне быть там, где нет даже опасности умереть за имя Господа Иисуса Христа? Молю отпустить меня, дабы то. что я христианин, была известно ненавидящим имя Христово, ибо я из Евангелия знаю слова Спасителя нашего, что никто, зажегши свечу, не поставляет ее под спудом, но на свещнице, да светит всем. Так да светит свет ваш пред людьми (Мф. 5:16). Почему же я должен скрыть истинный свет, которым просветил меня Христос? Никуда я не скроюсь от смерти, да я и не боюсь ее". Видя такую твердость веры святого, владетель отпустил его.

Св. Або с Нерсесом прибыл в г. Тифлис, явно показывая, что он христианин. Магометане, знавшие его прежде как своего единоверца, старались то упреками, то кроткими убеждениями склонить его к проясней пере, но блаженный оставался твердым в исповедании Христа, и ничто не могло его устрашить. Три года снятой жил в городе, а иногда в ближних селениях, открыто исповедуя Христа, однако никто не осмеливался причинить ему зла, ибо не пришло еще время его смерти, благочестивые люди, которым была известна святость жизни его, охотно приносили ему одежду и пищу и во всем оказывали помощь.

В лето от Рождества Христова 790, в царствование и Византии императора Константина, сына Льва, а над магометанами - Лагды, сына халифа Муссы, при католикосе Грузинском Самуиле III (789-794 г.г.), в правление Грузией Стефана, сына Гургена Куратпалата, января 6 дня, в пятницу, на праздник Богоявления настало время мученичества святого и блаженного Або, как мы уразумели, - говорит составитель его жития. Незадолго до этого дня мученика схватили и привели пред Тифлисского судью, который за исповедание Христа приказал заключить его в темницу. Однако по прошествии некоторого времени эристав Стефан упросил освободить его и вывел из темницы, но чрез несколько дней опять явились доносчики на мученика Або. Недовольные и исполненные злобы, они, сговорившись, объявили судье, что в городе находится один юноша, который был рожден и воспитан в мусульманской семье, а теперь, оставив закон Магометов, именует себя христианином, без боязни ходит по городу и многих учит вере своей. "Ныне повели взять его и подвергнуть биению и всем мучениям за то, что он отверг закон нашего пророка Магомета, иначе многие поверят его словам и последуют его примеру", - говорили доносчики. Об этом доносе узнали некоторые христиане и, пришедши к св. Або, сказали ему: "Тебя хотят взять и подвергнуть истязаниям". Они советовали святому скрыться, но он отвечал: "Готов я за Христа не только на мучения, но и на смерть", - затем, радуясь, вышел из дома и ходил открыто по улицам.

Тогда пришли служители судьи и, схватив св. Або, представили на суд. Судья спросил его; "Что это такое я слышу о тебе, Або? Говорят, что ты. будучи рожден

в магометанстве, оставил правую веру и прельщен христианами? Образумься! Молись так, как научили тебя твои родители-мусульмане". Святой же Або, укрепляемый твердой верой во Христа, отвечал: "Эмир, правду сказал ты; я действительно родился от магометан и воспитан своими родителями в законе мусульманском, но веру эту я исповедовал до того только времени, пока не знал христианского закона. Когда же Богу было благоугодно отделить меня от моих братьев и родных и ввести в царство Христа Иисуса, Сына Своего и Бога моего, тогда я оставил закон Магометов, выдуманный людьми, последовал Богу Истинному и принял дарованную христианам веру в Пресвятую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа. Я крещен и поклоняюсь Христу, ибо Он есть Истинный Бог, не скрываю, что я христианин".

"Оставь нелепое свое заблуждение", - говорил ему судья, - если ты последовал христианам из-за того, что ты беден, то я дам тебе больше сокровищ и больше почестей, чем могут дать тебе они". Св. Або сказал; "Золото и серебро да будут тебе в погибель. Почестей от людей я не ищу, ибо я имею дар Христов - неувядаемый венец спасения и вечную славу на небесах". Тогда судья приказал сковать ему руки и ноги железными кандалами и отвести его в темницу. Блаженный Або радовался, славил Бога и говорил: "Благодарю Тебя, Господи, Спасителю и Боже мой, Иисусе Христе, что удостоил меня быть ради имени Твоего святого заключенным в темнице". Произошло это декабря 27 числа, во вторник, в день памяти св. первомученика Стефана.

Находясь в темнице, блаженный Або день и ночь проводил в посте и молитве и творил благодеяния. Так он, продав все бывшее у него имущество, на вырученные деньги кормил голодных и неимущих, заключенных вместе с ним в темнице. Доносчики и мучители приходили к святому и говорили ему льстивые слова: "Сыне! Пожалей самого себя и свою юность. Не отлучайся от братьев твоих и родных и не присоединяйся к христианам, дабы не причинить самому себе зла и тем не опечалить нас". Некоторые из них ругали блаженного и говорили ему: "Какую пользу тебе доставит Христос твой?" Или: "Кто избавит тебя от наших рук? Огонь и мучения уже готовы, и ты будешь предан им, если не обратишься в нашу пору". Но св. Або не слушал их, постоянно молился и постился. Однажды, когда магометане пришли к блаженному, он сказал им: "Не говорите мне ничего, ибо я, как глухой, не слышу, и, как немой, не отверзаю уст своих и не имею во устах своих ответа. Отступите от меня, нечестивые, да уразумею закон Бога моего". Тогда они оставили его, и блаженный Або пробыл в темнице еще девять дней, в течение которых изнурял себя постом и бдением.

На девятый день св. Або сказал всем находящимся с ним в темнице христианам: "Завтра предстоит мне изыти из тела моего и приити ко Господу Богу Иисусу Христу, ибо Бог открыл мне чрез Ангела Своего, что я пострадаю за имя Его". Затем Або снял одежду свою, велел продать ее и купить ладан и свечи, которые раздал по всем церквям, через посланных прося священников города зажечь свечи и воскурить фимиам, и принести о мученике теплую молитву, чтобы возмог он устоять в пере в Господа Иисуса Христа, и да удостоится венца мученического.

Сам же св. Або в ночь на Богоявление во время всенощного бдения взял две зажженные большее свечи в руки и стоял на ногах в темнице до утра. Он читал псалмы до тех пор, пока свечи в его руках совершенно не сгорели. Когда же настал день Богоявления, в пятницу, блаженный Або сказал заключенным в темнице: "Велик для нас день сей, ибо вижу двойную победу Господа нашего

Иисуса Христа. Во-первых. в сей день Господь вошел в иорданские струи для крещения и сокрушил главы змиев в глубине вод Своим Божеством. Подобает и мне в день сей совлечься тела моего, которое служит одеждой душе моей, и войти в глубину вод в этом городе, и креститься кровию моею. Во-вторых, в день сей, пяток. Господь наш Иисус Христос распятием Своим упразднил силу врага и тем удивил все концы земли. Теперь надлежит и мне восстать на врага христиан. Он захотел страхом смерти удалить меня от любви Господа моего Иисуса Христа,, но я посрамлю замысел его и одержу победу над ним с помощью Божией".

После сего св. Або велел подать воду, умыл лицо свое и помазал маслом свою голову, говоря: "Когда-то был я составителем благовонных мастей, а это помазание на погребение мое. С настоящего дня я не стану уже помазываться более елеем, но буду взывать ко Христу, как научил меня премудрый Соломон в "Песни песней": Воня мира Твоего паче всех аромат... вслед Тебе. в воню мира Твоего, теку, Христе, Царю мой" (Песнь песней, 1; 2-3). Потом мученик послал в церковь, прося причастия Св. Тайн, и, когда Св. Дары принесли, св. Або причастился Тела и Крови Христовых. Это было в третьем часу в день Богоявления.

Приняв Святые Тайны, мученик благодарил Господа следующими словами: "Благодарю Тебя, Господи Боже мой Иисусе Христе, что Ты даровал мне в напутствие Животворящее Тело Твое, в радость же и утешение мне - Честную Кровь Твою, Теперь я знаю, что Ты не оставишь меня, но во мне пребудешь, и я в Тебе. С этого времени не приму другой пищи, хотя и буду алкать, ни другого пития, хотя буду и жаждать. Довольно мне для вечного живота пищи этой, ибо знаю, что если и пойду среди сени смертной, Ты со мною еси (Пс. 22; 4)".

Едва он окончил эти слова, пришли служители судьи взять его. Св. Або простился со всеми бывшими с ним христианами, говоря: "Поминайте меня в молитвах ваших, ибо не увидите меня более в суетном мире сем". Святого, скованного по рукам и ногам, вывели и потащили по городу. Видя, как его влекут на мучения, христиане горько плакали о нем, но блаженный, обращаясь к ним, говорил: "Не плачьте о мне, но радуйтесь, потому что я иду ко Господу моему. Помолитесь о мне и мир Господень да будет с вами". Между тем, св. Або на пути читал псалом 118: Блажени непорочнии, в путь ходящий в законе Господни, с прибавлением слов покаявшегося разбойника: помяни мя, Господи, во царствии Твоем.

Так он приблизился к дверям судилища и, когда вошел внутрь, смело перекрестился. Его поставили пред лицо эмира, который сказал ему: "На что ты, о, юноша, решился?" Мученик же, исполнившись Святого Духа, отвечал; "Я - христианин и надеюсь остаться им навсегда". Судья продолжал: "Так ты не оставил еще своего юродства и безумия?" "Если бы я находился в неведении и безумии, - сказал св. Або,-то не удостоился бы последовать Христу" "Разве ты не понимаешь, - продолжал судья, - что эти слова приведут к обвинению тебя?" "Если и умру, - отвечал мученик, - верую, что жив буду со Христом. Ты же не медли исполнить то, что хочешь, ибо я, как эта стена, к которой ты прислонился, не слышу твоих слов. Ум мой, как и сердце, обращен ко Христу, Богу Небесному" Тогда судья сказал ему: "Какую же ты получаешь сладость от Христа твоего, что не щадишь жизни своей'?" "Если хочешь узнать эту сладость, - сказал святой, - уверуй во Христа и крестись, и тогда удостоишься уразуметь оную". Эмир пришел в ярость и приказал вывести его и отрубить ему голову. Служители привели св.

Або ко вратам дома. где жил судья, во дворе развязали ему руки и ноги. Блаженный Або поспешил сам снять одежду, в которую был одет, и, нагой, перекрестясь, сказал: "Благодарю и прославляю Тя, Господи, Пресвятая Троице, что удостоил меня мученичества" Сказав это, он положил руки свои за спину крестообразно и с радостным лицом, воздав славу Христу, безбоязненно преклонил голову под меч. Сначала святого трижды ударили тупой стороной меча, надеясь, что страх заставит его отречься от Христа. Но св. Або в молчании мужественно перенес удары. Наконец палач нанес удар острой стороной, и мученик предал свою святую душу в руки Христа Бога.

Противники Христа, которые донесли на мученика, видя, что он с верой и терпением принял смерть и тем победил их коварный замысел, исполнились великой злобы, вошли к эмиру и сказали: "Нам известно, что есть у христиан обычай красть тела умерших за Христа и воздавать им великие почести, также распространять в народе молву о чудесах от этих тел. Самую же одежду и волосы умершего они обыкновенно разделяют между собой, чтобы врачевать ими своих больных и тем прельщают многих неопытных. Повели тело Або отдать нам, мы сожжем его и пепел развеем в воздухе, и тем воспрепятствуем обману Христиане, увидев сожжение тела, убоятся нас, и люди не последуют им". Судья сказал им; "Возьмите тело и, куда хотите, туда и поместите его, и. что хотите, то и делайте с ним, как сами знаете". Тогда доносчики, выйдя, подняли живоносное тело мученика Або и положили в мешок вместе с его одеждой. Даже мученическую кровь, которая была пролита на земле, всю, до последней капли, счистили и имеете с землей положили в тот же мешок, взвалили на арбу (телегу) и увезли.

Место, где святому отсекли голову, было близ церкви Сорока мучеников. Оттуда тело св. Або вывезли за город и положили на месте, называемом Сагодебели, т.е. "место плача". Там находилось городское кладбище. Разложив костер из сена и дров и облив честное тело мученика нефтью, подложили огонь и таким образом сожгли все тело страдальца за имя Христово. Это происходило на западной стороне городской крепости, на краю скалы, подле моста чрез реку Куру, известного под названием "мост мученика". Никому из христиан не позволяли подходить к нему, пока совершалось соложение тела св. Або.

Так принесено было всесожжение, благоприятная жертва Святой Троице. Кости же мученика, которые остались несожженными, были брошены в реку под мост, и волны Куры сделались для костей святого одеждой, и глубина реки - гробом св. мученика, чтобы нечестивая рука противников Христа не коснулась их[110]. Множество рабов Христовых, несмотря на запрещение магометан, устремилось к месту сожжения. Старики шли, опираясь на свои посохи, расслабленные спешили туда, превозмогая свое бессилие, юноши и дети стекались на место кончины святого. Видя благочестивую ревность старцев, женщины, подобно женам-мироносицам, шли туда же, неся в руках ладан и свечи. Вес благодарили Бога, воздавали Ему славу и брали часть земли с места сожжения мученика. Многие одержимые различными недугами притекали на это место с верой и любовью и немедленно получали исцеление душевное и телесное. Всесильный Господь еще более явил благодать Свою и сотворил удивительное чудо, дабы все уразумели, что Або - доблестный мученик Христов.

Когда день, в который был усечен мечем святой, окончился и наступил первый час ночи, над тем местом, где сожгли тело мученика Христова, появилась звезда, сияющая, как лампада. Она стояла в воздухе до трех часов ночи и дольше. В

первую ночь звезда эта издавала свет, походящий на блистание молнии, и освещала собой Тифлис. Сам судья и весь народ, христиане и магометане, видели знамение Божие своими глазами, и некоторые из слуг судьи даже ходили на то место, чтобы посмотреть на необыкновенное сияние. Они думали, что там на землю поставлена зажженная свеча. Но, подойдя, увидели сияющее тело, похожее на звезду, стоящее в воздухе, и не могли приблизиться к тому месту, будучи одержимы каким-то страхом.

На другой день вода реки Куры излучала еще более удивительный свет, из-под моста выходил огненный столп, который стоял над рекой и освещал как мост, так и берега реки. Все это видно было жителям города, дабы все уверовали в силу и премудрость Божию и уразумели истину слов сказанных Иисусом Христом: Кто Мне послужит, почтит того Отец Мой (Ин. 12;26) Если бренное тело так прославлено, то сколь великой чести и славы удостоился сей праведник, когда Сам Победитель смерти возложил на его главу венец победы! Безумные же богоборцы, отвергающие Божественное учение Христа, будут посрамлены; они преследуют и убивают святых Его, но Господь принимает тех в вечные свои обители на небесах, где они непрестанно славословят Трисиятельное Божество Отца, Сына и Святого Духа и ходатайствуют о православных христианах, вознося их молитвы к престолу Царя Славы, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

МОЛИТВА СВЯТОМУ МУЧЕНИКУ АБО ТИФЛИССКОМУ

О добронобедный мучениче Або! Буди всем нам защитником и покровителем ходатайством твоим и многомощными молитвами у престола славы Христа Бога! И приими от нас благодарственное малое сие пение: Радуйся, крепкий воине Христа Бога; радуйся, веры каменю твердый, злыми коварствы врагов Христовых не сокрушенный. Радуйся, добродетелями христианскими украшенный; радуйся, Церкве Иверския честная похвала Радуйся, народа грузинского велие утверждение; радуйся, страданьми твоими многих к ревности Божественной подвигнувый. Радуйся, гордыню богопротивных агарян уничиживый; радуйся, светило лучезарное, во граде Тифлисе возсиявшее. Радуйся, славо и украшение града того; радуйся, богопротивных ересей гюсрамителю. Радуйся, крепкая стено и ограждение царства Иверскаго; радуйся, благ у тебя просящим подателю; радуйся, тела моего здравие. Радуйся, мучениче Або, скорое услышание верных.

Житие и Страдание Святой Славной Великомученицы Царицы Кахетинской Кетевани

Память ее 13 сентября[111]

Эта божественная отрасль вертограда Христова и светлое украшение Церкви и престола иверского происходила из царского рода Багратидов, была дочерью Ашотана, владетельного князя Багратион-Мухранского, и правнучкой карталинского царя Константина III.

Святая и украшенная порфирой небесного царства Кетевань вскоре по рождении своем была крещена в святой купели. Детство и отроческие ее годы украшались изучением Божественных Писаний[112], благочестивые родители ее наставляли свое чадо в добродетели и нравственной христианской жизни. Святая дева, возрастая телом, возрастала и духовно. Девственное целомудрие, скромность,

мудрость и благоразумие украшали прекрасное лицо ее, нежные уста день и ночь воспевали и славословили Христа, Спасителя нашего. Сладкоименитая Кетевань была милостива к нищим, врачевала больных и в приключившихся бедах была скорой помощницей.

Когда пришло время ей выходить замуж, родители отдали ее за наследника кахетинского престола Давида, происходившего также из рода Багратидов, сына царя Александра II. Юноша был прекрасен лицом, мужественен и украшен многими христианскими добродетелями. Но при всех своих добрых качествах он был человеком горячего характера, властолюбив, был даже отчасти жесток. Брак был отпразднован с великим торжеством, как подобает высоким царственным особам. По прошествии известного времени Бог благословил их супружеский союз сыном, который в святом Крещении был наречен Теймуразом. Впоследствии царь Кахетинский Теймураз I стал сокрушителем ненавистного ига персидского, украсителем Церкви и устроителем быта своих подданных, он дал своему бедствовавшему народу мир и тишину, и был известен также своей литературной деятельностью, как хороший ритор и славный поэт[113].

Властолюбивый Давид желал занять престол своего отца преждевременно. Кроме того, грузинская знать ненавидела царя Александра II. Будучи недовольными его правлением, они свергли его и заключили в темницу, а на престол возвели сына его Давида, но последний положительно не умел править царством, и за него управляла славная Кетевань. Она усмирила знать, привела в порядок окончательно расстроенные дела Кахетинского царства, обеспечила благосостояние Церкви Христовой, возвратила ей утраченный мир, которого не было при царях Александре II и Давиде. Кроме того, она во все время правления своего особенно заботилась о построении храмов, устраивала больницы для страждущих и трапезы для нищих, вдов и сирот и оградила царство от внешних врагов. После шестимесячного царствования Давид умер и был погребен по-христиански. Престол остался свободным. Младший из четырех сыновей царя Александра, Георгий, по причине своей молодости не мог занять престол. Поэтому правление вновь досталось престарелому Александру, но и его царствование было недолгим. Божественная Кетевань, лишившись мужа своего, лишилась на время и сына Теймураза: он был отправлен ко двору персидскому[114]. Святая оставила попечение обо всем и поселилась в некотором уединенном месте, где находила себе единственную отраду и утешение в чтении Священного Писания и разных богоугодных занятиях. И вот в этом скорбном положении постигло ее еще одно тяжелое горе.

Шах Аббас I, узнав о смерти молодого царя Давида и о том, что наследником остался один только юноша, брат Давида, Георгий, призвал к себе второго сына царя Александра, Константина, который давно, еще со времен шаха Тамаза I, находился при его дворе как заложник. Будучи обращен в магометанство, Константин, по приказанию шаха Аббаса, был правителем Ширвани и ее окрестностей. Для получения же высших должностей он переселился в Испагань и вел при дворе самую порочную и отвратительную для христиан жизнь. Шах Аббас, зная образ жизни Константина и его преданность персидскому престолу, сказал ему: "Отправляйся немедленно в Кахетию и убей престарелого отца твоего и молодого твоего брата Георгия, и займи престол их. Подданных же твоих всеми силами старайся обратить в магометанство".

Шах Аббас испытывал великую неприязнь к Кахетинскому и Карталинскому царствам по той причине, что карталинский царь Луарсаб I в 1534 году положительно отказался быть в зависимости от его деда шаха Тамаза I и не допустил этого шаха подчинить себе Карталинское царство; а также потому, что Ираклий, третий сын царя Александра, поссорившись со своим семейством, уехал в Константинополь искать себе убежища при дворе султана турецкого. Поэтому-то безбожный шах Аббас I и хотел подчинить своему престолу оба царства - Карталинское и Кахетинское, дабы ему было удобнее вести войну с Турцией. Кроме того, шах боялся, что иверские царства войдут в состав России. Сейчас же ему предоставлялся удобный случай для достижения желаемой цели. Но Божественный Промысл устроил иначе. Нечестивый Константин, получив от шаха такое приказание, взял огромное войско и с ним двинулся из города Испагани в Кахетию, и о своем прибытии уведомил царя Александра. Старец, услышав о возвращении сына на родину и не подозревая о его коварных замыслах, отправился к нему навстречу с младшим своим сыном Георгием. Они встретились в энисельском городе Базаре; радости старца-царя и Георгия не было конца. Они славили и благодарили Бога, ниспославшего им такую милость. Увы! Увы! Отец и сын не подозревали, с чем пришел к ним окаянный Константин. Он поднес им богатые подарки и золотые ткани, посланные через него шахом, устраивал богатые пиры, угождал отцу и брату, тем временем бесстыдно готовя им погибель.

Однажды, когда они все вместе сидели в палатке, Константин сказал отцу и брату: "Имею к вам одно поручение от шаха, которое нужно передать вам секретно. И для сего прикажите всем выйти отсюда, чтобы кроме вас никто не знал этого". При царе Александре остались только его приближенные: Корчибаш, сын Авеля Андроникова (отец Адама Султана), его хорошо знал царь и более всех приблизил к себе за его искреннюю преданность, и брат Авеля, епископ Руставский. Нечестивый Константин приказал некоторым воинам, как только из палатки выйдут все, кроме его отца и брата, немедленно войти с обнаженными мечами и изрубить на куски Александра и Георгия. Воины должны были наблюдать из палатки, служившей Константину спальней. Когда, по просьбе царя Александра, все присутствующие вышли, внезапно вбежали воины с обнаженными мечами в руках и с великим неистовством, словно дикие звери, изрубили на куски невинные жертвы бесчеловечности Константина: царя, царевича, сына Авеля и епископа Руставского. "О, ужасный слух! - говорит Святейший Патриарх Антоний I. - Как могла земля принять в себя кровь невинных страдальцев, пролитую рукой сына и брата, кровь престарелого отца и венчанного царя! О преступление! Каин, казалось, имел предлог, будучи первенцем, из-за того, что Господь не принял принесенной им жертвы, убить брата своего Авеля. Братья Иосифа имели к нему неприязнь по причине любви к нему отца их Израиля. А этот окаянный и навеки погибший какой имел повод для неприязни к невинным отцу и брату, столь ласково и радушно принявшим его после давней разлуки?" Окаянный Константин велел положить их тела на верблюдов и отвезти Кетевани. Блаженная, увидев привезенные тела, исполнилась неописуемой горести и печали. По грузинскому обычаю оплакав их, она похоронила их в Алавердском соборе с великим торжеством.

Нечестивый же Константин, исполнив одно беззаконие, задумал другое. Словно второй Ирод, он захотел взять прекрасную Кетевань себе в супруги. Поэтому, отправив к ней послов, он просил нечестивыми и окаянными устами своими святой ее руки. "Мужчина, - говорили послы Константина Кетевани, - по закону

Магомета, по смерти своего брата может взять в супруги его жену, т.е. свою сноху. На основании этого правила Константин и желает, чтобы ты была его женой. Ты будешь опять царицей". Послы грозили от имени Константина, что, если она не согласится, то ее принудят силой. Раба Христова, услышав, что Константин желает совершить такое беззаконие, удивилась и пришла в сильное смущение. Соблюдая после смерти своего супруга честное вдовство, она, подобно Анне, дочери Фануиловой, готовилась стать невестой одного Бессмертного Жениха. Поэтому она сказала послам: "Чтобы отнюдь не смел беззаконный убийца отца, брата и епископа видеться со мной! Мало ему совершенного им преступления: окаянный и нечестивый, он желает еще видеть меня, - никогда!"

Дав послам решительный отказ, мудрая вдова собрала всю знать кахетинскую и просила не допустить Константина до какого-нибудь беззакония по отношению к ней. Напомнив о совершенных им преступлениях, жертвами которых были его кровные родственники, она объявила, что нечестивый хочет истребить и весь царствующий дом Кахетии, а жителей обратить в проклятое магометанство. "Если не поможете отвратить от меня беззаконие и бесчестие, то я оставлю Кахетию и возвращусь к своему семейству," - добавила царица[115]. Дворяне, услышав это, тут же поклялись Кетевани быть ей верными подданными до последней минуты своей жизни, и все в один голос сказали: "Кроме тебя, никогда никому другому не подчинимся". Посоветовавшись между собой, они решили как можно скорее покончить с нечестивым Константином. После совета все знатные кахетинцы собрали своих воинов и выступили против отцеубийцы.

Константин, узнав о приближении грузинского войска, прежде всего посмотрел в гадательные книги, которые показали ему неблагополучный исход этого дела[116]. Поэтому он не захотел выступать против грузин и намеревался возвратиться назад в город Базар со своими воинами, но было уже поздно. Воины Константина вынудили его встать во главе войска и выйти против их врагов, грузин-христиан.

Грузинское войско возглавляли знатные вельможи Давид, Тамаз и Бебур. Они, стоя перед рядами вражеских воинов, узнали отцеубийцу. Грузинское войско по данному сигналу стрелой бросилось на персов. Названные вельможи окружили Константина, пронзили его копьями и свалили с лошади, отрубили ему голову и обратили все персидское войско в постыдное бегство. Затем вошли в город Базар, где жил беззаконный, и предали город опустошению. Все войско нечестивца пало от грузинского меча. Истребив врагов веры и отечества, вельможи, радуясь, возвратились к царице с победой. Они славили и благодарили Бога, давшего им силу погубить врага Христова. Когда подали царице голову отцеубийцы, сладкоименитая Кетевань не обрадовалась погибели окаянного, но пролила за него слезы, оплакивая его горестную судьбу и бедственное положение его души в будущем веке. Вместо того, чтобы тело скверного бросить на съедение собакам, чего тот и был достоин, она приказала зарыть его в землю.

После победы грузин Кахетинское царство на время избавилось от персидского нашествия, спасено было в нем Православие, и снова тишина воцарилась во всей Кахетии. Соседи-враги перестали беспокоить ее границы. И царица Кетевань, как уже единственная из царствующего дома, снова приняла в свои руки бразды правления и из своей резиденции, города Греми, управляла всеми делами царства. Чувствуя, что она, слабая женщина, не может быть во главе царства и

желая работать одному Богу, она хотела сложить с себя управление и передать кому-либо другому. К несчастью, не оставалось никого в живых из царского рода, кроме отрока Теймураза, но и тот находился в качестве заложника при персидском дворе.

Мудрая Кетевань, сознавая трудность положения дел, послала почетное посольство с богатейшими подарками к шаху Аббасу I и написала ему такое письмо: "Пресветлейший государь, возврати мне моего сына Теймураза, ибо он нужен для правления царством Кахетинским. Если же не исполнишь того, что прошу, то знай, что царство наше перестанет быть зависимым от тебя, подчинится султану турецкому и всего Востока".

Послы прибыли в Испагань, явились к шаху, поднесли ему от имени царицы богатые дары и вручили письмо. Шах, прочитав письмо, немедленно приготовил царевича к отъезду, щедро одарил его сокровищами и отправил в Грузию. Теймуразу в то время было тринадцать лет, как говорит царь Имеретинский Арчил в своих стихах и "Истории", а другие пишут, что ему было шестнадцать, последнее, по всей вероятности, вернее первого. Но, несмотря на молодость, Теймураз, будучи так долго при персидском дворе, сохранил веру своих отцов, веру православную. Шах имел попечение о царевиче и не хотел принудить его принять магометанство, зная, что этим он не достигнет никакого результата, напротив, может испортить дело. Он хотел как-нибудь мирным путем безусловно подчинить себе всю Грузию. Царевич Вахушт говорит в своем описании Кахетии, что Аббас, услышав о поражении и смерти Константина, боялся, что Кахетия перестанет быть зависимой от него и присоединится к Турции или к России, поэтому и возвратил Теймураза назад. Как бы то ни было, царевич прибыл в Кахетию. По дороге в город Греми[117] он остановился в Кизике, или нынешнем местечке Карагач, у одного поселянина, который радушно принял и угостил царевича. Оттуда он, как подобало, известил мать о своем прибытии и затем отправился в Греми.

Святая, увидев сына своего, исполнилась неописуемой радости. Она, а с нею и все подданные славили и благодарили Бога. Царица в скором времени вручила законному наследнику правление страной, при чем сказала ему: "Любезное чадо мое, теперь освобожусь я от всех мирских забот и беспокойств, и если окажется во мне какая-нибудь нужда, то я буду помогать тебе во всем, пока ты не познакомишься основательно со всеми делами управления, не приобретешь опытности и не придешь в полный возраст. Я же успокоюсь от этого мира, чтобы иметь попечение только о своей душе". После смерти шаха Тамаза I Кахетия не подвергалась более нападениям персов, но тем временем готовилось новое, самое ужасное и губительное нашествие на страну войска внука Тамаза - шаха Аббаса I. По приезде своем царевич принял священное миропомазание на царство, на него была возложена корона в соборе св. равноапостольной Нины, и он взошел на царский престол с именем Теймураза I. Это было в 1605 году, Вскоре после венчания на царство он взял себе в супруги дочь владетельного князя Мамия I, княжну Анну, от которой имел двух сыновей, Леона и Александра, и дочь Тинатин. В 1610 году, после рождения дочери, царица Анна скончалась. Шах Аббас I пригласил царя Теймураза к себе погостить, чтобы несколько развлечь его. Царь приехал в Испагань, и шах с великим радушием принял его, но под этим радушием скрывалось намерение нанести смертельную рану Кахетии, хотя шаху не в чем было обвинить кахетинского царя. Диавол, враг христиан, найдет, что внушить человеку, ставшему его орудием.

В это время в Карталинии правил святой благоверный царь Луарсаб, молодой летами, впоследствии венчавшийся мученическим венцом за исповедание имени Господа Иисуса, пострадав от нечестивого Аббаса I. Шах потребовал, чтобы царь Луарсаб отдал ему в супруги, как будто бы этот окаянный не был уже женат, свою сестру Елену, дочь карталинского царя Георгия X. Нечестивец был хорошо знаком с законами православной Грузии и знал, что это невозможно, ибо правила Православной Церкви воспрещают подобный брак. При том сам царь Тсймураз не был согласен с этим, а нечестивец хотел найти какой-нибудь предлог обвинить царя в неповиновении ему, а затем начать войну с Кахстией.

Шах сказал Теймуразу: "Я просил царя Карталинского Луарсаба, чтобы он выдал сестру свою за меня замуж, а другую отдаю тебе в супруги за твою верность и любовь ко мне. Таким образом хочу породниться с тобой и водворить между вами обоими мир", - хотя не было никакой вражды между царями Кахетинским и Карталинским. Теймураз отвечал: "Это невозможно, государь, потому что сестра Луарсаба - моя близкая родственница, и Церковь Моя не позволит мне этого". Шах стал настаивать, чтобы его требование немедленно было исполнено. Шах хотел ослабить родственную связь царей, поссорив их между собой, а затем заставить Теймураза принять магометанство.

Замечательно то, что шах не сказал царю, какую именно сестру взять ему, старшую или младшую. Он думал про себя, что если Теймураз возьмет себе старшую, а ему оставит младшую, то этим уже окажет шаху неуважение и непочтение. Если же он возьмет младшую сестру Луарсаба, а ему оставит старшую, то шах скажет, что младшая гораздо нежнее и красивее старшей, которую предполагал шах взять себе в жены. Шах ничего не говорил Теймуразу об этом, а ожидал поступков царя, чтобы в любом случае обвинить его и начать войну с Грузией.

Царь, видя, что отказом он может вызвать неприязнь к себе и навлечь на Грузию нашествие персов, разорение ими святых храмов, уничтожение христианской веры и всего православного грузинского народа, вынужден был обещать исполнить волю шаха. Щедро одаренный Аббасом, он вернулся в Кахетию и, не зная замыслов шаха, женился на старшей сестре царя Луарсаба, Хуарешани. Свадьбу отпраздновали с великолепием в городе Греми в 1612 году. А младшую сестру Луарсаба, Елену, послали к шаху по его требованию. Впоследствии она была насильственно обращена в магометанство, и ей дали другое имя - Фатман-Султан-Бегум.

Царь Луарсаб в то время лишил должности своего бывшего любимца, моурава[118], хитрого и бесчестного Георгия Саакадзе, а также и тестя его, вельможу Нугзара. Они, будучи удалены от двора царем Луарсабом, отправились искать себе покровительства у шаха Аббаса. Шах, имея в виду свои цели, принял их весьма благосклонно и предоставил им почетные должности. Однажды христоборец сказал этим недовольным, Саакадзе и Нугзару: "Ту сестру, которую я просил у Луарсаба, отнял у меня Теймураз. Нужно защищать свою честь". Под этим предлогом лживый шах хотел исполнить давно уже таившиеся в его душе замыслы.

Собрав огромнейшее войско и взяв с собой изменников государю Георгия Саакадзе и Нугзара проводниками, шах отправился в Грузию. Это было в 1615 году. Остановившись в городе Ганжа (Елиеаветополь), что в Албанской

области[119], нечестивый шах спросил Георгия Саакадзе, которого он осыпал всеми милостями: "Как по вашему обычаю поступает человек, у которого отнимают жену?" Аракил-монах, историк армянский, говорит, что Георгий Саакадзе отвечал ему следующее: "Тот, у кого увидят жену, нападает, если, конечно, имеет силы и возможность, на того, кто увел, и предает все его имущество разграблению и уничтожению".

Георгий сказал так из угождения шаху, зная, что шах имеет великую неприязнь к царю Теймуразу и ищет какого-нибудь повода разорить Кахетию. Шах сказал Саакадзе: "Я - тот человек, у которого увели жену". Эта ложь шаха не имела под собой никаких оснований. Окаянный искал погубить Теймураза и предать его царство огню и мечу и при этом бесстыдно клеветал на царя, оправдывая клеветой свои поступки.

Жители Кахетинского царства, понимая, что их должно постигнуть великое бедствие, собрались к царю и стали просить: "Царь, пошли мать твою с сыном твоим Александром, чтобы она укротила гнев шаха своими просьбами и умолила его оставить намерение погубить нас". Тогда царь Теймураз со слезами объявил своей матери просьбу вельмож и народа. Арчил II, царь Кахетинский и Имеретинский, в своем повествовании о царе Теймуразе говорит, что государь думал: "Пошлю мать мою с младшим сыном моим Александром к шаху, дабы через них упросить его не предавать опустошению мое царство". Мудрая раба Христова ответила ему: "Чадо мое, знаешь ты хорошо, сколько раз я избавляла от беды Кахетию и не щадила себя для страны! Бесполезно ехать к шаху, ибо никакие мои просьбы и мольбы не смогут удержать его от опустошения всей нашей страны". Иеромонах Георгий, бывший очевидцем этой трогательной картины, пишет, что едва ли не все жители Кахетии возрыдали пред царицей, говоря ей: "Отправляйся, мать наша, и спасай нас от погибели". Как бы то ни было, в конце 1615 года царица, взяв царевича Александра, в сопровождении князя Нодара Джорджадзева, с богатыми подарками отправилась в Ганжу и скоро предстала перед шахом.

Шах ласково принял ее и между прочим сказал: "Разве я дядька и воспитатель этого юноши, что он прислал мне младшего сына своего? Пусть царь Теймураз пришлет мне старшего сына, Леона, и я воспитаю его, как приличествует царственным особам". Святая написала все сыну своему, но тайно передала ему, чтобы он ни в коем случае не посылал наследника к шаху.

Царь Теймураз понял, в чем дело, пришел в ужас и не решался отпускать своего сына. Но вельможи царские и народ собрались опять к государю и со слезами просили его уступить шаху: "Не два ли раза ты был у него? - говорили они. - Не оба ли раза он оказал тебе честь и поднес подарки? Зачем своим упорным нежеланием послать к шаху Леона, сына своего, хочешь погубить Кахетию? Мы уверены, что он не причинит ему никакого вреда".

Наконец, после долгих уговоров царь согласился и послал наследника своего Леона к шаху с гофмаршалом, князем Давидом Аслановым. Когда царевич приехал, кровожадный шах, не довольствуясь этим, потребовал к себе и царя Теймураза, написав ему такое письмо: "В преданности твоей мне я нисколько не сомневаюсь: ты пожертвовал своими детьми и матерью. Приди и сам. Прими от меня дары и, возвратившись к себе, мирно царствуй". Теймураз, получив это письмо, не знал уже, что делать, от горести и печали о том, что он безвозвратно

потерял нежно любимых детей и дорогую свою мать. Он чувствовал себя совершенно одиноким и не знал, на что решиться, а испуганные вельможи настаивали, чтобы он ехал к шаху. Но царь всеми силами уклонялся от этого, зная, что ему грозит неминуемая погибель.

Царь лишился также и последнего своего утешения - прекрасной дочери своей Тинатин, неизвестно по какой причине и когда отнятой у него шахом. Святейший Патриарх Антоний I говорит, что она была взята шахом в супруги, а потом отдана Заалу, сатрапу[120] Лористанскому. Ее, продолжает святитель, помнила мать его, царица Елисавета, когда Тинатин была вдовой и уже в довольно преклонных летах.

После всего этого было уже понятно каждому, что должно последовать за такими злодействами шаха, какой удар готовится Святой Церкви Иверской, царствующему дому и всем христианам. Вскоре шах, видя, что царь лишился почти всего своего семейства и остался один, двинулся с огромным войском прямо в Кахетию, как пишет Аракил, историк армянский. Вот подлинные его слова: "По нашествии персов на Кахетию страшные бедствия постигли Иверию; убиение старцев, которых невозможно было увести в Персию, молодых, которые с оружием в руках воспротивились переселению, смерть иереев, диаконов и даже епископов, монахов и монахинь и пленение их, убиение малолетних, растление девства, срытие святых могил, сожжение святых храмов, прекрасного города Греми и всех городов и сел кахетинских. Как можно высказать все это, когда одно воспоминание наводит великий ужас!" Нечестивец переселил в Персию всех кахетинцев, оставшихся в живых после того, как страна предана была мечу и огню. Как грустно и горько было слышать св. Кетевани о несчастье, постигшем Кахетию, об осквернении святилищ Божиих и разорении всего царства!

Беззащитный царь Теймураз I нашел убежище у Имеретинского царя Георгия III, вместе с Карталинским царем святым Луарсабом, страна же его стала добычей кровожадного Аббаса I. О бедствиях же, постигших Карталинию, сказано в повествовании о страданиях святого мученика царя Луарсаба.

Как грузинские писатели и, прежде всего, сам царь Теймураз I в стихах о страдании святой великомученицы царицы Кетевани, его матери, так и армянский историк Аракил, а также латинские писатели согласно повествуют, что, когда в руки христоненавистника-шаха попал и наследник престола, царевич Леон, то обоих братьев вместе со святой Кетеваныо шах немедленно отправил в Шираз. Окаянный приказал через посла тамошнему правителю города Беглар-беку заключить их в темницу и иметь за ними тщательный надзор. Сам же кровопийца шах, разорив всю Кахетию и Карталинию, возвратился в Испагань.

Святую царицу держали в темнице десять лет. По прошествии пяти лет у нее отняли последнее из того, что утешает на земле - ее внуков, которых послали к шаху в Испагань. Там их оскопили, и, говорят, что невинный страдалец, наследник престола Леон, не вынес этого мучения и скончался. Это было в 1620 году. Другой же сын царя Теймураза, Александр, остался жив, и Антоний I говорит, что его мать видела Александра уже старцем. Святая Кетевань предвидела близкую свою кончину и ожидающие ее ужасные страдания телесные, но надеялась непреложно, что от всех сих избавит ее Господь (Пс. 33; 20). И еще помнила она сказанное в Писании: Если приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу свою к испытанию; управь сердце твое и потерпи. И не смущайся во время

посещения; прилепись к Нему и не отступи, дабы возвеличиться тебе напоследок. Все, что нанесено тебе будет, прими и в превратностях твоего уничижения будь долготерпелив (Сир. 2; 1-4).

Блаженная уподобилась в терпении Иову и в премудрости - Товии. Ни страшные притеснения в темнице в продолжение пяти лет после того, как отняли у нее внуков, лишение которых было горестнее для нее, чем самое темничное заключение, ни все издевательства персидских придворных, ни лукавые предложения шаха сделать ее царицей Персии, ни все предлагаемые ей великие сокровища и богатства мира сего, ни просьбы и уговоры придворных и знати персидской пощадить себя и произнести лишь одно хульное слово на Христа - ничто не могло поколебать страдалицы Христовой. Она осталась верной Небесному Жениху до самой смерти, пролила за Него святую свою кровь и исповедала пред мучителями веру Православную и любовь ко Христу Господу. Так на этой немощной женщине явилось величие благодати Божией. Она посрамила и попрала вечного нашего врага, зияющего пожрети нас и свести во ад живых, ибо Господь в роде праведных[121].

Как сказано было выше, святую десять лет держали в темнице. Царица устроила в ней себе маленькую церковь, и ее духовник каждодневно совершал для нее святую Литургию. Постом, молитвами, бдением, коленопреклонениями, возлежанием на голой земле с камнем под головой вместо подушки святая Кетевань изнурила совершенно плоть свою, приготовляясь мужественно принять мученичество за пресладкое имя Господа Иисуса. И эта немощная, изможденная жена прославила Христа Бога пред царствами Персидским и Иверскнми.

Христоненавистник шах послал открыть святой Кетевани последнюю его волю: или пусть она отвергается Христа и примет магометанство, или будет предана жестоким мучениям и смерти. Святая твердо верила словам св. апостола Павла, который сказал, что нынешнее легкое страдание наше соделывает в безмерном преизбытке вечную славу (II Кор. 4; 17). Поэтому она твердо и решительно сказала посланному от шаха правителю города следующее: "Ничто не отлучит меня от любви Господа моего Иисуса Христа: ни болезни, ни страдания, ни притеснения, ни гонения, ни глад, ни нагота, ни заботы, ни меч", - и этим и решительными словами святая нанесла врагу душ наших смертельный удар. "Верю я, - продолжала святая страстотерпица, - что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы и Архангелы, ни Силы, ни Начала, ни этот, видимый, ни тот, невидимый, мир, ни высота, ни глубина, ни иная какая тварь не может разлучить меня от Жениха моего, Христа Господа"[122].

После этого правитель города стал ласково уговаривать и просить блаженную оставить Христа и пощадить себя ради высокого своего рода. "Чтобы - говорил он ей, - по бесчеловечному приказанию шаха, не растерзали нежное твое тело". Но святая осенила себя крестным знамением и сказала: "Совершенно невозможно, чтобы я оставила благочестивую и православную мою веру, ради нее жертвую собой". После сего она просила, чтобы дали ей несколько времени. Правитель города исполнил ее желание и отступил от нее. Она вошла в свою маленькую темничную церковь, преклонила колени и с горячими слезами стала молиться, говоря: "Тебя, Бога, Троицу Единосущную, знаю, Непостижимого и Невидимого! Неизреченно, Господи, таинство Твое! Ты повелением Своим подвигаешь горы и потрясаешь основания вселенной. Тебя воспевают и славословят все народы земли во гласе труб и органов! Молю Тебя, Владыко мой. Господи, пошли Ангела

Твоего, да избавит душу мою от горьких воздушных мытарств, приими ее Сам, отверзи двери царствия Твоего рабе Твоей и сопричти меня лику угодивших Тебе мучеников! Нет, Господи, числа моим согрешениям, и никто из верующих в Божество Твое не согрешил более моего. Нет ничего сокрытого от пресвятых очей Твоих. Тебя величаю по повелению Твоему! Исцели струпы души моей, призри. Господи. и избавь меня, когда откроют писания сердца моего, даруй сыну моему, царю Теймуразу, победу и совершающим мою память даждь, Господи, утешение сердечное и вечное блаженство!

Верую, Пресвятая и Пречистая Дево, в рождество Твое и в девство Твое до рождества и по рождестве, до Божественного Твоего успения, помилуй меня, верующую в Промысл Сына Твоего и Бога моего"[123]. Затем, продолжает в стихах о страдании Кетевани царь, святая, окончив молитву, приняла Святые Тайны Тела и Крови Христовых от рук иерея, своего духовника, и, укрепившись на подвиг, сказала: "Царю Христе, Слове Божий, не подобает рабе Твоей отвергнуться Тебя, не предай рабу Свою в руки диавола". Царица осенила себя святым крестом и, уже совершенно приготовившись, с радостью вышла на страдания и безбоязненно сказала мучителям: "Делайте, что замыслили, я готова на все мучения". Она подозвала мучителей, чтобы они исполнили приказание шаха. Приятная жертва Пресвятой Троице была готова ко всесожжению; мучители окружили царицу, разложили костер и положили в огонь множество железных орудий для мучения невинной страдалицы Христовой. Историк Аракил говорит, что правитель города не мог вынести этого страшного зрелища, стал проливать горькие слезы и ушел. Царь Теймураз пишет, что слуги царицы стали неутешно плакать и рвать на себе волосы. Святая Кетевань, видя, что они горько рыдают, стала просить и увещевать их, чтобы они присоединились к ней и также отошли ко Христу.

Мучители сперва привели к костру слуг царицы для свидетельства о своей вере. Они же при виде этих страшных орудий мучения отверглись Христа и стали просить царицу Кетевань пощадить себя, не губить свою жизнь и не обрекать себя на страшные страдания от раскаленного железа. Но напрасны были их уговоры, святая была непреклонна. Затем иерея Георгия, духовника царицы, привели на площадь, где пылал страшный огонь и раскаленные орудия ждали исповедников Христовых. Священник затрепетал от ужаса, стал колебаться в своей вере, и видно было, что он решился уступить персам. Громким голосом, как бы повелевающая, царица сказала ему: "Что ты трясешься так, имеретинец? Настает время и для меня засвидельствовать веру мою; многие отвергись Христа, боясь мучений, но кто останется жить вечно на земле?! Лучше бежать нам из этого мира туда, где вечный покой и вечная радость. Не помнишь ли, - продолжала святая, возвысив голос, - как поступили евреи с Сыном Божиим, когда пригвоздили к дереву Его пречистые руки и ноги? Потерпим несчастья и беды, чтобы быть причастными страданиям и воскресению Его!"

Услышав это, все, кто принял было мусульманство, немедленно отвергли скверный закон Магометов, сознали свою вину и снова обратились ко Христу, и сам иерей Георгий укрепился в вере и был удержан от принятия магометанства победоносной мученицей. Царица своими словами, как стрелой, поразила диавола, научившего иерея отвергнуться Христа. После этого всех слуг и иерея немедленно предали мучительной смерти, затем приступили и к самой царице. Мучители раздели ее донага, на позор пред всеми людьми. Святая стала просить прикрыть несколько ее наготу, но палачи не хотели и слышать ее просьб. Потом,

жестоко растянув ее, крестообразно повесили на дерево, привязав к нему нежные ее руки шерстяными веревками. Затем вынули из огня раскаленные клещи; при виде этого ужасного зрелища царица твердо произнесла: "Во имя Отца и Сына, и Святого Духа". Мучители же стали вырывать у нее сосцы. Совершив это бесчеловечное мучение и не оставив у святой на груди ничего, мучители стали выдергивать кусками мускулы рук и образуемые раны прижигали раскаленными докрасна маленькими сковородками с длинными ручками. Так они обожгли все тело страдалицы Христовой. Когда прикладывали эти раскаленные сковородки к телу, густой дым клубами подымался вверх.

Затем, сняв мученицу с дерева, магометане выгребли из костра бесчисленное множество раскаленных гвоздей и на них положили страстотерпицу. Не довольствуясь этим, они насыпали раскаленные гвозди и сверху и стали давить на них лопатами, производя тем самым страшную и нестерпимую боль. Все тело святой было изодрано острыми раскаленными гвоздями. Царь Теймураз говорит, что со святой кусками падало тело, и кровь ручьями текла из ран блаженной царицы. После этого, освободив ее, мучители вынули из огня раскаленные, рассыпающие вокруг себя искры вертела, или рожны (длинные, на конце заостренные железные палки), и начали водить ими по всей груди и спине святой. От этого место, по которому проводили ими, немедленно сгорало, и таким образом не осталось ни на груди, ни на спине у нее ни одного места, которое не было бы обожжено раскаленными вертелами. Боль от раскаленного железа была ужасная и невыносимая, и страдалица, по-видимому, приготовлялась уже предать святую душу свою в руки Подвигоположника Христа и принять от Него мученический венец. Но, как говорит Николай, епископ Мровельский, в своих стихосложениях, после сего еще вынули из огня раскаленную цепь, и святая едва смогла осенить себя крестом и произнести: "Во имя Отца и Сына. и Святого Духа". Раскаленной цепью обвязали поясницу святой. Какова же должна была быть боль?! Мученица была обожжена почти с головы до ног, и приятная жертва Пресвятой Троице была готова.

Тогда мучители вынули из огня раскаленные докрасна железные заступы; царица, едва открыв уста, снова произнесла; "Во имя Отца и Сына, и Святого Духа", и заступами обложили как лоб, так и затылок страдалицы. Святая едва-едва переводила дух. После сего мучители положили в огонь железный котел с узкой шейкой и начали раскаливать его докрасна.

Когда котел был готов, кровожадные вынули его из огня клещами и поднесли к царице. Святая и верная раба Христова, будучи совершенно сожжена, в последний раз с трудом перекрестилась и сказала в последний раз: "Во имя Отца и Сына. и Святого Духа. Аминь". И когда она произнесла эти слова, мучители надели на венценосную голову раскаленный котел и закрыли им полностью голову и шею, до плеч. Густой дым от горения волос и всей головы поднялся вверх. Блаженная предала Богу свою святую душу, которая вознеслась к Престолу Христа для принятия добропобедного венца своим подвигам, 13 сентября 1624 года.

Так пострадала святая царица, великомученица, раба Христова Кетевань, сохранившая до последней минуты веру Православно-Апостольскую, прошла трудное поприще житейское, приняла венец правды и достигла благодатного пристанища небесного, положив душу свою за чад Православной Церкви Иверской. По отшествии святой к Богу, на площади, при бесчисленном стечении

народа, небо засвидетельствовало победу, великомученицы над диаволом и врагами Христа; три светлых столпа опустились на тело страдалицы Христовой и освещали его и просветили сердца многих ко спасению. Некоторые из уверовавших, презрев страх мучителя, с благоговением помазывали себя кровью ее, пролитою за Христа. Бесчеловечный шах повелел тело святой вынести за город и бросить в болото, в которое сбрасывали все городские нечистоты. Небесный свет не переставал и тут стоять над телом блаженной Христовой рабы.

Верные чада Церкви ночью тайно вынули из непотребного места тело святой, положили в гроб и предали до времени погребению. Спустя ровно год после кончины великомученицы открыли могилу и, к величайшему ужасу, не нашли победоносного тела ее. Царь Теймураз говорит, что латинские монахи, бывшие тогда при дворе персидском, принесли шаху сто двадцать тысяч рублей и просили, чтобы он повелел дать им тело мученицы, но шах не хотел и слышать об этом. Тогда они стали тайно разыскивать тело и, наконец, после долгих поисков, нашли могилу ее. Они вынули мощи великомученицы, подвергая опасности свою жизнь, тайно заказали гроб, положили в него честное тело страдалицы Христовой и сохраняли у себя до времени. Чудеса, знамения и исцеления, совершавшиеся у гроба святой, были неисчислимы, ибо Бог почтил Свою верную рабу даром чудотворения.

Спустя семь месяцев после разорения Кахетии царь Теймураз вернулся из Имеретии и принял снова бразды правления. Латинские монахи Августинского ордена, чтобы приобрести расположение царя, утвердиться в Грузии и затем распространить там свою ересь, отделили от мощей честную главу и правую руку и послали в дар царю Теймуразу I. Царь, услышав, что к нему везут бесценный дар, вышел с Патриархом Захарией (+ 1634г.), со всем духовенством карталинским и кахетинским, со всеми вельможами и народом и с великим торжеством, псалмопением и курением фимиама встретил свою мать, царицу-великомученицу. Всеобщая радость была неописуема, некоторые плакали. Встречая святые мощи, народ веселился духом, что приобрел ходатаицу у Престола Христа Бога и скорую помощницу в своей многомятежной жизни.

С великим торжеством проводили святые останки до кафедрального, именуемого Алавердским, собора великомученика Георгия и после совершения обычных заупокойных служб положили под престолом собора, во утверждение Церкви и народа грузинского. Оставшиеся мощи латинские монахи тайно отправили в Рим в богатой раке и положили в усыпальнице святого апостола Петра, где они и почивают до сего дня.

Бог прославил свою угодницу чудотворениями: больные и немощные, приходящие к честной главе святой великомученицы, получают душевное и телесное здравие. Эти чудеса и исцеления, происходящие от святых останков страдалицы, побудили Патриарха Захарию и Церковь Грузинскую причислить царицу Кетевань к лику святых и установить празднование ее памяти 13 сентября, в день ее страданий.

Теймураз в день кончины святой, своей матери, раздавал ежегодно большие милостыни и угощал бедных, и этот обычай соблюдал он до своей кончины. До сего времени святая Церковь Иверская празднует память великомученицы и просит ее быть ходатаицей за чад Святой Православной Церкви у Престола Господа нашего Иисуса Христа, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение со Отцом и Святым Духом ныне и присно, и во веки веков.

МОЛИТВА СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЕ ЦАРИЦЕ КАХЕТИНСКОЙ КЕТЕВАНИ

О светозарное светило Церкве Иверския, страстотерпице славная, великомученице царице Кетевань! Освети душу мою, многими грехми потемненную, утверди и настави мя, благоухание райское, похвало и украшение иверское, приведи мя молитвами твоими и всесильным ходатайством ко Престолу Отца Небеснаго, немощных чад своих любящаго, и соделай мя, о чадолюбивая мати, гражданином Горняго Иерусалима! Раствори чашу горестей моих утешением небесным и приими от мене, свете очей моих и радосте души моея, сладкопение сие: Радуйся, жемчугом небесным благодати Божией украшенная; радуйся, крепкая заступнице и ходатаице народа твоего! Радуйся, всем падшим быстрое услышание и подаяние помощи; радуйся, царице, за пресладкое имя Господа Иисуса в темнице заключенная! Радуйся, закона и обычая Магометова посрамительнице; радуйся, уничтожительнице коварных замыслов христоборцев! Радуйся, подобно Ангелу ко Престолу Жениха твоего возлетевшая; радуйся, сожительнице небожителей! Радуйся, розо райская, Церковь Православную благоухающая; радуйся, каменю драгий, украшаяй корону и престол иверский! Радуйся, порфиро златая, похваление царей и народа иверскаго; радуйся, души моея утешение! Радуйся, пресладкая надеждо моя на спасение; радуйся, юности моея украшение! Радуйся, освящение старости моея; радуйся, сопутнице души моея посреде горьких воздушных мытарств! Радуйся, сладкоименитая Кетевань, великая заступнице и скорая помощнице![124]

Житие и Страдание Святого Славного Мученика Благоверного Царя Карталинского Луарсаба

Память его 21 июня[125]

Владыка жизни и смерти Христос украшал паству Свою иберскую (иверскую - Б.С.) многими мучениками и ангелоподобными отцами. Среди них были и цари иверские, положившие душу свою за Православие и за верный свой народ. В числе многих венценосцев, пострадавших за Христа, был и мученик царь Луарсаб, украшение престола грузинского. Его отец, благочестивый царь Карталинский Георгий X (1600-1603гг.), происходил из рода Багратидов, потомков царя-пророка Давида. Царь Георгий, сын царя Симеона Великого (1582-1600гг.), взял себе в жены дочь знатного вельможи Липарита прекрасную Марию, и в скором времени родился у них младенец мужского пола, благоуханная отрасль, краса царства и Церкви Грузинской. В святом Крещении его нарекли Луарсабом. Отец Луарсаба Георгий по прошествии некоторого времени отправился по приглашению шаха Аббаса I (1584-1628гг.) в качестве его союзника под армянский город Эривань (Ереван - Б.С.)и со своим войском помог шаху подчинить город его власти, и вместе с шахом вел войну с Турцией. Отец Аббаса I, Шахудабанд, по причине своей лени и разврата на дела государственные не обращал никакого внимания, а занят был единственно угождением своей плоти. Пользуясь его слабостью, турки отнимали у него одну провинцию за другой. Но сын его, шах Аббас I, при помощи царя Карталинского Георгия Храброго, оружием возвращал потерянные провинции и города. В числе возвращенных Персии городов была и Эривань. При взятии Эривани началась самая ожесточенная, решающая битва. Георгий со своими воинами показал необыкновенное мужество. Наконец, после долгих

усилий, на городских стенах показалось первое знамя, которое было грузинским, и первыми на стенах были грузинские воины. Они истребили турок в крепости, взяли ее и снова подчинили город шаху Аббасу. Шах, видя необыкновенное мужество и храбрость грузинского царя и его воинов, воспылал к грузинам лютой ненавистью. Он и раньше таил непримиримую вражду к ним, так как царь Карталинский Луарсаб I (1534-1558гг.) не дал осуществиться замыслам шаха Тамаза I, хотевшего покорить Карталинию, и этим приостановил обращение грузин в магометанство. Теперь же Аббас не мог равнодушно смотреть на Георгия и его храбрых и мужественных воинов, которые могли быть опасными для него, и нечестивого мучила зависть, потому что первая слава победы досталась Георгию. Шах тайно поднес ему яд, от чего царь и скончался в 1603 году по Р.Х. У него остался молодой наследник Луарсаб с двумя сестрами, Хуарешанью и Еленой. Хотя наследник и был молод, но разумом и мудростью уподоблялся Соломону и Гедеону. Несмотря на молодость .святого Луарсаба, Патриарх Захария с соизволения всей знати и народа карталинского венчал его на царство, и он взошел на престол своих отцов с именем Луарсаба II. По прошествии довольно долгого времени, когда Луарсабу исполнилось шестнадцать лет, он, ничего не замечая и не подозревая об опасности со стороны турок, спокойно проживал в местечке Цхинвали[126]. После того, как турки были разбиты царем Георгием, они возвратились в Константинополь и со стыдом явились к султану. Султан, несмотря на неудачу, снова собрал огромное войско и направил в Грузию, для краткости же пути - через город Багдад. После взятия его в 1609 году турецким воинам приказано было истребить все царство Карталинское. Огромное войско под предводительством Дели-Мамад-Хана вторглось сначала в области Джавахетскую и Триалетскую, беспощадно опустошило эти богатейшие провинции Грузии и достигло наконец ущелья Манглийского. В войске узнали, что карталинским престолом владеет молодой царь, сын Георгия Луарсаб, и сочли, что он, по своей молодости и неопытности, устрашится и немедленно подчинится им, после чего, думали турки, они смогут сделать с ним, что хотят. Так помышляли враги христианства и славного царства Грузинского, желая утвердить в Иверии магометанство. Но Бог творит по Своему Промыслу иначе. Он подает силу и крепость немощным, не взирая ни на лета, ни на пол, и нет у Него лицеприятия. Молодой царь Луарсаб встревожился, узнав о нашествии турок. Он приказал своим полководцам Захарии и Ярали отправиться укреплять главный проход через горные теснины, ведущие к Манглису и местечку Квельта. Это делалось для того, чтобы замедлить дальнейшее продвижение турок и иметь время набрать достаточно воинов и приготовиться к отражению врагов. Сам царь Луареаб поспешил из Цхинвали через Эртацминду[127] в замок Цхиэрт[128]; с ним отправился туда и моурав Георгий Саакадзе. Государь задержался на время в Цхинвали по делам своего царства. Передовой отряд, посланный для устройства завалов, во время неосторожного ночлега был полностью истреблен турками. Погибли и полководцы царя Захария и Ярали. Затем враги заняли Манглис, Одзиси[129] и Квельту. Великое чудо Божие спасло от разграбления храм Пресвятой Богородицы, построенный в Манглисе во дни принятия Грузией христианства[130]. Католикос Виссарион говорит, что во все это время храм был покрыт густым, непроницаемым облаком. После взятия местечка Квельты турки схватили одного иерея, по имени Феодор, человека ученого для своего времени и известного высоким благочестием, прославленного в "Моуравиаде"[131]. Они связали ему руки, начали жестоко мучить, требуя, чтобы он показал им дорогу или, лучше всего, тайно провел бы их туда, где находился в то время юный царь. Но благоразумный служитель алтаря почел за лучшее умереть за государя и отечество, нежели изменить. "Не пожертвую вечною жизнью ради временной и не

сделаюсь предателем царя и отечества", - говорил он им. Несмотря на это, враги тащили его за собой, принуждая указывать путь. Иерей Феодор взялся быть проводником, чтобы погубить турок. Зная, что царь находится в Цхиэрте, он повел войско в противоположную сторону, через высоты Гостибские, мимо Эртацминды, и остановился на дороге в Квенадризи[132], где пешее войско и конница потерпели ужасное бедствие и понесли большой урон. Увидев, что их положение безвыходно, турки долго истязали и мучили иерея Феодора,и отсекли ему честную главу; так скончался верный раб Божий и отошел к Подвигоположнику Христу, чтобы принять венец своих подвигов. Претерпев большие бедствия с огромными потерями, шестидесятитысячное турецкое войско наконец спустилось в долину Доэсскуто[133] и расположилось на местности от Эртацминды до реки Куры, вокруг города Ахалкалаки. Моурав Саакадзе предложил царю не трогаться с места, сам же с быстротой молнии полетел в местечко Кавтис-Хеви, собрал дружину и к ней присоединил дружину княжества Сабаратиано, гнавшуюся за турками. В семь часов вечера Саакадзе явился к царю Луарсабу с отборным войском. В долине Ниаби, известной под названием лощина Цхиэртская[134], молодой царь, при котором были военачальники Георгий Саакадзе и Заза Цицианов, начал битву с турками и окончательно разбил их. Сам военачальник турецкий пал от меча Зазы Цицианова. Царь поспешил принести благодарение Богу и святому великомученику Евстафию Плакиде, храм которого находился в Эртацминде, знамя победы водрузили перед иконой святого, После мирного ночлега на полях, с которых были изгнаны враги, воины царя пустились преследовать их по пути, ведущему в Турцию через Карталинию. Нашествие турок случилось в июне месяце, когда река Кура, протекающая через всю Грузию, была полноводна. Один армянский священник, ехавший из города Гори, увидел, что уцелевшая часть неприятельского войска направилась на город Гори, чтобы уничтожить его. Священник пустился бежать назад, тотчас разобрал верхние доски моста, подложил огонь под мост и сжег его. Благодаря этому население города и окрестностей было спасено от неприятельского меча[135]. Турки были вынуждены избрать другое направление и остановились в виду теснин Ташис-Карских. Государь, узнав от священника, сжегшего мост, о местонахождении оставшихся врагов, прибыл с войском в сопровождении Саакадзе к деревне Ахалдаба [136]. Оттуда он немедленно разослал эриставам [137] Мухранскому, Сабаратиано, Нугзару Арагвскому, Шалве Ксанскому и князю Амилахварову приказание, чтобы они в кратчайшее время собрали войско и выступили вместе с ним против уцелевших турок. По повелению государя эриставы собрали своих воинов и немедленно явились к нему. Молодой царь Луарсаб повел все войско против неприятелей. Грузины остановились на левом берегу реки Куры, под селением Квенадкоци [138], и переночевали там, не дав сражения. В эту ночь они со слезами молились и просили Бога сохранить веру Православную и даровать им победу над врагами христианства. Утром во время Литургии все воины причастились Святых Таин, затем, облекшись в железные кольчуги, латы и панцири, надев железные шлемы и взяв оружие, с царем во главе, пустились вброд через разлившуюся тогда реку Куру. Перейдя благополучно реку, они остановились на конце поросшего кустарником Сурамского острова, образуемого рекой Курой. Здесь состоялся совет царя со всеми эриставами, на котором решили выслать против неприятеля сперва один маленький отряд самых мужественных воинов. На другой день царь с военачальниками-эриставами расставил по чину воинскому конных и пеших, приказав при этом эриставу Шалве занять теснины Кортанетские [139], ведущие к главному проходу Боржомскому. единственному пути в Турцию. Затем войско двинулось на стоящих напротив турок. Царь и Саакадзе бросились в середину рядов неприятельского войска.

Началась жестокая битва. Молодой царь и Саакадзе своим примером воодушевляли воинов стоять крепко за веру и отечество. Наконец, после долгой и кровопролитной битвы, турки обратились в бегство. Грузины погнались вслед за ними и до единого истребили врагов православия и Иверии. На долю победителей осталось множество копий, ружей, дротиков, серебряных и золотых седел и сабель. Царь и все оставшиеся в живых воины со слезами радости воздали славу и благодарение Богу, Спасителю своему, даровавшему четырнадцатитысячной грузинской армии победу над шестидесятитысячной армией турок. После этого подвига, совершенного молодым царем и грузинским народом, Луарсаб послал шаху Аббасу I часть военных трофеев через некоего князя Гераспа. Нечестивый же шах Аббас, предложил Луарсабу, чтобы тот отдал за него замуж свою сестру. Лукавый шах хорошо знал, что по церковному закону иверскому воспрещался брак с магометанами [140], и в ожидаемом отказе искал только предлога к войне с уже уставшим царем Луарсабом и грузинским народом. Боговенчанный Луарсаб, услышав это предложение, огорчился духом, и радость его претворилась в неутешную печаль. Поразмыслив о мире церковном и государственном и о том, что он не в силах был выступить с многочисленным войском против шаха, государь решился уступить Аббасу. Царь посоветовался об этом с Патриархом и вельможами и рассудил выдать свою сестру за гнусного варвара. Призвав к себе Елену, Луарсаб стал просить и умолять ее выйти замуж за христоненавистника: "Если ты не согласишься пойти за шаха, - говорил ей царь, - то будешь виновницей великих бедствий народа, разрушения святилищ Божиих, уничтожения нашего царства и нашего рода". При этом царевну стали просить и приближенные вельможи. Наконец, после долгих уговоров она уступила им и в скором времени была выдана замуж за богопротивного Аббаса. Безбожник, видя, что он лукавством не мог поймать в свои сети царя Луарсаба, придумал другую хитрость. Он знал, что царь Луарсаб и царь Теймураз Кахетинский - близкие родственники. Бабушка Карталинского царя Луарсаба, царица Нестандареджан, была родной сестрой царя Кахетинского Александра II, деда Теймураза I. По христианскому закону и по благочестивому обычаю иверскому считается преступлением брак между такими родственниками. Потому шах хотел, чтобы другую сестру Луарсаба, Хуарешань (Хорешан – Б.С.), непременно взял за себя Теймураз I, в то время вдовец. Если цари не исполнят его воли, думал шах, он сочтет это ослушанием и тем самым найдет законный предлог к войне с ними обоими. Разгадав намерение лукавого Аббаса, цари посоветовались между собой и решили для блага Церкви и государств выдать за Теймураза Хуарешань, сестру царя Луарсаба, чтобы не явиться ослушниками воли шаха и тем не навлечь на себя его гнев. Но перед тем оба царя в посланиях умоляли шаха оставить свое желание и не вмешиваться в их христианскую семейную жизнь. Об этом и слышать не хотел беззаконный, и царям пришлось исполнить его волю. У царя Луарсаба были два любимца. Первым из них был упомянутый моурав Георгий Саакадзе, происходивший из дворян, но не из князей. Когда ему было двадцать лет, то его старший брат подарил Георгия тринадцатилетнему парю Луарсабу для исполнения при нем домашней служебной должности. Царь привязался к нему, полюбил его и стал жаловать своими милостями. Вторым был воспитатель Луарсаба князь Баратов, по имени Шадиман, человек высоких нравственных правил, честный в высшей степени и благородный. Оба любимца царские не могли жить в мире по причине постоянных интриг Саакадзе. Последний питал к князю непримиримую вражду, потому что был человеком бесчестным, хитрым, лукавым и льстецом, а впоследствии стал изменником царю и народу, а Шадиман Баратов был, как сказано, честен и благороден. Поэтому они никак не могли сойтись. Саакадзе постоянно искал удобного случая навлечь на юного царя какую-

нибудь беду, а в особенности желал погубить Шадимана Баратова. Для этого он задумал пригласить к себе в дом молодого царя и во время пиршества показать ему свою сестру, которая была довольно красива собой. Он думал, что царь, увидев ее, по своей неопытности влюбится и повелит отдать ее за него замуж. "Вельможи, а особенно Шадиман Баратов, не захотят, конечно, чтобы царица их была из дворян, а не из более знатного рода, и этот случай может дать мне повод к исполнению задуманного", - рассчитывал Саакадзе. Недолго думая, он так и сделал: пригласил царя к себе в Носте[141], во время пира привел свою сестру и велел ей, чтобы она подала государю в серебряной чаше вино. Царь Луарсаб, увидев красавицу, прельстился ею и захотел взять ее в супруги, но своего замысла никому еще не открывал. На другой день царь, призвав к себе Георгия, объявил ему, что хочет жениться на его сестре по такой причине: "Она нравится мне, - говорил государь, - своей честностью и скромностью". Георгий, как бы не желая этого, не соглашался и со слезами стал просить и умолять царя оставить это намерение. И мать Луарсаба, вдовствующая царица Мария, дочь князя Липарита, тоже просила и умоляла сына отменить свое решение. Они говорили ему, что неприлично царю брать супругу из дворян и возводить ее в достоинство царицы. "Знай, царь, что этому выбору противостанут вельможи и вся знать, поэтому прошу величество твое, - говорил Саакадзе, - отмени приказание". Несмотря на просьбы Георгия и матери, царь остался непреклонным. После сего и вельможи царя стали просить и умолять его не совершать поступка, неподобающего, по их мнению, человеку в таком высоком положении. Они опасались, что государством начнет править через сестру лукавый и хитрый Саакадзе. Царю напомнили о его деде, Симеоне Великом, и его отце, Георгии Храбром, и просили его, чтобы он шел по их стопам и не нарушал принятых в обществе установлений. Вельможи открыли царю хитрость и двуличность бесчестного Саакадзе. И царь, увидев себя в сетях обмана, послушался вельмож и отказался от женитьбы на сестре Георгия. Здраво посмотрев на дело, он увидел, в какую беду мог вовлечь себя, породнившись с Георгием. Поэтому приказал тайно заключить Саакадзе в темницу. Георгий, узнав через князя Баака Херхеулидзе, начальника придворных служителей, о царском приказании, во избежание такого позора бежал к своему тестю Нугзару, который был также недоволен царем Луарсабом, и вместе с Нугзаром уехал к шаху Аббасу. В то время царь Луарсаб находился в местечке Коджоры, находящемся выше селения Цавкиси, в восьми верстах на юго-запад от Тифлиса. где по обыкновению цари проводили все лето по причине благоприятности воздуха, красоты местности и близости Коджор к царской резиденции - городу Тифлису. Историк Аракил говорит, что Георгий Саакадзе с тестем, прибыв в город Испагань и узнав там, что шах находится в мидийском городе Кирополисе [142], немедленно явились туда к нему. Он ласково принял их и спросил о причине их прибытия. Георгий льстиво объяснил ему, что он находился у царя Луарсаба на военной службе и заправлял всеми делами карталинскими, что он теперь не хочет служить царю Луарсабу и просит какой-нибудь должности у шаха, желая служить ему верно. Аббас был рад и с готовностью принял обоих изменников. Однажды шах верхом на лошади ехал рядом с Георгием. Окаянный стал расспрашивать Саакадзе о всех делах грузинских царств. Изменник рассказал ему все подробно. "Эти царства легко можно полностью подчинить твоему владычеству", - сказал шаху Георгий. Несколько времени спустя шах собрал огромнейшее войско и, взяв с собой проводником Георгия, направился в Грузию. Сперва он напал на грузинскую провинцию Албанию, остановился в городе Ганза и оставался там несколько месяцев. В одно время шах сказал Георгию: "Когда, наконец, ты введешь нас в Грузию?" "Прошу величество твое, - говорил тот, - подождать несколько, и, когда

будет самое удобное время, я доложу тебе и нападем на Грузию". Он выжидал, пока, по прошествии осени, леса, горы и ущелья покроются снегом, чтобы во время нападения на саму Иверию некуда было скрываться жителям страны. Тогда грузины поневоле должны будут сдаться персам, которым достанется огромная добыча и бесчисленное множество пленных. Царь Луарсаб, узнав о нашествии персов на его царство, написал письмо царю Теймуразу Кахетинскому и, сообщая о несчастье, просил, чтобы тот со своими вельможами и воинами присоединился к нему. Царь Луарсаб просил также назначить и сборный пункт союзных войск, со своей стороны указав для этого одно место, поросшее кустарником и окруженное проточной водой, именуемое Нарекависи [143]. Теймураз, получив такое известие, опечалился. Для того, чтобы защитить собственное царство, он должен был присоединиться к Луарсабу. Поэтому он собрал войско и со всеми вельможами своими прибыл в Нарекависи. Там собрались все силы обоих царств, воины приняли присягу в верности царям и обещали положить души свои за Христа, за веру Православную и за свободу своего отечества. Грузины основательно готовились к встрече врага, войска устраивали завалы и строили дороги. После этого оба царя написали христоненавистнику дружественные письма, высказывая в них свою преданность и испрашивая мир. Шах, получив эти письма, узнал, что войска царей соединились для отражения врага общими силами, и, испугавшись того, что у грузин ведется огромная подготовка к войне, прибег к хитрости: написал каждому из царей секретное письмо. Теймураз не знал, что получил Луарсаб, а последний не знал, что получил первый. Этим шах старался расстроить дело в самом начале и посеять между обоими царями вражду. Шах думал, что, поссорив их, легко уже может одолеть и одного, и другого. Письмо его к Луарсабу было следующего содержания: "Царь Луарсаб, не вверяйся царю Теймуразу, который замыслил убить тебя и завладеть твоим царством, но предупреди его и немедленно убей". То же самое писал он и царю Теймуразу. Оба царя, получив такие письма, увидели в них тайную хитрость шаха, а еще более заметили тут влияние изменника отечеству Георгия Саакадзе, который хотел во что бы то ни стало погубить царя Луарсаба. Кроме того, Георгий и сам тайно подговорил некоторых грузинских военачальников покориться шаху, за что обещаны были им великие награды. Это были: эристав Ксанский Иессей, Андукапар, Амилахвар, Першангий, Палавандов и Агатангел Херхеулидзе [144]. Эти изменники окончательно подорвали все дело защиты Грузии и погубили свое отечество, перейдя на сторону шаха и поставив царей в безвыходное положение. Цари не надеялись более устоять против персов и, посоветовавшись между собой, предали все воле Божией. Теймураз со своим семейством уехал в местечко Мухран, а оттуда вместе с Луарсабом немедленно отправился в Имеретию к царю Имеретинскому Георгию III (1605-1639гг.). Это было в конце 1615 года. Тот, узнав, что к нему едут два царя, выехал навстречу в местечко Сачхерес, а оттуда проводил их в столицу - город Кутаис. В декабре, в день Рождества Христова, враги напали сначала на Кахетию и предали ее опустошению. Затем шах вторгся в Карталинию, предавая и эту страну почти такому же разграблению, но с некоторой пощадой. В городе Гори было объявлено, что он, великий самодержец шах Аббас I, дает полную свободу всему царству Карталинскому, желая, чтобы это царство жило в дружбе с Персией, обещает помилование всем бежавшим, которые возвратятся на свои прежние места, и что все это он делает из одной любви к Карталинии, не желая предавать ее окончательному разрушению: пусть она остается для него и для царя Луарсаба, потому что, объявлялось шахом, он любит царя Луарсаба. В указе от имени шаха говорилось: "Я знаю его как сына и брата, и добродетельного мужа, и, если явится он ко мне, то возвращу ему царство его, награжу богатством, и сам

возвращусь назад в свое царство, если же не явится, то царство его передается в управление Георгию Саакадзе". После этого объявления шах из пограничного города Али, находящегося между Имеретией и Карталинией, отправил послов к царю Имеретинскому Георгию III с просьбой выдать ему св. Луарсаба и царя Теймураза, за что обещал наградить Имеретинского царя несметными богатствами. Георгий III, выслушав посольство шаха, взялся быть посредником между ним и обоими царями. Поэтому он, в свою очередь, направил к шаху самое блистательное посольство: Католикос Абхазский и Имеретинский Малахия II (умер около 1628 г.), вельможи Паат, Леон Абашидзе и многие другие отправились к шаху с богатыми дарами и письмом следующего содержания: "Смиренно просим твое величество возвратить царям Кахетинскому и Карталинскому их царства, и каждый из них беспрекословно будет всегда служить твоему величеству". Пышное и блистательное посольство имеретинского царя сильно повлияло на шаха, и он убедился в невозможности вытребовать царей силой. Поэтому шах прибег к хитрости: призвал к себе воспитателя царя Луарсаба, Шадимана, и сказал ему следующее: "Предаю забвению всю нашу взаимную неприязнь с царем Луарсабом, который заступился за царя Теймураза. Знай это и верь, что, если Луарсаб явится ко мне, клянусь, говоря со слезами, что возвращу ему царство его и обогащу его более, чем должно; он обманут Теймуразом". Добросердечный Шадиман поверил лукавым словам законопреступного шаха и приготовился к возвращению в Имеретию вместе с послами. Затем шах вручил послам богатые подарки для царя Георгия III и написал письмо следующего содержания: "Царь Георгий, заслуги предков царя Луарсаба обращают на него мое внимание. Если он вернется и явится ко мне, возвращу ему все его достояние и более чем возможно обогащу его". Шах отдал это письмо послам, которых щедро одарил и отпустил с честью. При этом он поручил послам передать от него царю Луарсабу шашку, украшенную драгоценными камнями. Отправляя с имеретинскими послами Шадимана и одного своего вельможу, евнуха, по имени Сару-Ходжа [145], Аббас передал Луарсабу свое письмо с увещаниями и письмо от сестры Луарсаба Елены. Письмо шаха к Луарсабу было следующего содержания: "От шаха Аббаса. Приветствую тебя великою любовию: радуйся, царь Луарсаб! Я многократно показывал мое благое расположение к Вам и писал Вам любезные письма, которым Вы не хотели внимать и даже не хотели верить моим словам. Да будет известно Вам настоящее положение дел, да и сами Вы почти очевидец тому, как я предал царство Кахетинское уничтожению, а Ваше царство сохранил для Вас совершенно целым и невредимым, ожидая Вашего прибытия ко мне. Не слушайтесь злых и безумных Ваших наушников [146] и не лишайте себя царства своего, ибо я никакой неприязни не имею к Вам и не помню никакого зла от Вас. Прошу Вас явиться ко мне потому, что желаю на будущее время между обоими народами, моим и Вашим, восстановить вечный мир и союз. Желаю также поручить Вам управление северными областями по эту сторону реки Аракса, да будете повелителем и распорядителем в этих местностях, так что мы не будем вмешиваться в дела этих провинций, а только охранять их от врагов. Пребывайте в вожделенном здравии". Сестра царя Луарсаба, Елена, в письме уверяла его, что ему не будет никакого вреда, если только он явится к шаху. Луарсаб, получив письма, поверил всему написанному в них и ради того, чтобы не были уничтожены святые храмы и все государство, уступил нечестивому Аббасу. При этом он решился, если не оправдаются обещания шаха, положить душу свою за други своя [147], по словам Спасителя. Царь готовился отправиться к шаху, но, более опытные в государственных и житейских делах, Теймураз, Георгий III и мать Луарсаба, царица Мария, со слезами упрашивали и умоляли его не ездить к шаху, указывая

на изворотливость и лукавство последнего. Но чистосердечный Шадиман понуждал Луарсаба не слушать царей и не обращать внимания на слезы матери и его сестры, Хуарешани, во всем положиться на Христа и с упованием на Него отправиться к шаху, ничего не опасаясь. Луарсаб говорил царям: "Шах, придя из своего царства в мое и находясь в настоящее время в моей столице, просит у меня мира. Если я не явлюсь к нему, то он опустошит все мое царство, предаст огню и разрушит наши святилища и храмы и уничтожит само христианство. Все это заставляет меня идти к нему; этим я освобожу всю Карталинию от ига персов. Пока я жив, не хочу сделаться причиной гибели царства и меньшей моей братии. Отправлюсь к шаху, возложив всю надежду мою на Христа, и. какая бы участь ни ожидала меня там, жизнь или смерть, да будет благословен Господь Бог!" Простившись с близкими, царь отправился к шаху и, переехав гору Лихскую, вступил в укрепленный город Набактеви [148] лежащий на юге, близ города Али. Оттуда же отправился к шаху, находившемуся в городе Гори. Шах, узнав о прибытии святого Луарсаба, вышел ему навстречу из палаток со всеми своими вельможами. Об этом пишут имеретинский царь Арчил II, царевич Искендр Мунджи Вахушт [149] и историк персидский. Когда святой царь подошел к шаху, тот выразил при творную радость и нисколько не обнаруживал умысла погубить невинного отрока. У бессовестного Аббаса при виде царя Луарсаба даже текли слезы радости из злодейских очей. Шах между прочим сказал царю: "Разве возможно, чтобы я питал к тебе. Луарсаб, какую-нибудь неприязнь, к тебе, столь храброму, мужественному и прекрасному юноше, никогда не изменявшему мне?" Пишут, что царь Луарсаб именно и был достоин этих слов. Шах был поражен видом святого, его красотой, и велел воздавать царю такие же почести, какие воздавали ему самому. Шах устраивал для царя великолепные пиры со зрелищами, пением и музыкой, и казалось, что от скверных уст его лился мед, которым он хотел усладить Луарсаба, на самом же деле в них скрывался смертоносный яд. Аббас одарил святого царя дорогим оружием, золотыми тканями и выезженными конями. Через некоторое время шах вместе с царем отправился в столичный город Тифлис. Перед отъездом он с клятвой уверял Луарсаба; "Оставлю тебя счастливо править на престоле твоем в городе Тифлисе и с миром возвращусь к себе". Вот образец нравственной низости персов, которые до сих пор, как и прежде, не держат свое слово, не имеют ни чести, ни совести, ни уважения к нравственным порядкам общественной жизни. Прибыв в Тифлис, шах опять стал устраивать богатые пиры, снова осыпал Луарсаба любезностями и щедро одарил. Во время их пребывания в столице шах пожелал осмотреть город с окрестностями со стен его цитадели Нари-Кала, и взял с собой царя Луарсаба и Георгия Саакадзе. Стоя на стене цитадели, царь пристально всмотрелся в Сионский собор [150] и, осенив себя крестным знамением, произнес с глубоким вздохом святую молитву: "Боже, прости моим врагам!" Саакадзе, объятый ужасом, едва слышно сказал царю: "Я враг твой!" И у Саакадзе показались на глазах слезы. "Ты мог мстить мне, - сказал царь, - но не народу, безвозвратно погибшему теперь, и Церкви, возродившей тебя к жизни". "С этой минуты, - пишет блаженной памяти царевна, инокиня Макрина, - Саакадзе в душе сделался врагом Персии, замыслил рано или поздно свергнуть ненавистное иго и очистить совесть от тяготившей его Душу вины предательства". После этого шах предложил царю Луарсабу поохотиться с ним в степях Караягских: "Хочу также, чтобы в этом участвовали и мои жены", - сказал шах. Святой царь согласился поехать, и все немедленно приготовились и отправились в степь. За день до их отъезда сестра царя Елена, жена шаха, написала письмо своему брату, в котором говорила, чтобы он ни в коем случае не показывал ловкость в стрельбе и в верховой езде и держал себя так, как будто бы не умел почти ничего и был необучен этим

искусствам. Сестра писала так царю потому, что хорошо знала характер шаха, который ненавидел людей мужественных и умелых в военных делах. Молодой царь Луарсаб не послушался ее совета. Он подумал, что шах не лишит его принадлежащего ему царства и что ему незачем показывать робость, неловкость и непроворность на охоте [151]. Напротив, царь Луарсаб как бы нарочно отличился успехом; убил собственноручно много джейранов, оленей и даже кабана, чем привел шаха в недоумение, и тот опять поднес царю подарки. После этого шах стал непомерно ублажать Луарсаба, и при этом зорко наблюдать, чтобы тот не убежал от него. Затем шах сказал ему: «Так как я вижу, что нет равных тебе в воинских доблестях и стрельбе, то желаю еще охотиться с тобой в степях Карабахских в области Албанской». Грузины называли эту часть Грузии Мовакалской областью или просто Мовакан. Тогда святой царь Луарсаб разгадал коварный замысел шаха заманить его под благовидным предлогом поглубже в Персию и там предать смерти. Святой уже не имел сил и возможности избежать когтей убийцы. Он был вынужден послушаться шаха и отправился с ним в Карабах. После охоты в степях Карабаха шах снова осыпал царя почестями и сказал: "Нельзя оставить степи Мазандараса в Персии и не поохотиться там" И, взяв с собой святого Луарсаба, он отправился к пределам Персии. Прибыв в Маэандарас, шах опять стал воздавать царю скучные почести и устроил великолепный пир, а это случилось в самый Великий пост, уже на второй год пребывания царя у шаха. За обедом шах предложил царю есть рыбу, но царь, верный хранитель уставов Церкви, не согласился принимать недозволенной в Великий пост пищи. Бесчестный шах стал докучать святому ласковыми уговорами, но святой никак не соглашался есть рыбу и отвечал; "Не велено нам в Великий пост есть рыбу, Да если я и соглашусь на это, то ты завтра предложишь мне мясо и заставишь есть его, а это, как нарушение поста, для всех истинных христиан есть мерзость. Если же я исполню и это по твоему желанию, то ты заставишь меня, наконец, отречься от Сладчайшего моего Господа и Творца, Иисуса Христа, и принять магометанство". Потом святой царь снова сказал шаху: "Лучше приму чашу смерти, нежели буду есть рыбу в Великий пост", но шах все равно продолжал просить и увещевать его есть рыбу. Царю наскучило это, он встал из-за стола и ушел в свои покои. Шах был рад такому противлению, ибо нашел наконец благовидный предлог излить давно таившуюся в его сердце злобу на ни в чем не повинного молодого царя, чему содействовал и к чему подстрекал шаха изменник и отступник Георгий Саакадзе, желавший смерти святого Луарсаба, Наконец шах объявил свою волю: потребовал, чтобы святой оставил веру Христову и принял магометанство, за что обещал с великими сокровищами отпустить Луарсаба в его царство. За отказ шах грозил святому царю мучительной смертью. Но святой, подобно нерушимой скале и адаманту, благодатию Божией пребыл тверд в вере, укрепляясь молитвами и надеждой на Господа Иисуса, Державу царей. Святой Луарсаб, встав на молитву, со слезами говорил: "Господи Иисусе Христе, Боже мой! Кроме Тебя, Безначального Отца и Присносущного Духа, Единого Бога приведшего все видимое из небытия в бытие, никого не знаю! Ты силой Своей содержишь все творение рук Своих, единым мановением устрояешь все бытие. Ты знаешь, Владыко мой, что я молод и чужд хитрости и коварства. Избави меня, Всесильне, от рук этого коварного! Ум мой не склоняется к нечестию ласкательством его. Владыко мой, я никогда не изменю любви Твоей и не отвергнусь Пресвятого имени Твоего! Да будет со мной крепкая десница Твоя спасающая, ибо на Тебя надеется дух мой, и в Тебе все упование мое, и я готов уже умереть за Пресвятое и Преблагословенное Твое имя!" После сего святой предался более строгому посту и молитве. "Ибо,-говорит Католикос Антоний I, повторяя слова Католикоса Виссариона,- святой с самого детства был приучен к

строгому соблюдению постов и непрестанной молитве". На умноженные любезности и ласковые уговоры посланных шаха святой не отвечал, возлагая всю надежду единственно на святой Крест, которым беспрестанно ограждал себя, готовясь предстать Царю и Господу Христу. Тогда шах, видя, что он ни в чем не успел и что нет никакой надежды отвратить святого царя от Христа, велел связать его, увезти в неприступную крепость, именуемую Гулаб-Кала, близ Шираза и заключить там. С царем послали двоих из его слуг. Святой, узнав об этом, воздал славу и благодарение Христу, удостоившему его за святое имя Свое быть страдальцем и мучеником. Царь предался еще более строгому посту и молитве, принял сам Божественные Тайны, Тело и Кровь Христовы, которые носил постоянно при себе. Он приготовился ради Господа понести тяжелое, мучительное изгнание и, наконец, смерть. Грузины, бывшие при святом царе Луарсабе, плакали и били себя в грудь от печали, видя, что род царя Симеона Великого пресекается на святом отроке-царе. От неутешной печали все приближенные царя рвали на себе бороды и волосы и со слезами говорили так: "О царь, крепость и красота наша, Луарсаб, юноша могучий, неустрашимый в бранях и в стрельбе не имеющий себе равных, пример всем воинам нашим и удивление всадников, твердый и крепкий в стременах, славный стрелок! Куда идешь, слава и богатство наше? Идешь радоваться с Ангелами и покрываешь нас непроницаемым мраком! Отходишь от нас, свет очей наших, и приобщаешься Свету Неприступному. Умрешь горькой смертью, радость наша, и со смертью твоей погибнет наша крепость! Осиротеем все мы, воины твои! Радость наша уже преложилась в неутешную печаль, а ты прославишься смертью за Христа!" Так рыдали воины, когда бесчеловечный, вероломный и бессовестный шах послал святого узника в упомянутую крепость. Николай, епископ Мровельский, в своих стихосложениях говорит, что святой семь лет находился в темнице в оковах и терпел самые ужасные притеснения и частые избиения от служителей темничных. В Синаксарии говорится, что во все время заключения святого в темнице служители понуждали его оставить Христа и принять магометанство. По прошествии этого времени, изменник Георгий Саакадзе, желая смерти мученика, сказал шаху: "Да будет известно твоему величеству, что царь Имеретинский помог Теймуразу утвердиться на своем престоле. Теймураз может прийти по морю на кораблях и тайно освободить Луарсаба из темницы. Во избежание этого нужно непременно как можно скорее предать Луарсаба смерти, а не то последнее дело будет горше первого, и, доколе жив Луарсаб, дотоле не будет мира в Карталинии. Шах, услышав это, поверил изменнику и послал в темницу к царю Луарсабу человека, чтобы сказать ему: "Или отвергнись Христа, или немедленно будешь предан смерти". Святой, услышав эти слова, твердо и решительно отказался изменить Христу Богу, ничего более не объясняя послу, потому что он претерпел уже многие пытки, и ему наскучили бесконечные допросы слуг шаха. Перед казнью святого мучители пришли к нему и сказали: "Царь, пощади свою юность и красоту лица твоего и исполни приказание шаха! Если окажешь ему повиновение, то получишь от него великие почести и дары; в противном же случае примешь ужасную смерть в горьких мучениях". Царь ответил: "Бог прославляем в совете святых Своих, велик и страшен над всеми окрестными Его [152]. Кто изречет могущество Его и возвестит все хвалы Господа нашего Иисуса Христа?" - желая дать понять этим, что он согласен лучше идти на смерть, чем отречься от Господа. У святого была икона Пресвятой Богородицы, которая стояла в одной из внутренних комнат темницы. Войдя туда, где была икона Владычицы, царь преклонил колена и со слезами произнес следующую молитву: "О Царице наша, Пресвятая Богородице! На Тебя возлагаю всю надежду жизни моей. Ты Хранительница наша! Дай мне, Царице моя, помощь Твою в страданиях моих,

буди Ходатаицей пред Сыном Твоим и сопричти меня к святым мученикам, чтобы я с ними славил Пресвятую Троицу, Отца и Сына, и Святого Духа!" После сего святой царь вышел к своим мучителям, готовый уже доблестно встретить смерть, и они немедленно исполнили над ним бесчеловечный приговор шаха: затянули на его шее толстую шерстяную веревку и повесили агнца Христова. Так окончил течение свое добропобедный мученик, отойдя в жизнь вечную для славословия Пресвятой Троицы, в 1622 году, на тридцать пятом году от рождения своего. Блаженный Католикос Виссарион говорит, что, взирая на подвиги мученика, и два его служителя приняли также за имя Христово подобную же кончину и соединились с ним у Престола Пресвятой Троицы [153]. В эту ночь мучеников оставили без погребения. В темнице тела их осенил небесный свет, и они казались белыми, словно снег. Свет, стоящий над телами страстотерпцев, поражал самих мучителей, и чудное благоухание, исходящее от тел мучеников, свидетельствовало о соединении их с небожителями. На другой день нечестивцы вырыли в темнице одну общую могилу и предали земле святые мощи трех Христовых агнцев. Так были сокрыты от глаз верующих бесценные останки святых, а души их предстоят Престолу Всевышнего, ходатайствуя о всем мире и о чадах Иверской Церкви. Мученики эти, слава и украшение Церкви, престола и народа грузинского, приносят молитвы наши к Престолу Безначальной Троицы, Ей же подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

МОЛИТВА СВЯТОМУ МУЧЕНИКУ ЦАРЮ КАРТАЛИНСКОМУ ЛУАРСАБУ

О, страстотерпче Христов, венценосный царю Луарсабе! Тебе ведомы болезни и скорби души моея, укрепи и поддержи юность мою в любве и преуспеянии в законе Христове, поели помощь многотревожному сердцу, успокой мя, радосте и свете очей моих и красоте моя! Посли мне всесильными твоими к Богу молитвами утешение в жизни сей скоропреходящей, принеси скорби мой ко Престолу Царя Славы и испроси милости рабу твоему! И приими от мене малое песнословие сие: Радуйся, отроче премудрый; радуйся, твердый воине Церкве Христовы и Иверии непоколебимое утверждение! Радуйся, по слову Господа Иисуса, душу свою за други своя положивый; радуйся, девственниче душею и телом! Радуйся, ластовице богогласия, пением твоим души верных чад твоих услаждающая; радуйся, верный блюстителю обычая отцев наших! Радуйся, крепкий защитниче Православия; радуйся, каменю драгий, венец царства Иверскаго украшаяй! Радуйся, светлая порфиро, озарение престола грузинскаго; радуйся, мучениче за исповедание имене Христова, Церкве Иверския похвале и утверждение! Радуйся, девственников благоухание; радуйся, души моея упование! Радуйся, яко предстоя у Престола Христова, ходатаиствуеши о рабех твоих; радуйся, отчаянныя души моея укрепление! Радуйся, Луарсабе, непостыдная моя надеждо!

Страдание Святого Священномученика Авива, Епископа Некресского, одного из Тринадцати Сирийских Отцов

Память его 29 ноября[154]

Хозрой Нуширван (531 - 579гг.), сын персидского шаха Кобада, пользуясь внутренними беспорядками в Кахетии, завоевал Ранскую и Моваканскую области, сверг правителей Кахетии и Заалазанских областей, распространил свою власть и

на Карталинию, поставил там своего сатрапа и наложил на всех дань. Не довольствуясь совершенным покорением Кахетии, персы-огнепоклонники истребляли в захваченной стране все христианское, совершая при этом свое богомерзкое идолослужение. Они отвращали многих христиан от поклонения истинному Богу, устраивали свои капища везде, где только могли, преимущественно в городах. И в Некреси, где была кафедра сего святого мужа, построено было капище и возложено огнище.

Блаженный Авив не мог вынести того, что поблизости находится место совершения богомерзкого поклонения идолам. Исполнившись божественной ревности, он восстал с полной властью против огнеслужения. Епископ пришел к огнищу, облил водой алтарь, на котором горел неугасимый огонь, и потушил его. Совращенные огнепоклонниками христиане снова были обращены к истинной вере. Святитель с крестом в руках ходил по городам и селам своей епархии, искоренял везде грубое суеверие и тушил мерзкие огнища. Дидойцы и жители многих городов Кавказских гор, живущие по левому берегу реки Алазани, благодаря проповеди епископа Авива и совершенным им чудесам, оставили огнеслужение и были возвращены в лоно Церкви Христовой. В короткое время святитель совершенно очистил свою епархию от огнищ и обратил многих персов ко Христу.

Знатные персы, узнав об этом, исполнились лютой злобой. Схватив блаженного, они предали его бичеванию и многим пыткам и от ярости чуть было не разорвали его, а затем бросили в темницу. После сего они написали письмо к сатрапу, жившему в городе Рехи[155], и уведомили его о действиях св. Авива и о ревности святителя о вере Христовой. Сатрап приказал немедленно связать святого и представить к нему. Из Рехи пришли вооруженные палицами воины и, связав блаженного, повели, как было им приказано. Во время этого пути с воинами беззаконного сатрапа святой вытерпел множество оскорблений и болезней.

Сей святой муж был другом светильника Сирии, Симеона Столпника Дивногорца[156]. Они имели духовное общение не только тогда, когда виделись и были вместе, но и когда находились вдали друг от друга. Оба святых часто писали друг другу и поддерживали связь между собой через посланников. В то время, когда вели святого Авива связанным к судье, на дороге его встретил посланник от блаженного Симеона Дивногорца, это произошло в деревне, именуемой Икалто[157]. Посол вручил священномученику письмо и жезл святого Симеона и передал от него благословение. Когда блаженный епископ Авив получил письмо, то, прочитав его, исполнился необыкновенной радости, укрепился духом на предлежащий подвиг мученический и, взяв с собой письмо, пошел далее.

В местечке Икалто блаженный простился со своим клиром и со слезами заповедал блюсти строго веру христианскую и уставы Святой Православной Церкви. У святителя была возможность не идти далее, потому что воины, видя незаконность требования сатрапа и познав ложность огнепоклонства, предложили ему возвратиться назад, но блаженный охотно пошел на предлежащий ему подвиг страдания, желая как можно скорее принять мучения за Христа. И, когда они приблизились к столичному городу Мцхета, священномученик, видя соборный патриарший храм, от духовной радости, подобно Иосифу, как бы к матери своей Рахили, воззвал: "Вот сына твоего Иосифа ведут связанного в Египет, как пленника!" И сказал себе: "Приготовляйся на венчание и шествуй добре этим путем".

Достигнув Мцхета, святой Авив попросил ведущих его воинов, чтобы они отпустили его повидаться с преподобным Шио. Святой Шио тогда пребывал в затворе в яме. Воины уважили просьбу блаженного Авива, он отправился в Мгвимскую обитель и встретился с блаженным Шио. Сотворив прежде всего молитву, они дали друг другу целование. Во время беседы епископ Авив сказал преподобному: "Помолись, отче, Богу, ибо нечестивые персы укрепились над нами своей гордостью и беззаконием, покорив окончательно нашу страну. Ты знаешь, как язычество притягивает к себе неразумных и как сами же эти персы всеми силами заставляют всех и каждого поклоняться огню. Подобно тому, как некогда три отрока в печи халдейской уничижили силу огня, сего идола персов, развей и уничтожь святыми твоими молитвами беззаконные замыслы и деяния этих безбожных персов, которые стараются уловить в свои сети христиан, заставляя их поклоняться огню".

Преподобный Шио отвечал: "Знаю, Владыко, что ты совершенно уничтожил огнище персов, на которое возлагали всю свою надежду беззаконные. Да подаст тебе Господь силу погасить и тот невидимый огонь, который возжег для тебя диавол, чтобы искусить тебя, ибо ты, святителю, сам хорошо знаешь, что великими трудами и болезнями подобает нам войти в царствие Божие. Не бойся ничего. Ибо, по слову апостола, притеснителям грозит скорбь, а вам, скорбным, уготована радость (I Петр. 4; 13,17). Знай, что скорби, наносимые ими, принесут тебе помилование и нескончаемое утешение, и сия твоя скорбь приведет к их, падению и рассеянию".

После долгой беседы святитель Авив духовно укрепился и приготовился на предлежащий подвиг, радостный и бодрый духом, священномученик возвратился во Мцхета. Наконец, его привели в местечко Рехи и представили сатрапу, который перед тем собрал множество епископов, иереев и областных правителей, чтобы публично перед всеми допросить блаженного. Стечение народа было огромное. Когда все было приготовлено и привели блаженного Авива, епископа Некресского, сатрап спросил его; "Для чего пренебрег ты владычеством царя царей и убил божество наше?" Святой Авив отвечал: "Я не знаю никакого другого Царя царей, кроме Господа нашего Иисуса Христа, а ваше огнище я потушил потому, что этим желал развеять диавольскую прелесть. При этом прошу, оставьте это неверное и нечестивое служение и познайте единого и Истинного Бога, Которым создано все, и Тому единому служите. Ибо написано в законе: Господу Богу твоему поклоняйся и Тому единому послужи (Втор. 6; 13).

Сатрап говорил мученику: "Я спрашиваю тебя, для чего ты убил наше божество, а ты хочешь привести нас к своему Богу". Блаженный Авив отвечал так: "Да будет тебе известно, что я не убивал бога, но погасил только огнище, которое есть сатанинское служение и не есть божество. Ибо знай, что огонь есть часть материи, которую Бог создал и из которой устроил этот видимый мир. Он устроил его из четырех равных стихий: из земли, воды, огня и воздуха, которые поддерживаются взаимно между собой, и такая огромная масса стоит совершенно прямо, и части ее не перевешивают одна другую. И ваш огонь, которому вы кланяетесь, есть часть той материи. Вы ее поддерживаете дровами, а я полил водой и совершенно погасил ее, чтобы истребить нечестивое служение ваше. Как видите, вода победила ее, совсем погасив огонь. Я удивляюсь вашему безумию и ярости, и тому, что вы не стыдитесь называть бездушный огонь божеством, тогда как он подчинен вам и служит для ваших нужд. Идол никого не видит и ничего не разумеет. Как же он может быть божеством? Это бездушная статуя, - продолжал

он, указывая на идола, - для чего вы устроили в своих селениях и городах, как вы сами говорите. алтари для неугасимого пламени и воздвигли для поклонения золотого, вами же окованного идола, которого называете теперь божеством, и служите ему?"

Сатрап разгневался, когда блаженный Авив так посрамил его, и немедленно велел подвергнуть святого бичеванию и страшным пыткам. После этого мучитель приказал побить блаженного камнями. Это было немедленно исполнено, и святитель принял мученическую кончину подобно святому архидиакону Стефану[158]. Убив святого Авива, слуги веревками потащили его тело за город и бросили на растерзание зверям и хищным птицам. Злочестивые боялись, что христиане тайно унесут святые мощи блаженного и предадут погребению с честью, и потому издали наблюдали за ним. Тело блаженного долго лежало за городом. Ни звери, ни птицы, ни тление не вредили ему. Тогда мучители решились оставить наблюдение за телом святого. Братия Самтавийской обители[159] тайно унесли честные мощи страстотерпца и с честью похоронили их в своем храме. Иверская Церковь вскоре причислила мученика к лику святых и установила воспоминание его мученичества 29 ноября.

Мощи святого Авива при правителе Стефане (Степанозе. 639-663гг.) по желанию Католикоса Фавора с честью перенесены были из Самтавийской обители во Мцхетский Самтаврский собор[160] и положены под святым престолом, где они доселе почивают под спудом, во утверждение Церкви и отечества, во славу и честь Пресвятой Троицы, Ейже подобает всякая слава, честь и держава во веки веков. Аминь.

МОЛИТВА СВЯТОМУ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКУ АВИВУ, ЕПИСКОПУ НЕКРЕССКОМУ

К тебе, архиерею и ангеле Церкве Иверския, из глубины души моея взываю: покрый мя светлым омофором молитв твоих, погаси пламень страстей моих, приведи мя, святителю, яко заблудшую овцу, к Первосвященнику Великому, соделай мя, о священномучениче, ходатайством твоим жителем Горняго Иерусалима, да и аз сподоблюся зрети Неприступный Свет, Емуже предстоиши; утверди и вразуми мя, о достославне Авиве, красото и похваление иерархов и украшение Иверское.

Страдание святого мученика Гоброна-Михаила и ста тридцати трех воинов его

Память их 17 ноября[161]

Эмир[162] Адрибежанский Абул-Касим, сын эмира Абу-Саджима, по повелению властелина всего Востока и Персии Моктафи послан был с несколькими тысячами воинов против Буги, одного из самых кровожадных начальников турецкого корпуса. Сперва Абул-Касим напал на Восточную Армению и разорил славную некогда столипу Армении Двини, находившуюся в центре страны, и затем предал всю страну страшному опустошению.

Царь армянский Сумбат не мог противостоять Абул-Касиму, причина же его слабости была в том, что царство его разделено было на совершенно

самостоятельные области, которые считались зависимыми от царя, но в действительности почти не зависели от него. Сумбат, видя, что он в критическом положении, оставил все в добычу врагам и бежал в Абхазские горы. Эмир пустился за ним в погоню, но Сумбат скрылся, и некоторое время его не могли найти[163]. Эмир прошел Албанию, вторгся в Карталинию и, опустошив ее, прибыл в город Тифлис, которым управлял эмир Джафар, сын Али. Из Тифлиса Абул-Касим прошел через Кахетию, предавая все огню и мечу[164]. На левом берегу реки Куры он напал на Джавахетию и Самцхе и опустошил города и села, а крепости и другие твердыни разорил до основания. Наконец неприятели достигли Каспийской крепости[165], где собралось множество дворян и знатных людей. В числе их находился и блаженный мученик Гоброн, во святом Крещении Михаил, о котором будет идти речь. С юных лет он отличался мужеством, необыкновенной храбростью и неустрашимостью[166].

Враги окружили крепость и расставили вокруг нее свои палатки, которых было так много, что место вокруг крепости стало белым, как будто выпал снег. Вражескими палатками можно было бы застроить пять деревень. Войска приготовились к бою. Началась самая ожесточенная битва. От множества летящих с обеих сторон стрел и копий затмевалось солнце. Впоследствии теми стрелами и копьями нагружены были сотни верблюдов. В этой жаркой битве твердо стояли все грузины, бывшие в крепости. Неприятель ничего не достиг на этот раз, но осады все-таки не снимал. Во время частых вылазок осажденных погибало множество людей, тела которых были брошены на земле непогребенными и гнили, заражая воздух.

Наконец, после осады, длившейся двадцать восемь дней, враги, разрушив стену, вошли внутрь крепости. Тогда блаженный Гоброн со всеми оставшимися воинами напал на врагов, обратил их в бегство и гнал еще довольно долго за стенами крепости. Но святой понимал, что положение безнадежно и неоткуда ждать помощи. Осажденные стали просить мира у вражеского полководца-мусульманина, говоря через посла: "Бог дал тебе перевес над нами, поэтому просим мира". Неприятельский военачальник сделал вид, что согласен.

Когда грузины, успокоенные обещанием мира, не подозревали об опасности, беззаконники-магометане вероломно нарушили договор. Они ворвались в крепость и убили многих, а Гоброна с оставшимися в живых воинами, которых было сто тридцать три, вывели из крепости. Эмир приказал строго следить за блаженным Гоброном, как старшим и знатнейшим из вельмож. Царь Адарнас II выкупил многих пленных, святого же Гоброна враги не хотели уступить ни за что. Через некоторое время его привели к эмиру и предложили, ради сохранения своей жизни, оставить закон Господа Иисуса и принять обрезание. Но доблестный Гоброн отверг богомерзкое предложение, приготовившись за Владыку Господа Иисуса Христа к страданиям и смерти. "Сам Господь мой Иисус Христос принял за нас смерть, - говорил святой мученик беззаконным. - Жизнь моя - Христос, и смерть за Него для меня—вечное приобретение"[167].

Тогда, связав мученика, повели его под стражей вслед за войском до города Талини в Триалетии. Каждый свой шаг богомерзкие арабы отмечали пролитием крови мирных жителей, каждый камень был полит кровью христиан. Страшно воистину вспоминать о том времени: чего только не перенесла тогда невинная Грузия!

В скором времени блаженного Гоброна привели к нечестивому эмиру. Эмир хотел ввести в издревле православной Грузии богомерзкий ислам и для этой сатанинской цели стремился отвратить святого Гоброна от Христа, и затем воспользоваться его влиянием на соотечественников. Он сказал страстотерпцу Христову: "Жалко мне красоты твоей, я не желаю предать тебя горькой смерти, уважая твое мужество и воинскую доблесть. Мои приближенные передали мне, что ты один из именитых и знатных грузинских вельмож. И я советую тебе, как любезному сыну: оставь безумную твою веру, которая ничуть не помогла тебе и ни к чему не привела твоих ближних и единоверцев. Исповедуй истинную веру нашего царства, которому подчинено все. Знаю, что сделать это будет очень трудно, но за это обещаю тебе и близким тебе людям какие угодно начальственные должности. Подарю тебе палаты, где ты будешь жить, множество палаток, рабов, богатый двор, верблюдов, множество прекрасного драгоценного оружия и сделаю тебя одним из избранных и приближенных моих".

На льстивые слова эмира страстотерпец Христов отвечал: "Прошу тебя, государь, не принуждай меня оставить веру Христову, в которой я с малолетства моего возращен и утвержден благодатью Святого Духа. Почему ты хочешь предать меня смерти? Ты имеешь под своей властью множество преданных христиан, и я, как они, не буду нисколько противиться твоей власти, но буду усердно повиноваться твоей воле. И знай, государь, что, воистину, ни блага, предлагаемые тобой, ни страшные угрозы не могут заставить меня отречься от любви Господа Иисуса Христа, Это последнее мое слово!" Услышав это, эмир обратился к своим слугам и сказал: "Вероятно, он не знает, какие скорби причиняет смерть. Выведите его и изрубите у него на глазах его воинов, которые не приняли нашего закона, а его не трогайте и приведите потом ко мне". Слуги повели святого мученика и поставили его между его воинами-христианами, которых было сто тридцать три. Воины эмира стали беспощадно убивать мечами ни в чем не повинных христиан, твердо стоявших в вере Христовой и проклявших ислам. Кровь мученическая рекой полилась перед глазами блаженного Гоброна, он был обрызган кровью святых воинов, но зрелище страшных мук и смерти не могло поколебать стова.

Мученика привели к эмиру, который, как и прежде, стал ласково уговаривать его и предлагать ему богатства, дабы он оставил веру Христову, но святой был непреклонен. Тогда эмир приказал вывести его во двор и сначала только слегка ударить мечом по шее, чтобы страхом вынудить его отречься от Бога.

Святому связали сзади руки, обнажили шею и два раза слегка ударили мечом по ней, так что из раны потекла кровь. Блаженный страдалец Христов высвободил связанную сзади правую руку, омочил в своей крови палец и изобразил на лбу кровью святой крест. Мученик Гоброн сказал: "Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, Боже мой, что Ты сподобил меня, недостойного и грешного, наследовать это сокровище—мученичество! Господи, сподоби меня получить Твою милость! Сладосте моя, да не остановят меня коварство и хитрости беззаконного эмира, да не воспрепятствуют мне идти к Тебе!" Связанного мученика привели опять к Абул-Касиму. Лицо святого сияло небесной благодатью, и крест, изображенный кровью на лбу его, блистал молниеобразно. Некоторые христиане, бывшие тут поблизости, видели своими очами над Гоброном светлый венец и укрепились в вере его страданиями за имя Господа нашего Иисуса Христа. Описатель мученичества блаженного Гоброна епископ Стефан говорит, что святой, на лбу которого был кровью начертан крест, был подобен некогда увенчанному терновым венцом Иисусу. Верные, видевшие таким мученика, вспомнили слова Спасителя:

Довольно для ученика, чтобы он уподобился Учителю своему и Господу (Мф. 10; 25). Свидетелем этого был и сам царь Адарнас II.

Эмир, к которому вновь привели мученика, опять начал уговаривать его, желая хитростью склонить к магометанскому злочестию, но никак не мог убедить святого оставить веру во Христа. Наконец, видя его непреклонность, эмир стал грозить ему, говоря: "Знай, Гоброн, что, если не подчинишься моей воле, то никак не избежишь смерти. Послушай теперь моего доброго совета: не губи себя и своей молодости! Я прикажу врачам вылечить нанесенную тебе рану. и то, что прежде обещал тебе, исполню немедленно, все дам и даже в избытке!"

Святой мученик Гоброн на это ответил ему: "Делай со мной, что тебе угодно. Я - христианин и никогда не отвергнусь пресладкого имени Господа моего Иисуса Христа". Разъяренный эмир велел немедленно вывести святого во двор и отсечь ему голову. Слуги, исполняя нечестивую волю эмира, вывели мученика Христова и отсекли ему честную главу, 17 ноября, на четвертом году царствования Адарнаса II (917-923гг.), в 920 году по Р.Х.

Тело блаженного было оставлено вместе с телами его воинов на том самом месте, где они пострадали, на съедение зверям. Но звери не касались святых тел, и злочестивый мучитель повелел собрать их и зарыть в одну общую яму[168]. Чудный свет почти каждую ночь освещал могилу святых мучеников. Множество больных, приходивших на могилу святых, получали здравие. И поэтому святая Грузинская Церковь вскоре причислила страдальцев к лику святых и установила празднование их памяти 17 ноября, в день их кончины.

Так пострадали добропобедные мученики Гоброн-Михаил и сто тридцать три его воина, которые предстоят ныне Подвигополояснику Христу, Который даровал им вечную радость с апостолами и мучениками. Богу же, венчающему святых Своих славой, да будет слава, честь и поклонение. Отцу и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

МОЛИТВА СВЯТОМУ МУЧЕНИКУ ГОБРОНУ-МИХАИЛУ

О, достоблаженный мучениче Гоброне-Михайле, молися о мне на Престоле Своем сидящему Царю неба и земли, Господу нашему Иисусу Христу. Огради мя оружием всесильных молитв твоих, избави мя от видимых и невидимых враг, погубити душу мою тщащихся. Буди сопутником души моея, внегда проходити ей сквозе мьтарства горькия, и приведи мя, верный рабе и доблестный воине Господень, к Царю и Богу нашему Иисусу Христу, Емуже подобает со Отцем и Святым Духом всякая слава и честь, ныне и в безконечные веки. Аминь.

Страдание Святого Славного Мученика Князя Бидзина Чолокашвили и Князей-Мучеников Элизбара и Шалвы, Эриставов Ксанских

Память их 18 сентября[169]

Эти светлые звезды Грузинской Церкви и защитники Иверии явились в царствование грузинского царя-магометанина Вахтанга IV Шах-Наоза (1658-1675гг.), во время изгнания персов из пределов Кахетии.

Безбожный шах персидский Аббас I осквернил и предал разрушению святыни наши и пленил наших царей[170]. Он предал страшным мучениям и истребил бесчисленное множество христиан-грузин за исповедание имени Господа Иисуса и переселил большинство жителей Кахетии в Персию, желая этим уничтожить христианство в Грузии и сам иверский народ. После сего внук этого шаха, Аббас II (1642-1667гг.), поселил в опустошенной безбожниками Кахетии тысячи семей персов. Они, разместившись на самых лучших землях, по своей привычке во время летней жары переселялись в горы и кочевали там, а зимой опять занимали оставленные ими места. По причине того, что персы обосновались в Кахетии, уничтожилось почти все коренное христианское население этой страны. Оставалось еще немного христиан по ту сторону реки Алазани, в горах Пшавии, Тушетии и Хевсурии, а также изредка встречалась населенная христианами местность в Кахетии.

Персы вели против оставшихся в живых грузин постоянную внутреннюю войну. Убивали их, брали в плен, разрушали и оскверняли святые храмы, превращали их в стойла для награбленного скота, даже и соборный храм Алавердский, построенный в первые века христианства[171], был обращен ими в мечеть.

Воин Христов Бидзин, видя, что персы заняли все земли, где ранее жили христиане, и ведут с ними борьбу не на жизнь, а на смерть, страдал душою и старался всеми силами спасти погибающий народ и Церковь. Он искал способа освободить страну, и наконец пришла ему благая мысль призвать на помощь эристава Арагвского Заала и своих родственников, эриставов Ксанских, святых Элизбара и Шалву, чтобы совместными силами начать борьбу с христоненавистниками и изгнать их. Это дело святой Бидзин считал возможным и даже легким при помощи Божией.

Однажды к нему пришли по какому-то делу посланные от Заала, эристава Арагвского, и от доблестного Элизбара, эристава Ксанского. Святой Бидзин стал умолять их помочь ему в борьбе с богоборными персами, говоря между прочим; "Верю, что мы победим и истребим богомерзких персов, освободим нашу страну и избавим наши святыни от поругания, посрамим и обратим вспять всех ненавидящих Сиона[172]". Посланные возвратились и передали Заалу и Элизбару просьбу Бидзина.

Предложение это понравилось обоим эриставам, в особенности святому Элизбару и его племяннику блаженному Шалве. Элизбар не имел детей и был уже в преклонных летах, и потому усыновил своего племянника. Они немедленно собрали войско и, воодушевленные ревностью о Христе, поклялись спасти Церковь и веру своего народа. Под их священное знамя собрались жители Карталинии, Кахетии, тушины, пшавцы и хевсурцы. Эристав Арагвский Заал устрашился персидского шаха и не присоединился сам к воинам Христовым, а собрал только многочисленное войско из самых опытных, избранных мужей и послал его тайно святым.

Войско под предводительством святых мужей выступило наконец против врагов. Оно внезапно вошло в Кахетию, направившись от селения Ахметы и крепости верхней Бактриони (Бахтриони - Б.С.). Всесильным содействием Владычицы Приснодевы Марии и помощью святого великомученика Георгия грузины немедленно истребили почти всех персов, поселившихся по обоим берегам реки Алазани.

Сам султан Пенкархан, поставленный шахом правителем Кахетии, едва спасся бегством. Это произошло в 1659 году. Семейство же султана и все домашнее хозяйство было истреблено мечем воинов Христовых. Святые военачальники, воздав славу Богу, принялись за очищение и восстановление святынь, в том числе кафедрального Алавердского собора и других осквернённых и разрушенных храмов. В скором времени они привели Алавердский собор в прежнее состояние, и в нем снова стала совершаться Божественная Литургия. Святители, находившиеся в изгнании, вдали от своей паствы, были возвращены на свои кафедры, а священники - в свои храмы. Победой трех святых военачальников снова утвердилось Евангелие Христово во всей Кахетии и воздвигся повсюду крест Христов. Благочестивые епископы и благоверный народ снова тесно соединились друг с другом. Иереи беспрепятственно уже стали приносить Бескровную Жертву и совершать святые Таинства. Были восстановлены опустошенные и разрушенные монастыри и снова наполнились благоговейными монахами, и кахетинские христиане получили полную свободу.

Блаженный Католикос Виссарион (+1724г.) говорит, что во время войны с персами перед войском христиан все видели в воздухе разъезжающего на белом коне прекрасного юношу. Он как бы предводительствовал войском грузинским и сокрушал врагов. "Все были уверены, что это был святой великомученик и чудотворец Георгий Победоносец," - продолжает блаженный Виссарион.

Он говорит, что восемь тысяч семей персов, поселенных в Кахетии, истреблены были до единого мечами воинов Христовых. Один только султан алдаранский со своими приближенными спасся бегством, уехав к шаху Аббасу II. Султан, с трудом добравшись до шаха, с плачем и рыданием, низко кланяясь ему, рассказал подробно обо всем случившемся. Он донес, как святыми мужами чудесно, внезапно истреблено было огромное персидское население Кахетии. Шах Аббас II, узнав об этом, не смог снести подобного посрамления и унижения. Он написал высочайший указ грузинскому царю Вахтангу IV Шах-Наозу, своему вассалу (вся Грузия в то время была данницей Персии), и послал его через Муртузали-хана. Шах повелевал этих трех воинов Христовых немедленно связать и представить в столицу персидского царства Испагань.

Вахтанг Шах-Наоз, получив указ и повинуясь самодержавному безбожнику, немедленно призвал к себе в дом Бидзина, Элизбара и Шалву. Предав себя всецело Христу, они предстали пред царем, и тот, хотя и сострадая им, но, не смея ослушаться шаха, связал мучеников и послал их к Аббасу. "О! - восклицает описатель страданий мучеников Католикос Антоний I. - Какая была печаль тогда по всей Грузии!" Ибо в то время цари и многие вельможи Иверии из угождения персидским деспотам оставляли Господа Иисуса. Они оскверняли святилища, епископами и иереями ставили людей недостойных и, можно сказать, делали все для того, чтобы народ забыл Истинного Бога. Не было почти никого, кто бы мог сколько-нибудь утешить душу. Оставались одни только эти святые и некоторые другие люди, но и их душ искали. Когда Бидзина, Элизбара и Шалву связанными привели к шаху, на обычные вопросы они отвечали, что они христиане, не признают шаха и не повинуются его закону. И на все вопросы беззаконного они мужественно, с радостью давали мудрые и достойные ответы. Никто не мог победить в словах или заставить переменить убеждения святых исповедников, стоявших на твердом основании веры в Спасителя.

Шах Аббас II, видя безуспешность своих стараний, послал святых к султану алдаранскому, который в то время жил в Испагани. В письме к султану он высказал притворное сожаление, говоря: "Мне жаль предать их мучительной смерти ради их красоты и мужества. Они могут быть годны для нашего войска и стать военачальниками. Постарайся как-нибудь привлечь их к нашему закону. Если они согласятся и послушаются, пусть будут награждены великими дарами и сокровищами. Если же не станут повиноваться нашей воле, то немедленно предай их страшным мучениям и смерти". Когда к султану привели князей-мучеников, он ласково принял их и дружески приветствовал, лукаво скрывая свои истинные намерения.

Этот льстец сказал святым: "Великий государь наш шах, которому служит вся Персия, от Индии до Турции, знает о вашем мужестве и храбрости. Угодно ему ради ваших воинских доблестей воздать вам великие почести и наградить вас больше, чем вы того достойны. Он хочет, чтобы вы всегда были при нем. Ему угодно приблизить вас к своему престолу. И мы, рабы его, по его указанию, ради вашей доброты и мужества стараемся и желаем, чтобы вы в этой сладостной жизни были счастливы и прославлены более, чем все ваши соотечественники. Для этого вам необходимо оставить веру христианскую и принять закон Магометов, который с величайшим благоговением содержит множество царей со своими подданными".

Святой Бидзин вместе с другими мучениками отвечал ему так: "Мы от юности нашей приняли веру истинную в Искупителя и Господа Иисуса Христа, которую передали нам наши предки, и веруем в одного Бога, Отца и Сына, и Святого Духа, во имя Которого и крещены. Мы положили на сердце с самых юных лет быть Ему верными во всем. От любви Его не могут отлучить нас ни болезнь, ни нужда, ни огонь, ни отсечение членов, ни боль, причиняемая железом, ни что-либо другое, чем стали бы мучить нас. Ибо желаем любви ради Христовой принять тысячу раз, а не однажды, чашу смерти. Пусть не думает царь ваш, что для славы, которую предлагает он нам, отвергнемся от Пресладкого Христа. Но если предложит он нам и все царство свое, которое подобно дыму может внезапно исчезнуть, - и тогда останемся верными своему слову. Мы не оставим Бога, Который создал нас, и не будем служить сатане, отступнику от Бога. И не станем повиноваться закону лжепророка вашего Магомета и сопричастников его, которых чуждаемся, как изгнанных и сверженных во ад всегдашних искусителей рабов Божиих.

Погибнем ради Господа нашего Иисуса Христа и будем безгласны, как овцы, ведомые на заколение[173]. Дары и почести ваши нас не прельщают, и мы не ищем ваших милостей. Мы рабы Небесного Владыки Христа и воины Его. Он даровал нам победу над вами, от Него и ожидаем награды нетленной и богатства неоскудевающего, а ваши богатства скоропреходящи. Отрекающихся же от Христа ожидает вечный огонь и бесконечные страдания. Ничто не отлучит нас от Господа. Мы готовы на все, делайте, что вам угодно!"

Султан, услышав такой решительный ответ и видя непоколебимость воинов Христовых, все-таки старался ласковыми увещаниями отвратить их от закона Христова, но все было напрасно. Он обещал им любые богатства и сокровища, убеждал принять сладость сей преходящей жизни, предлагал от имени шаха великие почести и славу.

Святые отвечали: "Сладость мира сего мы давно оставили, как тебе сказано было раньше. Еще будучи в молодых летах, мы решились быть непоколебимыми воинами Христа Бога и еще тогда поняли, что все блага мирские должны быть нам чужды. Мы хорошо уразумели это. Поэтому и воинские почести, и великие богатства, которые обещает нам шах через тебя, скверны и нечисты для нас. Мы желаем, как уже сказали, быть верными воинами Господа Иисуса, от Которого ожидаем нестареющей и бессмертной славы и жизни вечной. Он обещает нам честь, и мы веруем, что обещанное Им истинно. А ваши обещания и сладости этой скоропреходящей жизни для нас скверны, мы уже мертвы для них. Жив в нас Господь Иисус Христос.

Мы ни во что вменяем лютость и жестокость мучений, и даже саму смерть. Как морские волны не могут сокрушить скалу, которую омывают, так и нас ничто не может поколебать, ибо мы стоим на твердом основании веры Христовой. Просим тебя, перестань лучше говорить с нами и прельщать нас. Приготовь скорее для нас чашу смерти!" Султан, видя твердость духа мучеников, приказал палочникам связать князей, жестоко бить их по всему телу палками и немилосердно таскать по земле. От этого тела их почти изодрались на куски, которые падали на землю, и кровь истекала потоком. После этого святых связали и поволокли в зловонную темницу. Блаженный Виссарион говорит, что, когда святых били и влачили по земле, христоненавистники старались и тут отвратить их от Христа, предлагая жизнь и помилование. Однако мученики еще более укреплялись в вере и любви ко Господу. Они побуждали друг друга пребыть верными Ему в этих страданиях до смерти и не ослабеть в подвигах, но с радостью принять все мучения.

Изодранные тела мучеников Христовых покрылись в темнице ужасными язвами, но в сердцах их написано было имя Всесвятой Троицы. Безбожные мучители приходили к святым и в темницу, стараясь как-нибудь склонить их к своей вере и отвратить от любви Христовой. Однако князья-оставались несокрушимыми подобно адамантовым скалам, и мусульмане отходили от них со стыдом, ничего не достигнув.

Султан, видя, что нет никакой возможности отвратить святых от Истины, приказал обнажить их и связанными вывести на двор, чтобы солнечный жар опалял, а пчелы и шершни жалили их тела. Бидзин, Элизбар и Шалва, узнав о готовящейся для них новой муке, приготовились с мужеством принять ее. Их вывели и обнаженными привязали к столбам, все тело каждого из них намазав медом. Жгучие лучи южного солнца нестерпимо опаляли мучеников, их тела были облеплены тысячами пчел и шершней, от укусов которых они распухли и вздулись подобно меху. После этого султан повелел святых эриставов, доблестных Элиэбара и Шалву, привязать к дереву и простреливать их насквозь из ружей, но так, чтобы они оставались живыми. Приказание было немедленно исполнено. Затем изувер велел у мучеников, привязанных к дереву, иссечь шашками голени и, наконец, отсечь головы. Так славные страдальцы Христовы предали святые свои души в руки Божии.

Все это приказано было совершить на глазах святого исповедника Бидэина. После смерти двух эриставов султан велел бросить их тела в яму. Так была принесена благоприятная жертва Пресвятой Троице, и святые упокоились на лоне Авраама, где ходатайствуют о всем мире.

Богопротивные персы предали смерти двух эриставов раньше, чем князя Бидзина, и на его глазах, желая устрашить святого смертью его родственников и вынудить его отречься от Христа. Но они ошиблись. Страстотерпец, увидев, как была принесена приятная жертва Триипостасному Богу, просил Господа принять души страстотерпцев в небесные обители. При этом он молился из глубины души о том, чтобы удостоиться вместе с ними принять венец мученический и участвовать в их небесном блаженстве.

Святой Бидзин и теперь презрел льстивые предложения, которыми понуждали его отступить от истинной веры. Тогда мучитель сперва приказал опозорить святого князя и поругаться над его мужеством и доблестями. Для того султан приказал надеть на него женское платье, посадить на осла и в таком виде возить по Испагани[174]. Мученика возили так по всему городу на глазах у всех людей, всячески оскорбляя его при этом. Затем нашлись люди, своего рода риторы, которым было приказано отвратить страстотерпца от служения Богу Истинному. Им от имени шаха обещали щедрые подарки и награды в том случае, если они обратят св. Бидзина в магометанство. Эти люди обступили святого мужа и многосложными речами убеждали его оставить веру Христову, прилагая к тому все старание.

Однако, как они ни бились, мученик Бидзин подобно глухому не хотел и слышать их нечистых предложений и советов. Он желал только как можно скорее присоединиться к той блаженной двоице мучеников-эриставов и с ними предстоять Престолу Божию. И так хитрословы ничего и не слышали от святого, кроме того, что жаждет он скорее испить "чашу горести и смерти за Того, Кто за меня испил ту же чашу на Кресте", - как говорил он им. При этих словах святой взглянул на небо и сказал: "Боже мой и Сладосте моя, Христе, к Тебе жаждет дух мой!" Наконец, видя непоколебимость мученика в вере, прельстители доложили султану, что нет никакой возможности вынудить его отречься. Тогда султан осудил князя на тот род мучения, которым был замучен за Христа шахом Издигердом святой великомученик Иаков Персидский.

По приказанию тирана приготовили различные орудия для мучения святого и сказали ему в последний раз: "Исполни приказание царское, о Бидзин! Отвертись Христа твоего. Которого исповедуешь Богом, и не обрекай себя на горькую смерть!" Святой ничего не отвечал им. Блаженный Виссарион говорит: "Он тихо твердил Никео-Константинопольский Символ веры и молитву Господню".

Затем мучители приступили к исполнению над ним бесчеловечного приговора. Сперва стали острым орудием отделять каждый состав обеих кистей рук, затем ног до голеней. Несколько погодя стали отнимать составы рук до плеч и ног до таза, так что тело мученика стало подобным пню. Потом начали срезывать с тела понемногу мягкие части. Во время этих ужасных мучений страстотерпец не произносил ничего, только призывал к себе на помощь Господа Иисуса Христа, продолжая читать Символ православной веры и молитву Господню. От тела святого Бидзина не осталось почти ничего, кроме головы и туловища. Но он еще был жив, и мучители тащили его по земле за волосы и сильно ранили тело страдальца, который едва шевелил губами, тихо славословя Христа. Зрелище было ужасное!

Наконец, после долгого поругания над телом мученика Христова, отсекли ему честную голову. Бесчеловечные мучители после этого пронзили еще трепещущее

его сердце шашкой. Зарытые прежде тела двух мучеников Христовых вынули и вместе с изрубленным на части телом страстотерпца Бидзина выбросили на поругание и на съедение зверям. Приставили также стражей, чтобы святые мощи не были похищены и с честью преданы земле христианами. Страдание святых Бидзина, Элизбара и Шалвы последовало в 1661 году по Р.Х.

В первую ночь после кончины святого Бидзина Господь прославил Своих рабов. На тела спустился с неба светоносный столп, который видели все. Места, обагренные кровью мучеников, освещались также лучами небесного света. Видя такое необыкновенное знамение Божие, множество персов воздали славу Христу, прославившему так Своих святых Воины, которые стерегли тела, устрашились этого чуда и разбежались по своим домам. Армяне, жители города Нового Джугами, бывшие в то время в Испагани по торговым делам, пришли ночью тайно, собрали и унесли останки святых, и с величайшей осторожностью, с честью скрыли в своей церкви. От мощей совершилось множество исцелений и дивных чудес.

По прошествии нескольких лет супруга блаженного мученика Шалвы, христолюбивая Кетевань, дочь Арагвского эристава Заала, который умер в 1679 году, и сын ее, эристав Ксанский Давид, послали некоторых христиан и одного армянина в Испагань, чтобы они перенесли оттуда в Грузию мощи страстотерпцев Христовых.

Посланные достигли города и упомянутого места, взяли мощи святых мучеников, положили в приготовленный для них ковчег и благополучно возвратились в Карталинию. Кетевань и сын ее Давид, получив бесценное сокровище, пригласили епископов и множество священников. При бесчисленном стечении народа, с величайшей радостью, пением псалмов, каждением, воздавая благодарение Богу, понесли святые мощи в Икортский Архангельский монастырь[175]. Святые мощи предали земле в соборе, с северной стороны, внутри храма перед колонной. Празднование памяти страдания мучеников было установлено совершать 18 сентября, в славу и честь в Троице поклоняемого Бога, Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь.

МОЛИТВА СВЯТЫМ СЛАВНЫМ КНЯЗЬЯМ МУЧЕНИКАМ БИДЗИНУ, ЭЛИЗБАРУ И ШАЛВЕ

О преблаженнии мученицы Христовы, Престолу Пресладкаго Владыки нашего предстоящии! Молите о мне, многими скорбьми душевными отягченнем, подайте помощь души моей посещением вашим, направите путь мой, святии страстотерпцы, к жизни вечней и приведите мя, многоскорбнаго, вашим ходатайством ко Престолу Царя царей, Господа нашего Иисуса Христа, да и аз вкупе с вами возсылаю славословие Безначальной Троице, Ейже подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

Страдание Святого Мученика Евстафия Мцхетского

Память его 29 июля[176]

В десятом году царствования в Персии Хозроя Нуширвана, вступившего на престол в 531 году по Р.Х., в правление Грузией сатрапа Арванда-Губнаба, тогда

как в Иверии царствовал Гурам, родоначальник династии Багратидов (умер в 600г.), прибыл во Мцхета сын какого-то жреца-мага, язычник, именем Бгробандав. Он происходил из персидской деревни Арбукети, ему было тридцать лет от роду. Поселившись в Иверии, он стал трудами рук своих снискивать себе пропитание. Видя благочестие множества живших во Мцхете христиан и искреннее служение их Господу Иисусу, Бгробандав полюбил веру истинную и обратился ко Христу всем сердцем. Он принял святое Крещение, в котором был наречен именем Евстафий. Затем он сочетался браком с христианкой и вел жизнь добродетельную.

Персы, жившие во Мцхете, однажды собрались совершать свой праздник очищения. Во время самого праздника они пришли к блаженному и сказали ему: "Что же ты не присоединяешься к нам и не исполняешь нашего закона?" Евстафий, услышав это, засмеялся и сказал: "Праздник ваш - праздник тьмы, и вы, совершающие его, так же темны и ничего не понимаете; я запечатлен печатью Господа нашего Иисуса Христа и совершаю теперь Его праздник; я избавлен уже от той темноты, в какую ввержены вы".

Услышав это от исповедника Христова, богопротивники ушли, во после своего праздника доложили начальнику мцхетской крепости: "В этом городе живет человек, который прежде был в нашей вере, а теперь не почтил с нами нашего праздника и даже осмеливался, поносить нашу веру, и этим хочет устрашить нас, говоря, что он христианин. Просим тебя, призови его к себе и расспроси обо всем, и суди его по данной тебе над этим городом власти". Начальник крепости немедленно приказал одному воину отправиться к Евстафию с повелением явиться к нему. Евстафий, услышав приказ, вначале смутился духом и желал даже скрыться, но потом, раздумав, сказал: "Прежние друзья мои сделались мне врагами. Убоюсь ли людей? Пойду, встану пред лицом властелина и исповедую перед ним Христа, ибо знаю слова моего Господа, Который говорит в Евангелии: Всякого, кто исповедует Меня пред человеками, и Я исповедую пред Отцом Моим Небесным, а кто отвержется Меня пред человеками, отвергнусь того и Я пред Отцом Моим Небесным (Мф. 10; 32-33).

Затем, ознаменовав свое чело и грудь святым крестом, блаженный сказал: "Господь со мной", и пошел с воином к начальнику крепости. Тот сказал персам: "Вот видите, этот человек поносит нашу веру". Затем обратился к блаженному Евстафию: "Скажи мне, из какого ты села или города происходишь и какой веры держишься?" Святой отвечал ему "Я жил в персидском селе Арбукети, принадлежащем городу Ганракили. Отец мой был маг и меня приготовлял к тому же, но я никак не желал сего. Еще в Ганракили, где много христиан, у которых есть епископ и иереи, я познал, что вера христианская превосходит во всем нечестие персов. И вот теперь я верую во Христа и служу Ему".

Начальник крепости сказал святому мученику: "Никто не даст тебе служить твоему Христу, и, если добровольно не оставишь своего глумления над нашей верой, то великие мучения ожидают тебя". Святой Евстафий отвечал: "Не только уготованные тобой мучения я готов претерпеть из любви ко Христу, но и до смерти буду стоять за славу имени Его". Начальник крепости, видя непоколебимость Евстафия и ревность его о Господе, подумав несколько, сказал: "Если привяжем его к дереву или заключим в темницу, этим не сможем отвратить его от Христа. Лучше пошлем его в город Тифлис к Арванду-Губнабу, сатрапу карталинскому: один он имеет во всей Грузии власть миловать и казнить".

Начальник крепости приказал двум воинам связать блаженного и отвести в Тифлис.

Те же персы, доносчики на святого, пришли вновь к начальнику крепости и сказали: "В городе есть еще люди, державшиеся прежде нашей веры, а теперь исповедующие веру христианскую. Прикажи и их отвести в Тифлис". Начальник крепости спросил: "Кто они такие?" Персы отвечали: "Одного зовут Губнак, другого Багдад, третьего Бурзо, четвертого Панагузнас, пятого Перозав, шестого Зарми и седьмого Стефан".

Начальник крепости немедленно призвал этих людей к себе и, не расспрашивая их о вере. велел связать и вместе с Евстафием представить к Тифлисскому сатрапу, которому написал следующее письмо: "Эти люди держались прежде нашей веры, но оставили ее и стали теперь христианами. Я задержал их и вот, связанных, представил к тебе, так как ты один имеешь власть судить их и выносить приговор".

Сатрап, прочитав письмо, спросил присланных к нему людей: "Кто вы такие и какой веры держитесь?" Каждый из них по очереди рассказал о своем происхождении, из какой он был деревни или города. Затем все вместе сказали в один голос: "Мы прежде держались безбожного персидского Зороастрова учения, но, когда переселились в Карталинию и познакомились с верой христианской, она понравилась нам. Мы приняли эту веру безотлагательно и теперь уже стали христианами; ибо вера христианская есть святая, блаженная и прекрасная, и никакая вера не может сравниться с ней". Услышав их искренний ответ, судья пришел в ярость и приказал служителям беспощадно бить их по лицу, потом вывести их вон, на двор, обрить им головы, затем беспощадно бить их железными прутьями по спине, просверлить ноздри, наложить им тяжелые цепи на шеи и кандалы на ноги и посадить их в темницу. При этом мучитель сказал: "Если кто-нибудь из них исповедует закон наш, то освободите его и приведите немедленно ко мне. Я обогащу его и сделаю знаменитым во всей стране. А кто не примет веры нашей, умрет в темнице горькой смертью". Услышав грозные слова сатрапа, Багдад и Панагузнас из страха отверглись Господа Иисуса и приняли зороастризм.

Блаженные же Евстафий, Губнак, Бурзо, Перозав, Зарми и Стефан стояли твердо и непоколебимо в вере Христовой. Когда доложили сатрапу, что двое из узников отверглись Христа, то он обрадовался и приказал привести их к себе. Обласкав их и похвалив, он обещал щедро наградить их и отпустил на волю. Но обещанных им почестей и сокровищ так и не дал никогда, а только обманул несчастных отступников.

Святой Евстафий вместе с другими исповедниками был в темнице в цепях уже около шести месяцев, когда от персидского шаха к Арванду-Губнабу пришло приказание возвратиться в Персию. Тогда к сатрапу пришли Католикос Самуил II (581-587гг.), правитель Карталинии Григорий, Арбуб, главный старшина карталинский, другие вельможи страны и вся Грузинская знать и стали просить его: "Молим тебя, сатрап, выслушай нас, имеем к тебе одну просьбу". Сатрап сказал им: "Просите, что вам угодно, чтобы я сделал для вас". Те сказали ему: "Молим тебя, отпусти Мцхетских граждан, которых велел ты заключить в темницу за то, что они приняли христианство". Сатрап отвечал им: "Этих людей следовало бы предать смерти за то, что они стали христианами, но по просьбе вашей

отпускаю их на волю". Патриарх и вельможи поблагодарили сатрапа, и он немедленно приказал освободить христиан.

Когда их вывели из темницы, каждый возвратился к себе домой. Некоторые из них по воле Божией скоро отошли в вечность исповедниками, другие же оставались в живых. Отступник от Христа Багдад, прожив еще немного, скончался горькой смертью. А несчастный Панагузназ окончил дни своей жизни в великой нищете, не имея ни пищи, ни одежды, ни крова в продолжение трех лет, и все это время провел в великой скорби и печали.

По прошествии трех лет в Грузию назначен был сатрапом Бежан-Бузмил, человек жестокий. В Тифлисе явились к нему Мцхетские персы, прежние доносчики на блаженного Евстафия. Они доложили ему, что в городе Мцхете есть два человека, Евстафий и Стефан, которые держались прежде их веры, а теперь отпали от нее и приняли закон христианский. "Прикажи немедленно взять их, - говорили персы, - так как ты один имеешь власть их судить". Сатрап, услышав это, приказал двум воинам привести к себе блаженных Евстафия и Стефана. Когда воины объявили тем приказание сатрапа, исповедники отвечали: "Придем к вам, не убоимся ничего", и немедленно приготовились идти в Тифлис с воинами.

Святого Евстафия окружили члены его семьи, и он, обратившись к своим теще и супруге, сказал: "Я прощаюсь с вами навсегда, ибо вы не увидите меня более здесь. Не отвергнусь я Христа. Бога моего, не отпустят меня более живым, и смерть моя должна последовать в Тифлисе. Отсекут мне голову, тело же мое по Божией воле будет принесено сюда, во Мцхета, и предано земле". Сказав это, он простился со всеми своими близкими, облобызав каждого. Евстафий и Стефан оградили себя крестным знамением и отправились в Тифлис. За ними с плачем и рыданием следовали их родственники и домашние. Когда- перешли реку и встали на площадке напротив храма святого креста Мцхетского, мученик Евстафий поднял руки к небу и сказал: "Господи, Господи, если удостоишь меня умереть ради святого Твоего имени, то не допусти, чтобы тело мое съедено было псами и истерзано птицами небесными. Повели, Владыко мой, чтобы тело мое принесено было сюда, во Мцхета, где принял я святое Крещение, и предано земле". Произнеся эти слова, блаженный Евстафий поклонился храму святого креста, простился со всеми провожавшими его и продолжил путь к Тифлису.

Достигнув города, воины явились к сатрапу, представили мучеников Христовых и сказали, указывая на них: "Вот эти самые люди - новые христиане Мцхетские". Бежан-Бузмил спросил Евстафия и Стефана: "Кто вы такие и какой веры держитесь?" При этих словах вельможи родом из Сирии встали со своих мест и сказали сатрапу: "Мы знаем этого Стефана, он из наших мест, родители, братья и сестры его христиане, и он рожден в христианстве". Услышав это, сатрап освободил Стефана из уважения к знавшим его вельможам. Затем Бежан-Бузмил спросил святого Евстафия: "Кто ты такой и какой ты веры?" Святой Евстафий отвечал ему так: "Если спрашиваешь меня, то слушай внимательно, я расскажу тебе все. Я выходец из Персии. Отец мой был маг, братья мои были также магами. Отец мой приготовлял и меня к тому же. Но я не любил отеческой веры, не хотел даже слышать о ней.

Переселившись в Грузию с моим отцом и со всем семейством, я сказал наконец сам себе: "Сравню я закон Христов с нашей верой и, что из них окажется лучше, то и приму всей душой". Днем отец мой учил меня волшебству, а ночью я тайком

уходил в христианский храм и, входя внутрь, внимал службе. Молитва и пение христиан казались мне пением ангельским, и я слушал их с величайшим наслаждением.

Однажды, по обыкновению придя к храму, я не мог различить пения и вошел внутрь. Приблизился ко мне архидиакон Самуил, знающий хорошо закон Божий и Священное Писание, и спросил у меня: "Зачем ты вошел в храм?" Я отвечал: "Господин, ты знаешь, кто я такой. Не люблю я закона моих отцов и желаю, чтобы кто-нибудь подробно рассказал мне о верах иудейской и христианской и, какая из них окажется святой, ту возлюблю я всем сердцем и приму". Тогда архидиакон Самуил отвечал мне: "Если желаешь узнать истину о двух верах, я расскажу тебе о них подробно, но изберешь ли ты истинную веру, зависит не только от тебя, но и от воли Господней". Я стал просить его и сказал: "Укажи и то, с какой из них согласиться и какую из них принять, и какую отвергнуть". Тогда архидиакон начал рассказ свой следующим образом, говоря: "Слушай внимательно! Веру персов, как ты знаешь, ненавидят сами же исповедующие ее и не желали бы иметь ее. Бог возлюбил христиан более иудеев".

Я опять стал просить Самуила: "Господине, не прогневайся, расскажи мне поподробнее, сколько было иудеев и кто такие христиане, которых возлюбил Бог". Тогда архидиакон отвечал так: "Рассказ этот очень длинный, брат мой. Если усердно станешь слушать меня, то я без огорчения расскажу тебе все. Был человек нескверный и боголюбезный из Халдейской страны, житель города Ура, имя ему Авраам. Однажды Господь явился ему во сне и сказал: "Выйди из этой страны в землю, которую Я укажу тебе. Я произведу от тебя великий народ" (Быт. 12; 1-2). Авраам поверил словам Господа и сказал Ему: "Да будет на мне, Господи, воля Твоя святая". И вышел он из земли Халдейской, достиг города Харрана, лежащего на северо-востоке от Месопотамии близ реки Евфрата, Он пришел туда, имея спутником Ангела, и поселился там по приказанию Божию. Затем Авраам оставил это место, и привел его Ангел в землю Ханаанскую, где поселился он близ Хеврона, и тут у Авраама родился сын Исаак, а у Исаака родился сын Иаков, а у Иакова двенадцать сыновей.

Бог приказал Аврааму обрезывать всех детей мужского дола в знамение завета между семенем его и Богом. И расплодилось, и умножилось семя Авраама. Прямые наследники Авраама - народ еврейский, любимый Богом. Подобно тому, как отец любит своих чад, так и они были возлюблены Богом.

По умножении народа Божьего, Господь сошел на вершину горы Синай и Своим перстом начертал на каменных скрижалях заповеди. Вот они: 1. Я Господь Бог твой, да не будет у тебя богов иных, кроме Меня. 2. Не сотвори себе кумира и всякого подобия того, что на небе вверху, того, что на земле внизу, и того, что в водах ниже земли, не поклоняйся им и не служи им. 3. Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно. 4. Помни день субботний, чтобы святить его: шесть дней работай и делай всякие дела твои, а седьмой день - суббота Господу Богу твоему. 5. Чти отца твоего и матерь твою, да благо тебе будет, да будешь долголетен на земле. 6. Не убей. 7. Не прелюбодействуй. 8. Не укради. 9. Не лжесвидетельствуй. 10. Не пожелай жены ближнего твоего, не пожелай дому его, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ни всего принадлежащего ему[177].

Бог дал каменные скрижали с этими заповедями рабу Своему Моисею, и тот прочитал весь закон народу израильскому. Народ стал исполнять все повеленное с величайшим старанием, и Господь был посреди них. Тогда собрались иноплеменники и напали на израильтян, но Господь рукой Иисуса Навина поразил их и предал во власть избранного Своего народа землю Ханаанскую, обещанную Им Аврааму и потомкам его.

Через несколько веков народ израильский захотел иметь У себя царя. И дал им Господь по просьбе их царя и устроил у них порядок правления. По прошествии некоторого времени этот избранный царь был убит в сражении с иноплеменниками, потому что не надеялся на Бога, а надеялся на свою силу. Затем принял царство Давид, коему наследовал сын его Соломон.

После них народ начал явно отступать от истинного Бога и поклоняться бездушным идолам. Бог воздвигал пророков, которые проповедовали, что не должно оставлять Живого Бога и служить бездушным истуканам. "Вот, - говорили они, - Господь пошлет на вас меч, смерть и плен и истребит вас с лица земли". Но, несмотря на все усилия их, народ израильский не внимал им и не слушал их. Самих пророков преследовали, изгоняли, а иных и убивали беспощадно. Господь наконец послал Сына Своего Единородного, Который вселился в чистую утробу Девы и принял от Нее плоть, и вочеловечился от Святой Девы Марии. Но Божество не поглотилось человечеством, и человечество не слилось с Божеством и не уничтожилось. Тайна соединения Божества с человечеством есть тайна великая и непостижимая! А вочеловечился Сын Божий, Господь Иисус Христос, для того, чтобы обратить Израиля и всех людей к Богу Живому. По человечеству Он принял крещение в Иордане от рук св. Иоанна Крестителя, раба и предвозвестника Своего, и когда выходил из воды, открылись небеса и Святой Дух в виде голубя нисшел на Него, и был слышан с неба голос от Бога Отца: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение (Мф. 3; 17).

Затем Самуил подробно рассказал о земной жизни и чудесах Иисуса Христа, Его страдании и смерти, которую Он принял от богоотступного народа еврейского, о воскресении и вознесении на небо, о сошествии Святого Духа на апостолов, чудесном распространении христианской веры и о перемене, какую она произвела в людях. Архидиакон рассказал и о судьбе евреев, рассеянных по всему миру.

Когда, - продолжал Евстафий, - я узнал подробно от архидиакона Самуила обо всем этом и о том, что случилось после с иудеями и христианами, то уверовал в Бога Безначального и в Единородного Сына Его Иисуса Христа, и Святого Его Духа. Я крестился во имя Пресвятой Троицы, и теперь никто не может отвратить меня от Господа Иисуса. До последнего моего издыхания буду Ему верен, а о законе моих предков не хочу, да и стыдно мне говорить. Ибо могу ли оставить Творца всех и кланяться Его творению? Не будет этого никогда! Не солнце, луна и звезды суть боги, но Бог создал солнце, чтобы оно светило днем, а луну и звезды—чтобы они сияли во тьме ночной. Видишь, что они не боги? Бог повелит облакам покрыть солнце, и тогда оно не дает более света, так же бывает с луной и звездами, И огонь не есть божество. Ибо его зажигает человек и человек угашает. Видишь, что человек-властелин огня? Огонь может сжечь почти все, но когда человек поливает его водой, он немедленно затухает и уничтожается. Видишь, что огонь не божество, а творение? Он дан Богом человеку, чтобы человек им пользовался.

Прежде народ пребывал в безбожии и в беззаконии» не зная даже кровных своих родных, и жил подобно бессловесным животным. А теперь благодатью Божией, с того времени, как люди были просвещены святым Крещением и открыты стали заповеди Христовы, уничтожилось прежнее безобразие и бесчинство. Но молю Тебя, Господи Иисусе Христе, - возведя очи К небу, сказал праведник, - даруй, чтобы тело мое предано было земле во Мцхете, где принял я святое Крещение от Католикоса Самуила![178] От сего времени никто не разлучит меня от любви Твоей и веры истинной, от желания прийти к Тебе. Ибо, скажу с апостолом: ни страдания, ни биения, ни узы темничные, ни меч, ни смерть телесная - ничто не разлучит меня от любви Твоей, Христе Пресладкий!" Тогда сатрап Бузмил сказал ему: "Сын мой, Евстафий, послушай меня, не сокращай ради веры во Христа дней своей жизни, не оставляй жену свою вдовой и сиротами детей твоих и не разлучайся со своими родными в этой жизни". Святой отвечал: "Правитель, бывший раньше тебя, мучил меня жестоко, и я не повиновался ему, неужели теперь послушаю тебя?"

Услышав эти слова, сатрап понял, что невозможно поколебать страстотерпца никакими ласками и никакими угрозами и отвратить его от христианства. Поэтому сатрап приказал заключить святого в темницу и тайно отсечь ему голову, чтобы христиане, узнав об этом, не воздали его телу почестей- И велел после этого вывезти его тело и бросить за городом на съедение зверям и птицам небесным.

Получив такое приказание, слуги вывели мученика Христова и повели его в темницу, чтобы исполнить над ним приговор властелина. В темнице мученик обратился с просьбой к воинам, говоря: "Братья мои, я нахожусь уже в ваших руках. Прошу вас только об одном: дайте мне несколько времени, чтобы помолиться Богу моему". Воины позволили. Тогда он преклонил колена, возвел очи к небу и произнес следующую молитву. "Господи Боже Вседержителю, хотящий спастись всем человекам, уповающим всем сердцем на пресвятое Твое имя! Ты услышал молитву прежде пострадавших мучеников, убиенных мечами иудеев, и тех, которые ради имени Твоего ввержены были во время страшного холода в озеро и умерли, пребыв верными Тебе, и сожженных огнем, и за исповедание имени Твоего брошенных на растерзание и съедение зверям, наследовавших обещанные Тобой вечные блага! Даруй мне, Господи, быть участником их небесной радости, удостоивший меня ради всесвятого Твоего имени в последнее время быть также мучеником!

Ты знаешь, Владыко Господи, Боже мой, Иисусе Христе, что пресвятому Твоему имени не предпочел я ни отца, ни мать, ни братьев, ни семейство, ни родных и близких. Тебя только одного. Господа моего, возлюбил всем сердцем и всей душой моей и ради имени Твоего полагаю голову мою. Владыко мой, прошу еще и молю Твою благость, чтобы тело мое не осталось здесь в Тифлисе, но чтобы оно предано было земле во святом граде Мцхете[179], где Ты открылся мне. И да источают по Твоей милости кости мои благодатные исцеления всем притекающим к ним во славу всесвятого Твоего имени!"

Страстотерпец услышал свыше голос: "Ничем не будешь умален от прежних мучеников; ни благодатью, ни исцелениями; о своем теле не заботься, но будет так, как ты просишь". Услышав этот голос, блаженный мученик возрадовался духом и благодарил Бога.

По окончании молитвы он обратился к слугам сатрапа и сказал: "Теперь я готов, исполните надо мной повеленное вам". Воины колебались, убивать ли святого Евстафия. Но один из них сказал: "Погибнем мы все, если он останется в живых". Тогда отсекли честную главу добропобедному мученику Христову, в 589 году, 29 июля. Ночью воины вынесли его тело за город и бросили на поле. Некоторые христиане узнали, где бросили тело страстотерпца, подняли его и с осторожностью тайно перевезли во Мцхета. Там христиане сообщили об этом Стефану, и тот доложил обо всем случившемся Католикосу Самуилу. Первосвятитель был рад принять великое сокровище - мощи мученика Христова. С великой честью он предал их земле под престолом патриаршего Мцхетского собора, освященного в честь двенадцати апостолов, где они доныне источают исцеления.

Мученические подвиги и чудеса, бывшие от мощей святого Евстафия, послужили Католикосу Самуилу II основанием для того, чтобы причислить мученика к лику святых и установить празднование его памяти в день его кончины[180], в честь и славу Вседержавной Троицы, Отца и Сына, и Святого Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

МОЛИТВА СВЯТОМУ МУЧЕНИКУ ЕВСТАФИЮ МЦХЕТСКОМУ

О непоколебимое утверждение Церкве Иверския и утешение многоскорбныя души моея, славный мучениче Христов Евстафие, моли о мне Господа нашего Иисуса Христа, да ходатайством твоим сподобит мя лицезрети Его и вечно славословити пречестное и великолепое имя Его, со Безначальным Его Отцем и Пресвятым и Благим, и Животворящим Его Духом во веки веков. Аминь.

Нашествие на Грузию иранского шаха Ага-Магомет-Хана в 1795 году.

О том, как зверствовали мусульмане в Иверии, можно получить представление по запискам очевидца—армянина Артемия[181] Араратского: ...В деревне Мартгопе (Марткофи - Б.С.), которой жители все разбежались, остановились мы провести ночь и на другой день дошли до деревни Лило, но И здесь не нашли ни одной живой души, только тела убитых, ибо персияне доходили и до сего места. Чем далее шли мы к Тифлису, тем более видели повсюду убитых. В Лило также мы ночевали и к вечеру третьего дня вошли в предместье Авлабар, которое персиянами было все выжжено. Предполагали переправиться чрез реку Куру прямо в Тифлис, но мост на оной персиянами, на возвратном пути их, также был сожжен из предосторожности, чтоб не быть тревожимыми с тылу... С вечера помышляя единственно об отыскании убежища и сохранении себя от столь вероятной опасности быть убитыми, мы не могли заниматься пожаром города; но на утро, прийдя к реке, увидели, что Тифлис почти во всех местах дымился.

...На другой день решились мы идти в Тифлис через Гартискар, несмотря на всю опасность сего места, где и в мирное время всегда водились разбойники. По дороге вздумал я отстать от моих товарищей, с тем, чтобы дождаться разбойников, которые для своей пользы, конечно, не допустят меня умереть с голода, отвезут к себе и продадут какому-нибудь армянину; а как я человек грамотный, то надеялся, что и везде мне будет хорошо. Между телами убитых я сидел целый день; наступила ночь, а потом утро, но, как нарочно, не наехал на меня никто. Между тем, пред полуднем увидел я толпу людей, бегущих со стороны Тифлиса. Они спросили, что я тут делаю. "Хочу идти в Тифлис",—

отвечал я. Но они советовали мне следовать с ними в Душети и Ананури, куда укрылись Тифлисские жители, говоря, что они сами хотели посмотреть жилища свои и полюбопытствовать, что в Тифлисе делается; но узнали, что шах опять воротился и приближается к сему месту. Я отказался от их предложения потому, что от них не достал бы ни куска хлеба; в Тифлисе же надеялся я найти в садах какие-нибудь фрукты и находил для себя гораздо полезнее попасться в руки разбойников или персиан, нежели следовать за ними.

Перешел дорогу сию, почти все по трупам, и, пришед в Тифлис чрез Тапитагские ворота, я еще более ужаснулся, увидев даже женщин и младенцев посеченных мечом неприятеля повсеместно, не говоря уже о мужчинах, коих в одной башне нашел я на глазомер около тысячи трупов. Шах, по выходе из Тифлиса в обратный путь, не дошел еще до Ганджи и был от Тифлиса не далее трех суток ходу, как я пришел в оный. Бродя по городу, даже до Ганджинских ворот, я не встретился ни с одним живым человеком, кроме некоторых измученных стариков, коих неприятели, допрашивая, где есть у них богатства или деньги, делали над ними различные тиранства. Город почти весь был выжжен, и еще дымился, а воздух от гниющих трупов, по жаркому времени, был совершенно несносен и даже заразителен. Сие ужасное зрелище остановило меня. Я не имел ни сил, ни духу пройти за город, за Ганджинские ворота на Сейдабатскую дорогу в Керцанис, где думал я найти плодов и посмотреть место сражения, и принужден был в тот же день выйти из него на прежнюю дорогу, где, по крайней мере, мог я отыскать себе в пищу хотя траву...

Житие Преподобных Отцов Наших Иоанна и Евфимия

Память святого Иоанна 12 июля, вместе с преподобным Гавриилом Святогорцем, святого Евфимия - 13 мая[182]

Когда страна наша особенно нуждалась в духоносных руководителях и отцах, Бог, дивный во святых Своих, не оставлял ее без Своего попечения и промыслительно посылал ей людей, дивных жизнью, делами и учением. В лике сих богодарованных мужей сияют и великие отцы наши, святые Иоанн и сын его Евфимий, другой Иоанн Иверский, Арсений, епископ Ниноцминдский[183], Иоанн Грдзелидзе[184] и их ученики, имена которых написаны в Книге Жизни. Мы не имеем полных сведений о всех этих достойных пастырях и отцах Церкви. Здесь мы приводим жизнеописания лишь некоторых из них, сведения о которых имеем. Начнем с рассказа о преподобном отце нашем Иоанне и сыне его Евфимии.

Святой Иоанн был грузин, происходил из знатного и богатого рода, из города Артануджи[185]. Он был известен своей храбростью и военными подвигами на службе у царя Давида Куратпалата, Иоанн был довольно красив и строен, душа его была исполнена добродетелей.

Беседа с некоторым пустынником возбудила в нем ревность к подвижничеству. И в скором времени Иоанн оставил семейство и мирские стяжания и отправился сначала в монастырь, находившийся близ его родины, а затем, как мудрая и трудолюбивая пчела, желая более собрать меду добродетелей с цветов сада духовной мудрости, перешел в монастырь на горе, называемой Колпа, в Имеретии. Между подвижниками славились там в то время отцы Моисей и Геласий. Иоанн, придя в обитель, открыл им свою сердечную тайну и прибавил, что он любви ради Христовой оставил все мирское и пошел в эту пустыню.

Святые отцы с радостью приняли пришедшего избранника Божия и по его просьбе постригли в монашество. Блаженный удивлял всю братию лавры своими духовными подвигами.

Царь Давид Куратпалат, узнав о поступке своего любимого вельможи, храброго воина, сильно опечалился и отправился к нему, чтобы склонить его оставить начатое им дело и вернуть его в мир. Но никакие просьбы и уговоры не могли поколебать святого мужа, и царь вернулся домой, не достигнув успеха. Спустя некоторое время преподобный взял благословение у своих старцев и отправился в Грецию, бегая славы человеческой. В одной из обителей горы Олимп он взялся смотреть за монастырскими ослами, проходил и другие послушания[186].

В то время греческий император вел войну с персами. Желая обеспечить себе безопасность со стороны Грузии, он уступил царю Давиду Куратпалату области Тао и Кларджетию[187], смежные с владениями Давида. В знак же верности он потребовал от Давида заложников, которыми стали принцы крови, братья супруги блаженного Иоанна, его сын Евфимии и другие князья и дворяне.

Преподобный Иоанн, узнав о том, что его родные прибыли в столицу Греческого царства, вынужден был открыть себя миру. Он отправился в Константинополь и остановился у тестя своего Абуларбиса. Сестра блаженного и его зять с величайшей радостью встретили его. Блаженный, отдохнув несколько, начал переговоры со своим зятем о Евфимии. Старец требовал, чтобы ему возвратили сына, но зять не хотел уступить преподобному. Святой Иоанн говорил зятю: "Неужели не имеешь ты детей, неужели нет у вас никакой милости, чтобы отдать сына отцу, а не оставлять его в заложниках, как будто он сирота бесприютный? Отдайте его мне, Господь помилует вас за это и воздаст вам должное". Этими и подобными просьбами он смягчил сердца удерживавших отрока, и Божиим Промыслом Евфимия отдали блаженному Иоанну. Старец, получив своего сына, с радостью возвратился с ним на гору Олимп.

Вскоре и греки, и грузины, жившие там, узнали о преподобном Иоанне и сыне его Евфимии и стали оказывать блаженному особенную честь и превозносить его. Это было не по душе святому, и он, бегая суетной славы, решил оставить Олимп. В это время слава добродетелей преподобного Афанасия Афонского достигла даже высочайших гор и неприступных высот, и блаженный Иоанн, взяв своего сына и нескольких близких учеников, отправился с ними на Афонскую гору.

В лавре они были приняты весьма радушно и самим преподобным Афанасием, и братией обители. Скрывая свое знатное происхождение и прежнее жительство, блаженный Иоанн исполнял все возлагаемые на него послушания с величайшим смирением и без всякого ропота и оставался никому не известным шесть лет, живя в лавре под чужим именем. Он сделался искренним другом и истинным послушником святого Афанасия, поэтому впоследствии преподобный Афанасий отзывался о нем с особенною похвалою.

В то время блаженный Иоанн узнал, что знатный вельможа Торникий. брат его жены, будучи еще в Грузии. принял монашество[188], и Торникий, в свою очередь, узнал, что святой Иоанн, друг и близкий родственник его, живет теперь на горе Олимп. Из величайшей любви и привязанности к нему Торникий оставил милую ему родину и отправился на гору Олимпийскую. Приехав туда после долгого путешествия, Торникий не застал там блаженного Иоанна; тайно разведывая о его

местопребывании, Торникий узнал, что Иоанн в обители святого Афанасия на Афонской горе. Торникий уведомил о своем отъезде только одного царя грузинского и тайно отправился на Афон.

В лавре святого Афанасия блаженный Иоанн встретил его с величайшей радостью и принял радушно. Тут уже Торникий не мог скрыть, какое высокое положение он имел в царстве Грузинском. Святой Афанасий первый узнал об этом и почтил Торникия, как должно. Ему последовала вся братия, хотя оказываемые почести и неприятны были благочестивому Торникию по его смирению.

В то время правитель восточных областей империи, Барда Склир, восстал против императорского семейства[189], возглавив враждебную партию. Он стеснил императорское семейство до того, что держал его под строгим надзором во дворце. Никому не было к ним свободного доступа. потому что Склир поставил бдительную стражу вокруг дворца. Члены императорской семьи решили наконец обратиться с просьбой о помощи к грузинскому царю Давиду Куратпалату, но никак не могли сообщить ему о своем бедственном положении.

И вот они узнали через верных им людей, что в обители Афанасия живут известные всем подвижники Иоанн и Торникий, близкие царю Давиду. Императорская семья и сенаторы отправили в лавру с доверенным человеком письма с просьбой о помощи. Посланный достиг лавры святого Афанасия и, как было велено ему, одно письмо вручил самому блаженному Афанасию, другое - преподобному Иоанну, и третье - подвижнику Торникию.

В этих посланиях было описано бедственное положение греческого двора и государства, в которое поставил их мятежник. "Ныне молим вашу святость, - писали члены императорской семьи, - помогите нам вашей силой и мужеством одолеть врага и освободить столицу". Святые Афанасий и Иоанн смутились духом и стали думать, кого послать в столицу. Наконец выбор их пал на Торникия. Они убедили его отправиться к императорскому двору за поручениями и указаниями. Блаженный Торникий, уповая на молитвы святых отцов, отправился в Константинополь, и придворный вельможа, постельник, представил его императрице. Она приняла святого с почетом и приказала ему сесть рядом с ней; детям своим Василию и Константину повелела поклониться ему и испросить у него благословения. Императрица сказала: "Святой отец! За тот труд, какой ты понесешь ради этих сирот, за то, что ты сделаешь для этих отроков, Господь воздаст душе твоей сугубо". И прибавила: "Просим тебя, постарайся как-нибудь добраться к твоему царю Давиду Куратпалату и попроси его защитить нас от безбожного Склира". Затем императрица написала грузинскому царю письмо с просьбой о помощи и вручила его блаженному Торникию.

Приехав в Грузию, Торникий, как обычно, представился царю. Увидев его, Давид возрадовался радостью великой. Торникий вручил ему письмо императрицы и объяснил, в каком бедственном положении находятся дела Греческой империи. Общим советом положили собрать в кратчайшее время надежное войско и послать на помощь императрице. Возглавить его должен был монах-воин Торникий. За это просили императрицу уступить царю Давиду пожизненно граничащие с его владениями области Греческого царства, принадлежавшие прежде его предкам. Были написаны письма к императрице, Торникию вручили знаки отличия и дали бумагу с условиями об уступке земель для представления

императрице и другую бумагу, удостоверявшую, что Торникий назначен полководцем. Затем Давид вручил Торникию отборное войско в двенадцать тысяч человек и сказал ему: "Знаю, отец, что Господь поможет тебе, только не изменяй ни нам, ни императрице, и все военные доспехи могут принадлежать тебе". Торникий, напутствуемый общими молитвами и благословениями, сел на корабль со всем войском в гавани Трапезунда и отправился сражаться против Барды Склира.

В скором времени произошла ожесточенная битва на равнине, омываемой рекой Галисом, в Малой Азии. Торникий силой Христовой победил неприятеля и гнал его до пределов Персии, взял в плен знатных вельмож, державших сторону изменника, восстановил законную власть на всем Востоке и водворил мир в империи. После победы Торникий вернулся в Грузию. Царь Давид принял своего победоносного военачальника с великой радостью, и тот вручил ему богатые подарки от двора греческого и бумагу, по которой иверскому царю уступали "требуемые владения. Затем, простившись, Торникий вновь отправился к императрице, которая с радостью приняла его и не знала как благодарить за оказанное им благодеяние.

Наконец Торникий после продолжительного отсутствия возвратился на Афонскую гору, в лавру святого Афанасия, с огромным богатством, которым одарили его императрица и иверский царь. Братня обители встретили его с большими почестями, славя и благодаря Бога за то, что Он дал рабу Своему столь великую храбрость и. мужество в борьбе с безбожным врагом, спас от всех опасностей смертных и благополучно возвратил на Афон[190].

Когда пребывание в лавре этих великих и знаменитых мужей стало известно почти всем в империи, в особенности их соотечественникам, грузинам, то последние во множестве стали приезжать на Афон и вступать в число братии обители святого Афанасия. Блаженные отцы, как опытные в духовной жизни, рассудили, что неудобно им со столь многочисленной грузинской братией оставаться в лавре, так как легко могли начаться разные неприятности, недоразумения и столкновения. Поэтому они, посоветовавшись со святым Афанасием, купили землю на расстоянии одной мили от лавры в прекрасной местности на берегу моря.

В 982 году, близ места, где некогда пристал корабль, привезший на Афон Божию Матерь, блаженные отцы построили церковь в честь Иоанна Крестителя, выстроили вокруг нее кельи и обнесли все здания крепкой стеной с бойницами[191]. Тут и поселились блаженные отцы со своими учениками-грузинами. С общего согласия преподобному Иоанну вручено было настоятельство в новой обители, названной Иверской.

Новый монастырь был создан иждивением греческого императора Василия. Императрица пожаловала Иверской обители царскую грамоту с золотой печатью, признала ее совершенно независимой от лавры, дала монастырю большие поместья и сделала ценные вклады. Вместе с ней и грузинский царь Давид весьма рад был этому новому делу и также внес большие вклады, и подарил Иверской обители поместья в Грузии, пожаловав грамоту на пользование имениями. Блаженный Торникий после сего стал приглашать из Грузии желающих вступить в новую обитель. Таких оказалось много, и они с радостью отправились на Афон. Кроме того. блаженный Торникий для монастырских работ на море, в

том числе для рыбной ловли, нанял привычных к этому делу людей из греков, устроил всевозможные мастерские, так что обитель Иверская положительно ни в чем не нуждалась.

Возвратившись на Афон, блаженный Торникий передал преподобному Иоанну богатые подарки, которые получил в награду от царей после победы над бунотовщиком, а сам продолжал прежнее свое монашеское житие, так что всем имуществом обители распоряжался преподобный Иоанн. Блаженный же Торникий стяжал великое смирение, ибо считал его началом всех добродетелей.

Будучи человеком знатного происхождения, почти всю свою жизнь проведшим на военной службе, Торникий имел привычку беседовать с братиями, расспрашивать их о разных обстоятельствах и случаях их жизни и входил в различные разговоры о делах, его не касавшихся, что не подобало монаху-аскету. Видя это, блаженный Иоанн не хотел ничего говорить ему, боясь, чтобы не произошло между ними какого-нибудь недоразумения, хотя опытные старцы обители часто советовали Торникию оставить эту привычку.

И вот наконец блаженный Иоанн был вынужден сказать иноку: "Чадо мое Торникий и возлюбленный брат о Христе! Желаю, чтобы душа твоя не получила никакого вреда, прошу тебя, оставь мирские твои привычки и с этого времени не беседуй более ни с кем, кроме преподобного иеромонаха Гавриила[192]", Блаженный Торникий пал святому Иоанну в ноги и сказал со слезами на глазах: "Достойный и богоносный отец мой, для чего ты молчал до сих пор и не говорил мне этого?" Святой поднял его с земли и сказал: "Господь простит тебе, чадо мое. Но от сего времени остерегайся всего и не веди более никаких бесед с братией, разве кто другой посетит нашу обитель, с кем можно разговаривать, и то очень мало". Торникий с великой радостью принял наставление святого и начал как бы совершенно другую, новую, уединенную жизнь, в этих подвигах окончил дни свои и преставился ко Господу[193].

Эти дивные отцы и учителя Иверии обогатили множество монастырей Афонских огромными вкладами. Между прочим они внесли в лавру святого Афанасия значительное количество денег, золота, серебра и драгоценностей, много священных книг, церковной утвари и часть Животворящего Креста Господня. Святой Иоанн подарил лавре жалованный ему императором Василием остров, именуемый Неоси, откуда лавра стала получать значительные доходы. Богатые пожертвования сделал он по смерти блаженного Торникия и прочим обителям Святой Горы.

После смерти блаженного Торникия святой Иоанн решил взять своего сына Евфимия и нескольких своих близких учеников и вместе с ними отправиться на Синайскую гору, чтобы избавиться от житейских забот, связанных с настоятельской должностью. Ибо он принял ее на себя преимущественно ради блаженного Торникия, чтобы помогать ему в построении и утверждении новой Иверской обители.

Преподобный знал, что на Синае живут в монашеском чине многие грузины. Желая отправиться туда, он пошел на берег моря и нашел там торговый корабль, который должен был заходить во все палестинские и египетские порты. Затем блаженный отправился к настоятелю лавры, святому Афанасию, открыл ему свое

намерение и желал проститься с ним. Преподобный Афанасий огорчился и настаивал на том, чтобы Иоанн отказался от путешествия.

Афанасий делал все для того, чтобы оставить блаженного Иоанна на Афоне. Но, видя его непреклонность, наконец сказал ему: "Отец святой, сам знаешь, какую любовь питает к тебе государь. Если отпущу тебя, то он будет мною недоволен. Потому, если не желаешь отказаться от своего намерения, подожди, пока я напишу об этом государю, и, что он прикажет, то и будешь делать". Блаженный согласился. Афанасий же написал императору письмо, в котором сообщил ему обо всем.

В скором времени пришло приказание, чтобы старец Иоанн немедленно приехал в столиду и явился во дворец, Старец отправился и был принят государем с великой честью. Император высказал святому свое сожаление о его отъезде на Синай и присовокупил: "Отец святой, мы имеем к твоей святыне великое почтение и надеемся на твои молитвы. Что же значит то, что вы бежите от нас в чужую страну?"

Святой Иоанн отвечал: "Благочестивейший и самодержавный государь, я, ничтожный, жил в мире и претерпел много бед и скорбей. После всего пережитого я пожелал найти утешение в странствовании по святым местам и провести остаток дней в бедности и лишениях любви ради Христовой. Намерение это давно жило в моем сердце, но я не спешил исполнять его, ради блаженного брата Торникия. Для него я должен был войти в разные хлопоты и беспокойства, связанные с настоятельской должностью. И вот, когда он отошел уже ко Господу, хочу наконец быть свободным от всех житейских попечений и заботиться единственно только о своей душе".

Государь стал просить святого не оставлять настоятельской должности и продолжать руководить братию новоустроенной обители Иверской, "которая, - говорил император, - придет в запустение без твоего тщательного надзора и попечения". Наконец блаженный уступил его убедительным просьбам и дал слово остаться в обители. Государь пожаловал ему великие дары и с честью отпустил на Афон. Так святой опять принял под свое управление Иверскуто обитель.

Спустя некоторое время святой Иоанн впал в тяжелую болезнь У него стали пухнуть ноги, отчего, будучи в преклонных летах, он долгое время лежал в постели, претерпевая великие страдания, но за все благодарил Бога, пославшего это испытание. Будучи болен, святой просил сына своего Евфимия принять в свои руки управление монастырем. Евфимий, не желая огорчить старца-отца, принял на себя все заботы и хлопоты по обители как его наместник. Невозможно выразить на языке человеческом сердечной его доброты, христианской внимательности ко всем и каждому и неподражаемого его смирения, с каким он служил четырнадцать лет больному своему родителю.

В то время в лавре блаженного Афанасия жили другие дивные старцы Иверской страны: Иоанн Грдэелидзе и Арсений, епископ Ниноцминдский, который подвизался в выкопанных им самим ямах, пребывая в непрестанной молитве. Подобно оленям, стремящимся на источники вод, и сии блаженные мужи желали более уединенной и пустынной жизни, ибо приходящие из Грузии странники беспокоили их. Обсудив все обстоятельно, они отправились в Понтийскую страну. Тут они нашли в одной пустынной местности малую обитель и, придя к

настоятелю той обители, рассказали ему о себе откровенно. Настоятель принял их с радостью, как Ангелов небесных, и отвел им для подвигов удобное место. Рабы Божии продолжали по-прежнему строгую подвижническую жизнь и долгое время были совершенно никому не известны. Наконец, святые Иоанн и Евфимий узнали о месте их пребывания и послали туда одного монаха, вручив ему письмо, в котором говорили: "Молим теперь святость вашу: возвратитесь опять, в наш монастырь, и будем жить вместе. Сами знаете, что и мы живем здесь на чужбине. Будем вместе славословить Бога".

Посланный, достигнув обители, отыскал блаженных подвижников и передал им низкий поклон от своих отцов и настоятеля, затем вручил им письмо. Через год они отправились назад на Афон. Взаимная радость при встрече была неописуема. Все воздавали славу и благодарение Богу и стали по-прежнему проводить подвижническую жизнь. Через некоторое время блаженный Иоанн, отец святого Евфимия, чувствуя приближение кончины, собрал братий и преподал им наставление. Он повелел своему сыну передать послушание духовника братии, которое он проходил, святому Григорию, известному под именем Нового Авраама, человеку, исполненному христианских добродетелей, происходившему из знатного рода. Святой заповедал также, чтобы Григорий в случае смерти Евфимия принял настоятельство, а на должность духовника поставил человека достойного этого послушания и исполненного мудрости и разума.

Кроме того, блаженный Иоанн раз и навсегда положил, чтобы по смерти каждого настоятеля немедленно поставлялся на место его другой, и повелел, что если найдется в обители такой, кто посмел бы противиться воле и власти настоятельской, того немедленно изгонять из обители как непотребного члена. Затем блаженный положил вручить попечение и надзор над обителью самому государю. 'Потому что, - говорил он, - очень важно и даже необходимо для обители иметь высокого покровителя; ибо и мне при построении этой обители вспомоществовал государь, он поддерживал меня во всем. Ему же вручаю и сих отцов, Евфимия и Григория, так как государь милостив и благ ко всем требующим его помощи, тем более, что он оказывал нам милость еще с самого основания этой обители".

Обратясь к братии, преподобный сказал: "Вы, любезные и милые чада мои, приняли на себя исполнение заповедей Господних, желая жить по правилам и канонам Святой Церкви. Прошу вас, имейте чистосердечное послушание своему настоятелю и храните между собой мир и единство. Надеюсь на Господа, что вы не лишитесь никаких благ. Чада мои, не забывайте странноприимства, имейте любовь к нищим. По силам вашим уделяйте им, что можете. И еще, чада мои, возлюбленные о Господе, поминайте меня в святых ваших молитвах и молитесь о прощении всех бесчисленных грехов, соделанных мною. Не забывайте и духовного моего брата, ангелоподобного Торникия, пришедшего к нам с великой надеждой и верой из Грузии, и. духовного отца нашего Афанасия. День памяти этих преподобных отцов прошу ежегодно почитать совершением Божественной Литургии."

Сказав это, блаженный велел подать чернила и бумагу и записать все данные им наставления и правила. Потом, благословив святого Евфимия и предав его воле Божией, простился с братией, приобщился Св. Таин и скоро с миром предал свою святую душу в руки Господа, 14 июня 998 года по Р.Х. Блаженный Евфимий с честью и славой похоронил его в обители Иверской и вскоре на могиле своего

отца построил храм в честь Всех святых преподобных отцов. От гроба блаженного Иоанна стали истекать благодатные исцеления. До сего дня одержимые духами нечистыми приходят ко гробу святого, помазываются маслом от лампады, горящей на нем, и получают совершенное здравие во славу Бога, поклоняемого в Троице, Царя неба и земли.

Возвратимся теперь к рассказу о детстве блаженного Евфимия. Когда он был еще отроком, святой Иоанн отвез его для научения книжной премудрости с горы Олимп в столицу. Сначала отец отдал Евфимия учиться грузинскому языку и литературе, чтобы он узнал их полностью и основательно, затем отрок должен был изучать греческий язык. Евфимий был наделен необыкновенными способностями, хорошей памятью и имел большое прилежание к книгам. Окончив с успехом обучение, он возвратился к отцу на Афон.

Возможно, напряженные занятия, воздержание во всем и строгий пост изнурили жизненные силы отрока. Он сильно заболел и был уже почти при смерти. Святой Иоанн, не надеясь уже на помощь людей, оставил сына в келье и, придя в храм, пал пред Иверской иконой Пресвятой Богородицы, тепло со слезами молясь Владычице о выздоровлении отрока. Затем он пошел к священнику и просил его прийти с запасными Дарами и причастить Евфимия. Возвратясь в келью, к величайшему своему удивлению, святой Иоанн ощутил в ней чудное и необычайное благоухание и увидел, что сын его сидит на кровати совершенно здоровый. Пораженный этим, старец сказал: "Чадо мое, что это такое с тобой!" Евфимий отвечал: "Не знаю, отец. Меня посетила окруженная славой Царица и сказала мне по-грузински: "Что это такое, и что случилось с тобой, Евфимий?" Я отвечал Ей: "Царице моя, умираю!" Тогда Она приблизилась ко мне, взяла меня за руку и сказала: "Нет более с тобой никакой болезни, не бойся!" - и затем сделалась невидимой, С того времени я, как видишь, совершенно здоров".

Услышав это, блаженный пал ниц на землю и воздал благодарение Царице неба и земли, Преблагословенной Деве Марии. "От того времени, - говорил преподобный Иоанн, - сын мой Евфимий получил необыкновенную благодать и дар знания грузинского языка". Такая очевидная милость Божия и заступление Пренепорочной Девы Богородицы были новым побуждением для Евфимия и возлагали на него священный долг - более прежнего посвятить себя подвижническим трудах При содействии благодати Божией, он действительно был для своего времени светлым образцом иноческой жизни, достойным не только подражания, но и удивления.

Божественный Афанасий видел прозорливыми духовными очами, что святой Евфимий, за сердечную чистоту, был избранным сосудом Святого Духа, и потому начал убеждать его принять священство. Долго не соглашался на это смиренный Евфимий, отзываясь своим недостоинством и важностью священного сана, однако наконец, как истинный послушник, отдал себя в волю святого Афанасия и принял рукоположение. В этом высоком сане Евфимий возвысился более прежнего тайными подвигами, прилагая воздержание к воздержанию и добродетель к добродетели. Однажды преподобный Иоанн сказал отроку: "Сын мой, ты знаешь, что в нашем отечестве Святая Церковь имеет великую нужду в богослужебных книгах. Вижу, что Господь даровал тебе премудрость, и прошу тебя: начни трудиться над переводами священных книг с греческого языка на грузинский, и приумножишь мзду свою, которую ожидаешь от Господа". Святой

Евфимий, послушный отцу во всем, принялся за порученное ему дело с усердием и охотой.

Вдохновленный благодатью Святого Духа, с благословения отца он начал свой труд с перевода Евангелия с самого древнего подлинника и, окончив его в скором времени, послал царю Давиду Куратпалату. Царь, увидев первый труд святого, исполнился великой радости, славословил и благодарил Господа. "Благодарю, - говорил он, - Бога, Который в наше время воздвиг нам второго Златоуста". Он написал блаженному благодарственное похвальное письмо, в котором просил его продолжать переводить святые книги для обителей и храмов Иверии.

Блаженный, получив добрый отзыв государя о своем первом труде, принялся за дело с большим вниманием и прилежанием; не давая себе отдыха, днем и ночью переводил он священные книги. Работа шла с Божией помощью очень скоро. Святой Евфимий, просветитель своего отечества, предоставил Церкви Иверской перевод Божественного Писания, украсив и очистив грузинский язык. Кроме того, он составил много полных высокой мудрости книг и собственного своего произведения.

Чтобы яснее показать великие труды святого на благо нашей Церкви, перечислим здесь его переводы: 1) Евангелие от Иоанна; 2) Апокалипсис св. ап. Иоанна Богослова; 3) Псалтирь, переведенная с верного греческого подлинника; 4) полная Библия[194]; 5) все поучения свтт. Василия Великого, Григория Богослова, творения препп, Мартирия, Иоанна Кассиана Римлянина, Максима Исповедника, Аввы Дорофея, Исаака Сирина, "О мести детей Каиновых" свт. Василия Великого, "Диалоги" свт. Григория Двоеслова, Папы Римского, "Лествица" преп. Иоанна Лествичника, "Беседы" преп. Макария, "О восьми пожеланиях" преп. Максима, "О двух естествах Сына Божия" преп. Иоанна Дамаскина, учение о вере святого Зосимы, творения других святых отцов; 6) "Слово евт. Григория Нисского на смерть его брата, свт. Василия Великого", его же "Слово о девстве" и толкование на молитву Господню, его же "О посте", и "О жизни св. пророка и Боговидца Моисея"; 7) "О Рождестве Пресвятой Богородицы"; 8) "Сказание о чудесах святых Архангелов"; 9) жития святых: ап. Андрея Первозванного, апостола и евангелиста Иоанна Богослова, свтт. Василия Великого, Кесарийского, Григория Богослова, Николая Чудотворца, Афанасия Великого, Александрийского, сщмч. Климента, Папы Римского и Климента Анкирского, сщмч. Акепсима, вмч. Димитрия Солунского, вмч. Евстафия Плакиды и чад его, мчч. Баграта (Панкратия), Стефана Нового, Анфима, Феодора Стратилата, Феодора Пергильского и Евстратия, мч. Эласия и двух монахов, мчч. Мины, Ермогена, и Евграфа, прмц. Февронии, препп. Антония Великого, Онуфрия Великого, преп. Марии Египетской, трех святых отроков Алфия, Филадельфа и Киприана; 10) Чин монашеского пострижения; 11) О пострижении в схиму; 12) Полный Номоканон IV Вселенского Собора св. Иоанна Постника, Полный устав и история VI Вселенского Собора, бывшего при императоре Константине Погонате, внуке императора Ираклия, в 680г., с приложением к ним Прохиронов царей Леона Мудрого и Константина (практическое руководство для судей, один из источников православного церковного права), "Вопросы и ответы" Тимофея, архиеп. Константинопольского, Сказание о VII Вселенском Соборе и Василикон императора Василия Македонянина, часть Номоканона Иоанна Схоластика и Патриарха Константинопольского Фотия; 13) Постановление о Православной вере; 14) Чинопоследование полунощницы; 15) греческие молитвы Отцов; 16) каноны; 17) Краткий годичный Синаксарий; 18) ирмосы на весь Великий пост и на

праздничные дни; 19) Книга "Об образе подвигов стояния", написанная блаженным по просьбе одного брата.

Все эти и множество других книг блаженный Евфимий переводил в продолжение всей своей жизни, часть - еще на горе Олимп, часть - на Афоне, и осталось еще много неоконченных трудов. Кроме того, святой трудился над исправлением богослужебных книг, которыми пользовались в Грузии и в которые вкралось множество ошибок. Но окончательно исправил эти книги уже блаженный Георгий Святогорец, другое светило Иверии.

Все перечисленные книги переведены были блаженным, когда он еще не был связан настоятельской должностью, еще при жизни отца его, святого Иоанна. Когда же, по смерти отца, Евфимий принял настоятельство, то, будучи в этой должности двенадцать лет и имея попечение о трехстах братьях и управлении обширным монастырем, он уже не имел ни времени, ни возможности продолжать труды над книгами. Кроме того, святой приходил с каждым годом все в большее изнеможение от великого утруждения себя иноческими подвигами, а потому неоконченное его дело - перевод священных книг должен был продолжить блаженный Георгий Святогорец.

Еще при жизни преподобного Иоанна из Рима на Афон приехал помолиться один вельможа, человек известный своим благочестием и своим богатством во всем Риме, с шестью приближенными. Святые отцы, увидев украшенное добродетелью и мудростью его лицо, приветствовали и с радостью приняли его, и через некоторое время просили его остаться в монастыре. Слух о том, что этот вельможа живет в Иверской обители, довольно скоро разнесся даже по отдаленным местам, и множество знатных мужей стало стекаться к нему и принимать монашество.

Святые отцы однажды сказали ему: "Брат о Господе, видишь, сколько добродетельных мужей принимают монашество благодаря твоему влиянию на них. Следовало бы и тебе принять его". Он послушался и принял пострижение с именем Леона, после чего уединился в одном месте, отстоящем не так далеко от обители Иверской. К нему стало поступать на жительство множество монахов. Так появилась новая обитель, братия которой говорила на латинском языке, жили они по правилам святого Венедикта[195]. Монастырь этот получил название Римского.

Святые отцы, основатели Иверской обители, часто посещали преподобного Леона, будучи в великой духовной дружбе с ним. Кроме этого святого мужа, духовным другом блаженного отца нашего Евфимия был преподобный Гавриил, удостоившийся явления Пресвятой Владычицы Богородицы, Которая повелела ему взять из моря икону Свою. Иеромонах Гавриил жил в келье, высеченной в скале, недалеко от обители. Святой Евфимий часто приходил к нему для духовных бесед, особенно вечером, и оставался до утра. Прийдя. он останавливался у входа в келью, творил молитву, святой Гавриил отвечал и выходил ему навстречу. Но преподобный Евфимий не входил никогда в саму келью: оба подвижника садились у входа и начинали духовную беседу. Она продолжалась до утреннего клепания в било, когда святой Евфимий уходил в обитель на утреннее стояние.

Георгий Святогорец говорит, что так блаженный Евфимий посещал преподобного Гавриила всю свою жизнь. Подобным образом святой Евфимий посещал и

блаженного Леона, основателя обители Римской, чему, как говорит Святогорец, были свидетелями все братия обители и многие святые отцы Афонской горы. В те дни Фессалоникийскую кафедру занимал епископ (имя его не названо жизнеописателем), муж святой жизни, исполненный христианских добродетелей, который был в большой дружбе со всеми святыми отцами Иверсвой обители и часто обменивался с ними посланиями. В то время в Солуни жил один еврей, знавший основательно Ветхий Завет. Епископ всеми силами старался обратить его в христианство, и однажды между ними начался спор о вере, при котором присутствовал и блаженный Евфимий. Благодаря основательному знанию Писания еврей стал брать верх над епископом. Тот, видя это, просил блаженного продолжить спор; еврей не смог отвечать на вопросы святого и должен был уступить. Наконец, выйдя из терпения, он стал поносить веру христианскую и Самого Христа Спасителя. Святой, услышав это богохульство, возмутился духом и чрезвычайно оскорбился, и сказал: "Да будут уста твои нечестивые замкнуты", - и в то же мгновение еврей онемел, упал на землю, и богохульные уста и глаза его извратились.

При споре присутствовало множество любопытных евреев. Они, видя столь дивное знамение и наказание Божие, постигшее их единоверца, припали к ногам блаженного Евфимия и просили его помиловать согрешившего. Святой отвечал: "Да помилует его Тот, Кого он злословил, и да приведет его к истинной Своей вере, я же прощаю ему". Стал просить и епископ помиловать еврея и помолиться о нем. Преподобный внял их просьбам и встал на молитву, затем осенил еврея крестным знамением, и уста его разверзлись. Еврей, видя на себе столь дивное знамение Божие, припал к ногам святого и просил у него крещения, и тот тотчас исполнил его просьбу. В изъявление благодарности за исцеление новообращенный пожертвовал святому много серебра, но тот отказался от него и повелел раздать нищим. Впоследствии этот еврей окончил жизнь свою в великом благочестии христианском, как говорит преподобный Георгий Святогорец.

Другой еврей, раввин, человек весьма образованный, приобретший известность своей ученостью, знанием Священного Писания и тем, что любил спорить о вере, пришел однажды к святому и настаивал, чтобы тот вступил с ним в спор. Блаженный Евфимий не хотел соглашаться. помня слова Спасителя о том, что не должно метать жемчуга перед свиньями и почитая пустословием излагать и объяснять Божественные таинства веры отъявленным врагам Христовым. Но отец его, святой Иоанн, желая защитить правую веру от нареканий, побудил Евфимия войти в спор с евреем.

Они начали задавать друг другу вопросы о Божественном Откровении. Святой сохранял спокойствие и обдумывал слова. Раввин же горячился и не мог слышать хладнокровных вопросов и ответов святого. Наконец, когда стало очевидно, что победа на стороне блаженного Евфимия, еврей начал злословить и хулить веру христианскую и Самого Христа. Тяжело и грустно было слышать святому дерзкие хуления нечестивца, и он сказал: Если читаешь слово Писания и спрашиваешь нас о смысле его, то мы ответим тебе. Но поскольку ты, ничтожный, дерзаешь поносить Существо Превысшее, то да будут богохульные уста твои сомкнуты!" К величайшему ужасу присутствовавших, еврей замолчал и не мог при напряжении всех сил произнести ни одного слова. Он упал на землю, испуская пену, а на другой день злейшим образом изверг окаянную свою душу.

По всей Афонской горе сделалась однажды страшная засуха, и в продолжение четырех летних месяцев не было ни капли дождя, от чего жители Святой Горы были в великой нужде и печали. Около обители Иверской была маленькая церковь святого пророка Илии с несколькими монашескими кельями. Настал праздник святого пророка, и старец Иоанн сказал сыну своему, блаженному Евфимию: "Чадо мое сладкое, возьми нескольких из братии обители нашей, ступай в храм святого пророка Илии и соверши там ночное молитвенное бдение". При этом было множество братии в обители, которые пришли к святому Иоанну по какому-то делу. "Надеюсь, - продолжал святой старец, - что не оставит Господь молитв наших тщетными," - и велел инокам взять с собой епанчи от дождя.

Преподобный Евфимий отправился в храм с несколькими монахами. Когда настало время бдения, блаженный облачился в ризы и начал богослужение со слезами и коленопреклонением. Во время чтения первого Евангелия вдали показалось едва заметное облако, и в непродолжительное время весь небосклон покрылся густыми и темными тучами. Служба закончилась, и Господь послал дождь. От конца службы до вечернего клепания в било на другой день шел проливной дождь, который напоил всю землю живительной влагой.

Братия, увидев такое милосердие Божие, явленное им по молитвам святого, благодарили Бога, дивного во святых Своих, и с воздетыми руками славословили Его, Отслужив затем Божественную Литургию и приняв пищу, иноки возвратились домой, славословя и благодаря Бога. Однажды на праздник Преображения Господня святой Иоанн пожелал взойти на вершину Святой Горы. и, взяв с собой Евфимия и братию, он отправился туда. По обычаю, существующему до сего дня на Святой Горе, там собралось для совершения всенощного бдения множество людей. Служба продолжалась до самого утра.

Иноки усердно просили ев. Евфимия совершить Божественную Литургию, и послушный пресвитер уважил просьбу братии. Облекшись в ризы, он готовился приступить к служению. Вдруг все увидели, что вершина Святой Горы, на которой они стояли, окружена страшным высоким пламенем. От этого зрелища всех присутствовавших охватил страх и трепет, и все попадали на землю. При этом слышно было пение множества голосов, самое сладкое и умилительное, потрясающее душу человеческую, и вся гора тряслась. Преподобный стоял на молитве и, когда по малом времени небесное видение кончилось, поднял лежащих, говоря: "Братия мои, встаньте и радуйтесь, что Господь призрел на нас недостойных и посетил нас посещением Своим, и ради вас прославил день этот знамением". После этого иноки отслужили Литургию и, воздав славу Богу, возвратились к себе в монастырь.

В то время на острове Кипр скончался архиепископ. Император Василий II отправил посольство с собственноручным письмом к преподобному Евфимию, в котором убедительно просил его принять пастырский жезл управления Кипрской Церковью. Святой, по своему смирению, отказался и пожелал закончить дни своей жизни в монастырском уединении и тишине, отзываясь тем, что при своем недостоннстве он не только не может управлять другими, но и сам требует стороннего водительства на крестных стезях иноческой жизни. Царь Давид приглашал преподобного к себе в Грузию. Любовь к отечеству и ревность о славе Божией заставили труженика оставить на время свое уединенное место жительства. В Грузии царь, весь освященный собор и народ приветствовали

блаженного Евфимия, украшение своей страны. Было необыкновенное торжество, и радость была всеобщая.

Святой пробыл в Грузии четыре года и все это время учил народ и исправлял его нравы и обычаи. Он основал монастырь в Кахетии в честь святого первомученика Стефана[196]. После этого ев. Евфимий снова возвратился на Афон. к трудам своей настоятельской должности, и был принят братией с великой радостью. Блаженный отец наш Евфимий, несмотря на самоотверженные труды на благо Церкви Иверской и преклонный возраст, раньше всех приходил в храм к полунощнипе и заутрене. Никогда блаженный не садился и не приклонялся к стене. Стоя в храме, он опирался на костыль, который постоянно носил с собой. Глаза святого почти всегда были опущены вниз. Все братия старались подражать своему отцу и начальнику в благоговейной молитве в храме, тогда как богослужение на Святой Горе, по обычаю, существующему там с самого начала, чрезвычайно продолжительно. Святой Евфимий имел обычай в понедельник, среду и пятницу не выходить из своей кельи и не принимать пищи до захода солнца. В эти дни он вкушал хлеб и воду. и то в самом малом количестве, а в остальные дни блаженный ходил на общую трапезу вместе с братией. Если же приходили к нему гости или странники, то обед отсылался им от лица братии туда, куда приказывал святой.

Садясь за трапезу, блаженный приказывал виночерпию подать себе вино для пробы. Если вино оказывалось кислым или смешанным с водой, то св. Евфимий делал виночерпию замечание, говоря: "Врат. ведь ты знаешь, что братия не имеют никакого другого утешения за трапезой, кроме этого, а ты подаешь им это негодное вино". Сам же блаженный отнюдь не употреблял вина, кроме какой-нибудь особенной нужды. Правило это соблюдал он до последних дней своей жизни. Пищу святой также сначала пробовал, а потом приказывал подавать на стол. Если она оказывалась негодной, после трапезы блаженный призывал к себе повара и говорил: "Брат, со страхом Божиим исполняй послушание свое, чтобы не терять свою мзду. Смотри, береги душу свою, чтобы не погубить ее".

Святой Евфимий положил за правило, чтобы никто не беседовал за трапезой. Если бывали гости и разговаривали, что случалось изредка, монахи отвечали им. Если гость нуждался за трапезой в чем-либо, то сидевший рядом с ним брат потихоньку передавал послушнику, служащему при трапезе, и тот исполнял то, что требовалось. Так же поступали братия, если им самим нужно было что-нибудь. Если же кто-либо из братии нарушал тишину за трапезой, то трапезарь, по данному ему настоятелем праву, налагал на него послушание, для исполнения которого по своему выбору назначал воскресный или какой-либо праздничный день.

Если в обитель приходило послание от государя или от епископа, и дело касалось всего монастыря, святой имел обыкновение предлагать его на рассмотрение общему совету монастырской братии, а дела частные, касающиеся монастырского хозяйства, полностью отданы были в ведение эконома обители.

Преподобный Евфимий был в деятельности неусыпен и бдителен, и слово священных уст его, исполненное мудрости и утешения, источало для всех врачевство духовное. Два раза в месяц, по воскресным дням блаженный преподавал братиям своей обители поучения и наставления в духовной жизни. Слова святого были просты и понятны, от уст его исходили благодатные струи

Божественного учения, наставления его умиляли души слушающих. Часто повторял блаженный Евфимий следующее: "Братия, если мы пришли в эту святую обитель, постараемся не провести жизнь свою напрасно и бесполезно, и чтобы исход наш из этого мира в вечность был не без приобретения добра и безопасен для шествия среди горьких мытарств, удобрим и украсим путь этот покаянием". Многое другое говорил своей братии блаженный, как любвеобильный отец, заботившийся о спасении духовных своих чад.

В обители Иверской был диакон, человек достойный, сын знатных и богатых родителей. При вступлении в монастырь он внес немалый вклад. У него было собственное диаконское облачение, которое он любил, и он не хотел, чтобы кто-либо из братии одевал это облачение во время богослужения.

Однажды св. Евфимий пожелал принести Бескровную Жертву и велел одному из диаконов служить с ним и надеть стихарь того диакона. Диакон отвечал блаженному: "Отец святой, боюсь, чтобы брат тот не оскорбился этим. Он не желает, чтобы кто-нибудь надевал его облачение". Преподобный, услышав это, подозвал к себе диакона, которому принадлежало облачение, и кротко сказал ему: "Диакон, приготовившийся служить со мной, наденет твой стихарь". Тот, услышав это, оскорбился и всем своим видом показывал, что не хочет уступить свой стихарь. Святой заметил это и велел служащему диакону надеть другой стихарь.

После окончания богослужения блаженный Евфимий позвал к себе диакона, имевшего облачение, и спросил его: "Скажи мне, брат, поистине: поступив в эту обитель, что оставил ты в мире?" Диакон отвечал: "Святой отец. ничего я не скрыл от тебя: я оставил родителей своих, братьев и все мое огромное имение, и, что внес в обитель, - ты сам знаешь о том". Святой сказал ему: "Любезное чадо мое, знай, что лишишься мзды своей за все это через твое облачение". Диакон ответил: "Да не будет сего, отче", - и просил позволить развести огонь. Огонь развели, и, в присутствии святого и других иноков, диакон бросил в огонь свое облачение. Когда оно сгорело, диакон, припав к ногам святого, просил прощения и затем принес из кельи и те одежды, которые когда-либо не дал брату, и бросил их в огонь, говоря себе: "Господь повелел душу свою положить за други своя, а ты одежду предпочитаешь брату своему. Поэтому пусть она сгорит". Так молитвами и наставлениями блаженного Евфимия диакон избавился от всего того, что мешало его духовной жизни.

Многие богатые люди оставляли мир, вступали в обитель святого, делая при этом большие вклады, и просили пострижения. Святой многих принимал, а многим и отказывал, говоря: "Вы люди мирские и не можете вынести строгости нашей жизни. Кроме того, вы люди именитые, а мы - нищие, не имеющие никакого значения, к тому же чужестранцы". Приходили также в обитель и незнатные люди, например из сословия ремесленного, и просили святого принять их в число братии. Блаженный с радостью принимал их и всячески упокоивал. Святой делал это не без житейской мудрости.

Многие знатные люди из Византии и из других мест, вступавшие в обитель, приносили с собой разные привычки светской распущенной жизни, что бывает нередко и теперь. Они, естественно, не могли вынести строгого порядка аскетической жизни, установленного в монастыре святым, и их поведение становилось соблазном для младшей братии. Принимая же в монастырь людей незнатных, блаженный Евфимий приучал всех к жизни деятельной и послушанию

уставу монастырскому. В обитель Иверскую пришел и хранитель царских сокровищ, армянин, приверженец монофизитской ереси. Он принял Православие, а затем монашеский постриг, и при пострижении был наречен Арсением. При нем находился племянник, сын его сестры. По прошествии многих лет он попросил у святого позволения повидаться со своими знатными родственниками и собрал там значительное количество пожертвований для обители, которые отдал блаженному.

Пришел также в обитель некто Афанасий Перитурийский с сыном. Он имел на Карее киыовню, а также большое имущество. Свою киновию он продал за сорок драхм и из этой суммы половину отдал на содержание братии иверской, а половину - на храм. До конца своих дней он пребывал в обители, проводя строгую жизнь. Все братия обители, по заповеди святого Евфимия, или были на богослужении, или заняты были работой монастырской. Одни ловили рыбу, другие трудились в виноградниках, апельсиновых и лимонных садах или внутри обители. Редко кто из братии проводил время праздно. Те. кто были непривычны к тяжелым трудам, занимались переписыванием книг, переводами, сочинением духовных песнопений и тому подобным. Примером для всей братии был сам святой, который никогда ни в чем не давал себе отдыха.

Если кто-либо из иноков приводил своего молодого родственника, чтобы подготовить его к монашеской жизни, то преподобный Евфимий не сразу принимал его в обитель, а отсылал к какому-нибудь опытному в духовной жизни старцу, живущему вне монастыря, и не принимал его, прежде чем у юноши не вырастала борода.

Святой Евфимий позволял мирянам посещать обитель и оставаться в ней до трех дней. По прошествии этого времени они должны были беспрекословно оставить обитель. Братии позволялось принимать у себя мирян и готовить для них особый стол. Кроме этих случаев ни один монах не смел иметь у себя в келье какую-либо пищу или питье. Если у брата не было в гостях странников из других мест, то он был обязан ходить на общую трапезу. Преподобный Евфимий возобновил многие храмы и больницы и таким образом возвеличил Святую Гору с ее пустынями, и придал им еще большую красоту.

Диавол, вечный враг слуг Божиих, ненавидел святого Евфимия за его высокую жизнь, желал погубить его и тем лишить многих духовного вождя. Этот окаянный избрал своим орудием некоего инока, который, забыв строгие свои обеты и ужасные последствия сатанинского замысла, увлекаясь завистью к доброй славе Евфимия, решился на убийство, Убийца, вооружившись мечом, вошел в башню, где была келья блаженного. Но Бог не дал жезла грешного на жребий праведного. В это время келейник святого также вошел в башню и поднялся по лестнице, ведущей в келью. На ступенях встретил его разъяренный убийца с мечом и спросил: "Настоятель дома? Я иду к нему", Келейник отвечал: "Время ли теперь идти к настоятелю? Ступай назад". Убийца хотел ворваться в келью святого, но келейник запер дверь и не пустил его туда. Неудача взбесила несчастного: он поразил мечом блаженного ученика святого и, ударившись бежать, встретил другого келейника, которого в неистовстве также ударил мечом и оставил едва дышащим. Потом убийца признал, что сделал это по воле диавола, и его вскоре постиг праведный суд Божий; произнося хулы нечистыми своими устами, он ударился о землю и испустил дух.

Когда, услышав крик и шум, сбежались братия и блаженный узнал, что произошло, то, взяв Святые Дары и схимнические одежды, немедленно облек умирающих келейников в схиму и причастил Святых Таин, после чего они сразу же мученически скончались за своего старца.

В другое время диавол научил садовника обители убить святого Евфимия. Садовник уже взялся за оружие, чтобы исполнить свой злодейский замысел, но Божиим смотрением отсохла у него преступная рука. Сознавая свою вину, он припал к ногам святого, исповедал ему грех, просил прощения и исцеления. Святой помолился о согрешившем брате, и Господь даровал тому душевное и телесное здравие.

Преподобный стяжал многие великие христианские добродетели, сердце же имел бесстрастное и любвеобильное и в случаях, подобных описанным, никого не судил, и старался всеми силами обратить согрешившего к свету Истины. Святой твердо помнил, что осуждением брата своего или врага может заслужить сам суд, по сказанному: не судите, да не судимы будете (Мф.7;11), и всегда прощал и наставлял всех с должной пастырской и отеческой любовью.

Лицо святого и блаженного отца нашего Евфимия было всегда спокойно, характера он был простосердечного, в Божественных Писаниях и в деле спасения душ был просвещен и благорассудителен, в подвигах монашеских - неподражаем, был ревнителем и защитником. Православия и украшением Иверской Церкви, о чем свидетельствует множество его писаний, которыми пользуются при богослужении в Иверии до нынешних дней. Святой носил вместо рубашки толстое шерстяное длинное одеяние, на нем - тяжелую кольчугу, и поверх нее - монашескую мантию. Блаженный был целомудрен душою и телом, ибо знал, что невозможно войти в царствие небесное рабу греха.

Спустя двенадцать лет по преставлении святого Иоанна, упомянутые отцы, архиепископ Арсений и Иоанн Грдзелидзе уговорили блаженного оставить настоятельскую должность, ибо замечали они, что, занимая ее, Евфимий медлил с переводами книг. Собрав братию, преподобный при всех передал настоятельство, по завещанию отца своего Иоанна, преподобному Григорию Святогорцу, своему родственнику, а сам уединился в келье. Хотя блаженный отец сложил с себя настоятельскую должность, он все-таки имел надзор за ходом дел и в обители Иверской, и в лавре св. Афанасия. И если где-нибудь возникала необходимость каких-либо царственных пособий, то святогорские отцы просили его ходатайства пред императором, и он с удовольствием принимал на себя труд лично ходатайствовать пред ним и просить о пользе Святой Горы. А император, зная его с давнего времени и постоянно слыша прекрасные отзывы о святой его жизни, с особенной внимательностью и чувством уважения принимал его просьбы и тотчас исполнял их.

В одно время в лавре святого Афанасия стали происходить разные смуты и часто сменялись настоятели. Слух об этих беспорядках дошел до императора Константина II Порфирогенита. Государь потребовал к себе блаженного Евфимия, ибо слышал, что он имеет непосредственный надзор над лаврой и попечение о ней. Евфимий, получив приглашение явиться в столицу, собрал братию Иверской обители, утешил их и заповедал твердо и неизменно хранить обеты свои и повиноваться настоятелю, блаженному Григорию. Затем, приведя все в надлежащий порядок, святой отправился в Константинополь. Там он остановился

у одного благочестивого пресвитера, по имени Феофан, человека безукоризненной жизни, ученого и писателя. Блаженный Евфимий был с ним в самой близкой дружбе.

Император принял Евфимия с великим почетом и спросил его о причинах смут в лавре. Преподобный подробно рассказал обо всем, и государь принял надлежащие меры, чтобы привести в порядок дела лавры, что заняло довольно много времени. Блаженный все это время оставался в столице. Наступил праздник святого Иоанна Богослова, и, по обычаю своему, святой Евфимий отпраздновал этот день, раздав нищим щедрую милостыню. Он устроил трапезу для монахов в том доме, где жил, и сам прислуживал братии за столом.

После обеда, несколько отдохнув, блаженный взял икону св. Иоанна Богослова, призвал к себе своего послушника и дал ему ее со словами: "Отнеси эту икону к живописцу (преподобный назвал его имя), чтобы он поправил ее, и затем пусть он же и отдаст оковать ее серебром". Послушник, взяв икону, хотел идти, но блаженный остановил его и сказал: "Нет, верни мне икону и оседлай для меня ослицу; я сам поеду к нему; боюсь, что ты не передашь ему так, как нужно". Послушник оседлал ослицу, которая не была еще хорошо выезжена, - ученики святого не знали об этом, потому что они купили ослицу недавно; старец сел на нее и отправился к живописцу.

На дороге сидел нищий, весь в лохмотьях. Увидев блаженного, он протянул руку за подаянием. Сострадательный Евфимий остановился, чтобы дать ему денег, а нищий встал с места и приблизился к нему. Но бессмысленное животное, испугавшись движений нищего, одичало, стало брыкаться, метаться и бросаться из стороны в сторону. Преподобный не в силах был удержать ослицу, и наконец она сбросила его с себя, святой упал на землю и смертельно разбился, К нему собралось множество народа, так как его хорошо знали жители столицы. Христиане подняли его и отнесли едва дышащего туда, где он временно пребывал.

Государь, узнав об этом, прислал своих приближенных узнать о состоянии здоровья блаженного Евфимия. Кроме того, к нему стали стекаться во множестве знавшие его именитые лица, в том числе из придворных, и греков, и грузин. Все плакали и горевали о том, что лишаются великого учителя своей страны. Блаженный, чувствуя приближение кончины, причастился Тела и Крови Христовых и мирно предал свою душу в руки Божии, от сотворения мира в 6536 году, от Рождества Христова в 1028 году, в понедельник, 13 мая. на шестьдесят пятом году от рождения, 11 индикта. Святые мощи блаженного с честью, с пением псалмов перенесли на Святую гору в Иверскую обитель и с великим торжеством предали земле в церкви святого Иоанна Крестителя, которая была построена в обители первой. Бог даровал святым мощам блаженного Евфимия силу благодатных исцелений: недужные, с верой приходя К ним, получают душевное и телесное здравие и возвращаются, славя и благодаря Бога, Творца чудес.

Позже мощи святого Евфимия блаженный Георгий Святогорец перенес из первой церкви обители в главный соборный храм Успения Пресвятой Богородицы и положил в великолепную мраморную гробницу, где почивают они до сего дня. Он же повесил над ней неугасимую лампаду, для которой общим советом положили каждый год в день памяти блаженного отпускать ключарю на целый год масла.

Спустя некоторое время, в 1089 году, при царе Иверском и Абхазском Давиде III Строителе, во Мцхете проходил Поместный Собор Иверской Церкви[197]. Собор этот назвал преподобного Евфимия святым и блаженным просветителем Иверии. "Просветителям нашим, святым блаженным отцам Евфимию и Георгию Святогорцам, вечная память," - было сказано на Соборе. Православная Иверская Церковь свято чтит память преподобного Евфимия, испрашивая его молитвенного ходатайства о чадах своих пред Престолом Пресвятой Троицы, Ейже подобает всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ ЕВФИМИЮ

О преславная похвале Церкве Иверския и утешение народа грузинскаго, дивне Евфимие, славне! Моли о нас Сидящаго на Престоле, Емуже предстоиши, да избавит Церковь Свою и стадо Свое верное от всех напастей, враг видимых и невидимых; отгони, о апостоле Церкве Христовы, всех врагов Церкве Иверския и противников нашего благочестия, охрани стадо свое иверское, еже упасл еси и напоил безсмертным твоим учением, и приведи нас к Незаходимому Свету, да купно с тобою удостоимся славословити пресвятое имя Его, ныне и в безконечныя веки. Аминь.

Житие Преподобного и Богоносного Отца Нашего Георгия Святогорца

Память его 27 июня[198]

По преставлении святого и великого отца нашего Евфимия, Господь наш Иисус Христос даровал стаду Своему, православному народу грузинскому, для утверждения и наставления в вере другого пастыря и просвещенного мужа: преподобного отца нашего Георгия, именуемого Святогорцем.

Святой и преподобный Георгий, родом грузин, был племянником святого Иоанна и двоюродным братом св. Евфимия. Родители его происходили из Самцхийской области, а сам он был уроженец Триалетской области. Отца его звали Иаковом, а мать - Марией.

Иаков был одним из приближенных грузинского царя Георгия I (умер в 1027 г.). Однажды Иаков по приказанию царя Георгия отправился послом к шаху персидскому. После благополучного возвращения Иаков поселился в поместье, где жило семейство Марии. Иаков, увидев благочестие ее родителей, полюбил добрые и простые их нравы и истинно христианскую жизнь. Единственная дочь была благословением сей благочестивой четы. По любви к родителям Мария не хотела выходить замуж, хотя было немало знатных людей, желавших взять ее в супруги.

Иаков, видя красоту Марии и ее благонравие, просил ее родителей: "Соблюдайте для меня дочь вашу. Если я возвращусь благополучно, то возьму ее себе в супруги, останусь жить у вас и буду вам сыном". С Божией помощью Иаков одержал победу над врагами и возвратился домой благополучно. Царь встретил его с почетом и щедро наградил. Иаков приехал к родителям Марии, которые и выдали дочь свою за него, и совершили обряд венчания по уставу Церкви

Православной. Бог благословил супругов, как праотцов Иакова и Рахиль, как обилием богатства, так и чадородием: родились у них три сына и три дочери.

Благочестивые супруги дали обет посвятить Богу своего первенца, и первой родилась у них дочь, которая во святом Крещении наречена была Феклой в честь первомученицы Феклы. Когда ей исполнилось семь лет, родители отдали ее в Самцхийский девичий монастырь, именуемый Тадзрийский[199], и вручили ее игумений Сабиани, жене святой жизни. Она приняла отроковицу с великим радушием, как свою дочь, и воспитала ее в строгой христианской нравственности. После дочери у Иакова и Марии родился сын, которого во святом Крещении нарекли Феодором, а по свидетельству "Патерика Афонского" - Иоанном. После этого родители дали обет; если родится у них еще младенец мужского пола, посвятить его Богу.

Однажды Мария увидела во сне светлого и окруженного славой мужа, который сказал ей; "Вот родится у вас сын, агнец, который избран Богом. Посвятите его Владыке Христу по данному вами обету и назовите его Георгием". Проснувшись, Мария со страхом и радостью рассказала виденный ею сон Иакову. Оба со слезами возблагодарили Бога и стали ожидать исполнения предсказания. По прошествии девяти месяцев, в 1014 году, родился у них освященный и избранный Богом младенец, обещанное сокровище Иверской Церкви. В святом Крещении родители, согласно приказанию, полученному в сновидении, нарекли его Георгием, что значит "возделыватель земли", И воистину: возделал этот священный муж ниву святой Иверской Церкви и утучнил ее своими наставлениями, подвигами и писаниями.

Отрок возрастал телесно и духовно, направляемый Духом Святым, и уже в малолетстве исполнен был страха и любви Божиих. Он уподоблялся дереву, насажденному у божественного источника, которое давало в благое время обильный плод. Когда блаженному отроку было семь лет, родители исполнили данный Богу обет; отдали его в упомянутый Тадзрийский девичий монастырь, где пребывала его сестра. Праведник яко финике процветет, и яко кедр, иже в Ливане, умножится; насаждени в дому Господни во дворех Бога нашего процветут (Пс. 91; 13), - говорит Псалмопевец, И блаженный отрок возрастал в благочестии в том женском монастыре и поучался Священному Писанию от сестры своей Феклы. Подобно Моисею, отрок Георгий был чрезвычайно красив лицом и имел стройное телосложение. Он жил в монастыре три года, ему было десять лет, и уже в это время отрок Георгий показывал необыкновенную остроту ума и благоразумие во всех делах, подобно старцу, украшенному сединами мудрости. Он был для всех предметом удивления: как для близких и родственников, так и для знавших его. Рука Божия хранила блаженного еще с отроческих лет.

Был я, - рассказывал сам святой, - во время прогулки на берегу реки, именуемой Кция. По ту сторону увидел я отрока, одетого в платье пламенного цвета, который стал звать меня к себе, говоря: "Приходи ко мне, будем петь здесь с тобой и играть!" Когда я направился туда, прекрасный отрок, одетый в светлое платье, внезапно взял меня за руку и сказал мне: "Будь со мной, ибо я лучше его и более тебе друг, чем он," - и не дал мне идти к тому отроку. Таким образом он спас меня от погибели. Потом уже узнал я, что звавший меня к себе отрок, одетый в платье пламенного цвета, был враг душ наших, диавол, который хотел погубить меня в водах реки. Отрок же взявший меня за руку и спасший от потопления был Ангел Хранитель, приставленный Богом ко мне со дня святого Крещения".

Богоизбранный отрок Георгий и в другой раз был избавлен чудесным образом от погибели. Когда он еще находился в вышеупомянутом женском монастыре, страшный пожар вдруг охватил всю обитель, а юный Георгий крепко спал в своей келье. Ему опять предстал светлый отрок, который разбудил его, взял за руку и вывел из огня невредимым. Недалеко от обители, на расстоянии ста пятнадцати шагов, была маленькая часовня, Ангел Божий привел его туда, поставил там и сделался невидим.

Блаженный имел двух дядей по отцу, которые были старше его родителя, людей исполненных страха Божия, богоносных отцов. Старший, Георгий, прозывался "писателем", потому что был некогда начальником над письмоводителями при дворе царя Давида Куратпалата. А младшего звали Саввой. Они оба жили в монастыре Хахульской Божией Матери, что на берегах реки Куры, в добром согласии друг с другом, потому что, при богатстве внешнем, богаты были и духовно. Эти богоносные отцы, услышав о добрых свойствах души их племянника, написали своему брату Иакову, чтобы он прислал или привез к ним в обитель сына своего. Иаков немедленно исполнил их волю и повез Георгия в Хахульскую обитель. Приехав туда, Иаков сперва ввел сына в храм Пресвятой Владычицы и поручил его Ее покровительству, затем отдал Георгия своим братьям и отправился домой, славя и благодаря Бога.

Увидев, что отрок украшен старческим благоразумием и кротостию души, его дяди возрадовались и возблагодарили Бога, и привели Георгия к игумену той лавры, отцу Макарию. Настоятель возрадовался духом и благословил отрока, приняв в число своих духовных чад. После этого отрока повели принять благословение великого подвижника и светила Иверской страны Василия, сына Багратa[200], который, ради жития иноческого оставив высокий свой сан, был просветителем Иверии. После этого Георгия привели еще к Антонию[201], по прозванию Светило, богоноеному отцу, который благословил отрока и с миром отпустил его. Так, приняв от всех подвижников благословение, Георгий возвратился к себе.

Преподобные отцы, дяди отрока, желали дать племяннику должное христианское воспитание, чтобы он впоследствии послужил Церкви Христовой. Посему они отдали его одному строгому подвижнику, просвещенному Святым Духом, великому Иллариону Тулаеву, или Туалели, сиявшему житием своим (*5). Старец духом провидел, что Георгий будет украшением Церкви, принял его и начал воспитывать. Георгий, возрастая телесно, преуспевал и в изучении Священного Писания, церковного пения, греческого языка, философии, риторики и всего чиноположения церковного. Он превосходил своих сверстников во всем, отличаясь необыкновенной памятью и рассудительностью. Юноша подробно изучил все церковные книги, особенно же прилежно - Ветхий и Новый Завет.

Фероз, сын Джоджика, и его добродетельная супруга, царевна, сестра упомянутого Василия Багратида, желали найти богобоязненного добродетельного человека, который бы мог руководить их в духовной жизни и неотлучно пребывал бы с ними. В конце концов они вместе решили пригласить Георгия-писателя, дядю блаженного юноши. В нем Фероз и его супруга видели то сокровище, которое искали, и стали умолять его поселиться с ними и быть их руководителем. Наконец, после долгих уговоров старец согласился, оставил Хахульскую лавру и стал жить у них. Фероз с супругой имели его наставником во всех делах, и духовных, и житейских. Старец взял с собой в дом Фероза Георгия, бывшего в то время уже канонархом и отлично знавшего все церковные песнопения Юноша

был опорой своего дяди во всех делах, ибо дядя его был уже в довольно преклонном возрасте.

Благочестивые супруги, увидев благонравие юноши Георгия, были рады, и жена Фероза даже усыновила его. Юноша достаточно долго оставался в доме этих благочестивых людей. Спустя некоторое время Фероза оклеветали, обвинив в измене государю, и по приказанию царя Василия Вулгаронтона обезглавили (в то время область Триалетская находилась под влиянием Византии), а жену Фероза государь приказал отправить в Константинополь, где она оставалась двенадцать лет. В столице греческого царства нареченная мать дивного юноши отдала его для научения философии и риторике не светским учителям, а монахам, основательно знавшим эти науки и украшенным добродетельной жизнью. Итак. в продолжение тех двенадцати лет юноша Георгий весьма тщательно изучал науки, так что даже вызывал удивление своих учителей.

По прошествии двенадцати лет, по приказу царскому. вдова Фероза возвратилась в Грузию, в свое поместье Тварпатап в Триалетии, и взяла с собой блаженного юношу. Тут он узнал, что мать его преставилась, а отец его, Иаков, по причине преклонных лет, одиночества и телесного расслабления, жил у брата своего Георгия в Тварцатапе. Юноша Георгий отправился в Хахули к своему дяде Савве и остался там. Святой с отроческих лет стремился к монашеской жизни; когда же ему было двадцать пять лет, он принял постриг от рук великого аскета, престарелого блаженного Иллариона Тулаева, украшения подвижников Хахульской лавры, который был прежде еще, как было сказано, по вступлении Георгия в обитель, первым его наставником в добродетельной жизни.

Вскоре после этого монаху Георгию захотелось удалиться от всех, кто нарушал его покой,и поклониться святым местам Палестины. Такое намерение промыслительно внушено было ему Богом. Сила Божия руководила и сохраняла будущего светильника Иверии и на пути в Иерусалим.

Старец Макарий и все братия лавры, узнав о решительном поступке блаженного Георгия, сильно огорчились и разослали людей по всем дорогам, чтобы во что бы то ни стало найти его. Блаженный знал, что его будут разыскивать, и поступил по примеру Афанасия Великого: снял с себя свои одежды, отдал их нищему, а его ветхое рубище надел сам. Взяв себе в попутчики одного мужа, одержимого нечистым духом, юноша отправился с ним дальше и таким образом скрылся от искавших его.

Во время пути, - говорил сам святой, - мы вошли в лес, и здесь нас застигла ночь. Была страшная гроза, и дул сильный ветер. Семь раз дух повергал попутчика моего на землю с криком и плачем. Я, - говорит святой, - встал на молитву и молился всю ночь, прося Господа об исцелении бесноватого".

По молитве блаженного Господь даровал его спутнику здравие, и Георгий привел его в один монастырь, который был на их пути. Там исцеленный и остался жить, а преподобный отправился дальше, терпя всякие беды и напасти. Блаженный только раз в день принимал пищу, несмотря на трудности пути. Наконец он достиг Черной горы, что в Малой Армении, где некогда спасался великий пустынник Никон с двумястами учениками. На этой горе была обитель, где подвизались монахи - грузины и греки. Отсюда Георгий отправился на Дивную гору, в монастырь святого и блаженного Симеона Дивногорца, поклониться гробам

блаженного Симеона и преподобной Марфы, матери его. Он обошел все обители на этой горе, посетил множество святых подвижников, живущих там, и, приветствуя каждого из них, просил их молитв и благословения.

Затем преподобный стал искать себе наставника, которому он мог бы открыть свои намерения и душевные тайны, зная, что монаху нет никакой возможности пребывать в подвигах без руководителя Наконец он обрел себе наставника, некоего строгого подвижника, живущего в расселине скалы, мужа святого и богодухновенного. Сей дивный затворник был Георгий (*6), родом грузин, светило своего времени. К нему-то и пришел Георгий, открыл ему тайны души своей и сделался его учеником и последователем в подвигах, подобно тому, как святой Иоанн поревновал подвигам дивного Мартирия (*7) на горе Синайской.

Великий подвижник Георгий, провидя духом будущее величие соименного ему ревнителя благочестия и талант, скрывавшийся в нем, возрадовался и возблагодарил Бога, что в стране Иверской есть еще люди, которые могут быть полезными Церкви. Был он рад и тому, что украсившие грузинский язык и литературу труды святого Евфимия, прекратившиеся с его смертью, могут быть продолжены усердием этого ученого и богодухновенного мужа. Строгий подвижник, провидя это, поселил пришедшего к нему блаженного Георгия в монастыре святого Романа. Блаженный пребывал в этой обители три года в великих подвигах душевных и телесных. Ему было тридцать лет. Старец-подвижник, зная, что его ученик достиг в меру возраста Христова и стяжал мудрость духовную, облек его в великую схиму. Наконец старец послал Георгия в желанный для него путь - в Иерусалим.

Достигнув Святого Града, блаженный с великим усердием поклонился всем его святым местам. Прожив некоторое время в Иерусалиме, блаженный возвратился опять к своему наставнику, старцу Георгию. Вскоре старец вручил ученику книги Священного Писания на греческом языке, чтобы тот перевел их на грузинский. Блаженный Георгий по своему смирению отказывался взять на себя такой ответственный труд, как перевод священных книг, говоря наставнику: "Отче, невозможно требовать от меня этого, такое дело по силам только богобоязненным и премудрым мужам, подобным отцу нашему, святому авве Евфимию". Старец отвечал: "Чадо мое, Тот, Кто сего святого мужа избавлял неоднократно от смерти, удостоил его дара ведения языков и помог перевести на грузинский язык Священное Писание. Тот даст и тебе помощь, потому что Он милует и любит наш род, мы же будем молиться святому Евфимию, чтобы он помог тебе довершить начатое им святое дело".

Так наставник с большим трудом убедил наконец блаженного Георгия отправиться на святую Афонскую гору оканчивать труд преподобного Евфимия. Перед отъездом старец говорил блаженному: "Сказано в Писании у пророка Исаии, что от Сиона выйдет закон, и слово Господне - из Иерусалима (Ис.2;3). Так как страна наша просвещена отсюда, т.е. из Иерусалима, то и закон должен исходить отсюда же. Доселе страна наша держалась правой и непорочной веры, а теперь здесь сеются семена лжеучения богомерзких армян и начинают распространяться книги, переведенные ими сообразно их заблуждениям в вере. Поэтому Всемилостивый Бог обратился к нам и воздвиг из среды нашей нового Златоуста, отца нашего Евфимия. Апостол нашей страны, он очистил Церковь нашу и перевод Св. Писания от вкравшихся лжеучений. обогатил Церковь переводами многих священных книг на наш язык и составлением канонических

правил. Как бы орошенная от источника жизни, вся наша страна исполнилась книгами, содержащими учение истинно православное".

Напутствуемый сими и другими наставлениями, блаженный Георгий отправился на святую Афонскую гору. Проходя через Анатолию, святой достиг некоей реки и, так как она была глубока, не мог перейти на другой берег. Вдруг он увидел на противоположном берегу пре красного юношу, сидящего на белом коне, который сказал ему: "Входи в реку, не бойся," - после чего, устремившись к нему навстречу, взял Георгия за руку, благополучно перевел его на другой берег и стал невидим. Сам блаженный говорил потом, что хранителем и руководителем его был святой великомученик Георгий. Оттуда с Божией помощью святой благополучно дошел до святой горы Афонской и прежде всего поклонился иконе Пресвятой Владычицы Богородицы, именуемой Иверской, затем с великим усердием поклонился гробам блаженных и святых отцов наших Иоанна и Евфимия. Братия обители с великим радушием приняли блаженного Георгия и успокоили его после долгого странствия.

В обители святой по своему обыкновению жил по строгим правилам монашеской жизни и семь лет провел в беспрекословном послушании у всей братии. Смирение пришельца, строго исполнявшего все послушания монастырские, было столь велико, что его приняли сперва за простеца и невежду: ибо в продолжение этих лет никто не мог предполагать в нем глубоких его познаний. И духовник его, старец Георгий, узнав, что блаженный ученик его не посвящен в сан иерейский, а потому и не начинал труда над переводом Священного Писания, весьма огорчился и послал к нему с Черной горы ученика своего Феодора, мужа благочестивого, и высказал через него свое негодование по причине неповиновения и непослушания его старческой воле.

Блаженный же Георгий не начинал труда не потому, что не хотел или же не умел переводить, но потому, что считал и называл себя недостойным исполнить такое великое дело, ибо знал сказанное в Божественном Писании: смиряющий себя вознесется (Лк.14;11), и сказанное в писаниях Святых Отцов, что мать всем порокам - суетная слава. Но теперь, получив от старца строгое вразумление, он смиренно со слезами решился принять сан иерейский. В скором времени Георгий был назначен благочинным при соборном храме и начальником над певчими, и занимал эти должности некоторое время. Наконец, почувствовав, что его долг - употребить свой дар на благо Церкви, и из послушания своему старцу, он стал завершать перевод церковных книг, неоконченный святым Евфимием.

Начал свой перевод блаженный Георгий с Синаксария, ибо книга эта была только вкратце изложена Евфимием, которому потребовалось много времени для перевода других книг. После Синаксария блаженный Георгий полностью перевел Евангелие по зачалам, затем праздничные паремии. Большой требник, затем книгу Бытия, завершил и пополнил неоконченный святым Евфимием перевод Минеи сентябрьской, как первого месяца церковного года, затем перевел апостольские послания. Эти переводы блаженный сделал, будучи благочинным обители Иверской.

Братия обители, видя святую и непорочную жизнь преп. Георгия и то, какой светильник возжегся на их горе, возвели его в сан игумена и посадили на месте святого отца нашего Евфимия. Это совершилось против воли св. Георгия и не без препятствия со стороны части братией, которые избрали на это же место другого,

отчего на одной должности оказалось два лица. Долго противился этому преподобный и требовал, чтобы избрание одного из двух совершилось по жребию. В обители был такой обычай бросать жребий: имена избранных писали на листах бумаги и полагали под престолом соборного храма. По принесении Бескровной Жертвы вынимали один из листов, и тот, чье имя было написано на бумаге, поставлялся настоятелем. И теперь поступили так же. Три раза выпадал жребий с именем блаженного, и все единогласно признали, что Георгий поставляется на эту должность Промыслом Божиим. Поэтому он принял жезл настоятельский.

От сего времени преподобный умножил подвиги и труды свои и совершенно отказался от вина и сочной пищи, под верхним платьем носил вретище и во всем служил примером для всей братии обители. Своими делами показывая истинный путь в царствие Божие, он, подобно опытному кормчему, направлял других к благочестивому житию. Тогда явился весь его талант мудрого строителя дома Божия. Преподобный Георгий живо напомнил братии святого Евфимия - основателя обители Иверской. Он исправил весь чин монастырской жизни, а особенное внимание обратил на богослужение. Братия беспрекословно принимали от него все, как будто это исходило из уст самих святых апостолов и святых отцов.

С самого прибытия своего на Святую Гору блаженный старался тщательно и подробно расспросить братии обители и близких учеников преп. Евфимия об ангелоподобной жизни сего святого мужа, блаженного отца его Иоанна, Торникия и подвизавшихся вместе с ними в этой обители других святых отцов Иверской страны. Затем блаженный Георгий подробно узнал о начале построения святой Иверской обители, об обычаях ее и правилах, установленных святым Евфимием. Святой Георгий выведал в точности все, что только можно было, от знавших св. Евфимия и по оставшимся после него разным рукописям и составил его житие в назидание будущим поколениям. Над этим святой трудился, еще будучи благочинным. Став настоятелем, блаженный вновь воздвиг от основания соборный храм Успения Пресвятой Богородицы. Об этом свидетельствует и надпись, сделанная святым на медном кругу, лежащем на полу в центре собора под паникадилом: "Я утвердил столпы эти, и ввек не подвигнутся. Георгий, монах, иверец и ктитор".

Окончив построение собора, блаженный установил в нем драгоценную раку для мощей святого и богоносного отца нашего Евфимия, с великой честью перенес их из церкви Крестителя в собор, где они и почивают до сего дня. Десницу же Евфимиеву, богомудрыми писаниями просветившую народ иверский, положил в особенный ковчег, вместе с честными мощами святого первомученика и архидиакона Стефана, святого священномученика Игнатия Богоносца, святого мученика Иакова Персского, который был рассечен по суставам, святых мучеников Космы и Дамиана Аравийских, святых сорока мучеников Севастийских, святого великомученика Пантелеймона и многих других святых. И ковчег этот всегда носил с собою, так что имя Евфимиево от Святой Горы до горы Черной славилось нераздельно с именами других великих угодников Божиих.

Желая благоговейно почтить и мощи преподобного Иоанна, блаженный Георгий перенес их из церкви Всех Святых в соборный храм и положил вместе с мощами его сына, преподобного Евфимия. После сего стал он искать и мощи блаженных отцов. трудившихся вместе с Евфимием над переложением Священного Писания

на грузинский язык: Арсения, епископа Ниноцминдского, ради безмолвия на Святой Горе оставившего свою кафедру в Кахетии, и святого, исполненного божественной мудрости монаха Иоанна Грдзелидзе. Их мощи почивали вне монастыря, близ церкви преподобного Симеона Столпника. Эти святые мужи в тесных кельях. у самой этой церкви, вели строгую аскетическую жизнь и там мирно скончались о Господе. По обычаю хоронить великих подвижников на местах их трудов, они и погребены были близ храма, в их кельях.

Не зная, где именно положены мощи, блаженный был в великой скорби и печали. Но Промысл Божий открыл ему это. На могиле этих блаженных отцов выросли финиковые деревья, корни которых обвили тела блаженных отцов так, что они находились между корнями как бы обернутыми во что-то, и от этих фиников исходило необыкновенное благоухание. После долгих поисков блаженный Георгий наконец нашел эти мощи в корнях деревьев, вынул их, торжественно перенес в соборный храм и положил ниже мощей святых Иоанна и Евфимия, в притворе южной части соборной церкви, где они и почивают до сего дня. Преподобный повесил над гробницами святые иконы с неугасимыми лампадами и установил, чтобы три неугасимые лампады горели на гробницах.

Соборный храм не был покрыт свинцом, и потому, когда шел дождь, вода просачивалась внутрь и портила драгоценные фрески. Блаженный решил просить у императора Константина Мономаха пособия, чтобы покрыть храм, и для сего отправился в 1050 году в Константинополь. Когда государю доложили о прибытии блаженного Георгия, государь был очень рад, ибо почитал святого и уповал на его молитвы; царь сам вышел к нему навстречу и после приветствия и поздравления с благополучным прибытием спросил: "По какой причине пожелала явиться к нам святыня Ваша, человек Божий?" Святой отвечал "Радуйся о Христе, о пресветлейший, благочестивейший и самодержавнейший государь! Я, один из слуг твоих, осмеливаюсь предстать пред тобою и прошу твое величество приказать дать нам свинец для покрытия храма Пресвятой Богородицы, чтобы он совершенно не разрушился от дождя, и да возносятся в нем молитвы о здравии и благополучии твоего величества!"

Император с радостью принял просьбу блаженного и приказал немедленно отпустить ему столько свинца, сколько нужно, из собственной его казны и доставить на Афон на царских кораблях. Блаженный возвратился в свою обитель и немедленно покрыл свинцом собор, затем построил над ним купол, покрыв также свинцом, поэтому храм этот до сего дня остался невредимым и сохранил свой прежний вид. Кроме того, блаженный испросил новые хрисовулы (*8), которыми подтверждались древние, и тем немало расширил владения монастырские.

В то время, когда благочестивейший царь всей Грузии Баграт IV и мать его царица Мария, супруга царя Георгия I, посетили Константинополь, блаженный Георгий отправился в столицу, чтобы представиться своему царю. Царь и царица Мария со всеми вельможами, видя святого, были в великой радости, потому что знали о нем еще с молодых его лет и много слышали о его высокодобродетельной жизни. Они приняли благословение преподобного и благодарили Бога, что удостоились видеть светило и украшение Грузинской Церкви. Благодаря оказанным ими милостям св. Георгий привел в надлежащий порядок все монастырские дела.

После сего Мария, мать царя, сделалась ученицей блаженного и приняла от его рук иноческое пострижение. Она испросила у Мономаха на годовое содержание монастыря литру золота и сама дала преподобному столько же на вечное поминовение своей души. Примеру царицы последовали и вельможи: одну литру пожертвовал ученик святого Георгия, некто Арсений (*9), на поминовение своей души. Получив в дар от разных людей много других сокровищ, блаженный Георгий возвратился на Афон, в обитель Иверскую.

Когда царь Баграт пребывал в Константинополе, он услышал странное известие о том, что в городе живет некто, родом самарянин, будто бы происходящий из рода Симона-волхва, по имени Инкан, известный своим чародейством и волхвованием, и с ним его товарищи, знающие это искусство. Узнав об этом. Мономах приказал привести к себе Инкана с его помощниками и велел, чтоб они своим чародейством истребили диких зверей вокруг столицы. Получив это приказание, они истребили множество зверей.

Тогда и царь Баграт IV призвал их к себе и просил объяснить, каким образом истребили они такое множество диких зверей. Те отвечали ему: "О государь, этого достигли мы нашим искусством, а истребляем мы их таким образом. Там, где есть дикие звери, мы кладем большой кусок мяса, над которым мы прежде того нашептывали, сами влезаем на дерево, растущее рядом, и кричим так, как кричат те звери, которых мы хотим истребить. На наш голос во множестве сходятся дикие звери и, найдя мясо, начинают есть его и немедленно издыхают".

Царь сказал: "Пока не увижу сам, я вам не поверю". Волхвы попросили тут же для удостоверения приказать привести собаку и, когда ее привели, положили перед ней кусок мяса, над которым произнесли заклинание. При царе находился и блаженный, который скорбел духом, помышляя о том, что неприлично смотреть на это не только царю, но и простым людям. Он изобразил крест на куске мяса, который бросили собаке, и собака съела кусок. Ее вывели, чтобы она не издохла в комнате, но, выйдя во двор, собака осталась невредимой. Посрамленные чародеи стали просить царя, чтобы он приказал отвести св. Георгия во внутренние комнаты и велел привести другую собаку. По просьбе царя блаженный вошел внутрь дворца, и была приведена собака; ей бросили другой кусок мяса, над которым сначала нашептали, и собака, съев кусок, немедленно пала на землю бездыханной. Все стоявшие тут, увидев, что не издохла та собака, которая съела кусок мяса, осененный святым крестом, а издохла другая, поняли, что тут действовала благодать Божия, посрамившая безумцев.

После сего царь Баграт, увидев добродетельную, благочестивую, ангелоподобную жизнь блаженного Георгия и будучи сам очевидцем описанного чуда, предложил ему принять сан епископа и занять первую кафедру в Мингрелии, Чкондийскую, стараясь всеми силами уговорить старца поехать с ним в Грузию. В Чкондийской епархии была знаменитая обитель с тем же названием (*10), богатая гробами многих мучеников и славная своей просветительской деятельностью среди горцев-язычников. Царь в соборном храме этой обители приготовил себе склеп. В то время архиепископ, который был и настоятелем монастыря, скончался, и кафедра оставалась свободной. Эту кафедру царь и предлагал занять святому, но афонский труженик смиренно отказался принять сан святительский. Пробыв несколько времени в столице и приведя в порядок все монастырские дела, преп. Георгий поспешил возвратиться на Святую Гору в свою обитель, где с любовью встретила его братия.

Вскоре после сего он снова явил свою силу над духами нечистыми. В одном из отдаленных поместий Иверской обители, в пустынных ущельях Фракии, в деревне, именовавшейся Ливадой, жили славяне, выходцы из далеких стран. Тогда это были люди крайне дикие, грубые, не просвещенные истинной верой, поклонявшиеся мраморному женообразному идолу-бабе. Они приписывали идолу творение всевозможных чудес, думая, что он посылает и снег, и дождь, освещает землю солнцем, луной, звездами, и приносили ему разные жертвы.

Узнав об этом, блаженный скорбел о таком душевном омрачении словесных творений и, странствуя сухим путем в Царьград, посетил этих язычников. Жители деревни, признававшие над собой господство обители Иверской, гостеприимно встретили ее настоятеля и между прочим предложили ему: "Если хочешь получить во всем благополучие, то помолись нашей богине, чтоб она помогла тебе". Святой отвечал им: "Хорошо, покажите только мне вашу богиню". Святой отправился с ними в глухие дебри, где находился истукан и, взглянув на идола, сказал: "Отложим молитву до завтра, а завтра я поговорю и посоветуюсь с нею", - и отправился назад.

На другой день на рассвете святой, взяв с собой эконома своей обители и еще двух мужей, отправился с ними к идолу. Придя на место, преп. Георгий осенил себя крестным знамением и начал читать первую главу Евангелия от Иоанна: В начале было Слово, и Слово было к Богу, и Слово было Бог, и далее. Идолопоклонники сказали ему: "Молчи, а то богиня поразит тебя смертью". Святой, улыбнувшись, продолжал читать святое Евангелие. Окончив чтение и снова осенив себя крестным знамением, он взял в руки тяжелый молот и стал колотить им по идолу, мрамор стал крошиться, и блаженный таким образом полностью разрушил идола. Всем народом овладел ужас и страх, но преподобный проповедал им Христа Спасителя и с помощью Божией обратил их к святой вере. Блаженный Георгий обладал и даром пророчества, что, по словам описателя жития его, служит свидетельством его непорочной жизни.

В то время империей правила вдова Мономаха императрица Феодора (*11), бывшая уже в преклонных летах. Она просила царя Баграта, чтобы он отдал ей дочь свою царевну Марфу на воспитание и затем писала ему, что хочет сделать ее наследницей своего престола. Царь Баграт IV с большой охотой исполнил эту просьбу и послал свою дочь в Константинополь, под надзор матери своей, царицы-инокини Марии, находившейся в то время в столице. Вскоре по приезде царевны императрица скончалась, и в то самое время прибыл в столипу по монастырским делам и преподобный Георгий.

Когда царевна прибыла в столицу, блаженный, по духу прозорливости, вслух пред всеми сказал: "Сегодня царица отошла к Богу, и сегодня же въехала другая". Царевна, пробыв несколько времени в столице, возвратилась к отцу. Но спустя некоторое время император Константин Дука просил царя выдать дочь свою Марфу за его сына. Слышавшие прежде предсказание блаженного удивились, что так явно исполнилось его пророчество, и благодарили Бога. Преподобный начал тяготиться настоятельством, он жаждал строгой, уединенной жизни. Часто странствуя в Царьград по делам своей обители и в самой лавре - обремененный непрестанною заботою о многочисленной братии, блаженный Георгий с прискорбием сознавал, что завещание духовного его отца, затворника сирского, не исполняется и данный ему от Бога талант зарывается в землю, ибо перевод

священных книг - постоянная благочестивая цель всей его жизни - вперед не подвигался.

Посему преподобный начал просить себе увольнения от должности настоятельской. И сколько ни умоляла его братия, со слезами припадая к ногам его, Георгий, приведя в порядок все монастырские дела и устроив все по чину, оставил обитель. Не взяв с собою ничего, оставив при соборном храме даже все переведенные им книги, он вышел из обогащенного им Иверского монастыря в таком убожестве, что некоторые боголюбивые люди сочли нужным дать ему немного хлеба для продолжения странствия.

За этим вскоре последовало и второе его бегство, ибо сперва он уклонился только от должности настоятельской и хотел водвориться в уединении на Святой Горе, но потом, видя, что и в пустыне не может обрести желанного безмолвия от молвы людской и непрестанных посещений, решился совершенно оставить Афон. Блаженный пришел к своему наставнику, преподобному старцу Георгию, на Черную гору. Тот, увидев его, опечалился и сказал: "Не знаешь ли, что сказал Господь апостолу Петру: "Если любишь Меня, то паси овец Моих" (Ин.21;15). А ты оставил стадо Христово и пришел ко мне". Старец убедил святого возвратиться назад, и блаженный сын послушания отправился на Святую Гору.

Братия при виде своего отца с великой радостью приняли его и снова вручили ему обитель, но Георгий снова недолго оставался настоятелем: через некоторое время после возвращения с Черной горы, устроив дела монастырские, он снова оставил обитель, желая беспрепятственно заниматься переводами священных книг. Так как братия не хотела отпустить его, он отправился в столипу и просил императора освободить его от настоятельской должности. Государь не желал лишиться столь великого мужа и всячески удерживал его. Но, уступая просьбам преп. Георгия и ходатайству царицы Марии, матери царя Баграта, как сказано выше, проживавшей в столице, наконец дал ему отпустительную грамоту. Заручившись царской грамотой, блаженный отправился опять на Черную гору к своему старцу и был с великим радушием принят братией обители Черной горы.

После сего царица Мария отправилась в Антиохию, желая оттуда поехать в Святой Град Иерусалим на поклонение Живоносному Гробу Христову. Правителю города и Патриарху Антиохийскому заранее было послано императорское приказание принять царицу с подобающей честью и так же, с почестями, проводить ее в Иерусалим. Прежде же они были уведомлены о том святым Георгием, который тогда находился в Антиохии. Градоправитель советовался с Патриархом в присутствии святого Георгия; "Как поступить, - говорили они, - подобает ли православной царице, матери иверского православного царя, отправиться во владение сарацин?" -ибо в то время Святая Земля находилась в руках неверных. Когда царица приехала, ей доложили через блаженного Георгия об этом неудобстве и советовали отложить путешествие в Святую Землю. Царица хотя и огорчилась, но не противилась благоразумному предостережению Патриарха и других мудрых людей. Однако, желая исполнить данный ею обет, она просила блаженного Георгия отправиться в Палестину с дарами и пожертвованиями от нее храму Воскресения Христова и иерусалимским бедным и немощным, а также с приготовленной ею церковной утварью для разных монастырей.

Это поручение нелегко было для труженика, который более всего искал уединения и покоя, чтобы ничто не отвлекало его от перевода божественных книг, однако приятно было ему исполнить и волю царственной своей дочери, для спасения души ее. Помнил он и апостольские слова: дело служения сего не только восполняет нужды, свлтых, т.е. верных Богу, но и избыточествует многими благодарениями Богу и прославлением Бога за покорность Евангелию Христову и за искреннее общение (II Кор. 9; 12 - 13), И при помощи Божией, с одним лишь учеником св. Георгий благополучно прошел все опасные места на пути к Святому Граду.

Там святой посетил многих подвижников, раздал щедрую милостыню царицы бедным, нищим, вдовам и сиротам, а церковную утварь и сокровища передал туда, куда они предназначались. В то время преподобный Прохор, по воле благочестивого царя Баграта, строил в Святом Граде грузинскую обитель в честь Животворящего Креста, на том месте, где срублено лено было древо для Креста Господня. Георгий помог этому блаженному отцу во многом и споспешествовал скорому построению обители. Преподобный Прохор просил Георгия прислать для его обители переведенные им священные книги, из числа первых его трудов, но в то время блаженный не мог исполнить сей просьбы. Уже после кончины преп. Прохора его ученики приобрели у блаженного Георгия месячные Минеи, полную Цветную триодь и другие богослужебные книги.

Окончив дела, преподобный отправился из Святого Града на Черную гору, а оттуда в Антиохию, где пребывала царица Мария. Блаженный утешил царицу извещением об исполнении ее поручения, и она скоро отправилась в Грузию, к сыну своему царю Баграту, где и окончила дни свои.

Преподобный Георгий, возвратившись из Палестины, вновь принялся за переводы святых книг на грузинский язык, продолжая богоугодное дело блаженного Евфимия. Святой Георгий трудился и днем, и ночью без всякого отдыха, не оставляя при этом и своего обычного иноческого правила и церковных служб. Как трудолюбивая пчела, готовил он сладчайший мед в своем улье - переложение священных книг на язык иверский, которым усладил этот дотоле несовершенный язык, исправив все, что было до него переведено неверно или грубо, и неоцененным сокровищем обогатил свою Церковь.

На основании самого верного текста преподобный исправил грузинский перевод Нового Завета, сделанный еще в V веке (*12), а также другие священные книги, которыми пользовались в Грузии, в которых, по причине невежества или невнимательности переписчиков, а иногда, может быть, и умышленно, были допущены грубые ошибки, искажавшие подлинный смысл текста. Это происходило потому, что в то время армяне-монофизиты, жившие во множестве в Грузии, переписывая для грузин книги, вносили в них свои еретические заблуждения (*13). Все, что было начато или не вполне изложено блаженным Евфимием, Георгий окончил, распространил и тщательно сличил с подлинниками греческими. Блаженный трудился над переводами и в безмолвии монастыря на Черной горе, и во время путешествия в Иерусалим по поручению царицы, на Афоне и в Константинополе. Местом пребывания св. Георгия были то обитель св. Симеона Дивногорца, то пустынь Романова, или монастырь Калиппост.

Будет назидательно перечислить те книги, которые блаженный перевел на грузинский язык и которыми пользуются в Иверии до сего дня, да будут известны всем труды и пастырская деятельность преподобного во утверждение Православия. Вот некоторые из этих книг: 1) Полный Синаксарий, 2) Деяния апостольские, все послания святого апостола Павла и Соборные послания всех апостолов, 3) Апостол на годовые праздники, 4) двенадцать Миней, 5) стихиры, тропари и кондаки на все Господские и Богородичные праздники, а также на праздники некоторых великих святых, 6) стихиры и ирмосы, много других церковных песнопений и все стихиры постные, 7) "Шестоднев" Василия Великого, 8) Послания священномученика Игнатия Богоносца, 9) Псалтирь, 10) Часослов (*14), 11) Октоих, 12) Цветная триодь, 13) "Поучения, читаемые в Великий пост" Феодора Студийского, 14) Пятокнижие Моисееве с толкованием св. Иоанна Златоуста, 15) книга Деяний VI Вселенского Собора, 16) Соборные послания св. Кирилла, Патриарха Александрийского, и других святых против несториан, 17) книга св. Григория Нисского первого.

Блаженным было переведено и много других святых и назидательных книг, коими он обогатил свою Церковь. Неусыпными своими трудами и ревностью о благе Церкви Георгий равно изумлял и греков, и грузин, и сирийцев. Сам Патриарх Антиохийский Иоанн весьма уважал его, часто призывал к себе для духовной беседы и советовался с ним не только о пользе душевной, но и о делах церковных.

Некогда злоумышленники подожгли город, и среди других прекрасных зданий сгорел и соборный патриарший храм святого апостола Петра. Патриарх был в глубокой печали, блаженный своими речами увещевал и утешал его, и по прошествии некоторого времени первосвятитель оставил свою скорбь. Он сам говорил блаженному: "Если бы ты, отче, не был со мной в то время, когда я был в неутешной печали, то душа моя вселилась бы во ад (*15)".

Когда на Антиохийскую кафедру возведен был Феодосий III, преемник Петра с 1057 года, философ, человек ученый и опытный в духовной и гражданской жизни, особенный случай сблизил и сего Патриарха с блаженным. В Сионской обители на Дивной горе, кроме братии-греков, много было и грузин. Частью по любоначалию и зависти, частью вследствие недоразумения, монахи-греки старались выжить грузин из этой обители. Они искали благовидного предлога к тому и, наконец, высказали подозрение, что грузинские братия неправославны.

Посоветовавшись между собой, греки послали своих доверенных к Патриарху Феодосию III, и те сказали ему: "Помоги, Святейший Владыко, и освободи нас от великой беды! Избавь нас от людей пришлых, иноземцев - грузин, которых в нашей обители около шестидесяти человек. Они не понимают сами, что толкуют, и не имеют никакого понятия о вере христианской. Таких людей нельзя терпеть".

Услышав это. Патриарх сказал им: "Может быть, эти грузины неправославные и не имеют общения с грузинами православными?" Греки ответили: "Не знаем, грузины они или армяне (*16) но только мы никогда не видели, чтобы их старший служил святую Литургию в нашем храме".

Правду сказали они, что начальник грузин не служил Литургию. Не служил же он по следующей причине. Старейшим над грузинами в этой обители избран был один из отшельников, пришедший из провинции, который по обычаю ходил в

сандалиях и короткой мантии. Придя в соборный Сионский храм, он стал у колонны и как-то нечаянно запачкал ее пьедестал. Увидев это, монахи-греки оскорбились и стали смотреть на грузин недружелюбно. Когда же этот отшельник служил святую Литургию в короткой мантии, надев поверх нее священническое облачение, и в сандалиях, то это послужило им соблазном.

В действительности же монахи-отшельники иверские до последнего времени, почти до конца XVIII века, ходили все без исключения в сандалиях и в короткой монашеской мантии. Этому же обычаю следовали и все грузинские монахи, жившие за пределами Иверии. Даже совершая Литургию, они не снимали своей одежды, а только поверх нее надевали священническое облачение, Так же поступал и начальник грузин в Сионской обители. Греки же увидели в этом что-то еретическое и положили не дозволять грузинам совершать святую Литургию в соборе обители, хотя он построен был грузинами. Никакой же другой причины для этого запрещения не было, и сами греки не могли такой представить. Патриарх удивился рассказанному и сказал доверенным греков: "Нет ли между этими грузинами такого, который бы умел говорить по-гречески и знал Священное Писание?" Грекам не хотелось признаться, что им известен такой человек, так как они знали, что блаженный Георгий лучше их понимает Писание и основательно знает грузинский и греческий языки. Но против воли они должны были сказать, что есть среди грузин один монах - грамматик, который переводит греческие книги на свой отечественный язык, по имени Георгий. Узнав об этом, Патриарх приказал немедленно привести его к себе. Они привели блаженного к святителю. Патриарх приветствовал его и, пригласив сесть, начал беседовать с ним, предлагая разные вопросы из священных книг. На все вопросы блаженный давал достойные и мудрые ответы. Патриарх сказал ему наконец: "Честной отец, благословен Бог, что я видел твою святость! Милостью Божией вижу я, что, хотя ты родом и грузин, но основательно знаешь греческий язык, как если бы ты был греком. Но вот в вероисповедании твоих соотечественников-монахов есть некоторые недостатки". И, указав на вышеизложенное, прибавил: "И поэтому между ними и нами есть некоторого рода разделение".

Услышав это, блаженный тремя перстами осенил себя крестным знамением и прочитал вслух Никео-Константинопольский Символ православной веры. Затем он изложил основы православного исповедания грузин, и все были удивлены таким неожиданным исходом дела, ибо Дух Святой говорил его устами.

Благословен Бог во всем! - воскликнул Патриарх.-Кто это нашел у грузин недостатки в исповедании православной веры? Не более ли других исповеданий, - сказал он, имея ввиду армян и католиков, - Грузинская Церковь отличается чистотой, святостью и апостольским вероучением?" Этому публичному исповеданию свидетелями были несколько митрополитов, епископов и знатных вельмож Антиохии, все единодушно славили Бога, ублажали Георгия и осыпали его похвалами. Патриарх разгневался на доносчиков-монахов и наложил на них церковную епитимию, но блаженный стал просить Патриарха простить их, и тот внял его просьбам. Эти люди, желая причинить грузинам зло, напротив, сделали им добро и оказали великую услугу, возвысив их в глазах первосвятителя и всех знатных людей Антиохии. С того времени Патриарх утвердил пребывание грузин в Сионской обители, а блаженного Георгия отпустил с великой честью, сказав ему: "Иди, отче, с миром, ибо теперь я сам увидел и удостоверился, что вы благочестивы и нет у вас ничего противного православному закону".

Блаженный оставил святителя и, радуясь о Господе, отправился на Черную гору. Вслед за тем на грузин возвели новую клевету. Те же самые монахи, прийдя к Патриарху, сказали ему: "Святый Владыко, храмы грузин и епископы их не подчиняются ни одному из Патриархов. Все свои церковные дела они решают вообще без ведома восточных Патриархов, они сами поставляют себе Католикоса и епископов. Это не по церковному правилу. Ни один из двенадцати апостолов не был у них и не основал у них Церковь, поэтому их должно подчинить нашему Антиохийскому патриаршему престолу святого апостола Петра, как это и было прежде. Так как грузинская паства весьма малочисленна и Иверия граничит с областью, подчиняющейся нашей Патриархии, они должны здесь посвящать своего Католикоса, чтобы было одно стадо и один пастырь".

Посоветовавшись об этом с близкими ему людьми. Патриарх снова призвал к себе блаженного Георгия и осторожно заговорил о сем деле: "Блаженный отец, хотя ты и из грузин, но образованием и знанием Священного Писания нисколько не уступаешь нам. Следовало бы, чтоб Церковь ваша и пастыри ваши подчинялись нашему престолу, и вот почему. Ваша область граничит с нашей, и вначале, после того, как она была просвещена проповедью святой Нины, она была в ведении Антиохийского Патриархата. Следует восстановить прежний порядок. Это можешь сделать только ты. Если ты напишешь своему царю, то, из уважения к тебе, он сделает все, что нужно. Я знаю, что ты напишешь только доброе и благое, как ревнитель о благе своей Церкви, а если царь не послушается, то я напишу другим Патриархам о жестокосердии вашего царя и народа. Напишу также, что Иверская дни вашего царя и народа. Напишу также, что Иверская Церковь управляется не по апостольским канонам и правилам, и что она не основана ни одним из двенадцати апостолов. Это поставит вас в затруднительное положение, и тогда царь ваш все-таки приедет к нам и изъявит полное подчинение нашему престолу, за себя и весь народ свой". И многим другим Патриарх угорожал Георгию.

Блаженный кротко ответил: "Святейший Владыко! Как я могу сделать это без затруднения? Какие безумцы внушили это тебе? И почему ты считаешь безумным и несмысленным наш народ, столь простосердечный и кроткий, и в вероисповедании своем совершенно согласный с Церковью Греческой? Позволь мне, последнему из моих братий, дать за них ответ. Вели подать сначала книгу о странствованиях и деяниях святого апостола Андрея, и я докажу вам, что Церковь наша была основана апостолом", Патриарх приказал Феофилу Грузину, который впоследствии стал митрополитом Тарсийским, находившемуся при нем , принести эту книгу. Блаженный, прочитав начало, обратился к Патриарху со следующими словами: "Святейший Владыко, ты хвалишься тем, что занимаешь кафедру святого первоверховного апостола Петра. Знай, что мы просвещены Первозванным Андреем, братом апостола Петра, который самого Петра призвал ко Христу и показал ему Свет Истины. Мы достояние и паства св. Андрея, им крещены в святой купели. А один из двенадцати апостолов, Симон Кананит, и погребен в нашей стране, в области Абхазской, в древней Никопсии (*17). Этими апостолами просвещена наша страна, и мы с того времени, как познали Единого Бога, ничего противного Его закону не делали, и никогда наша Церковь не была единомысленна с прежними мучителями стада Христова и со всеми другими противниками Православия, она проклинает и чуждается их. Церковь наша была и есть верна апостольским преданиям и канонам. На каком же основании следует нашей Церкви подчиниться вашему престолу?

Святой, прикровенно обличая неверность предложенных доводов, сказал: "Святейший Владыко, званный должен подчиниться звавшему. Святой апостол Петр, как званный своим братом, должен подчиниться ему, как звавшему и показавшему Истину. Поэтому и престол ваш, как престол святого апостола Петра, должен бы подчиниться нашему престолу, престолу его брата, апостола Андрея Первозванного.

К сему святой прибавил: "Святый Владыко, кто это называет нас не знающими веры Христовой и не понимающими закона Божия, тогда как себя вы величаете хранителями и блюстителями истин Православия? Владыко, были времена, когда во всей Греции до такой степени потрясено было Православие, что трудно было найти в ней такую церковную область, где бы исповедовали чистую апостольскую веру. Между тем в то время, как и теперь, наша страна твердо хранила преданное ей апостолами сокровище православного исповедания. В то трудное время почти не было православного храма в греческих областях, так что негде было посвятить во епископа св. Иоанна (*18), поэтому его рукоположили у нас, в нашем патриаршем храме у животворящего и мироточивого столпа Мцхетского, и затем он послан был на кафедру Готфскую, как об этом свидетельствуют и наш, и ваш Большой Синаксарий".

Когда святой окончил свою речь. Патриарх сказал епископам и стоявшему там народу: "Видите этого монаха? Как он один всем нам дает во всем полный и правильный ответ! Постараемся не противоречить ему. а то он докажет нам незаконность нашего требования и словом, и делом, и мы будем побеждены им".

После сего публичного исповедания веры и защиты Иверской Церкви блаженным Георгием, его стали любить и уважать и Патриарх, и все граждане антиохийские. Все смотрели на него как на своего учителя и наставника, сам Патриарх во всем, касающемся спасения его души, спрашивал совета у блаженного. Подобно своему предместнику, блаженному Иоанну, он посылал за ним и приглашал к себе ради душеполезных советов.

Благочестивый царь Баграт узнал, что святой Георгий окончил перевод почти всего канона церковных книг и что переведенными им книгами пользуются во всех монастырях на Дивной горе, населенных большей частью грузинами, а также и во всех иверских монастырях в пределах Антиохийекого и Иерусалимского Патриархатов, и повелел переписать эти книги, чтобы по ним совершалось богослужение в самой Грузии. Над этим много трудился блаженный Антоний Липарит, происходивший из княжеского дома Орбелианов, настоятель обители святого Варлаама в Абхазии, где и узнал благочестивейший царь Баграт о трудах блаженного Георгия на благо Церкви.

Антоний послал из своей обители святому Георгию богатые дары за его труды и впредь положил до своей смерти посылать их блаженному каждый год, и всячески содействовал его трудам, понимая великую их пользу. Кроме того, Антоний писал много похвальных речей и отзывов о трудах святого Георгия. Через некоторое время все храмы и монастыри Грузии украсились и обогатились книгами, переведенными преподобным, в каждой обители и в каждом храме старались иметь списки книг блаженного Георгия и даже считали это своей обязанностью. Прежде же в таких переводах чувствовалась во всей Грузии самая крайняя нужда.

Царь Баграт со своим наследником Георгием, вдовствующая царица Мария и Католикос со всеми епископами единодушно положили вызвать блаженного из Антиохийской области в Грузию, желая лицезреть украшение и утверждение их Церкви, принять от святого благословение и получить назидание. Царица Мария, духовная дочь преподобного Георгия, убеждала его в письме от лица своего сына. царя Баграта: "Святой отец! На Дивной горе обители наши малы, и страна эта нам чуждая. Наше же царство обширно и славно среди других государств, и епископских кафедр, храмов и монастырей в нем много. Господь Бог да умилит святость Вашу прибыть к нам, чтобы благословить нас и просветить наши души. Святой отец, пусть не только трудами Ваших рук будут украшены наши храмы, хотим и сами просветиться и вверить Вам нашего наследника и все наше семейство, чтобы его руководила и наставляла святыня Ваша". Получив это письмо, блаженный Георгий смутился духом. Он не хотел соглашаться, всячески избегая славы человеческой и житейских забот. Кроме того, святой боялся, что на него возложат епископский сап и тем лишат сладостного монашеского уединения. Поэтому блаженный старец написал царю, что не желает оставить своего уединения и не знает, есть ли па то воля Божия. Тогда благочестивый царь Баграт собственноручно удостоверил святого, что не будет ничего сделано вопреки его воле. Георгий по долгом размышлении решил бросить жребий, как он и всегда поступал перед началом какого-либо предприятия. Обычно он брал два листа бумаги, на одном писал, а другой лист оставлял чистым и полагал их под святым престолом. После совершения на этом престоле Литургии преподобный Георгий вынимал бумагу и поступал так, как указывал жребий. На этот раз выпал лист с надписью "отправиться". Заключив, что на это есть воля Божия, старец написал второе письмо боговенчанному царю Баграту IV, сообщая, что хочет приехать. Царь весьма обрадовался и прислал за ним своих слуг, а с ними ослицу и деньги для путешествия, и написал Патриарху Антиохийскому письмо с просьбой не задерживать блаженного, но всячески способствовать его скорейшему приезду на родину. Блаженный скоро собрался в путь с некоторыми близкими ему учениками. Прежде всего они помолились у гроба святого и преподобного Симеона Дивногорца (*19) и у гроба его матери преподобной Марфы, испросили у всех братии обители молитв и благословения, взяли проводников и с миром отправились в Грузию по пути через Месопотамию, верхом на ослах. Но, достигнув реки Евфрата, путники узнали, что турки-сельджуки овладели всей Месопотамией и прилежащими к ней областями Греческой империи. Чтобы не попасть в руки варваров, блаженный Георгий и его ученики изменили направление пути и поехали через Севастию, думая, что этой дорогой они смогут, не подвергаясь опасности, благополучно добраться до места. Однако турки и там опередили их и предали город сначала грабежу, а потом и огню. Не ведая о том, путешественники чуть было не попали в руки врагов, но Промысл Божий сохранил их. Приближаясь к городу, они вдруг услышали голос "Куда идете?" Голос этот привел их в смущение, они повернули в противоположную сторону и пробирались через дикие горы, подвергаясь величайшей опасности, и после утомительного странствования днем и ночью прибыли наконец в Кесарию Каппадокийскую. Оттуда путники отправились дальше и прибыли в город Евхаит, где пострадал в гонение Диоклетианово святой великомученик Феодор. Епископ города, муж святой жизни, оказал им гостеприимство и беседовал с ними о спасении души. Погостив несколько времени у него и отдохнув, святой Георгий и его ученики отправились в грузинский город Самисон, расположенный на берегу Черного моря. Тут они продали своих ослов, сели на корабль и благополучно прибыли в крепость Поти, при устье реки Риона, древнего Фазиса.

Потийский правитель города сообщил о приезде их царю Баграту, который тогда находился в северо-восточных областях государства, т.е. в Карталинии, Царь немедленно послал к инокам одного из своих сановников с приказанием принять блаженного с великой честью и привести его во дворец в город Кутаис. Им сопутствовал епископ Кутаисский Иларион, смиренно ставший в число учеников аввы Георгия Они вместе отправились в Карталинию, где находился тогда царь.

Когда иноки были на расстоянии трех часов пути от царского лагеря, царь выслал навстречу святому епископов и вельмож, а сам дожидался его у входа в свои палаты. Царь встретил блаженного с великой радостью, обнял его, облобызал, принял его благословение и, взяв за руку, ввел в свои палаты, где была приготовлена трапеза. Царь посадил блаженного рядом с собой и от величайшей радости вдруг воскликнул: "Благословен Бог! Ныне спасение моему царству, ибо я удостоился видеть пред собой нового Златоуста".

Вместе с царем радовались все богобоязненные и христолюбивые его вельможи и в веселии говорили: "Благословен Господь, явивший нам такового мужа для спасения нашего!" Все понимали, что к ним пришел отец и учитель, светило Грузинской Церкви и царства.

В то время царь Баграт вел войну с мятежными князьями Абашидзе, которые, возгордившись своим богатством, силой и множеством подвластного им народа, хотели взять самого царя в плен и опустошить его владения. Долго царь готовился усмирить мятежников, наконец, собрав войско, он окончательно подавил мятеж и взял в плен пятерых братьев Абашидзе. Когда царь возвратился с победой, преподобный Георгий вошел к нему в палаты и поздравил его с благополучным окончанием похода. Царь ответил: "Отец святой, много раз я поднимал оружие на врагов Христовых, но никогда не имел успеха, ныне же ради твоего пришествия совершилось чудо, и Бог даровал нам победу святыми твоими молитвами". Когда был вновь установлен порядок в местности, где был мятеж, царь снял свой лагерь, так как уже наступали холода и начиналась зима, и отправился в Абхазию. где предполагал провести зиму вместе со своим войском и отдохнуть. В Абхазии зимой бывает довольно тепло, благодаря близости морд Царь взял с собой и блаженного Георгия. По пути они заехали в Чкондийскую обитель Епископ, настоятель обители, ученик святого, просил его перезимовать там, и блаженный остался в монастыре.

Весной благочестивый Баграт, возвращаясь в Карталинию, заехал в Чкондийскую обитель к св. Георгию. Царь дал блаженному в управление славную обитель Недзви в Карталинии, бывшую тогда лаврой (*20). Затем царь перевел святого оттуда, дав ему славную и богатую обитель Шдберди в Кларджетии, находившуюся близ его резиденции. Царь желал, чтобы блаженный бывал при нем как можно чаще, и не раз говорил ему; "Отче святый, мы поторопили тебя с прибытием к нам, потому что желали, чтобы ты руководил души наши ко спасению и избавил Церковь нашу от вкравшихся в ее учение недоразумений и недостатков. Отче, тайное обличи тайно, а явное уврачуй явно, без всякого лицеприятия, - сказал царь, - ибо все, что прикажешь мне твоим отеческим повелением, то приму, как бы из уст самих апостолов, и исполню".

Сказав это, царь взял за руку своего наследника Георгия и подвел к блаженному со словами: "Вручаю тебе душу отрока сего и потребую ее от тебя на Страшном Суде пред Господом". Старец благословил наследника и, помолившись Богу,

сказал: "Господи Боже, прослави отрока сего в сей жизни и в жизни будущей и возвеличи его, подобно Константину Великому, и покори ему всех врагов его".

Так старец взял на себя воспитание отрока и стал наставлять его, как приличествовало званию и положению царевича. Блаженный написал для отрока душеполезные сочинения, по которым он должен был заниматься, и для каждодневных занятий дал ему письменные правила из Священного Писания и из разных светских полезных книг. Царевич с величайшим прилежанием и старанием стал изучать все, что преподавал ему блаженный учитель его. Георгий стал духовником царя, его семейства и Католикоса, многие епископы и священники также обращались к нему за духовными советами, равно как и многие знатные вельможи, дворяне, иноки и инокини, люди богатые и бедные. Просвещенный свыше, человек Божий просветил и всю свою страну, где прежде было много неустройств в духовных и гражданских делах. Пользуясь своим положением при дворе и уважением клира и народа. блаженный обратил внимание царя и Католикоса на имеющиеся недостатки.

Первое свое обличение бесстаршно и нелицемерно обратил он против самого Баграта, увещевая его, чтобы кафедр епископских не вверял он невеждам и нечестивцам, привыкшим к суете мира и бродяжнической жизни, но чтобы избирал людей достойных, знающих Св. Писание и церковное чиноположение, воспитанных в иночестве добрыми наставниками, дабы молитвами их преуспевало в мире царство и миряне не были осуждены за грехи духовных. Благодаря стараниям святого было установлено, чтобы епископы не возлагали рук на людей неопытных в духовной жизни, чтобы те, кого поставляли на церковные должности, были хорошо знакомы с учением Церкви и своими обязанностями и украшены благочестивой жизнью. Епископам предписывалось внимательно следить за жизнью иереев их епархий, не с превозношением и тщеславием, а в духе кротости, желая спасения их душ, и наставлять священников не допускать до причастия Святых Таин людей недостойных. Требовалось, чтобы иереи и диаконы хранили любовь и повиновение епископам, с благоговением совершали богослужение и вели добродетельную жизнь, которая бы служила назиданием для прихожан.

Святой старец поучал также царя о суде и правде, внушая ему, чтобы он, по слову Давида, оправдывал смиренного и убогого и из лицеприятия не склонял весов правосудия, особенно же - чтобы возлюбил он милостыню, ибо милость и правду любит Господь, и чтобы царь Прежде исправлял недостатки в себе самом, а потом уже искоренял бы их в народе. Подобным образом наставлял блаженный иноков и инокинь, не оставил без своего попечения судей и народ, но учил их соответственно нуждам каждого звания: невеждам напоминал он о нужде познания, богатым внушал милосердие, бедным - терпение, и не с пустыми руками отпускал своих слушателей. Георгий укреплял и восставлял падших, исцелял уязвленных стрелою невидимого врага, спасал утопающих в волнах страстей, не допуская их до конечной гибели, и, как искусный кормчий, направлял всех к безбурной пристани. Многими своими трудами святой возвысил нравственность и образование народа.

С согласия царя и Католикоса он учредил училище для восьмидесяти мальчиков, чтобы воспитать из них будущих пастырей и учителей отечественной Церкви. Народ сразу же хорошо понял благотворность этого учреждения, матери с великой радостью приводили туда своих детей. В училище принимались дети из

всех сословий, и, таким образом, высшее духовное образование проникало во все слои общества. Этим блаженный более всего содействовал просвещению Иверской страны. Ученик св. Георгия Григорий так рассказывает о том, как совершилось собрание сирот и каким образом блаженный совокупил воедино такое множество их: "Сначала мы узнали, что на своей родине бедствуют близкие великого аввы: два его племянника, сыновья его сестры, и их малолетние дети. Георгий принял их, по словам Писания: присного рода твоего да не отвергнеши. Других сирот собрал он из чуждых мест: тех обрел в пустыне, этих выкупил из рабства или спас от погибели нравственной и от такого падения возвел их на степень пресвитеров Христовых. Весть о том, что Георгий призревает сирот, распространилась по всей Иверии, и дети стали собираться к нему отовсюду. Иных приводили родители и иногда тайно оставляли у дверей его дома, зная, что святой позаботится о них. Другие дети сами убегали из родительских домов под кров блаженного и, бросаясь к нему на грудь, просили принять их к себе. И таким образом собралось их до восьмидесяти человек, К тому, чтобы собрать этих сирот было много причин: во-первых,богоподражательное милосердие святого, во-вторых, сильное его желание, чтобы его соотечественники еще в детстве изучали переведенное на родной язык Священное Писание. Выла еще и третья причина; блаженный, много видевший подвигов, совершаемых иноками Святой Горы, и знавший, что немного ученых мужей приезжает оттуда в страну Иверскую, и те вскоре возвращаются на Афон, желал собранных им детей, как словесное стадо, привести в святую церковь отца нашего Евфимия и сделать их певцами или чтецами, чтобы память богоносных мужей совершалась здесь торжественно." Блаженный избрал некоторых опытных и знающих Священное Писание мужей и сделал их своими сотрудниками в училище, а сам был главным преподавателем Закона Божия. Предметами изучения были Священное Писание, церковное чтение и пение, преподавались и некоторые другие предметы.

Несмотря на множество забот, Георгий никогда не оставлял иноческого правила, исполняя его строго, по данному Богу обету. Он всегда пребывал в посте и молитве. Потому он и имел дар наставлять и исправлять других. В то время, когда блаженный находился со всеми близкими ему в Чкондийской обители, к епископу, настоятелю обители, приехал один диакон, имевший к нему рекомендательное письмо от архиепископа. Диакон принял иноческий постриг от рук блаженного. По неопытности в духовной жизни и самомнению (по причине знатного происхождения и видной внешности), он хвалился своими подвигами, любовью ко Христу и дерзновением к Нему и даже говорил, что Сам Христос явился ему в видении. Диавол, вечный враг спасения душ человеческих, навел на этого брата страшное уныние и сожаление о том, что он, будучи таким молодым, оставил мир и стал монахом. Несчастный не подумал пойти к духовному отцу и открыть ему это. Он дошел почти до отчаяния и чуть было не лишился веры во Христа.

Пришел он ко мне, - пишет ученик преподобного Григорий, - и сказал: "Должен ли всякий человек открывать своему духовнику брань, восставшую в его душе, и просить у него молитв об избавлении?" Я сказал ему, - говорит Григорий, - "Конечно, честнейший брат, дело это весьма доброе и полезное, и благоугодно оно Богу". Он отвечал мне на это: "Окажи мне любовь, отче, найди мне монаха, который бы мог быть мне духовником, и расскажи ему о постигшем меня бедствии" В то время блаженный был у епископа Чкондийского, и, когда он возвратился, Григорий поведал ему о несчастье брата. На другой день блаженный велел Григорию позвать к себе иеродиакона. Когда тот пришел, Григорий ввел его сперва в свою келью и наставлял его без страха открыться во всем св. Георгию.

Затем Григорий отвел его к блаженному и ушел. Иеродиакон открыл святому свою душевную брань, и блаженный сказал ему: "Чадо, не пей более вина, чтобы избавиться от постигшего тебя бедствия". Иеродиакон ответил ему: "Отче, страна эта жаркая, а там, где я живу, бывает страшная жара. Я пью вино по необходимости, чтобы не впасть в болезнь". Блаженный же сказал: "Чадо, я буду посредником между тобой и Богом? если только сохранишь заповедь мою и не будешь пить вина, то не постигнет уэке тебя никакая болезнь, ни душевная, ни телесная".

Иеродиакон умолял святого сделать его своим учеником, но святой отказался исполнить его просьбу, пока иеродиакон не оставит своего прежнего духовника: "Не положено. - сказал святой, - в одно время иметь двух духовников", - и отпустил его. Иеродиакон возвратился к Григорию совершенно спокойным и радостным. С того времени он совершенно перестал касаться вина, разве только когда принимал Святые Тайны, и немедленно избавился от своего недута. Впоследствии он говорил Григорию, что с того времени, как тот ввел его к блаженному, он почувствовал такую внутреннюю свободу, что в его душе не осталось даже никаких следов прежней тяготы и болезни.

В Иверии был один знатный и весьма богатый епископ, который всей душой заботился о том только, чтобы украшать храмы Боясии и делать вклады из своих средств для поминовения его после смерти в монастырях. Для этого он собирал деньги и крепко хранил свое сокровище, нисколько не обращая внимания на бедных и нищую братию, заботиться о которых - прямая обязанность каждого епископа.

Однажды этот епископ пришел к св. Георгию и открыл ему свои мысли и борьбу, происходившую в его душе, блаженный же сказал ему: "Владыко, эта брань восстала в твоей душе по наущению диавола, который вложил в тебя мысль украшать храмы и делать вклады в монастыри, чтобы тем самым лишить бедных и нищих самого необходимого. Своим жестокосердием ты доводишь многих почти до голодной смерти. Между тем Господь не заповедует украшать Его храмы, а говорит: алкал Я, и вы не дали Мне есть, жаждал, и вы не напоили Меня (Мф.25; 42). И вселенский великий учитель святой Иоанн Златоуст наставляет, что милостыня, данная нищим, приемлется Самим Богом, и как нужно заботиться о них, чтобы иметь надежду на милость и благоволение к себе Самого Владыки Христа!" (*21)

Блаженный указал на примеры сострадания и нищелюбия в Ветхом и Новом Завете: "Смотри, Владыко, как свидетельствует об этом книга Царств, где повествуется, что, когда пророки, укрываясь от гнева царицы Иезавели, спрятались в Гергесинах в двух пещерах, их немало времени питал царедворец Авдий. Не из любви ли к Богу делал это вельможа? Не от Него ли ожидал себе воздаяния? Не читаем ли и о святом Клименте (*22), как он учил детей, а блаженная София, его мать, содержала их и была ему сотрудницей во всем. Также поступали и Зотик-священник, жена, дети и рабыни его, и Сампсон Странноприимец (*23) , который оказывал всем без исключения великие благодеяния, а священномученик Вавила, епископ Антиохийский (*24), был благодетелем для своей паствы". Этими и многими другими примерами блаженный Георгий наставил епископа на путь истинный и вразумил, как богоугодно распорядиться своим имуществом. Когда по грехам нашим, говорит описатель жития Григорий, Иверская страна подверглась нападению султана

сельджукидов Альп-Аслана, блаженный с учениками своими находился в городе Ахалкалаки Джавахетском (*25). Однажды в полдень, когда святой был среди своих учеников, на лице его внезапно выразились сначала изумление, потом испуг. Немного погодя, он сказал: "Скоро гнев Божий постигнет этот город", - и немедленно велел всем собираться в путь. Мы все, около восьмидесяти человек, удалились из города вечером того же дня, а чрез три дня город был действительно опустошен и сожжен, а жители частью перебиты, а частью уведены в неволю.

Пребывая в земле Иверской, многое исправил блаженный Георгий в церковных обрядах и всем показал путь к вечной жизни, объяснив заповеди и церковные правила письменно и словесно. Так умножил он данный ему от Бога талант, - ибо просвещение и принесение стольких душ в жертву Богу едва ли не выше было и чудного его перевода Божественных книг блаженный Георгий довершил дело проповеди святых апостолов Андрея и Симона, ибо Первозванный прошел всю Иверию, а Кананит совершенно вселился в ней: там почивают святые его мощи (*26).

По откровению свыше Георгий уразумел, что уже приблизилось время его кончины, и подвигея духом идти на Святую Гору, желая положить свои кости там, где воссиял ему свет разума Божественных Писаний. Помолившись Богу, он отправился к царю, чтобы объявить ему о своем намерении оставить отечество и сказал: "Благочестивейший государь! Как послушник твой, я повиновался воле твоей, оставив место своих трудов, где я был покоен вдали от мирских треволнений. Теперь послушай же и меня, убогого: прощу тебя, отпусти меня в места моих прежних подвигов, пошли меня назад и напутствуй твоими святыми молитвами и благословением. Я хочу быть близ могил моих духовных отцов и по кончине моей лечь рядом с ними, подобно патриарху Иакову, который скончался в Египте и был перенесен по его завещанию в общую гробницу его отцов, и положен вместе с Авраамом и Исааком. Если благочестие твое приобрело что-нибудь от моего присутствия и устроилось твое царство, благодать и честь принадлежат тебе, а не мне, потому что ты призвал меня возделывать ниву божественную, а не сам я пришел сюда. Во свидетельство тому прими свое письмо ко мне, в котором ты написал, что я живу без всяких забот о своей стране и Церкви Иверской, Я прибыл к тебе, в царство твое, и все должное исправил, теперь же отпусти меня к Царю вселенной, в Царьград, собирающий и упокоевающий всех тружеников, Велий Господь и хвален зело во граде Бога Сил, как говорит Псалмопевец (Пс. 47; 2)".

Государь проливал слезы от печали, умолял святого оставить свое намерение, но ничто не могло удержать преподобного Георгия от исполнения принятого решения. Все царство скорбело о нем, все, как дети, плакали о разлучении со своим отцом, ибо все сановники и епископы были его духовными чадами. Царь проводил святого с большим почетом, написал дружественное письмо императору Константину Дуке, вручил это письмо и богатые подарки для императора своему сановнику, который сопровождал святого.

Преподобного Георгия также сопровождали знатный муж Свингизи, монах Петр, бывший некогда патрикием (*27), архиепископ Иоанн Бедиели, вельможа Аарон и много учеников блаженного. Они отправлялись в путь в то время, когда царевна Марфа (*28) выдана была замуж за сына Константина Дуки. Царица Мария,

прощаясь с Георгием, напомнила ему: "Отче, вот как исполнилось твое предсказание о том, что Марфа будет царицей!"

Блаженный со своими учениками сел на корабль и после многотрудного плавания достиг Константинополя. На другой день по прибытии преподобный Георгий был приглашен в царские палаты императором, который и прежде знал его, и теперь слышал о нем похвальные отзывы. Когда святого провели в царские палаты, он поклонился венценосцу, произнес краткое приветствие, сотворил молитву о нем и благословил его. Царь, увидев ангелоподобное лицо блаженного и подивившись красноречию его, сказал Патриарху, стоявшему подле: "Благодарю Бога и царя Баграта Севастоса, что он послал нам сего подобного Ангелам мужа. Хотя он родом и грузин, однако хорошо знает православное учение и уставы нашей Церкви".

Императору подали письмо от царя Баграта Севастоса, и он прочитал вслух следующее: "Радуйся, о боголюбезный государь! Посылаю твоему величеству человека, подобного бесплотным, наставника всего нашего царства, Прими его, как подобает твоему величеству. Молитвами его Господь Вседержитель да утвердит царство твое". Между вельможами, окружавшими императора, когда тот беседовал с Георгием, было много знатных латинян и армян. Среди них был и царь армянский Гагик, бежавший в Царьград из своей столицы Ани. покоренной сарацинами. Вероятно, для того, чтобы рассеять ложное мнение некоторых греков, считающих грузин невежественными и не вполне православными, и для того, чтобы все увидели мудрость старца, а также и для общего назидания, император Константин начал при всех расспрашивать святого о различии между верой православной и другими исповеданиями, а затем о причине разделения двух Церквей. Святой дал мудрый и обстоятельный ответ.

Царь спросил еще преподобного, в чем разница между Грузинской Церковью и армянской, и нет ли в первой каких-либо отступлений от правил и постановлений Церкви Греческой. Блаженный, услышав это, громко, от лица всей Церкви Грузинской произнес Символ веры. Затем он подробно изложил по порядку православное вероучение и мудрыми словами в защиту веры своего народа удивил императора и всех его вельмож.

Затем святой сказал государю: "Вот вера, которую исповедует наш народ от времен святых апостолов и святой равноапостольной Нины до наших дней. Один раз приняли мы ее и уже никогда не изменяли и не изменим ей. И. если Богу будет угодно, наш народ будет содержать ее до скончания века". Тогда император сказал блаженному: "Благодарю Бога, что Он удостоил меня видеть тебя и слышать твои дивные суждения о вере".

Государь, обрадованный тем, что Георгий, приведя ясные доказательства, достойно и мудро защитил вероисповедание грузин пред всеми вельможами и знатью, снова обратился к блаженному, говоря: "Если имеешь, отче, нужду в чем-нибудь, то я с великой радостью исполню твою просьбу", - и милостиво отпустил его. Святой возвратился к себе. Тут встретил его настоятель Иверского монастыря на Афоне Георгий Олтисели (*29), муж высокой подвижнической жизни, бывший тогда в Царьграде. Он возрадовался, увидев блаженного, и сказал: "Благословен Бог! Сам Господь привел тебя обратно. Вот и монастырь твой пред тобою".

На другой день преподобного опять позвали в царские палаты. Он вместе с настоятелем обители Иверской отправился туда. и через некоторое время они предстали пред императором. Он ласково принял их и сказал блаженному: "Отправляйся, честнейший отец, в свою обитель, где начал ты свои подвиги, и продолжай там воспитание твоих сирот, ибо так писал о тебе нам наш брат. царь Баграт Севастос. Доброе дело, что он прислал к нам настоятеля лавры Иверской, но покажи мне твоих сирот, чтобы я мог оказать им милость". Император обещал исполнить тотчас все, о чем они попросят его, затем он повелел Георгию отправляться снова на Афон, сказав: "Если тебе не достанет чего-либо, отче, немедленно уведоми меня, и я помогу тебе". Получив такие обещания, иноки возвратились к себе.

На другой день, 24 июня, был праздник рождества святого Иоанна Крестителя. Георгий с некоторыми близкими учениками своими отправился в Студийскую обитель, чтобы поклониться честной главе великого проповедника и Предтечи. Поклонившись святыне, они причастились в обители Святых Таин и отправились на подворье их монастыря - Ксеалон.

Возвратившись домой, блаженный почувствовал небольшой жар. Близкие ученики святого думали, что это сделалось с ним после путешествия от чрезмерной усталости, так как святой имел привычку ходить пешком и никогда не ездил. По причине болезни преподобного Георгия его ученики оставались три дня дома, не выходя никуда, а на четвертый, накануне праздника святых апостолов Петра и Павла, блаженный велел готовиться к встрече с императором. Незадолго перед тем его уведомили, что государь желает видеть его сирот за городом в долине, называемой Филопатрос. Близкие ученики просили святого, чтобы он отложил встречу с императором по причине своей болезни до другого, удобного времени. Святой во всеуслышание сказал: "Если нынче не явимся к государю и не увидим его, то завтра уже не будем иметь никакой нужды в нем". Окружающие не смели противоречить ему, поэтому, собравшись, отправились к указанному месту.

Святой по причине слабости поехал на ослице. Достигнув долины Филопатрос, Георгий стал ожидать приезда государя. Тут был уже упомянутый Петр-монах, сопровождавший царевну Марфу, и вместе с ним Георгий составил челобитную государю.

Когда император приехал, все пали ниц, поклонились и пропели ему многолетие. Государь был изумлен множеством детей и их малолетством, ибо некоторым было едва ли по семи лет, и все они были облечены в короткие монашеские мантии.(*30) Державный похвалил милосердие страннолюбивого старца. Блаженный подал челобитную царю и сказал ему: "Я собрал этих сирот в Иверии и обучил их с помощью Божией, а теперь представил их пред лицо царского твоего величества. Воспитывай их по своему благоволению и охраняй как молитвенников о душе твоей, ради благоденствия собственных твоих чад. После Бога вручаю их души тебе". Рядом с императором стояли три его сына, армянский царь и римские сановники.

Государь приказал детям пропеть по-гречески наизусть часы, они тотчас исполнили это, затем приказал исполнить некоторые другие песнопения. После этого сам блаженный велел пропеть "Ныне отпущаеши", возвещая свое близкое отшествие к Богу. По окончании пения св. Георгий сказал, что завтра он переселится в вечность, но никто из слышавших не мог понять сказанного.

В конце царь поблагодарил и похвалил блаженного за просвещение его соотечественников и распространение между ними греческого языка, приказал выдать тысячу златиц сиротам и сказал: "Честнейший отец, монаршей милостью благоволю исполнить все, о чем ты просишь в челобитной, и с радостью сделаю это". Услышав о такой милости, все поклонились государю, и он уехал во дворец в сопровождении своей свиты.

Святой со своими сиротами отправился к себе. День клонился уже к вечеру, приближалось навечерие праздника святых первоверховных апостолов Петра и Павла. По обыкновению отслужили великое повечерие, святой благословил всех на отдых, а сам лег в постель, выпив самую малость какого-то напитка. Келейники хотели бодрствовать при нем и служить ему, но он не согласился и просил, чтобы остался только один из них на случай какой-либо крайней нужды. Начинался день праздника, была среда, 29 июля. Отслужили утреню по полному чину. Затем блаженный призвал к себе старших из братий и сказал: "Настал день моего отшествия в вечность, и поэтому прошу вас утешить всех". Он завешал по отшествии его соблюдать установленный чин и порядок. В то время некоторые братья отправились в храм Апостолов Петра и Павла, а некоторые оставались дома со старцами-дворянами и придворными вельможами Стефаном и Симеоном, которые в этот день находились у преподобного.

В третьем часу дня святой велел по обыкновению зажечь восковые свечи, воскурить фимиам и начать четырем чтецам читать по очереди, каждый по главе, святое Евангелие. Святой во время этого чтения сидел в постели и слушал. Когда последний чтец окончил Евангелие, то Георгий, перекрестив его, сказал: "Слава Тебе, Господи".

Сохранивший до своей блаженной кончины стремление к уединенной жизни, он не желал, чтобы во время его успения произошло какое-либо смятение, поэтому просил соблюдать молчание. Затем он вытянул ноги, сложил крестообразно руки и, погодя немного, осенил себя крестным знамением. На болезненном лице выступили капельки пота, блаженный произнес слова Господа: "В руце Твои, Господи, предаю дух мой", - глубоко вздохнул и предал святую свою душу в руки Божии, имея от роду пятьдесят два года, в 1066 году. Старцы велели иеромонаху, стоявшему у его главы, закрыть ему очи. По переселении святого в вечную жизнь братия дали немедленно знать об этом Петру-монаху. Он отправился во дворец и сказал государю; "Мир державе твоей и вечная радость тебе с чадами твоими! Тот святой старец, монах, который вчера представил тебе восемьдесят сирот и вручил их твоему попечению, ныне отошел к Богу. Ты, владыка земли, предпослал его к Владыке небесному. Вчера в это время он прощался с тобой, а нынче, разлучившись от святого своего тела и получив прощение от всех, достиг пристани Божественной. Вчера просил он у тебя милости своим сиротам, а нынче он молится о тебе Отцу сирот. Защитнику вдов и Владыке царей земных".

Император прослезился, на некоторое время задумался и затем сказал: "Слава Тебе. Господи Боже, что душу блаженного старца Георгия, подобно душам других праведников, Ты принял в обители Свои! Блажен ты, святой старец, что отошел ко Господу, - говорил государь, - надеюсь на твои святые молитвы, коими можешь помогать мне. Волю твою исполню непреложно". И приказал при нести к себе челобитную, поданную ему блаженным. В вей было написано следующее: "Государь боголюбезный, приими под свое покровительство этих сирот, как подобает твоему величеству, и оставь их, чтобы они возносили за тебя молитвы

Господу нашему Иисусу Христу и чтобы благоденствовали чада твои. Для утверждения Афонского Иверского монастыря пожалуй царскую грамоту с золотой печатью, чтобы обитель наша была совершенно свободна и чтобы эти сироты воспитывались и содержались в ней, и чтобы за все сие живущие в обители молились за тебя вечно Богу".

Прочитав, император благосклонно принял просьбы святого и немедленно приказал своему протонотарию приготовить две царские грамоты с двумя золотыми печатями. Одна из них, как просил блаженный, подтверждала все жалованные грамоты, имеющиеся в Иверской обители, и предупреждала всякое посягательство на ее права. В силу второй грамоты никто не смел выселить сирот из обители Иверской или причинить им какое-либо зло, так что они могли воспитываться и содержаться как чада Церкви на счет обители.

Император вручил обе грамоты монаху Петру, дал ему деньги, множество свечей и ладана и варенье с миндалем, велел поставить все это у гроба святого, сказать, что государь просит у него благословения, и прибавить от имени царя: "Вот, я исполнил твою волю и ныне прошу тебя: не забывай меня в святых твоих молитвах пред Господом". Петр, приняв грамоты и дары от государя, исполнил все, как было ему приказано, орошая гроб блаженного слезами.

В то время, когда честное тело Георгия лежало в доме, пришла одна женщина, бывшая ученицей святого, которая не успела увидеть его после того, как прибыл он из Грузии. Теперь, узнав о его кончине, она пришла и припала к его ногам, проливая горячие слезы и рыдая неутешно, и со скорбью говорила преподобному, как живому: "О отец мой святой, что ты сделал со мною? Я имела в душе много тайного, что желала передать тебе, и с нетерпением ожидала тебя, но долгое время не видела твоего святого лица," - и многое другое, рыдая, говорила она и затем ушла домой.

Эта женщина написала на бумаге все тайное, что имела в душе, положила бумагу в пакет и запечатала. Придя на другой день ко гробу, она положила пакет на грудь блаженному, при этом принесла ко гробу множество свечей и ладана и пожертвовала для братии овец. Женщина проливала у ног блаженного горячие слезы, затем взяла с его груди пакет и сказала ученику святого Григорию: "Прошу тебя, честнейший брат, положи этот пакет за пояс блаженному. Надеюсь, что Господь помилует меня и изгладит грехи мои". За сим она со слезами поклонилась телу святого и с плачем пошла к себе, Григорий исполнил ее просьбу и положил пакет за пояс блаженного.

Тело святого Георгия положили в ковчег из негниющего дерева и торжественно перенесли на корабль. Вся братия и все сироты, и ученики сели на тот же корабль и отправились на Афон. Когда приближались они к месту, называемому Эксамини, корабль остановился, с него сняли ковчег с мощами и отправились далее уже сухим путем, поскольку была угроза нападения морских пиратов. Путникам предстояло пройти шесть миль до того места, где их должен был ждать тот же корабль.

На большую телегу положили ковчег с мощами, все книги и вещи блаженного, а все братия, окружив телегу, . с пением и славословием сопровождали мощи богоносного отца. Впереди телеги шли диаконы, сзади - иереи, а с обеих сторон - остальная братия с сиротами.

Из сирот блаженного самым младшим был Пантелеимон, которого преп. Георгий любил более всех. В пути он занозил себе ногу, нагнулся, чтобы вынуть колючку, и попал под колеса телеги, так что она проехала по его спине. Братия, увидев это, закричали в один голос, думая, что телега раздавила его. Но верный слуга Господень, блаженный Георгий, по милости Христа Человеколюбца, получил от Него такую благодать, что и по смерти своей подавал сиротам своим помощь. По естественным законам такая тяжелая телега должна была раздавить отрока, но, к изумлению всех, он тотчас встал на ноги и пошел.

Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев, творяй чудеса Един (Пс. 67; 36)! Братия расспрашивали Пантелеимона, не болит ли у него спина. "Я не чувствовал даже, что по мне проехала телега", - ответил он. И не по годам разумно добавил: "Благодать святых мощей сделала колесо столь тяжелой телеги таким легким, что я ничего не почувствовал". И, невредимый, отрок продолжал путь.

Наконец процессия перешла Эксамини, все снова взошли на корабль и благополучно достигли Святой Горы. Монахи обители Иверской с величайшей радостью приняли путешественников, своих братий, и усопшего отца своего, как бы живого наставника и пастыря. С теми же почестями, с какими некогда встречали они блаженные останки Евфимиевы, встретили и раку Георгия: ученики святого с молитвами и псалмопением принесли ее в соборный храм Успения Пресвятой Богородицы и поставили пред гробницею святого и великого отца нашего Евфимия.

Братия монастыря не могли назначить места погребения без указания Католикоса Иверского Иоанна III и Петрамонаха, и тело святого оставалось сначала близ гроба святого Евфимия, а по прошествии трех дней перенесено было в церковь Всех святых, где стояло целый год. Ровно через год с согласия всей братии лавры и монаха Петра, по приказанию Католикоса настоятель Иверской обители Георгий Олтисели открыл гроб, и, к величайшему удивлению всех, тело святого оказалось совершенно нетленным, ни один волос не спал с его головы и бороды. Даже самое платье его сохранило совершенно прежний свой цвет и вид.

Тогда ученик блаженного Григорий вспомнил про письмо, которое он положил святому за пояс, и наедине рассказал об этом одному иеромонаху. Иеромонах по просьбе Григория вынул из-за пояса святого запечатанное письмо, раскрыл его у гроба преподобного и с величайшим удивлением увидел, что лист был совершенно чистым, все, что было написано на нем, изгладилось. Письмо снова положили святому за пояс. Затем братия обители торжественно, с псалмопением перенесли гроб блаженного из церкви Всех святых в соборный храм и положили в мраморной раке близ раки святого Евфимия, 24 мая, в день памяти святого Симеона, чудотворца Дивногорского († 596 г.). По благословению Католикоса Грузинская Церковь установила в этот день празднование памяти св. Георгия.

По распоряжению Патриарха Иверского была написана великолепная икона Божией Матери, изображающая Ее сидящей на престоле с Предвечным Младенцем на руках. Справа Ей предстоит святой Евфимий Святогорец, а слева - блаженный Георгий, украситель нашей Церкви и просветитель народа иверского. Братиям обители приказали поставить эту икону между двумя раками святых и повесить пред ней неугасимую лампаду, во славу и похвалу Пресвятой Троицы, Ейже подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОМУ И БОГОНОСНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ ГЕОРГИЮ СВЯТОГОРЦУ

О преподобне и богоносне отче наш Георгие, собеседниче Ангелов, апостолов сотрудниче, наставниче иноков, украшение отцев, святителей славо, похвало иереев, христианом покрове и всем нам, тепле молящим ти ся, скорый помощниче и великий заступниче! О всеблаженне Георгие, славо, державо, звездо и украшение Церкве Иверския, моли возлюбленнаго тобою Господа Сил, да сохранит бедствующую Церковь Иверскую и избавит нас от всех зол и от враг, видимых и невидимых. Умоли, отче преподобне, Царя Славы, да подаст рабом Своим благочестивую христианскую жизнь, веры православныя непорочное исповедание, кончину непостыдну и водворение со Ангелы, сожительство с преподобными, сопричастие с мученики, да удостоимся лицезрения в Троице поклоняемаго Бога, Емуже Единому подобает всякая слава, честь и держава ныне и в безконечныя веки. Аминь.

Страдание Шестисот Преподобных Отцов, Избиенных в Давидо-Гареджийской Пустыне

Память их во вторник Светлой седмицы.

Святой преподобный и богоносный отец наш Давид Гареджийский (*1) был в числе двенадцати учеников великого Иоанна Зедазнийского, пришедших вместе с ним в Иверию из Сирии по повелению Божией Матери. Ученики святого Иоанна были посланы проповедовать слово Божие по всей Грузии, каждый из них стал основателем монастыря и из него выходил на проповедь. Обители их служили источниками духовного просвещения и научения строгой христианской нравственности. Из основанных учениками святого Иоанна монастырей выходили архипастыри, пастыри, проповедники и великие подвижники Церкви Иверской, которые почти до наших времен были единственными светочами православной веры среди племен диких варваров, окружавших Грузию. Одним из этих источников духовного просвещения была и обитель Давидо-Гареджийская, Фиваида Грузинская, сиявшая всей Иверии почти до середины XVII века, когда, вследствие многих обстоятельств, погас этот светильник Церкви Православной. По правилу святого Давида в основанную им обитель запрещалось вступать сразу. Желающего жить с преподобным сначала посылали на пустынно-уединенную жизнь, подвизаться в пустыне, в высеченной им самим где-нибудь в скале маленькой и узкой келье, в продолжение трех лет. Если он выносил страшное даже для взора пустынное уединение, то святой отшельник принимал его. Подтверждением сего служат многие события жизни преподобного отца нашего Давида. Часто выходило так, что испытавший такую суровую уединенную жизнь не возвращался уже к святому Давиду, а мирно пребывал до смерти на избранном им месте, славословя Бога и имея самое близкое духовное общение с преподобным Давидом. К пустыннику с течением времени собирались желавшие подражать его жизни, так же, как и он, высекали себе киркой в скале кельи и начинали жить по уставу, данному святым Давидом. Так, еще при жизни святого Давида, вокруг его обители возникли новые монастыри, основанные самыми близкими его учениками: обители святого Додо, напротив обители святого Давида, и святого Лукиана. присного ученика преподобного Давида, именуемая ныне Иоанно-Крестительской пустыней, и другие. Так что через некоторое время

во всех скалах, окружающих обитель святого Давида, были высечены пещеры для двенадцати святых обителей и для бесчисленного множества келий и киновий, которые существуют до сего дня. Обитель, основанная преподобным Давидом была самой маленькой из окружавших ее монастырей. Эти двенадцать обителей-Воскресенская (Мученическая), Бертубани ("Квартал иноков"), Святого Додо, Иоанно-Крестительская, Чичхитури, Тетрсенакеби ("Белых келий"), Магазана, или Мгвиме, Колагири, Мохатули ("Расписанная"), Веран-Гареджа, Пир-Укугмари и сама лавра святого Давида, Теперь все они в запустении, за исключением двух монастырей. Иноки Давидо-Гареджийской пустыни имели обыкновение, когда был храмовый праздник в какой-либо из обителей, сходиться в нее отовсюду и единодушно праздновали этот день. В 1651 году все братия встречали Пасху в монастыре Воскресения Христова (*2). В то несчастное для Иверии время зверонравный персидский шах Аббас I с бесчисленным войском напал на Грузию, предав всю страну разорению и опустошению (*3). Он, насытившись кровью христианской, отправился охотиться в степях Караягских, принудив ехать с ним святого царя Луарсаба. Шах превозносился своими делами подобно Навуходоносору и думал, что в Караягах не осталось ни одной живой души,-и что же? К величайшему своему удивлению, ночью, лежа в палатке и предаваясь мечтам, шах увидел, что на краю пустыни, на горе, движется бесчисленное множество огоньков: это монахи всей Гареджийской пустыни обходили крестным ходом маленькую церковь, воспевая радостное для всякой христианской души "Христос воскресе!" Зверонравный в изумлении спросил своих приближенных: "Что это за огни двигаются на краю степи?" Приближенные отвечали ему, что это монахи гареджийские празднуют Пасху Христову. С яростью заревел алчный зверь: "А! Значит, не вся Грузия предана мечу! Еще остаются в живых монахи, а я думал,-говорил он,-что вся Грузия стерта под моими стопами! Изрубить всех их, чтобы к утру не осталось ни одной живой души, слышите? И все их жилища предать опустошению, и разоритьвсе до основания!" Напрасно приближенные просили и умоляли его пощадить ни в чем не повинных монахов: '"Напротив,-гово рили ему,-они в этой пустыне дают пищу и питие всем неимущим, приходящим к ним. Кроме того, таких молитвенников велит щадить сам Магомет".-"Смеете ли вы противоречить моему вседержавию и величию?" И сами заступники чуть было не сделались жертвами гнева шаха. Они были вынуждены повиноваться своему зверонравному владыке. Немедленно был снаряжен отряд воинов и послан прямо к монастырю Святого Воскресения, потому что он находится в скалах, обращенных к степи Караягской. Ночью, перед пасхальной утреней, Ангел Божий явился настоятелю обители, которого звали Арсений, и сказал ему: Господь наш, Иисус Христос призывает вас всех в небесный Свой чертог через принятие вами смерти от меча. В эту ночь будет великое испытание для вас: вы будете посечены мечем. Кто хочет спасти свою жизнь, пусть бежит или скрывается. А кто не хочет-будет посечен и увенчается от Господа. Объяви это всем собравшимся в обитель". Затем Ангел Божий стал невидим. Настоятель глубоко задумался о том, как открыть это братии, собравшейся для встречи Светлого Воскресения, а не для встречи меча агарянского. В таком расположении он приготовился служить после утрени святую Литургию. В это время к о. Арсению вошел по какому-то делу его келейник. Он увидел печаль на лице настоятеля и удивился этой странной перемене в нем. Келейник спросил кротко; "Отче, что с тобой? Почему на честном лице твоем глубокая и непонятная для меня скорбь, которая, как замечаю, предвещает великую напасть и горе?" После долгого молчания настоятель наконец ответил: "Чадо мое прелюбезное и ангелоподобное, в нынешнюю ночь Ангел явился мне и принес весть". "О чем?"-в изумлении спросил его послушник. "О том,-отвечал настоятель,-что все собранные здесь призываются через

посечение мечом к вечери Христовой, и мне велено объявить, что, кто хочет спасти свою жизнь, пусть бежит, а кто не желает, пусть ожидает острого меча и смерти. И теперь я не знаю, что делать, как объявить это собравшейся у нас братии". Послушник воскликнул: "Отче, стоит ли об этом горевать? Господь призывает нас к Себе,-неужели не идти к Нему, спрашиваю тебя? Для чего собрались мы в эту пустыню, как не ради того, чтобы нести взятый нами крест до конца? Напротив, отец мой, радуйся и обрадуй нас известием о том, что мы в эту ночь предадимся в руки Господа нашего Иисуса Христа. Думаю, что не будет здесь ни одного, кто бы мог не пожелать подобного исхода себе. Объяви отче, не бойся, все с радостью примут слова твои и приготовятся через смерть соединиться с Господом". Сказав это, келейник вышел, и в скором времени вся братия узнала через него о том, что повелел Ангел, и все приготовились к принятию смертной чаши. В монастыре Святого Воскресения началась пасхальная служба: братия обходили крестным ходом малую церковь на горе; спустившись оттуда, стали служить утреню и затем Литургию. Неожиданно в конце Литургии обитель окружили воины шаха, при громе барабанов и звуках зурны. Настоятель немедленно вышел к военачальнику и со слезами сказал: "Во имя единого Бога, позволь нам кончить Ему службу, а затем, что угодно будет, то и делайте с нами!" Слезы и прошения старца уважили. Очистив грехи свои горьким плачем и молитвой, все братия приобщились Святых Таин, и по окончании службы настоятель и за ним все монахи надели мантии. Настоятель вышел с крестом и жезлом в руках, и за ним вышли шестьсот иноков, в числе коих были братия всех обителей Гарджийских; настоятель встал лицом к липу с военачальником и сказал: "Теперь мы готовы. Делай, что повелели тебе! Мы стоим перед тобой без оружия, не почитаем государя твоего-шаха, ни во что не ставим закон вашего Магомета, отвергаем и проклинаем его! Лучше принять смерть, нежели повиноваться вашему бого мерзкому закону и вам, и вот, голову мою даю тебе, а за мной,-сказал настоятель, указывая на собор иноков,- и они радостно встретят меч твой". Настоятель первым был усечен, а затем разъяренные подобно зверям воины бросились с обнаженными мечами на других святых иноков и убили всех без исключения, разбросав их тела по всему двору монастырскому. Их оставили там на съедение птицам небесным и диким зверям, которых так много до сего дня в этой безотрадной пустыне. Затем всю обитель предали страшному опустошению и разрушению. Разоряя монастырь, несколько воинов вошли в маленькую церковь, в которой служил один схимник, старец высокой жизни. Они застали его почти перед самым Причастием. Бесчеловечные воины хотели в ту же минуту сбросить с маленького престола Святую Жертву, но старец немедленно принял всю Чашу и тем сохранил Святые Тайны от поругания варварами. Воин схватил за бороду святого старца и немедленно отсек мечем честную его голову. Так окончил дни своей жизни подвижник, имя которого внесено перстом Божиим в Книге Животной. Неистовый воин положил честную голову на престол, а тело осталось лежать на земле. Кровь из головы полилась потоком по каменному престолу и быстро запеклась, и доселе остается заметной на нем для взора благоговейного христианина. Кровь мученика обагрила также потолок и стены маленькой церкви и остается до сего дня видимым свидетельством этого события. На внутренних стенах церквей и келий Воскресенской обители до сего дня видны пятна крови убитых там мучеников, во свидетельство о их святой кончине. Остальные обители также преданы были мечу и поруганию. Таким славным был исход обителей, бывших почти двенадцать веков светочами Православия и святой жизни в Грузии. Небо засвидетельствовало мучения святых. На их тела, изрубленные в куски, опустились три светоносных столпа и стояли над всей местностью Гареджийской

в продолжение трех суток, и в воздухе видно было бесчисленное множество венков из роз, источавших необыкновенное благоухание. Только два послушника из всех братий, узнав о том, что возвестил Ангел настоятелю, убоялись смерти, и, посоветовавшись между собой, ушли из монастыря. Они перешли лощину между двумя обителями, святого Давида и святого Додо, поднялись на гору, называемую теперь Пер-Шихлу-Кярвань-эль. Перейдя гору, в которой высечена обитель св. Додо, они шли поспешно среди темной и глухой ночи, бегая смерти, и рассуждали между собой о случившемся. Наконец один спросил другого; "Куда идем? И зачем идем? Мы пришли в монастырь не из мира ли, а теперь подобно псам возвращаемся на прежнюю блевотину. Отчего не умерли мы с нашими отцами? Ради чего нам оставаться одним в этой горькой и тревожной жизни? Идем, брат,- говорил один другому,-умрем с нашими отцами и будем с ними в царстве Отца нашего Небесного". Внезапно их облистал свет, спускавшийся с неба в виде трех столпов на тела мучеников, и от этого света ночь почти что превратилась в светлый день. Братия обернулись назад и увидели, что с неба спускалось на обитель множество венков из роз, а два венка жалко плыли в воздухе вверх. Увидев это, послушники пустились бежать, как олени на источник, туда, где они жили прежде, к телам их убитых вождей духовных. Они спустились в лощину, разделяющую два монастыря, на дорогу между обителями св. Давида и Иоанна Крестителя, почти напротив маленького монастыря святого великомученика Иакова Персидского, над которым до сего дня стоит пирг, или сторожевая башня, с несколькими кельями. Там на дороге послушники встретили разъяренных подобно волкам воинов, перед которыми они исповедали Христа Бога, прокляли Магомета и его закон. Воины тут же изрубили страдальцев Христовых на мельчайшие куски и разбросали по земле их останки на съедение птицам и диким зверям. Но Бог, любящий и прославляющий святых Своих, и на сем месте явил знамение. Там, где были изрублены мученики, впоследствии выросла роза, растущая до сего дня на безводной, сухой и каменистой почве, ровно на самой середине дороги между обителями святого Давида и святого Иоанна Крестителя, которые существуют доныне. Роза эта вырастает не выше окружающей ее травы, потому что зимой пасущиеся там стада, принадлежащие кочевым татарам, выедают растительность почти до самого корня. Затем весной роза снова вырастает вместе с травой и цветет с мая месяца до самого конца июня. Она зеленеет посреди безотрадной пустыни, где вся растительность высыхает и обгорает от страшного зноя. Эта роза темно-малинового цвета и источает удивительное благоухание. Многие с верой пользуются ею для облегчения своих недугов и, молитвами святых, получают исцеления, чему я сам был свидетелем. Роза эта служит единственным украшением двух обителей в три дня Пятидесятницы. Сколько бы раз ни пытались пересаживать эту розу вместе с грунтом, поддерживая температуру, при которой она цветет, но на новом месте она не жила и засыхала. Впоследствии царь иверский Арчил II со всей тщательностью собрал кости мучеников и положил их в маленькой недостроенной церкви, в продолговатой, высеченной вверху в скале каменной гробнице. Христиане могут видеть их с южной стороны при святом престоле в алтаре. Святые кости стали источать благовонное миро и источают до сего дня, в подтверждение и верное свидетельство святой мученической кончины иноков. Это чудесное истечение мира из костей святых мучеников побудило новую братию, населившую лавру святого Давида и Иоанно-Крестительскую пустынь, просить Католикоса Антония I составить мученикам службу и установить празднование их памяти во вторник Светлой седмицы, на третий день Пасхи. Православная Иверская Церковь, празднуя этот день, просит святых мучеников быть ходатаями у Престола воскресшего Господа, да воскресит Он народ

иверский для жизни будущей и соделает чад ее гражданами Небесного Иерусалима (*4).

МОЛИТВА ШЕСТИСТАМ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКАМ ДАВИДО ГАРЕДЖИЙСКИМ

О небеснии граждане вышняго Иерусалима, преподобнии отцы наши, свётлыя звёзды пустыни Гареджийския и благоухание райское! Облагоухайте Церковь Иверскую молитвами и покрыйте покровом вашим! От рук Самаго Подвигоположника мзду трудов ваших приявшии, оградите своим покровом словесное стадо ваше от нашествия врагов невидимых, души верных чад Православия попрати и убити тщащихся! Отгоните от стада вашего ересей нечестивых нашествие и, предстояще Престолу всех Царя и Господа Иисуса, молитеся, да сподобит и нас предстательством вашим стати одесную Его и вкупе с вами славословити пречестное и великолепое имя Отца и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Молитва святых Божиих ("*Троицкие листки*")

Пророк Божий Исаия, изображая Иерусалим под особенной охраною Господа, восклицает: Сия глаголет Господь: блажен, иже имеет племя в Сион и южики е Иерусалим! (Ис. 31; 9). То есть, счастлив тот, кто имеет близких на горе Сионе и сродников в Иерусалиме: он найдет у них безопасное убежище и защиту от врагов в стенах священного города. Самим Господом охраняемого и покрываемого!

Если так говорит Господь об Иерусалиме земном, то не относится ли сие слово Его еще с большей силою к Иерусалиму Небесному? Поистине, блажен тот, кто имеет в горних селениях призных себе по вере в Спасителя нашего угодников Божиих, к которым может он прибегнуть в день скорби и просить у них благодатной помощи и заступления пред Господом!

Все святые, возлюбившие всем сердцем своим Господа и ради Него возлюбившие нас как братий своих о Христе, молятся за нас, побуждаемые любовию, которая николиже отпадает (1Кор. 13; 8) и едина вечно пребывает. Пребывая во свете лица Божия, они еще лучше, чем живя на земле, видят все наши нужды, скорби, все опасности, которые грозят нам на этом многотрудном жизненном пути. Любовь христианская есть дар благодати Божией неоскудевающий, она есть дыхание Духа Божия в душе человеческой: Бог есть любовь (1Иоан. 4; 8). Любовь Божия премлет молитву молящихся за нас святых Божиих, ибо в сей молитве они сами обретают свое блаженство, соделываясь участниками любви Божией к нам грешным! Знаем мы, что Бог не нуждается в чьем-либо ходатайстве за людей, ибо един Ходатай между Богом и человеками - Христос Иисус; но любовь Божественная ведает, сколь сладостно святым Божиим молиться за братий своих, за которых они и на земле готовы были, если бы можно было, сами отлучены быть от Христа (Рим. 9; 3) и быть изглажденными из Книги Жизни (Исх. 32; 32); ведает Господь, что в их святых сердцах обитает и влечет их к молитве. Его же любовь Божественная, и потому исполняет их молитвы во славу Свою и во спасение наше.

Возьмем пример. У тебя есть малютка-дитя; вот пришел ты в церковь Божию, хочешь поставить к иконе свечечку или подать нищему милостыню. Скажи мне: если ты подашь эту милостыню или поставишь эту свечечку рукою твоего малютки, не будет ли это для тебя приятнее, чем сделать это самому? А какая будет радость для малютки, когда ты его сделаешь участником твоего дела доброго! Вот так же и Господу Милосердному приятно проявлять Свое милосердие к людям чрез Своих угодников. И Он дивно проявляет любовь Свою к нам, грешным, в любви к нам святых Божиих, сродных нам по естеству нашему. Так любовь Божия объемлет нас отовсюду, содевая наше спасение в недрах Церкви Православной. Будем же со святым дерзновением прибегать к молитвенному заступлению святых угодников Божиих, наипаче же к Пресвятой Владычице нашей Богородице, предстоящей одесную Сына Своего и Бога и честнейшей Херувимов и Серафимов.

Примечания

1. Иверия или Иберия——античное и византийское название Восточной Грузии (Картли). (П.р.)

2. Картлис Цховреба—"Житие Картли" (груз.), сборник грузинских летописей XII—XVIII веков. Картли (Карталиния)—историческая область и Восточной Грузии, в долине р. Куры. С IV в. до Р. Х. — Картлийекое царство (Иберия), с конца X в, — ядро единого грузинского государства, по 2 пол. XV—XVIII вв. —Картлийекое царство. (П.р.)

3. Эта икона была принесена из г. Ацкура палестинским воителем царем Иверским Вагратом Великим и поставлена в Гаенатском кафедральном соборе близ г. Кутаиси на правой стороне иконостаса. См. об этой иконе: Муравьев, Грузия и Армения, книга III, стр. 184.

4. Существует предание, что сам св. Андрей поставил на этой горе железный крест.

5. Город Ацкур расположен при реке Куре, в верхней Карталинии, близ г. Лхалцыхе, в нем был построен храм в честь Божией Матери, бивший кафедральным собором епископа. Турки, завоевав город вместе с окрестностями, обратили всех в магометанство и, не уничтожив в продолжение трех веков грузинского языка, истребили, однако, все христианское. В 1828 году город был вновь присоединен к Грузии по мирному договору с турками, заключенному в Адрианополе. См. Города существующие и сущоствовавшие в Грузии, стр. 30, г. Ацкур.

6. Воеводы или представители областей.

7. Кларджетия - историческая область в юго-восточной части Причерноморья, у границы Анатолии (греч. "восточная", старое название западной части Малой Азии). С III в. до Р.Х. - в составе Иверии, в 1878-1918 гг. входила в Российскую империю, ныне - на территории Турции. Там было множество православных храмов. См. Сен-Мартен, том I, гл. 74. (П.р.)

8. Река Чорох орошает своими притоками юго-западные части Грузии, впадает в Черное море в трех верстах юго-западнее г. Батуми.

9. Сванетия - историческая область в Грузии на юго-западных склонах Главного Кавказского хребта, по правую сторону истока р. Кубани, присоединена к России в сер. XIX в. (П.р.)

10. Он говорит, что ап. Матфий проповедовал во Второй Эфиопии, как древние называли Колхиду, а именно восточные ее части, т.е. бассейн реки Алазани.

11. Осетия расположена при истоках р. Терек.

12. Этот народ занимал правый берег среднего течения р. Кубани.

13. Местность в горах Осетии; в 35 верстах от Владикавказа существует аул Суадаг, или Суанджаг.

14. Смотри об этом описание Муравьева. Грузия и Армения, часть III, стр. 295.

15. Об этом свидетельствует и святой Ириней, епископ Лионский. Он описывает заточение св. Климента Римского. Irinei 1 I, c. IX.

16. Предание о построении им семидесяти церквей читается у Иеронима, Церковная история, кн. III, гл. 28.

17. Тертуллиан в начале 1-й книги Против Маркиона, изобразив в мрачных чертах природу Кавказа и грубые нравы его жителей, описывает также Маркиона и его дела. Тертул. том III, стр. 451, пар. 2.

18. В настоящем издании соответствует III части книги. (Прим. ред.)

19. Картлис Цховреба—"Жизнь Картли" (груз.), сборник грузинских летописей XII—XVIII веков. (Прим. ред.)

20. Изначально, с V века первостоятель Грузинской Церкви облекается, как это было в Армении и Сирии, в сан Католикоса (греч. katholikos — всеобщий). С начала XI в. Католикос Грузии титулуется и Патриархом——"Католикос-Патриарх". (И. Джавахишвили, История Грузинского права, кн. II, вып. II, Тбилиси, 1929, с. 9—10, на Груз. яз.) (Прим. ред.)

21. Ныне Тбилиси. (Прим. ред.)

22. Царь Кахетинский и Имеретинский Арчил II (1664—1712гг.), умер в Москве.

23. 27 января (н.ст.)—Прим. ред.

24. Святая Нина была ближайшей родственницей великомученика Георгия (память 23 апреля/6 мая), а по одной древнейшей рукописи -двоюродной сестрой. Она ревностно старалась прославлять его имя и построила в честь его множество храмов в Иверии.

25. Древнейшее предание говорит, что хитон Господень был соткан Богоматерью. Ин. 19, 23

26. Ужики—название народа, когда-то жившего в ущельях Кавказских гор, но неизвестного теперь. Это название встречается в грузинском переводе Нового Завета в Деяниях апостолов, гл. 2, ст. 9, где читается так: "парфяне, мидяне, ужики и эламиты...". Названия "ужики" нет ни в каких других переводах Нового Завета. Откуда оно вошло в наш перевод, сделанный в V веке и окончательно исправленный св. Георгием Святогорцем в X веке? Положительно сказать нельзя. Название это есть во всех печатных грузинских изданиях Нового Завета.

27. Этот крест называют крестом святой Нины. О нем много говорят историки армянские. Этот крест оказался в руках армян после мученической кончины супруги грузинского владетельного князя (царя) Васкена царевны Шушаники. Васкен, став огнепоклонником, старался к этому же склонить и жену свою, но она не покорилась и получила мученический венец. Это произошло в середине VI века. Так как крест этот был родовым царским, то и переходил от одного венценосца к другому. Таким образом он достался св. Шушанике, может быть, как часть приданого. Но чтобы эта святыня не досталась ее мужу-богоборцу, она отдала крест иеромонаху Андрею вместе с церковной утварью и со святыми мощами, которые носила всегда с собой.

28. В то время столица не была еще перенесена из Рима в Константинополь.

29. Этот император воздвиг гонения на христиан после разрушения Никомидийского храма 23 февраля 303 года. См. Историю Церкви Чельцова, стр. 212.

30. Тиридат вступил на престол в 286 году и вначале был жестоким гонителем христиан, затем был обращен в христанство святым священномучеником Григорием, первым епископом армянским (память его 30 сентября/13 октября), и с того времени стал ревностным христианином. В 302 году в его правление была обращена в христианство и вся Армения. (Прим. ред.)

31. Помять этих святых мучениц, смерть которых стала причиной обращения ко Христу царя Тиридата и всей Армении, Православная Церковь, празднует 30 сентября/13 октября. Их мощи были положены в Эчмиадзинском монастыре. (Прим. ред.)

32. Жизнеописание святых мучениц есть также в Армянской истории Чимчиана, том I, стр. 378 на армянском языке и Моисея Хоренского, кн. 11, гл. 82. В Армянской Церкви день их памяти является переходящим праздником.

33. Джавахетские горы находятся на границе между Грузией и азиатской Турцией, там берет свое начало река Кура. (Прим. ред.)

34. Озеро Параван (Фараван) находится недалеко от местечка Цалка, к востоку от г.Диди-Абули. Это озеро с севера и с запада окружено отлогими склонами Джавахстских гор.

35. Эти села находились в окрестностях г. Мцхета, говорит географ Вахушт. Мцхета расположен при слиянии Куры и Арагвы, в 22 верстах от Тифлиса (ныне

Тбилиси—ред). Город был построен потомками Картлоса, правнука Иафета, построившими также множество крепостей и городов в Грузии, в том числе Деда-Цихе, Уплис-Цихе, Урбниси и Каспи. Мцхета служил впоследствии столицей для царей Грузинских до правления тридцать четвертого царя Дачи, который в V веке окончательно перенес столицу из Мцхета в г. Тифлис. Тифлис был основан еще в середине V века великим царем-преобразователем Вахтанг-Горгасланом. Ныне Мцхета—небольшое селение, в котором можно увидеть только остатки памятников зодчества, свидетельствующие о былом величии города. Среди них—великолепный патриарший храм Двенадцати апостолов, весь из разноцветного тесаного камня с резными украшениями, в нем под корнем кедра сокрыт божественный хитон и милоть пророка-ревнителя Илии. На северо-запад от этого патриаршего храма стоит великолепный храм в честь Преображения Спасителя, называемый Самтавро. Ныне здесь находится девичий монастырь, в котором живут двадцать насельниц-труженицы, добывающих себе кусок хлеба в великой скорби и печали. Самтавро выстроен первым грузинским христианским царем, св. Мирианом, также из цветных камней. На набережной р. Куры видны остатки обшивки тесаным диким камнем. На противоположном берегу Куры расположен великолепный огромный храм с изящной отделкой, нависающий над краем ужасной пропасти, подобно орлиному гнезду.

36. Этот мост был построен Помпеем в 65 г. до Р.Х., когда Помпеи вступил в Грузию. Через девятнадцать веков, при Императоре Николае I, он был возобновлен.

37. Там был город, известный под названием Армазика и крепость, выстроенная царем Бартомом, царствовавшим в Грузии после смерти его отца Артага. Когда римские войска под началом Помпея выступи-ли из Грузии, царь был убит в войне против Мириана II в 32 г. до Р.Х. Правление Вартома было замечательно тем, что он украсил и построил множество городов и крепостей. См. Тетрадь древней истории Грузии Баратова, стр. 59.

38. На этом месте теперь находится алтарь верхней церкви, называемой Самтавро.

39. Он первым из дома Сассанидов вступил на престол Грузинского царства. По пресечении рода Аршакидов в мужской линии в 265г. по Р.Х., грузинские вельможи обратились с просьбой к персидскому царю Сапору, чтобы он назначил одного из своих сыновей на грузинский престол. Он поставил царем Иверии своего побочного сына Мириана, который впоследствии был обращен в христианство святой Ниной.

40. Он царствовал 63 года, жил во время пришествия на землю Христа Спасителя, умер в 60 г. по Р.Х. в глубокой старости, оставив свое царство двум сыновьям Бартому и Картаму, между которыми и разделил страну. Адеркий около 55г. по Р.Х. воздвиг гонение на церковь Христову, основанную в Грузии апостолом Андреем, и убил в числе других апостола и брата Господня Симона Кананита, а также, вероятно, и апостола Матфия, избранного на место Иуды. См. Тетрадь древней истории Грузии князя Баратова, стр. 66; Краткую историю Грузинской Церкви Иосселиани, стр.4.

41. Он принял вместе с Дероком управление страной после смерти двух внуков Адеркия в 103 г. по Р.Х.

42. Она была дочерью знаменитого понтийского полководца Никатора. Будучи хорошо знакома с христианством, она воздвигла в Грузии статую Венеры.

43. Мухрани—большое село, лежащее недалеко от левого берега р. Ксани в Душетском уезде, почти в 39 верстах от Тифлиса. Село замечательно великолепными плодовыми садами, принадлежит князьям Багратион-Мухранским. В центре села—великолепная средневековая крепость, хорошо обустроенная внутри.

44. Гора Тхоти—на север от села Мухрани, недалеко от Мцхета. Царь Мириан построил церковь в честь св. Нины на вершине этой горы, на том самом месте, где она велела поставить св. крест. Гора эта находится на правом берегу реки Ксани.

45. Города Каспи и Уплис-Цихе построены в незапамятные времена братьями, потомками Картлоса, правнука Ноя, на левом берегу реки Куры.

46. Это были небольшие пригороды столицы Мцхета, теперь они неизвестны. Ныне близ него находится огромная старая разрушившаяся крепость, называемая Белтис-Цихе (Бебрис-Цихе), построенная над кручей р. Арагвы, на правом берегу ее. Возле этой крепости на две версты тянется между горами узкий проход Гартис-Кари (Мцхета-2)—то же, что "Гартские ворота".

47. Письмо это ни в греческих, ни в грузинских летописях не сохранилось.

48. Гора Армаз, со своими круто спускающимися к р. Куре оврагами находится на юго-запад от Мцхета. На ней, по преданию, похоронен родоначальник грузин Картлос. Грузинский царь Фарнаоз за 270 лет до Р.Х. поставил на его могиле идола Армаза, или, по-персидски, Ормузда. Впоследствии на этом месте была построена церковь в честь с.в. Нины. Гора же Заден находится на северо-восток от Мцхета, на ней был поставлен царем Фарнаджем IV за десять лет до Р.Х. идол Заден, сокрушенный св. Ниной. Впоследствии, в половине VI века, на этой горе поселился св. Иоанн, светлая звезда Церкви Иверской, двенадцатью учениками.

49. Цихе-Диди, что значит "большая крепость", находилось на правостороне реки Куры на юго-запад от Мцхета.

50. Ныне Сигнахский уезд со степями Ширакской и Ганджийской. Фероз с остальным народом принял св. Крещение при царе Бакаре, сыне царя Мириана, перед войной с армянами, которых затем победили общими силами царь и его вассал. См. Картлис-Цховреба, стр. 101

51. К великому сожалению, потеряно это драгоценное сокровище Церкви Христовой.

52. Эрушети лежало в верховьях реки Куры, на обоих ее берегах, Ахалцыхской области. В нем был выстроен от имени Константина Великого великолепный храм. См. Географию Вахушта, стр. 104.

53. Или "гора пещер", она находится в 25 верстах на юго-запад от Мцхета, но правую сторону реки Куры, здесь учениками св. Шио был основан мужской монастырь в честь и славу Успения Богоматери, называемый Квабтахевским.

54. Находится почти в 109 верстах от Тифлиса, теперь оно называется Бодбис-Хеви. На пути к этому селу, в трех верстах от него, в храме, выстроенном самим св. царем Мирианом, находится гробница св. равноапостольной Нины, светила Иверской Церкви.

55. Этот крест был отбит у персов девятью братьями князьями Амилахваровыми во время нашествия. Все они погибли, и уже последнему брату достался крест, который он и поставил в придворной церкви князей Амилахваровых в Чала.

56. Этот крест, вероятно, тот самый, который стоит в селении Ахмета в церкви.

57. На левом берегу р. Иоры. Уджарма была огромным городом и резиденцией царей Кахетинских, а ныне это большое село. Она построена за три нека до Р.Х. царем Саурмагом. См. кн. Иосселиани Города существовавшие в Грузии, стр. 67.

58. Этот крест был перенесен за престол Мцхетского патриаршего собора перед разорением Тамерланом храма, построенного в память об установлении этого креста на противоположной стороне Мцхета на горе. Царь Теймураз II обложил этот крест серебром в 1725 году, а бывший в свое время экзархом Грузии высокопреосвященнейший митрополит Санкт-Петербуржский Исидор, второй восстановитель святынь Иверии, поставил крест за престолом Мцхетского собора.

59. Эта пещера стала известной благодаря целебному источнику называемому Дзудзус-Цхали, или "родник груди". Он был назван так потому, что матери, у которых высыхает молоко, приходят туда и, проведя ночь в молитве, получают исцеление предстательством св. Нины. Вокруг пещеры растут великолепные деревья, тогда как на каменистой скале, кроме кустарников колючки, нет никакой растительности.

60. Память этого священного и радостного события царь Мириан, с согласия всего народа, постановил совершать в день Святого Воскресения Христова, что и доныне свято соблюдает вся Иверия.

61. Эти народы и теперь живут в горах, откуда берет свое начало р. Арагви и ее левые бокевые притоки.

62. Местечко Чалети, ныне Ялети, на левом берегу верховья реки Иоры.

63. Этот народ живет в верхней Кахетии у верховья р. Иоры и на левом берегу реки Арагвы.

64. Тушетия—горная страна, находящаяся у верховья реки Аргунь, впадающей в Терек с правой стороны.

65. Буквальный перевод.

66. Донине мощи св. Нины почивают в Бодбийском храме, обновленном блаженной памяти митр. Иоанном, скончавшимся в 1837 г. При храме была кафедра Бодбийского митрополита, управлявшего епархией Кизикской до Кондолы и, по уважению к могиле святой, возлагавшего там венец на царей Кахетинских. Но после смерти последнего грузинского митрополита Иоанна, к величайшему сожалению, была упразднена кафедра и учреждена архимандрия,

поэтому-то уменьшилось распространение христианства среди горцев. После долгого управлениям архимандритами бедным имуществом собора, он перешел в ведение одного иеромонаха, управляющего только одними голыми стенами храма, дошедшего до совершенного разорения от величайшего невнимания. У храма отобрали все, служащее поддержкой и источником дохода, даже гроб св. Нины от бедности не имеет ни одной лампады, которая освешала бы темный маленький придел. Вот настало время, когда почти через XV веков сбылись слова блаженного царя Мириана, который говорил епископам перед своей смертью: "Блюдите, чтобы место то не пришло в запустение". Его Светлость князь Грузинский Иоанн Григорьевич, видя сам и знал по моим словам тяжелое положение собора (- нуждающегося даже в самом необходимом, сделал купольные кресты и послал через меня для поставления на положенных местах... (В 1889 г. в Бодби по воле императора Александра III был основан женский монастырь во имя св. равноап. Нины. В 1901 г. в обители жили около 800 сестер. — ред.)

67. Они были погребены в Самтаврском храме, от южных дверей внутрь налево, при входе из малой церкви в большой храм. Беднейшая, едва приметная плита булыжника вровень с полом показывает место захоронения распространителей веры Христовой в Грузии.

68. 20 мая (н.ст.) - Прим.ред.

69. Житие св. Иоанна изложено пространно католикосом Арсением в XII веке, здесь приводится перевод этого текста.

70. Господи, помилуй (греч.). (Прим. ред.)

71. Прибытие туда св. Иоанна относится ко времени правления Парсмана II (541-555), который царствовал в сер. VI века. См. книгу Иосселиани Краткие жизнеописания святых Грузинской Церкви, стр. 64, Св. Иоанн Зедазнийский.

72. Ср. 1 Кор. 4; 4.

73. Кончина св. Иоанна последовала вскоре после смерти возлюбленного его ученика св. Шио, скончавшегося также, вероятно, при католикосе Макарии (556-572).

74. 22 мая (н.ст.) - Прим. ред.

75. Обитель св. Шио находится в 30 верстах от г. Тифлиса, в Душетском уезде, на левом берегу Куры, в горах Саркинетских. Жизнеописание св. Шио составлено сподвижником его Мартирием Греком (в миру Иоанном), знавшим святого еще в Антиохии; оно было написано первоначально по-гречески и прислано из Константинополя в Грузию. Это жизнеописание и две молитвы св. Шио должны быть отнесены к очень немногим дошедшим до нас памятникам древне-церковно-грузинской письменности, наряду с подлинником жития св. равноапостольной Нины.

76. Ср. Лк, 9; 62.

77. Прибытие св. Шио в Иверию относится к первой половине VI века, к: царствованию Паремана VI (541-555). См. Историю Грузинской Церкви, 2 изд., стр. 40.

78. В летописях дом Евагрия значится в Насдаке, расположенном на левом берегу р. Куры, там же, в окрестностях монастыря (.Шио-Мгвимского-ред). См. Географию Вахушта, стр. 216-217. После Наспарсеви, как об этой местности, так и о местности, прилегающей к великой крепости, упоминается в древних монастырских актах.

79. Этот источник находится в монастыре южнее бывшей братской трапезной.

80. На этой горе впоследствии был построен храм в честь и славу Животворящего Креста Господня, имевший в длину 2 саж. с половиной, в ширину - полторы сажени, весь расписанный византийской живописью с золотом, превосходной работы. Вход в храм с северной стороны, над входом большой купол, служащий колокольней, поддерживаемый большими колоннами.

81. Главный храм в честь Успения Божией Матери, впоследствии без купола, длиной 15, шириной 9, высотой 18 сажен. Богослужение в нем совершается одним иеромонахом, который заменил тысячную братию этой обители... Второй храм-в честь Рождества Иоанна Крестителя, длиной 13, вышиной с куполом 10, шириной 4 саж., с четырьмя приделами: первый во имя великомученика Георгия, второй-великомученицы Марины, третий--сорока мучеников, а в честь кого освящен последний, неизвестно.

82. Логовище волка находится с южной стороны бывшей братской трапезной.

83. См. Пс. 38; 13-14; Пс. 140; 2.

84. См. Пс. 87; 7; Пс. 142; 7-8.

85. Ср. Пс. 131; 4-5.

86. Ср. Пс. 17; 29.

87. Церковь Иверская празднует память св. Шио 9 мая (ст. ст) - в день его кончины и в четверток сырной недели и воспоминание дивных его чудес.

88. Молитва составлена самим автором сей книги.

89. Грузинское название Гареджи означает 'уединенное место, удобное для иноческих подвигов". Но вернейшее объяснение названия Гареджийской местности мы видим в слове "Каредж", или "Кареджи". Это-название острова в Персидском заливе, означающее "вне", т.е. "самый внешний остров", Гареджийская местность действительно по отношению к Грузии является внешней, отдаленной от центра Грузии и необитаемой. Ранее здесь было двенадцать обителей, высеченных в скалах. Две из них наполовину разрушились, остальные опустели и остаются в развалинах.

90. Вот как рассказывается об этом происшествии. При жизни св. Давида на месте нынешней церкви Кашвэтской жила одна отшельница, которая сделалась

беременной. Удивленные этим духовные власти требовали от преступницы, чтобы она объявила имя соблазнителя. Враги св. Давида, огнепоклонники, жившие еще во множестве в Тифлисе, подкупив женщину, добились, чтобы она оклеветала праведного Давида, грозного противника огнепоклонства.

91. В 60 верстах от Тифлиса на восток по левому берегу реки Куры.

92. Св. Давид духом прозрел, что в образе змея кроется древний враг, и изгнал его из пустыни Гареджийской.

93. Ср. Пс, 103; 27.

94. В Гареджийских пустынях нет воды пригодной для питья в достаточном количестве, и потому везде сделаны искусственные колодцы, к которым проведены каналы для дождевой воды от высоких горных кряжей, окружающих пустыню.

95. Куропаток и теперь много по всей этой Фиваиде Грузинской.

96. Под варварами разумеются арабы. Аравитяне в эту эпоху начинали уже рассеиваться по Грузии и Армении и селиться там, но их опустошительное нашествие ни на то, ни на другое царство еще не началось.

97. Он скончался в 882 году, ходил в Иерусалим и жил некоторое время в пещере св. пророка Илии Фесвитянина. По возвращении из пустыни Иорданской поселился опять в Давидо-Гареджийской обители. Узнав о святости его жизни, его вызвали из пустыннического уединения на кафедру Ниноцминдскую, но он тайно удалился в Грецию через Константинополь и поселился в одном из монастырей в горах Олимпа Фессалийского. Через пять лет он посетил Рим, где жил два года. Потом окончательно поселился в Фессалии же, где и почил мирно 19 ноября (ст. ст.). Император Василий Македонский перенес останки святого из Фессалоники в Константинополь и положил их под алтарем построенной им церкви во имя Св. апостолор у Романских ворот.

98. Там есть два водных ключа, один от другого в двух саженях: один по молитве святого услажденный, а другой--с той же горечью, негодный для питья. Его называют Меррою Грузинской Фиваиды.

99. Преподобный Давид скончался в первый четверток по Вознесении. Как современник и ученик св. Иоанна, он, по всей вероятности, и умер раньше Иоанна, время его смерти поэтому можно отнести ко второй половине VI века. Святая Церковь Иверская празднует его память в первый четверг после Вознесения.

100. 10 сентября (н. ст.).

101. Васкен Питахши (Питиахши), сын Артубана Питахши, был царем Ранским, зависимым от царя Грузинского.

102. 10 сентября (н. ст.).

103. 15 октября (н. ст.) - Прим.. ред.

104. См. Опыт византийской хронологии Мюрельта, Император Ираклий. стр. 279 и далее.

105. История называет его Глухим потому, что он не внимал никаким советам своих приближенных.

106. См. Картлис Цховреба на грузинском языке, Царь Баграт IV Великий, стр. 219, а о перенесении святых мощей-та же статья, стр. 222.

107. 21 января (н. ст.) - Прим ред.

108. 30 января (н. ет.) - Прим ред.

109. Фирман-указ государя в странах Ближнего и Среднего Востока - Прим. ред.

110. Впоследствии на месте стжжения св. Або, С.В.Сафонов, после полученного им исцеления от святого, устроил в каменной скале часовню. Но с течением времени она совершенно разрушилась. Мною в 1868 г часовня была возобновлена и украшена.

111. 26 сентября по н. ст.

112. По грузинскому обычаю прежнего времени, который отчасти сохраняется и теперь, дети с самого раннего возраста учились Священному Писанию, и в этом заключалось их первоначальное воспитание, отчего так твердо укрепилось и стояло в Грузии Православие, тогда как вся Передняя Азия в то время была населена дикими варварами.

113. См. о нем "Картлис Пховреба", на грузинском языке, стр.114 - 123. Царь Теймураз умер схимником в 1663 году в персидском городе Астрабаде - (Астрахан - Б.С.), откуда тело его перевезено было в Алавердский собор и предано земле. Он описал в стихах мученичество своей матери, его перу принадлежат стихотворение "Роза - Соловей" и многие другие.

114. Мудрая Кетевань знала, что старый царь Александр любит Георгия и поэтому может завещать престол ему, а не законному наследнику Теймуразу. Знала также, что Георгий, сделавшись царем, может легко погубить Теймураза. Поэтому, призвав к себе своего вельможу Шермазана Чолокаева, взяла с него клятву в верности себе и своему сыну и с ним послала Теймураза к персидскому шаху Аббасу I как заложника. Шах воспитал Теймураза, и тем юноша был спасен от погибели. См. Картлис Цховреба, статья Царь Давид II, стр.112.

115. Картлис Цховреба на грузинском языке, стр. 113.

116. Исход дела действительно оказался крайне неблагополучным для Константина. Господь попускает совпадения подобного рода, примеры чего мы видим в Священном Писании, это нисколько не говорит об истинности языческих книг: Если восстанет среди тебя пророк или сновидец и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он сказал тебе, говоря: "пойдем и послужим богам иным, которых вы. не знаете", - да не послушаете слов пророка сего или сновидца сего; ибо искушает Господь Бог вас, чтобы узнать,

любите ли вы Господа Бога вашего от всего сврдца вашего и от всей души вашей (Втор. 13; 1 - 3). (Прим. ред.)

117. Город Греми, древняя столида Кахетии, находился у подошвы гор, отделяющих Кахетию от Дагестана, при речке Греми, впадающей в р. Алазань. Он был основан в глубокой древности, до начала XVI века служил столицей Кахетинских царей. Жесточайший враг Грузии, шах Аббас I, полностью разрушил его, предан совершенному разорению, часть жителей взял в плен, а часть разогнал- Город уже более не восставал из развалин. Из древних памятников в нем уцелел только храм святых Архангелов, где погребен кахетинский царь Леон V, скончавшийся в 1554г. О былом величии города свидетельствует множество развалин, которые находятся в Телавском уезде. См. Географию Грузии Вахушта, стр. 316.

118. Моурав (груз - опекун, управляющий) - административная должность в феодальной Грузии, на которую назначались представители дворянской знати. Они следили за исполнением царских указов, судебными разбирательствами и т.д.

119. Албания - Кавказская страна, расположенная к юго-востоку от Грузии, включающая бассейн нижнего течения Куры и часть бассейна Аракса- Грузинские Патриархи в своем титуле именовались и Албанскими.

120. Сатрап - в древнем Персидском царстве наместник провинции (сатрапии), пользовавшийся всей полнотой административной и судебной власти, (Прим.. ред.)

121. Молитвы на сон грядущим, молитва восьмая; Пс. 18; 6.

122. См. Римл. 8; 35, 38 - 39.

123. Молитва взята из стихов царя Теймураза о мученичестве святой.

124. Молитва составлена самим автором этой книги.

125. 5 июля по н. ст. Житие и страдание святого довольно пространно описаны Католикосом Виссарионом

126. Местечко Цхинвали находится при р. Большой Лиахви в Горийском уезде. В древности это был замечательный город, основанный грузинским царем Асфагуром (1705 - 1724гг.), затем Католикосом Антонием (1744 - 1788гг.) и многими другими лицами- Я пользовался творениями Католикосов Антония и Виссариона.

127. Эртацминда находится в Карталинии при реке Тедзами, название происходит от искаженного слова "эстатедминда", то есть "святого Евстафия", во имя которого освящен престол эртацминдского храма.

128. Цхиэртский замок находится в Карталинии, в княжестве Сабаратиано, расположен между притоками р. Куры, Тедэами и Кавтис-Хеви, на таком же расстоянии от Тифлиса, как и монастырь Кавтисхевский. Замок этот построен в древности грузинскими царями и известен в народном предании как замок царя

Симеона Великого, потому что царь Симеон, постоянно воюя с турками, имел тут свою резиденцию. Замок этот до сего времени еще цел. Он построен на самом укрепленном месте, защищенном с трех сторон отвесными скалами и потому неприступном со всех сторон, кроме восточной. В этом замке, теперь совершенно пустом, есть церковь. Из гор подземными трубами в замок проведена ключевая вода.

129. Местечко Одзиси находится у истоков маленькой речки Квельтис-Цкали, впадающей в приток р. Куры - Алгет, а Квельта расположена при впадении упомянутой речки в Алгет.

130. См. Жизнеописания святых Грузинской Церкви, часть I, Житие и подвиги св. равноап. Нины, просветительницы Грузии.

131. Книга 2, куплеты 5 - 7.

132. Гостибские высоты находятся между реками Кавтис-Хеви и Тедзами. Местечко Квенадризи при р. Тедзами находилось напротив большой крепости Зеда-Дризи в Карталинии.

133. Долина Доэсская - это правая часть низменности, где протекает р. Тедзамис-Цкали, от Эртацминды до места впадения этой реки в Куру и вверх по течению Куры почти до г. Гори, по правому берегу.

134. Кавтис-Хеви находится в восьми верстах на с.-в. от Ахалкалаки, а от Тифлиса на с.-з., на расстоянии почти сорока пяти верст, при р. Кавтис-Хеви. Долина Ниаби находится между р. Курой и устьями р. Тедзами и Кавтис-Хеви.

135. Каменный фундамент, на котором основан был мост, виден до сего дня на обоих берегах р. Куры, к западу от нового моста.

136. Ташис-Кари находится неподалеку от нынешнего г. Сураши, на левом берегу р. Куры.

137. Эристав - букв. "глава народа" (впоследствии служит и фамильным названием) - чины царской администрации, правители области. (Прим. ред.)

138. Селение Квсиадкоци находится в верхней Карталинии, недалеко от устья речки Пзис-Проне, левого притока р. Куры, в Гориском уезде, почти на середине пути между городами Гори и Сурами.

139. Кортанетские теснины получили название от местечка того же имени, лежащего близ них на правом берегу р. Куры и на левом берегу речки с тем же названием, впадающей в реку Куру.

140. 72 правилом VI Вселенского Собора и 31 правилом Поместного Лаодикийского Собора воспрещается такой брак. Временами грузинских девушек выдавали замуж за магометан, что происходило не от терпимости, а от страха и бессилия. Это вызвало справедливый упрек Греческой Церкви и побудило II Константинопольский Собор постановить по сему предмету особое правило.

141. Местечко Носте существует до сих пор. Оно находится верстах, может быть, в пятнадцати на северо-запад от монастыря Кавтисхевского, неподалеку от храма Евстафия Плакиды.

142. Город Кирополис лежал на южном берегу Каспийского моря, неподалеку от нынешнего города Решта-Гилянского.

143. Это место находится на севере от Мцхета, около десяти верст вверх по течению р. Арагвы, против горы святого Иоанна Зедазнийокого и Сагурамо.

144. Так пишет путешественник Шарден, бывший в Персии и Грузии В 1670 году: "Аббас находился в этой стране со своей армией, которую вел моурав из грузин. Численность армии увеличивалась с каждым днем. Упование и обещания сближают одних, страх или желание мести утверждают других". Voyages de Chardin, tom 3., pag. 127, Париж, 1829г.

145. В сочинениях царя Арчила он именуется Мусаибом, а у других историков именуется Сару-Ходжа.

146. Шах намекал на царя Теймураза,

147. См. Иоан. 15; 13.

148. Лихские горы находятся между Карталинией и Имеретией, они разделяют бассейны рек Куры и Квирилы. Город Набактеви лежал на правом берегу левого притока реки Куры - Алис-Проне. На месте этого города в Горийском уезде и доныне существует местечко с тем же названием.

149. Извлечение из историка Мунджи, описавшего походы Аббаса I, читаем вBulletin de la Glasse Hist. philolog. de l'Acad Sc. de S..P.B. tom 3, pag. 4-7.

150. Кафедральный Сионский собор - великолепный памятник грузинской архитектуры, украшение Тифлиса. Он заложен тридцать девятым царем Иверии Гурамом в 576 году, а совершенно окончен владетельным князем Адарнасом.

151. Эта охота, невидимому, происходила под самую Пасху. Я так предполагаю потому, что зверонравный шах приказал изрубить мечами монахов Гареджийской пустыни в самую ночь Воскресения Христова, во время своей охоты в Караясах, а охотился он в Караясах только один раз, как это показывают все исторические документы. Святая Церковь Иверская причислила этих монахов к лику святых мучеников после того, как стало совершаться знамение Божие, происходящее и до сего дня - истечение святого мира от их костей. Память этих святых празднуется во вторник Светлой седмицы. См. ниже, Страдание шестисот святых отцов, избиенных в Давидо-Гареджийской пустыне.

152. Пс. 88; 7 и 105; 2.

153. А. Н. Муравьев в житии великомученицы Кетевани упоминает о направленном русским государем к шаху посольстве с ходатайством о царе Луарсабе. Посольство не достигло успеха, так как шах, узнав о его приближении, поспешил задушить святого царя. А.Н.Муравьев, Жития святых Российской Церкви, Сентябрь, стр. 226.

154. 12 декабря по н. ст. Тринадцать сирийских отцов - ев. преп. Иоанн Зедазнийский и его двенадцать учеников, великие учителя благочестия Иверии, пришедшие туда по повелению Божией Матери, См. жития некоторых из них в I части этой книги, - ред. Страдание сщмч. Авива описано Имеретинским и Абхазским Католикосом Арсением Великим (1390 г.), возведенным на патриарший престол соединенного царства его современником, имеретинским царем Георгием I, братом Александра I (1389-1392гг.). Описание страданий св.Авива заимствовано было у Католикоса Арсения Великого Католикосом Антонием I и внесено им в его "Мартирику", а затем было внесено в "Большой Синаксарий Иверской Церкви". Я пользовался книгой Антония I, "Синаксарием", различными короткими замечаниями Иосселиани и "Грузинской хрестоматией" Давида Чубинова. Некреси, где была кафедра св. Авива, находится в горах, близ селения Кварели, в Кахетии, на реке Кварелис-Цкали, впадающей в Алазань. Город был построен царем Фарнаджем в 109 году до Р.Х. Когда Грузия была просвещена верой Христовой, царь Тиридат (393-405гг.) построил там церковь и учредил кафедру всей Алазанской области. В начале XVII в. города уже не существовало, но в местечке Некреси пребывали еще епископы с титулом Гагмамхарских и Дидойских. Последним из них был Амвросий, скончавшийся в начале XIX в. Из древних строений города уцелели остатки укреплений, защищавших его от горцев, и кафедральный собор, который постепенно разрушается. См. Географию Вахушта на грузинском языке, стр.314.

155. Город Рехи находился в северной Карталинии на речке Рехис-Цкали. Он служил иногда местопребыванием персидских правителей Грузии. На месте этого города ныне маленькое селение. Оно находится в Тифлисской губернии, почти на границе Горийского и Душетского уездов, недалеко от нынешнего местечка Чала.

156. Преп. Симеон Столпник (+596), память 24 мая/6 июня.

157. Местечко Икалто до сих пор существует в Верхней Кахетии, в горах Кахетинских, за горами Гомборскими. Там есть большой каменный собор, где почивают под спудом святые нетленные мощи преп. Зенона Икалтского, ученика преп. Иоанна Зедазнийского. Собор постепенно разрушается. Я полагаю, что святитель сам избрал путь через местечко Икалто, желая по дороге посетить своего собрата и сподвижника-святого Зенона Икалтского, так как св. Авив, будучи затем приведен во Мцхета, посетил также и другого ученика св. Иоанна, преп. Шио Мгвимского, и простился с ним (см. его житие в I части книги).

158. Страдание и смерть священномученика последовали при Католикосе Макарии (556-572 гг.), в царствование в Карталинии царя Бакура Ш.

159. 0снованной св, Исидором Самтавийским, учеником св. Иоанна Зедазнийского.

160. Так говорит и академик Броссе. См. Вахушт География Грузии, стр.314, описание Кахетии, под чертой, первое примечание Броссе. Об этом же говорит и царевич Вахушт. Он пишет, что святитель погребен в Самтавро, а не в Мцхетском патриаршем соборе, как это ошибочно объясняет Пурцеладзе. Самтавро - один из первых храмов, построенный первым христианским царем в Грузии, святым Мирианом, -это нынешний собор Мцхетского девичьего монастыря. Об этом соборе см. "Жизнеописания святых Грузинской Церкви", часть I.

161. 30 ноября по н. ст. Страдание святых мучеников подробно описано блаженной памяти святым Стефаном, епископом Мтбевельским, в конце X века по приказанию правителя Ашота, сына Адарнаса II.

162. Эмир (араб.) - титул мусульманского владетельного князя в некоторых странах Азии и Африки. (Прим. ред.)

163. Царь Сумбат не мог ни на кого положиться, ибо в борьбе с врагами погибли самые лучшие его военачальники, а впоследствии —неустрашимый воин, мученик Христов Гоброн-Михаил. Силы царя были истощены, и, не зная, что делать, царь заперся в неприступную крепость Эрандшаг (Капоэтскую) со множеством безоружного народа. Эмир, узнав об этом, двинулся к крепости, окружил ее и взял приступом после долговременной осады. Воины эмира убили множество народа в крепости, взяли в плен Сумбата и с ним многих знатных мужей и жен армянских. Оттуда богомерзкий эмир отправился в полуразрушенный город Двини. Он приказал повесить несчастного царя Сумбата на дереве на глазах у всех посреди армянской столицы. О царе Сумбате см. Историю Грузии средних веков князя Баратова, тетр.3, стр.19—22. Картлис Цховреба, стр.195 и 196, Царь Адарнас II.

164. St. Martin. sur. l'Armen, t.1, p. 353.

165. Знаменитая крепость Квелийская находилась в области Самцхе, на левом берегу речки Джакис-Цкали, впадающей в Куру с левой стороны. Она принадлежала знаменитому Гургену-эриставу. Крепость эта, столь славная в древности, ныне в запустении, находится в Ахалцыхской области, почти на границе между Грузией и Турцией.

166. За эти качества он был прозван Гоброном, что значит на арабском языке "мужественный, храбрый".

167. Ср. Филип. 1; 21.

168. Где именно погребены мощи святых - неизвестно.

169. 1 октября по н. ст. Страдание этих мучеников подробно описано Католикосом Антонием I. Князья Чолокаевы, потомки святого мученика Бидзина Чолокашвили,или Чолокаева (Матакарани-Тафель-Декера), живут в Кахетии.

170. См. жития св. великомученицы царицы Кахетинской Кетевани и св. мученика царя Карталинекого Луарсаба.

171. Этот великолепнейший собор, один из первых в Грузии по своей величине и прекрасной архитектуре, подобно горе красуется в верхней долине реки Алазани, он виден с расстояния почти пятидесяти верст. Собор построен в 567г. по Р.Х. по просьбе святителя Иосифа Алавердского чудотворца, ученика святого Иоанна Зедазнийского, знатным сердарием, присланным во время покорения Кахетии персидским шахом Фарасманом Бакуром для управления ею.

172. Пс. 128; 5

173. Ср. Ис. 53; 7 и Рим. 8; 36.

174. Сидеть на осле в Грузии и Персии считается самым тяжким позором и уничижением для знатных и богатых лиц.

175. Икортский монастырь знаменит своей древностью. Первоначально на месте нынешнего монастыря Архангелов в Вирше построена была церковь святых Архангелов. В это время в Греции царствовал или Юстиниан I (627 - 665гг.), или Юстиниан II (686-695гг.), а в Грузии Стефанос II, сын Адарнаса, умершего в 663 году. Древнее сказание упоминает о Вирще и о виршийском владетеле, построившем церковь Архангелов. Впоследствии храм этот обращен в обитель князьями Эриставами. Монастырь теперь упразднен. Эта древняя святыня Грузии находится на южном склоне горы Орбозали. Высота местности 3600 футов. Она отстоит от Тифлиса по почтовой дороге на 88 верст, а от города Гори на 25 верст. Обитель пребывает теперь в запустении, не совершается здесь Божественная служба, хотя в храме почивают святые нетленные мощи великомучеников.

176. 11 августа по н. ст. Это житие составлено автором в Иверии летом 1871 года, по одному древнему рукописному Синаксарию грузинских святых, относящемуся к концу XVI века.

177. См. Исх. 20: 1-17.

178. Видно, что мученик Христов принял оглашение от Самуила, когда он был еще архидиаконом, а святое Крещение - когда Самуил был уже Патриархом Иверским.

179. Прежде кончины своей мученик просил Стефана, о котором упоминалось выше, чтобы после смерти погребли его во Мцхете.

180. День его памяти начали отмечать в царствование Гурама, в 590 г. по Р.Х.

181. См. "Жизнь Артемия Араратского, уроженца села Вагаршапат близ горы Арарат". Часть II, СПб., 1813, стр.38-41.

182. 25 июля и 26 мая по н.ст. Житие преподобного Иоанна мы извлекли из жития преподобного Евфимия, которое составил преподобный Георгий Святогорец, один из первых настоятелей Иверской обители. При чтении этих рукописей и книг, относящихся ко времени св. Евфимия, изумляет плавность слога, богатство, выразительность и чистота грузинского языка, который в них совершенно чужд влияния другого языка. Из этого можно заключить, что язык грузинский в полной своей силе и красоте процветал во времена этих святых отцов, а позже он в некоторой степени утратил эти свойства.

183. Он жил во времена царя Баграта, Гургенова, сына; в 1014г. приняв монашество в Иерусалиме, он был вызван в Грузию и возведен в сан епископа Ниноцминдского, затем оставил кафедру, отправился на Афон и жил в лавре св. Афанасия. Умер и погребен в Иверской обители. Он перевел с греческого на грузинский язык "Богословие" Иоанна Дамаскина, одно из сочинений св. Григория Нисского и метафразы в честь некоторых святых.

184. Жил при царе Баграте IV Куратпалате (1027-1072гг.), сын царя Георгия I Багратида. Из сочинений его особенно замечательны: „Опровержение магометанского учения" и „Слово к сарацинам об обращении их в христианство", „Описание истории семи Вселенских Соборов", „Неполная церковная история"

Феодорита, перевод с греческого, полный молебный канон Иверской иконе Божией Матери (Портаитиссе).

185. Артануджи - знаменитый город с крепостью, построенный в начале V века царем Вахтангом Гургасланом. Находится у верховья р. Чорох, при речке Артануджие-Цкали, впадающей в Чорох с правой стороны (см. Иосселиани, Города существующие и существовавшие в Грузии, стр. 22; Вахужг, География Грузии, стр.116-117, на французском языке).

186. На горе Олимпийской грузины имели свою, отдельную от греческих обитель, которой управляли настоятели также из грузин.

187. Тао и Кларджетия лежали по всему течению нынешней реки Чорох-су. Первая обширная область лежала по всему левому берегу верховья реки Чорох до впадения в нее Шканис-Цкали и касалась границ Персии и западной Грузии. Вторая же область лежала по берегам левого рукава реки Чорох - Испири и касалась восточных малоазиатских границ Греческой империи, и частично ограничивалась южным берегом Черного моря. Тао и Кларджетия занимают всю нынешнюю Трапезундскую область, или области Трапезунд, Олтиси и Арзерум.

188. Блаженной памяти защитник Иверского царства и украшение народа грузинского Торникий происходил из рода князей эриставов Ксанских. См. Путешествие Тимофея, архиепископа Тифлисского, по святым местам, на грузинском языке, стр. 34, а о военных подвигах Торникия - см. Картлис Цховреба, часть I, стр.206. См. также о нем Барского Путешествие по святым местам, изд. 2, стр.580 и далее; затем греческого историка Зонара,т.2, параграф 251; о нем упоминает также и историк Кедрин.

189. По смерти императора Иоанна Цимисхия, в 976г., царствовали братья, дети Романа II, Василий II и Константин VII, из которых старшему, Василию, при вступлении на престол едва было двадцать лет. Мать их звали Феофанией. Бунт Барды Склира начался в 978г.

190. Об этом событии см. „Картлис Цховреба", стр.206, на грузинском языке, об этом же пишут Лебо и Чимчиан и говорят летописи Иверского монастыря и надписи на стене храма Сафарекого, который существует до сего дня. Этот храм, Покрова Божией Матери, находится в семи верстах от Ахалцыхе. Он построен в X веке наместниками грузинских царей в западной Грузии, которые впоследствии именовались атабегами. Храм этот, дивной красоты и необыкновенной архитектуры, находился в руках турок, но в 1829г. был возвращен православной Грузии графом Паскевичем Эриванским. Об этом храме см. Дюбоа: Voyage author du Caucase, tom 2, pag, 292-299. Многие другие современники Торникия и нынешние писатели также рассказывают о его подвигах весьма много.

191. См. Slavishe Bibliotek oder Beitrage fur slavishe Philologie und Geschichte herauagegeben von. Fr. Miklosich, Wien, 1851, erster Band, S.148.

192. Преподобный Гавриил Святогорец, грузин, сотрудник и друг Иоанна. Он был жизни строгой и нрава детски-простого; летом безмолвствовал на вершинах неприступных скал, зимой сходил в нижайшие места или в обитель; всегда носил власяницу и питался былием, пил одну воду и жил, как земной ангел и небесный человек. Когда икона Пресвятой Богородицы стояла на воздухе в виду Иверской

обители, ему явилась Сама Царица неба и земли и повелела пойти по волнам моря и принять ту икону. Дивный Гавриил открыл свое видение настоятелю и всей братии и затем вынес икону на берег. По преставлении святого от его мощей совершались чудеса и знамения; мощи почивают в Иверской обители на Афоне.

193. Смерть блаженного Торникия последовала 25 индикта, но какого года, преп. Георгий не говорит.

194. Впервые переведенная на грузинские языке полностью.

195. Известно, что еще и в XIII в. на Афоне были православные монахи, говорившие на латинском языке. См. Протокол Константинопольских Патриархов в Журнале Министерства народного просвещения, 1847г., и Письма с востока Муравьева.

196. Монастырь этот находится между горами Гуржанскими, в Телавском уезде Тифлисской губернии, ныне остались лишь развалины. См. Географию Грузии Вахупгга, стр. 113.

197. См. Краткую грузинскую церковную историю Иосселиани, стр. 73 и далее.

198. См. житие преподобного Давида Гареджийского в первой части книги "Жизнеописания святых Грузинской Церкви".

199. Довольно большая, великолепная обитель Воскресения Христова расположена на юге, за хребтом, в котором высечена лавра святого Давида- До последнего времени в Воскресенской обители сохранялись соборный храм Воскресения Христова с росписями, множество маленьких церквей, длинная трапезная с каменными столами и скамейками, расписанная византийской живописью, и маленькая церковь, наподобие ротонды Гроба Господня, устроенная на горе над монастырем для совершения крестного кода в ночь на Пасху.

200. См. в этой книге жития ев, вмчц. Кетевани и св. мч, Луарсаба.

201. О страдании шестисот преподобных отцов рассказал мне иеромонах Иоанно-Крестительской пустыни Герасим при следующих обстоятельствах. В 1868 году, 21 июня я отправился на богомолье в Крестительскую пустынь вместе с пожилой, благочестивой женщиной Екатериной Алексеевной Барсуковой. Здесь мы, взяв в проводники послушника обители, пошли осматривать близлежащие пещеры и наконец достигли обители, высеченной в скале, как и вообще все обители Гареджийской пустыни. Это была та обитель, где во множестве пострадали иноки, убитые по приказанию безбожного шаха Аббаса I, почему она и называется Моцамети, т.е. "мученическая". С благоговением осматривали мы памятники любезного для серца минувшего времени. Осмотрев восточные пещеры, шли дальше на запад от одной кельи к другой.

Источник: https://predanie.ru